ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

Инв 10428 98901
1023 1.

ТОМЪ IV.

ІЮЛЬ — КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Ленинград. центральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 22 Іюля 1850 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

въ типографіи Карла Крайя.

ТОМЪ IV.

ПАНТЕОНЪ

№ 7.

1850.

ІЮЛЬ.

С.Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

УРОКЪ ЖЕНАТЫМЪ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, сочиненіе *кн. А. А. Шаховскаго.*

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕНЫЙ КОНТРАКТЪ. Романъ въ четырехъ частяхъ, *М. И. Воскресенскаго.* Часть вторая.

III. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИГРЫ У ДРЕВНИХЪ.

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ІОГАННА-ХРИСТІАНА БРАНДЕСА, нѣмецкаго актера и драматурга XVIII столѣтія. Часть пятая.

V. ЮМОРИСТИКА.

МУЗЫКА ВО ВСѢХЪ ЕЯ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ. Статья *Вѣры и Натальи Погожевыхъ.*

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Странная свадьба, или не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.** Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *М. И. Воскресенскаго.*
2. **7-е Мая 1850 года,** или **Первое гулянье послѣ зимняго сезона, въ Павловскѣ.** Оригинальный водевиль въ 2 картинахъ, соч. *М. С. Владимирова и П. Г. Григорьева* 2.
3. **За золотомъ въ Калифорнію,** или **Ярославцы въ Бременѣ.** Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. актеровъ — *Толлерта и Григорьева* 2.

(*Бенефисъ г. Григорьева* 2.)

4. **Магнетическіе факты или женщина лучшій магнетизеръ.** Фарсъ-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. актера *г. Рославскаго.*
5. **Торжество истинной любви** или **Старый другъ лучше новыхъ двухъ.** Интермедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами, сочиненіе актера *г. Рославскаго.*
6. **Хоть тресни, а женись!** Комедія въ одномъ дѣйствіи, *Мольера,* переводъ въ стихахъ *Д. Ленскаго.*
7. **Гусарская стоянка** или **Еще подмосковныя проказы.** Оргинальная комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе автора *«Подмосковныхъ проказъ».*
8. **Опытъ искусства.** Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, сочиненіе *Судовщикова.*

(*Бенефисъ г. Рославскаго.*)

9. **Докторское предписаніе** или **Мужъ и нахлѣбникъ.** Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго.
10. **Тетушка,** или **Она не такъ глупа.** Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. *Кн. А. А. Шаховскаго.*

11. **Минеральныя воды.** Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *Д. Т. Ленскаго.*

12. **Бенефиціантъ.** Водевиль въ пяти отдѣленіяхъ, передѣланный съ французскаго *Кн. А. А. Шаховскимъ.*

(*Бенефисъ помощника режиссера, г. Алекина*).

VI. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. **Франція** (*Письмо изъ Парижа отъ* $^{2}/_{14}$ *іюля.*)

Общій обзоръ. — О новой операѣ Розенгайна **«Ночной Демонъ».** — **Жанно и Каленъ** — опера *Николо Изуара.* — **Горацій и Лидія** — комедія *Понсара.* — **Мигрень**—комедія *Віенне.* — **Хвостъ Алкивіадовой собаки** — комедія *Леона Гозлана.* — Рашель въ комедіи. — **Три Ракана**—комедія *Армана Дюранденa* и *Ремона Делонда.* — **Прюно де-Турсъ** — водевиль *братьевъ Коньяръ.*— **Вотъ такъ пинокъ!** — водевиль *Жюля Кордье* и *Клервиля.* — **Капитанъ**— водевиль *Эмà* и *Амедея Жалле.* — **Старая Невинность** — водевиль *Леона Гильяра.* — **Королевскіе карлы** — водевиль *Клервиля* и *Кармуша.* — **Кавалеръ де Сериньи** — комедія *Леона Леларжа.* — **Привидѣніе** — водевиль *Вильнева* и *Лафарга.* — **Бой-дѣвчонка** — водевиль *Лаланда.* — **Робинсонъ Крузоэ** — драма *Гильбера-де-Пиксерикура.* — *Статья Аполинарія Бонавентуры.*

II. **Англія.** (*Письмо изъ Лондона, отъ* $^{23}/_{5}$). $\frac{\text{Іюня.}}{\text{Іюля.}}$

Обзоръ англійскихъ театровъ и драматической дѣятельности Лондона. — Три главныя театра: *Театръ Королевы, театръ Ковентгарденскій, Французскій театръ.* — Лумлей и сформированная имъ труппа. — Составъ Ковентгарденскаго Театра. — Первое представленіе оперы **«Буря»**, либретто по драмѣ Шекспира. — *Евгенія Скриба,* музыка *Галеви. Статья В. Б-ка.*

VIII. СМѢСЬ.

1. **Достовѣрные разсказы объ Абазіи.** (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у абазеховъ.) Исповѣданіе абхазскихъ горцевъ: язычество, христіанство, магометанство. — *Разсказъ*: Ночной секретъ. —Служака Назарычъ. — Лекція его по части популярной астрономіи. — Хищники. — Плѣнъ. — Мулла-Абдулъ. — Находчивость русскаго солдата. — *В. И. Савинова.*
2. **Знаменитый германскій скульпторъ Шванталеръ.**
3. **Молодость Кембля.** (*Разсказъ современника,* 1783 *г.*)
4. **Привидѣніе.** *Разсказъ актрисы Клеронъ.* (Отрывокъ изъ ея записокъ).
6. **Калейдоскопъ.**

Паточный городъ. — Китайская дѣятельность и китайскій эгоизмъ.— Полька со взрывомъ. — Портретъ луны и лунные дагерротипы. — Важное открытіе по части несгараемости.—«Буря» Шекспира, подъ перомъ Скриба и Галеви. — Мысли и изрѣченія.

IX. БАЛАГУРЪ.

Московскій купчикъ въ Петербургѣ. Куплеты изъ новаго водевиля: «Всякій шутъ Иванъ Иванычъ» — *Ѳ. Кони.* — Анекдоты объ Россини: **Di tanti palpiti.** Табакерка Лаблаша и двѣнадцать романсовъ Россини. Индѣйка съ трюфлями. — Девятнадцать анекдотовъ.

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

РАДЪ НЕ РАДЪ, А ДѢЛАТЬ НЕЧЕГО! водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Дмитрія Ленскаго.*

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

УРОКЪ ЖЕНАТЫМЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ,

СОЧИНЕНІЕ

Кн. А. А. Шаховскаго.

Дѣйствующіе:	Актеры
Князь	*Г-нъ Максимовъ* 1.
Княгиня	*Г-жа Самойлова* 2.
Слуга	*Г-нъ Фалѣевъ.*

Театръ представляетъ богатую комнату, съ двумя кабинетами и окошкомъ на лѣвой сторонѣ, фортепьяно, письменный столъ и стулъ.

I.

КНЯГИНЯ и СЛУГА.

КНЯГИНЯ (*выходя съ правой стороны*).

Ужъ подана карета?
Я ѣду.... шаль.... (*слуга бѣжитъ за шалью*).
Нѣтъ, отъ сестры моей я не дождусь отвѣта.
Въ одиннадцать часовъ катанье.... очень жаль,
Что я къ сестрѣ письма пораньше не послала.
Желаю знать, что скажетъ мнѣ она,

Узнавши, до чего я имъ доведена,
Какъ горько быть женой дѣльца и генерала,
Которой занятъ цѣлой день.
Дѣлами, службой, всѣмъ, да только не женою.
(*Слуга вноситъ шаль*).
А! шаль, подай.... Какъ мнѣ сегодня ѣхать лѣнь.
Что сдѣлалось со мною?
Все скучно, все не такъ, на всѣхъ я будто зла....
Такъ чтожъ?... не ѣхать!... да!... Однакожъ неучтиво:
Я слово всѣмъ и Блестову дала,
Онъ вѣрно ждетъ нетерпѣливо;
Онъ такъ любезенъ.... Ахъ! и мудрый мой супругъ
Былъ всѣхъ любезнѣе; но нынче недосугъ —
Онъ занятъ: фабрики, заводы,
Дѣла по службѣ и процессъ
Любезность выгнали изъ моды,
И надо мной ужъ взяли перевѣсъ.
Одиннадцать часовъ.... ахъ, время!... Нѣтъ, не ѣду.
(*Слугѣ*).
Карету отложить.... Быть можетъ, что къ обѣду
Его сіятельство пожалуетъ домой.
(*Отдавая шаль*).
Возьми.... не слышитъ?
(*Слуга беретъ*).
Чтожъ сталъ?... тебѣ я говорю.
Ни въ чемъ, что въ домѣ нашемъ дышетъ,
Вниманья нѣтъ ко мнѣ.... за все благодарю
Я князя.... отъ его примѣра всѣ досады.
Гдѣ не бываю я, меня всѣ видѣть рады,
Всѣ въ возхищеніи, а дома,—поутру
Супругъ мой занятъ службой,
Процессомъ цѣлой день, дѣлами ввечеру:
И подчивать меня своей изволитъ дружбой.
Нѣтъ, я хочу не дружбы ледяной,
Хочу, чтобъ мужъ мой былъ любовникомъ со мной;
Я требую всѣхъ угожденій прежнихъ,
Услугъ, романсовъ нѣжныхъ,
Которыми онъ, бывши женихомъ,
Наполнилъ три альбома.
Ахъ вотъ его романсъ, какъ нѣженъ, пропоемъ.
(*Садится за фортепьяно, поетъ*):
«Когда я близъ тебя,

Мой милый другъ, бываю;
Въ восторгѣ я себя
И все позабываю».

А нынче помнитъ все.... лишь я забыта; дома
Снжу отшельницей.... поѣду лучше въ свѣтъ;
Тоску разсѣять тамъ хоть Блестовъ мнѣ поможетъ.
Карету поскорѣй.... А отъ сестры быть можетъ
Придѣтъ отвѣтъ?
Но, нѣтъ! Сестра, гордясь своимъ разсудкомъ здравымъ,
Найдетъ его-же правымъ,
И важничать лѣтами захотя,
Напишетъ мнѣ: «къ чему ребячиться!... Дитя!
Ты счастлива, и все пустое».
Такъ, я ребячилась, да, я дитя была,
Когда за деспота безсмысленно пошла,
Которой чуть не вдвое
Былъ старѣе меня. Но этотъ хитрый лстецъ,
Тогда любезенъ былъ, умѣлъ казаться страстнымъ,
И былъ такимъ любовникомъ несчастнымъ,
Что сердце-бъ всякое разтрогалъ наконецъ.
Ахъ! не смотря на наши лѣта,
Я все по прежнему его люблю;
Хотя, Богъ знаетъ то, что отъ него терплю.
Подъѣхалъ кто-то?... онъ.... Да, вотъ его карета.
Какъ рано.... Боже мой!
Неужли захотѣлъ увидѣтся со мной,
Неужели для меня дѣла свои оставилъ?
Не можетъ быть.

—

II.

княгиня и князь.

княгиня.

Какъ, князь, въ одиннадцать часовъ
Вы дома? Боже мой! здоровы-ль вы?

князь.

Здоровъ.

княгиня.

Да что-же рано такъ вернулись?

князь.

Я исправилъ

По службѣ всѣ дѣла и поспѣшилъ домой.

КНЯГИНЯ.

Чтобы процессомъ здѣсь заняться?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, тобой;
Но обманулся въ ожиданьи:
Ты ѣдешь, другъ мой, со двора?

КНЯГИНЯ.

У Ольгиныхъ катанье,
Такъ я сбиралась

КНЯЗЬ.

И пора!
Я ѣхалъ по Тверской, саней ужъ много было
У дома ихъ.

КНЯГИНЯ.

Пора?...(*Встороиу.*) Какъ мило!
Останусь-же на зло.
Нѣтъ! я не ѣду.

КНЯЗЬ.

Какъ?

КНЯГИНЯ.

Вамъ это непріятно?

КНЯЗЬ.

Мнѣ право непонятно,
Какъ въ голову тебѣ пришло,
Чтобъ быть съ тобою вмѣстѣ
Могло быть непріятно мнѣ?

КНЯГИНЯ.

Ужъ не забыли-ль, князь, что не своей невѣстѣ
Вы говорите, а женѣ?

КНЯЗЬ.

Напротивъ, я горжусь, что говорю съ женою,
Которая плѣняетъ цѣлый свѣтъ,
Пріятностью, умомъ и красотою.

КНЯГИНЯ.

Вы вѣрно шутите?

КНЯЗЬ.

О, нѣтъ.
Такъ остаешься ты, не правда-ль?

КНЯГИНЯ.

Остаюся.

КНЯЗЬ (*цѣлуя ея руки*).

Благодарю, мой милый другъ.

(*Звонитъ. Слугѣ*).

Съ отказомъ къ Ольгиной бѣги.

КНЯГИНЯ (*всторону.*)

Не надивлюся!

Какія нѣжности! что сдѣлалось съ нимъ вдругъ?

КНЯЗЬ.

Ты, Вѣрочка, задумалась?... что значитъ?
Не грустно-ли тебѣ? здороваль ты, скажи?

КНЯГИНЯ.

Здорова.

КНЯЗЬ.

Точно-ли?

КНЯГИНЯ.

Клянусь! (*всторону.*) Онъ чуть не плачетъ.

(*Хочетъ идти*).

КНЯЗЬ.

Куда-же ты?

КНЯГИНЯ.

Ахъ, не держи,

Снять платье я хочу....

КНЯЗЬ.

Ахъ, какъ досадно!

Ты въ этомъ, милый другъ, какъ нимфа хороша.

КНЯГИНЯ.

И ты находишь?...

КНЯЗЬ.

Да! но просто иль нарядно

Одѣта ты, во всемъ, моя душа,
Ты всѣхъ прелестнѣй!

КНЯГИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ?

КНЯЗЬ.

Клянусь.

КНЯГИНЯ (*всторону*).

И это онъ замѣтилъ лишь теперь.

КНЯЗЬ.

Не вѣришь мнѣ, такъ общему ты голосу повѣрь.
Какъ былъ на балѣ я съ тобой, на той недѣлѣ,
Мой дядя, помнишь ли, тебѣ самой сказалъ,
Что никого тебя онъ лучше не видалъ.

КНЯГИНЯ.

Да, онъ одинъ....

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, всѣ тебѣ твердили тоже;
И даже первый франтъ....

КНЯГИНЯ.

Онъ говорилъ не то....

КНЯЗЬ.

Однако же на то похоже.
Но это, милый другъ, совсѣмъ не мудрено,
Въ комъ только сердце есть, всѣ чувствуютъ одно....
А я.... такъ больше всѣхъ.

КНЯГИНЯ.

Что сдѣлалось съ тобою?
Откудова берешь ты нѣжности?

КНЯЗЬ.

Изъ глазъ,
Которые своей чудесной быстротою
Кружили головы у многихъ много разъ.

КНЯГИНЯ (*улыбаясь*).

Ты нынче милъ.

КНЯЗЬ.

А ты, день ото дня миляе!

КНЯГИНЯ.

Благодарю.

КНЯЗЬ.

Поди-ка и возвратись скорѣе,
Чтобъ въ платьѣцѣ простомъ меня обворожать.

КНЯГИНЯ (*отходя встороиу*).

Я не могу понять,
Что значитъ эта нѣжность?

—

III.

КНЯЗЬ, одинъ.

Моей любезностью сведу ее съ ума.
Я вѣкъ не вздумалъ-бы, безъ этого письма,
Чтобы она къ себѣ считала за небрежность
Мое стараніе о службѣ и дѣлахъ.
Да къ счастію письмо къ сестрѣ въ моихъ рукахъ.
Ну, еслибъ и сестра была такой ребенокъ,

Какъ Вѣра.... то бы я.... Хоть Блестовъ не уменъ,
Однако-жъ тонокъ,
И женщинъ заводить онъ ими-жъ наученъ.
Романовъ чтеніе ей голову вскружило.
Бывъ избалована отцемъ,
Она росла въ дому, гдѣ все ей льстило
И даже я.... какъ быть.... Письмо еще прочтемъ! (*Читаетъ*).

«Добрая, милая Евгенія! Ты считаешь меня очень счастливою... «такъ, я была счастлива, но теперь все перемѣнилось. Сердце «мое такъ полно, что оно само спѣшитъ излиться въ грудь се- «стры, которая вѣрно раздѣлитъ отчаяніе несчастнѣйшей изъ «женщинъ.»

Несчастнѣйшей.... какое выраженье!
Она несчастлива и кѣмъ же.... мной!...
Романы, нѣжности и этотъ свѣтъ большой
Разстроили совсѣмъ ея воображенье. (*Читаетъ.*)

«Ахъ, мужъ мой ужъ не то, что былъ женихомъ. Ты пом- «нишь-ли, какъ онъ былъ любезенъ, какъ занимался мною, угож- «далъ всѣмъ моимъ капризамъ, угадывалъ всѣ мои желанія; мнѣ «было шестнадцать лѣтъ, а ему больше тридцати, однако-жъ, онъ «казался больше ребенкомъ, чѣмъ я; что мнѣ дѣлало удовольствіе, «то и его восхищало; слова мои были ему закономъ, мы, такъ «сказать, сливали вмѣстѣ наши души, наши дарованія. Онъ «писалъ романсы, я сочиняла на нихъ музыку; онъ рисовалъ цвѣ- «ты, я ихъ вышивала. Словомъ, мы существовали только другъ «для друга, и ничто въ свѣтѣ, кромѣ любви, насъ не радовало. А «теперь все перемѣнилось: я только полтора года замужемъ, и ужъ «восемь мѣсяцевъ должна вычесть изъ моей жизни: я умерла для «счастія, потому что онъ умеръ для меня. Такъ, мой добрый другъ! «онъ живетъ только для службы, фабрикъ и своего безконечна- «го процесса. Онъ беретъ со мной несносной тонъ мужа, совѣт- «чика и даже учителя. Не ужасно-ли это? А я, къ несчастію, все «еще его люблю.»

Все любитъ, милая! О, я увѣренъ въ томъ,
И самъ-же виноватъ предъ ней и предъ собою!
Я, бывши женихомъ,
Не помнилъ, что она должна мнѣ быть женою,
Я слишкомъ былъ влюбленъ,
Такъ, что не могъ на умъ ее наставить.

Теперь, чтобъ промахъ свой поправить
Я притворяться съ ней сегодня принужденъ.
(*Читаетъ.*)

«Но я рѣшилась искать развлеченія, чтобъ не сойти съ ума.—
«Признаюсь, мнѣ даже иногда пріятно, что графъ Блестовъ напо-
«минаетъ нѣсколько своею нѣжною любезностію то время, когда
«неблагодарный....»

Отъ этого напоминанья
Нельзя, мнѣ кажется, большаго ждать добра,
А чтобъ напомненнымъ не быть сверхъ ожиданья,
Пущусь въ любезники. Ей умная сестра,
Какъ мы условились, напишетъ
Порядочный отвѣтъ;
А отъ меня она сегодня то услышитъ;
Чего не скажетъ ей графъ Блестовъ во сто лѣтъ.
Я знаю умъ его, и комплементовъ кучу
Въ его я духѣ отпущу,
Да такъ переслащу,
Что скоро ей любезностью наскучу.
А чтобъ еще вѣрнѣе надоѣсть,
То въ помощь призову съ стихами Апполона.
Но надобно дочесть....
(*Увидя княгиню, бросаетъ письмо на столъ.*)
Она!... Примусь за ролю Селадона.

—

IV.

КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ, одѣтая просто, но щеголевато.

КНЯЗЬ.

Какъ скоро ты пришла?

КНЯГИНЯ.

И этому ты радъ?

КНЯЗЬ.

Что за вопросъ! онъ очень мнѣ обиденъ.
Ну, вотъ, я угадалъ, что твой простой нарядъ
Прелестнѣй.

КНЯГИНЯ.

Неужли?

КНЯЗЬ.

Въ немъ вкусъ твой лучше видѣнъ.

КНЯГИНЯ.

Ты шутишь!

КНЯЗЬ.

Нѣтъ; и что приличнѣй простоты
Для натуральной красоты?
Природа твой уборъ.

КНЯГИНЯ.

Да это мадригалы!

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, правда; и ее какъ хочешь ты зови.
Рядись, мой другъ, на балы,
Но простоты одной довольно для любви.

КНЯГИНЯ.

Какъ? — вы ошиблися, для дружбы.

КНЯЗЬ.

Безъ ошибки
Я говорю, любви, любви одной.

КНЯГИНЯ.

Помилуй, князь, скажи, что сдѣлалось съ тобой?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, ты сама скажи, безъ этой злой улыбки,
Чему ты такъ дивишься?

КНЯГИНЯ.

Признаюсь,
Что этой нѣжности нежданной я дивлюсь.

КНЯЗЬ.

Нежданной?

КНЯГИНЯ.

Такъ, давно я отъ нея отвыкла.

КНЯЗЬ.

Но пріучитъ тебя надѣюсь я опять.

КНЯГИНЯ.

Какъ другъ мой?

КНЯЗЬ.

Да, душа моя въ твою проникла,
И сердцу своему хочу я волю дать:
Нѣтъ, полно быть слугой холоднаго разсчета!
Дай руку мнѣ.... Отнынѣ вся забота
Лишь угождать моей прелестнѣйшей женѣ.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, другъ мой, въ правду-ли?

КНЯЗЬ.

Клянуся.

КНЯГИНЯ.

Оживаю!

И больше не таю,
Что мучусь я давно, и въ тайнѣ слезы лью:
Не видя болѣе тѣхъ нѣжныхъ попеченій,
Тѣхъ ласкъ, вниманія, услугъ.... ахъ, всѣхъ мученій
Нѣтъ силъ пересказать: какъ описать ту грусть,
Когда въ замѣнъ любви, ты предлагалъ мнѣ дружбу,
Жестокій.

КНЯЗЬ.

Я тебя все обожалъ; но пусть
Докажутъ то дѣла: я оставляю службу,
Чинами, почестьми, ничѣмъ не дорожу.
Я больше не служу,
Отъ мѣста, что искалъ, мнѣ отказаться должно.

КНЯГИНЯ.

Отъ мѣста?

КНЯЗЬ.

Да, его даютъ мнѣ наконецъ.

КНЯГИНЯ.

Однако-же оно такъ важно.

КНЯЗЬ.

Все ничтожно
Передъ любовью — для сердецъ!
Не правда-ль?

КНЯГИНЯ.

Такъ, мой другъ; однако-же для свѣта....

КНЯЗЬ.

Въ тебѣ одной мой свѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Благодарю, но все, въ твои-бы лѣта,
Ты могъ еще служить.... чины....

КНЯЗЬ.

Нѣтъ! нѣтъ.
Я цѣлый вѣкъ служилъ, не какъ нибудь, а дѣломъ,
И не хочу, чтобъ кто нашелся въ свѣтѣ цѣломъ,
Чтобъ могъ сказать: «Смотри, вотъ онъ летитъ въ чины,
А служитъ у своей жены».
Что пріобрѣлъ, я все досталъ трудомъ и кровью!
Но ужъ теперь я не хочу

Дѣлитъ себя межъ службой и любовью
И объ дѣлахъ совсѣмъ не хлопочу.
Жиду прикащику на откупъ сдамъ заводы,
Пускай убавятся мои доходы,
Но счастье наше тѣмъ
Умножится....

КНЯГИНЯ.

Такъ, другъ мой, но ни съ чѣмъ
Намъ трудно будетъ жить.

КНЯЗЬ.

Еще съ насъ будетъ столько,
Чтобы блаженствовать, безъ нужды и хлопотъ.
На домъ, на экипажъ мы уменьшимъ расходъ,
Не станемъ принимать весь городъ.... вотъ и только;
Но будемъ счастливы другъ другомъ мы за то.

КНЯГИНЯ.

Такъ, будемъ счастливы; да не ужли-жъ никто
Не станетъ ѣздить къ намъ?

КНЯЗЬ.

По мнѣ, пожалуй! —
Съ тобой одною я рѣшился бъ жить безъ всѣхъ,
Пусть подымаютъ страсть мою къ тебѣ на смѣхъ,
Но въ угожденіе тебѣ....

КНЯГИНЯ.

Меня не балуй!
Я рада дѣлать все, что хочешь только ты.

КНЯЗЬ.

Ахъ, я увѣренъ въ томъ, ты ангелъ доброты!
Скажи мнѣ искренно, тебѣ наскучилъ
Процессъ мой?

КНЯГИНЯ.

Ахъ, мой другъ.

КНЯЗЬ.

Онъ и меня намучилъ.

КНЯГИНЯ.

Не служба, а процессъ всего несноснѣй намъ.

КНЯЗЬ.

Такъ стряпчему его съ рукъ на руки отдамъ.
И службу и процессъ все бросить я намѣренъ.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, какъ ты милъ! А стряпчій очень вѣренъ?

КНЯЗЬ.

Ручаюся — къ тебѣ за вѣрность я мою

И за твою ко мнѣ: а больше ни за чью.
Мой стряпчій, какъ и всѣ.

КНЯГИНЯ.

Такъ я, мой другъ, боюся....

КНЯЗЬ.

Что-жъ? я отъ стряпчаго не первый разорюся.

КНЯГИНЯ.

Какъ, разоришься?

КНЯЗЬ.

Да, лишусь моей земли
И заплачу за все имѣньемъ.

КНЯГИНЯ.

Неужли?

КНЯЗЬ.

Ты помнишь первый мой романсъ?

КНЯГИНЯ.

Чтобъ я забыла?
Не я ли на него и голосъ сочинила?
«Мнѣ съ Вѣрою шалашъ,
«И я судьбой доволенъ:
«Любимъ, плѣненъ и воленъ....»

КНЯЗЬ.

Пусть будетъ онъ въ бѣдахъ путеводитель нашъ.

КНЯГИНЯ.

Но ежели процессъ....

КНЯЗЬ.

Мнѣ два куплета
Къ нему придѣлать мысль пришла.

КНЯГИНЯ.

Къ процессу?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ къ романсу. (*Придумывая.*) «Въ поздни лѣта
«Мнѣ Вѣрочка мила
«Все будетъ, какъ была!»
Не нравится?... (*Дѣлая гримасу*) немножко....
Не правда-ли?

КНЯГИНЯ.

Ну, нѣтъ! ни крошки....
Но твой процессъ....

КНЯЗЬ.

Постой.... не то.... досадно страхъ....
Какъ не могу.... взгляни....

КНЯГИНЯ.

На что?

КНЯЗЬ.

Въ твоихъ глазахъ
Я отыщу мой даръ.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, полно!

КНЯЗЬ.

Сдѣлай милость,
Взгляни милѣй.

КНЯГИНЯ.

Что дѣлать; я гляжу.

КНЯЗЬ.

Не такъ....

КНЯГИНЯ.

Да какъ еще?

КНЯЗЬ.

Я нахожу
Въ твоихъ глазахъ какую-то унылость;
А радость мнѣ нужна, чтобъ даръ мой воскресить.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, что за радость?

КНЯЗЬ.

Какъ, не рада ты?

КНЯГИНЯ.

Ахъ, рада;
Но нашъ процессъ....

КНЯЗЬ.

Богъ съ нимъ. Взгляни-жъ!

КНЯГИНЯ.

Но можетъ-быть,
Мой другъ....

КНЯЗЬ.

Ахъ, это все не радость, а досада,
Минуточку одну пріятнѣй погляди
И кончено.

КНЯГИНЯ.

Мой другъ, клянусь, съ ума ты сходишь.

КНЯЗЬ.

Не только что меня и всѣхъ съ ума ты сводишь.

КНЯГИНЯ.

Что за ребячество! помилуй.... разсуди.

КНЯЗЬ.

Гдѣ прелести твои, ужъ тамъ не до разсудка.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, перестань хвалить.

КНЯЗЬ.

Быть милой перестань.

КНЯГИНЯ.

Помилуй, не шути....

КНЯЗЬ.

Да развѣ это шутка?

КНЯГИНЯ.

А что-же?

КНЯЗЬ.

Красотѣ прямая дань.

КНЯГИНЯ.

Прямая дань.... Ахъ, что за выраженья!

КНЯЗЬ.

Мой другъ — ты къ нимъ должна привыкнуть.

КНЯГИНЯ.

Да, и тѣмъ
Они.... Но сдѣлай одолженье,
Займемся чѣмъ-нибудь другимъ.

КНЯЗЬ.

Но чѣмъ?
И что на свѣтѣ мнѣ тебя дороже?

КНЯГИНЯ.

Ахъ, другъ мой, но дѣла....

КНЯЗЬ.

Мнѣ всѣхъ важнѣе дѣлъ
Любовь и прелести, и счастье Вѣры....

КНЯГИНЯ.

Боже!
Однако-же процессъ....

КНЯЗЬ.

Тебѣ онъ надоѣлъ,
И мнѣ несносенъ.

КНЯГИНЯ.

Такъ; но если разоримся?

КНЯЗЬ.

Тогда отъ свѣта удалимся
И будемъ счастливы! (*Поетъ.*) «Мнѣ съ Вѣрою шалашъ.»

КНЯГИНЯ.

Я знаю наизустъ; но что-жъ малютка нашъ....

КНЯЗЬ.

Прелестенъ; твой портретъ.

КНЯГИНЯ.

И это я слыхала!

КНЯЗЬ.

Да, помню; какъ его ты на рукахъ держала,
То Блестовъ находилъ,
Что это Купидонъ въ объятіяхъ Венеры.

КНЯГИНЯ.

Твой Блестовъ слишкомъ милъ.
Иль подражать ему ты хочешь?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, примѣры
Не нужны мнѣ; что чувствуетъ душа,
То говоритъ языкъ.

КНЯГИНЯ.

Но лесть съ женой напрасна.

КНЯЗЬ.

Какъ лесть? — Нѣтъ, ты....

КНЯГИНЯ.

Ну я, положимъ, хороша.

КНЯЗЬ.

Не хороша — прекрасна.

КНЯГИНЯ.

Пусть такъ.

КНЯЗЬ.

Не пусть, а точно такъ.
Прелестна....

КНЯГИНЯ.

Можетъ-быть.

КНЯЗЬ.

Не можетъ быть, и какъ
Тутъ можетъ быть.... нѣтъ, ты, безъ всякаго сомнѣнья,
Прелестнѣй всѣхъ.

КНЯГИНЯ

(*Всторону.*) О Боже! дай терпѣнья.
Согласна я во всемъ.

КНЯЗЬ.

Согласна, очень радъ! (*цѣлуетъ руку*).
Такъ улыбнись и кинь одинъ веселый взглядъ,
Чтобъ кончилъ я куплеты.

Инв. №4288 9801

БИБЛІОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

КНЯГИНЯ.

Послушай, князь, ты часто мнѣ давалъ
Полезныя совѣты....

КНЯЗЬ.

Прости, что ими я, мой другъ, надоѣдалъ!

КНЯГИНЯ.

Такъ, признаюсь, что я скучала ими
И виновата въ томъ, но ты, мой другъ, теперь
Не поскучай совѣтами моими.

КНЯЗЬ.

Какъ! мнѣ скучать, ахъ нѣтъ, въ одну съ тобою дверь
Ни разу не входила скука.
Войдешь — она бѣжитъ.

КНЯГИНЯ.

(*Встороиу.*) Ахъ, что за мука!
Онъ слаще Блестова.

СЛУГА (*входя*).

Вашъ стряпчій.

КНЯЗЬ.

Вотъ въ попадъ.
Поди, скажи, чтобъ шелъ назадъ.
Не время.

КНЯГИНЯ.

(*Слугѣ.*) Нѣтъ, постой.... (*Слуга отдаетъ письмо.*) Откуда?
Ахъ, вотъ отвѣтъ.

КНЯЗЬ.

Письмо къ тебѣ, мой другъ?

КНЯГИНЯ.

Да, отъ сестры.

КНЯЗЬ.

Прочти-жъ.

КНЯГИНЯ.

Прочту; а ты покуда
Займись со стряпчимъ.

КНЯЗЬ.

Очень мнѣ досугъ
Процессомъ заниматься.

КНЯГИНЯ.

Ну, для меня, прошу, поди къ нему....

КНЯЗЬ.

Пойду.

КНЯГИНЯ.

И все обдумай самъ, чтобъ не попасть въ бѣду.

КНЯЗЬ.

Изволь; тебѣ готовъ во всемъ повиноваться,
Но будешь ты грустить.

КНЯГИНЯ.

Не буду.

КНЯЗЬ.

Поклянись.

КНЯГИНЯ.

Клянусь, чѣмъ хочешь ты.

КНЯЗЬ.

Но я боюсь....

КНЯГИНЯ.

Не бойся.

КНЯЗЬ.

Такъ быть могу покоенъ?

КНЯГИНЯ.

Успокойся.

Поди-же, милый другъ, окончи и вернись:
Я знать хочу въ подробности все дѣло.

КНЯЗЬ.

Узнаешь все.... Прощай! (*Встороиу.*) Теперь могу ужъ смѣло
Все сдѣлать изъ нея.

—

V.

КНЯГИНЯ, одна.

Нѣтъ, удивленіе мое
Не можетъ все пройти, съ нимъ сдѣлалося чудо....
Такъ точно: я его судила худо.
Онъ все любилъ меня; но должность и дѣла....
Замѣтить я ему тоску мою дала,
Онъ сю огорчился,
Любовь взяла свое, и къ ней онъ возвратился.
Все ясно.... Но еще не знаю я сама,
Жалѣть-ли мнѣ о томъ, иль радоваться должно?
Ахъ, кажется, что я судила очень ложно.
Узнаю что нибудь изъ сестрина письма....
Прочтемъ.... ахъ, сердце бьется,
Мнѣ вѣрно отъ сестры порядкомъ достается.

(*Читаетъ*) «Изъ какого чувствительнаго романа, мой другъ Вѣ-«ра, выписала ты свою элегію.... что за ребячество....

Ну такъ, я знала напередъ,
Что грусть мою она ребячествомъ сочтетъ.

«Что за ребячество! Ты несчастлива оттого, что твой мужъ «не сочиняетъ тебѣ романсовъ....»

Ахъ, нѣтъ! къ несчастью, сочиняетъ.

«Что не пишетъ стиховъ, не представляетъ сладкаго се-«ладона....»

И селадона представляетъ.

«Ты за это должна не на него, а на меня сердиться. Я сове-«товала князю изъ любовниковъ сдѣлаться мужемъ: мнѣ стыдно «и досадно было видѣть, что человѣкъ, которой можетъ быть «полезенъ отечеству и семейству своему, служитъ пажемъ семнад-«цатилѣтней жены своей, не спускаетъ съ нея глазъ, вздыхаетъ, «нѣжничаетъ и смѣшитъ весь городъ.»

Смѣшитъ? неправда, нѣтъ, никакъ не соглашуся.
А надъ Людмилиным я развѣ не смѣюся?

«Наконецъ, я успѣла доказать ему, что онъ своей сладкой нѣж-«ностью наскучитъ тебѣ самой.»

Вотъ признаюсь, что это угадала.

«Что стараясь только угождать твоимъ дѣтскимъ прихотямъ, «онъ потеряетъ время, службу и имѣніе. Признаюсь искренно, что, «зная его страсть къ тебѣ, я еще и теперь не ручаюсь, чтобъ «онъ, если ты ему дала замѣтить твое отчаяніе, не вышелъ «въ отставку, не потерялъ того уваженія, которымъ и ты пользу-«ешься; не пересталъ заниматься своими заводами и дѣлами и со-«всѣмъ не разорился.

Ахъ, кажется, она и это предузнала.

«Образумься, мой другъ, вспомни, что ты жена и мать, а не «героиня какой нибудь развалившейся башни; я съ тобою скоро «увижусь; но между тѣмъ, прошу тебя скрывать отъ князя без-«разсудную печаль твою, она его можетъ разстроить и даже «погубить.»

Что я скажу въ отвѣтъ?
Чѣмъ оправдаюся?... Я отъ него не скрыла
Моей.... ахъ, глупости.... другаго слова нѣтъ....
И чуть его не погубила.
Но какъ признаться въ томъ?
Все какъ-то совѣстно. — Что-жъ я передъ сестрою

Изъ самолюбія, неужли правду скрою?
Да какъ сказать?... отдѣлаюсь письмомъ.
Оно все легче... вотъ здѣсь листокъ, чернила....
(Подходитъ къ столу и беретъ письмо, которое князь на немъ оставилъ.)
Ба.... Это что?... оно....
Письмо мое къ сестрѣ.... Что-жъ, я — послать забыла....
Да вотъ отвѣтъ.... А, князь! теперь не мудрено,
Что все сестра отгадывала точно.
Какой обманъ, такъ князь выдумывалъ нарочно
Всѣ эти сладости, всѣ нѣжныя слова....
Куда-жъ моя дѣвалась голова,
Какъ не понять.... все это было ясно:
Тонъ Блестова.... Обманщикъ.... какъ я зла!
Вы такъ-то князь? — Прекрасно!
Онъ притворялся мастерски....
Какъ нѣжничалъ, вздыхалъ, просилъ моей руки;
Теперь самой смѣшно.... Однако-жъ, это значитъ,
Что онъ меня дурачитъ;
Что я въ глазахъ его, иль дура, иль дитя.
Ахъ, стыдъ какой, да это страхъ обидно!
Позвольте-жъ васъ самихъ прошколить мнѣ, шутя.
Хочу, чтобъ не одной мнѣ было стыдно,
Чтобъ онъ не смѣлъ меня ребенкомъ почитать.
Идетъ — начнемъ по прежнему комедію играть.

—

VI.

КНЯЗЬ и КНЯГИНЯ.

КНЯЗЬ.

Окончилъ.

КНЯГИНЯ.

Твой процессъ?

КНЯЗЬ.

Какой процессъ, куплеты.

КНЯГИНЯ (*всторону*).

Куплеты. — Милый другъ, прочти ихъ поскорѣй.

КНЯЗЬ.

Прочесть?

КНЯГИНЯ (*всторону*).

Онъ не писалъ! — Ты хочешь, чтобъ пропѣты

Сейчасъ-же были? — Дай! что можетъ быть милѣй....

КНЯЗЬ.

Благодарю.

КНЯГИНЯ.

Да, все, что ты ни пишешь
Прелестно.

КНЯЗЬ (*всторону*).

Это что?

КНЯГИНЯ.

Ну, что-жъ, мой другъ, читай.

КНЯЗЬ (*всторону*).

Не этого я ждалъ. Ты послѣ ихъ услышишь.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, я хочу сейчасъ.... А вотъ они.... подай —

КНЯЗЬ.

(*Будто глядя въ бумагу.*) Ахъ, это не они!

КНЯГИНЯ.

Какъ не они? а что-же?

КНЯЗЬ.

Заторопясь къ тебѣ, ошибкой со стола
Я захватилъ приказныя дѣла.
Но можешь ихъ прочесть.

КНЯГИНЯ.

Избави Боже!

КНЯЗЬ.

Да о процессѣ ты хотѣла знать сперва.

КНЯГИНЯ.

Какая проза.... фи! Что это за слова!
Нѣтъ, я отдумала. Ты доказалъ мнѣ ясно,
Что намъ заботиться о пустякахъ напрасно
И въ этомъ случаѣ — была я не права.

КНЯЗЬ.

Однако-жъ давича....

КНЯГИНЯ.

Ты такъ краснорѣчиво,
Съ такою силою и чувства и ума
Представилъ, что безъ дѣлъ мы можемъ жить счастливо,
Теперь стыжусь сама,
Какъ я могла доходомъ заниматься,
Когда существовать намъ должно для любви.
Такъ, другъ мой, ни на часъ не станемъ разлучаться,
Жить стану для тебя, ты для меня живи.

Что намъ въ имѣніи и свѣтѣ?
Лишь Вѣра и шалашъ, любовь и другъ души,
А больше ничего. Ахъ, другъ мой, напиши
Ты эту мысль въ своемъ куплетѣ.
Напишешь?... да.... не правда-ль?... Ты молчишь?
Что сдѣлалось съ тобой?

КНЯЗЬ.

Я, право, самъ не знаю.

КНЯГИНЯ.

Да улыбнись.... взгляни.... вѣтъ, ты не такъ глядишь....
А, сочиняешь ты.... Я, другъ мой, не мѣшаю,
Пожалуй сочиняй.
Садись, вотъ столъ, чернила и бумага,
Ну, съ Богомъ начинай. (*Сажаетъ его*).

КНЯЗЬ (*вставая*).

Ахъ, Вѣрочка, позволь....

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, отъ меня ни шага
Теперь не сдѣлаешь. Пусть мой веселой взглядъ
Твой даръ одушевляетъ;
Смотри, я радуюсь.... а ты?...

КНЯЗЬ.

Я такъ же радъ.

КНЯГИНЯ.

Такъ смѣйся же.

КНЯЗЬ.

Смѣюсь!

КНЯГИНЯ.

Твой смѣхъ меня пугаетъ.

КНЯЗЬ.

Пугаетъ — чѣмъ? прошу сказать?

КНЯГИНЯ.

Когда ты, не сердясь, не можешь сочинять,
То не хочу стиховъ твоихъ за эту цѣну.

КНЯЗЬ.

Но отчего въ тебѣ я вижу перемѣну,
Которой я понять, ей-Богу, не могу.
Чему смѣешся ты?

КНЯГИНЯ.

Ты изъ себя выходишь.

КНЯЗЬ.

Опять съ ума меня ты сводишь,

И это, право, я не лгу.

КНЯГИНЯ.

А давича ты лгалъ?...

КНЯЗЬ.

Не лгалъ. — Но сдѣлай дружбу,
Скажи мнѣ поскорѣй, чего-же хочешь ты?

КНЯГИНЯ.

Чтобъ ты оставилъ службу,
Процессы и дѣла, всѣ эти вздоры, суеты,
Которыя любви и счастію помѣха,
И словомъ, я хочу, чего желалъ ты самъ.

КНЯЗЬ.

И это все ты говоришь безъ смѣха?

КНЯГИНЯ.

Да что-жъ смѣшнаго тутъ? у насъ однимъ мужьямъ
Позволено несчастныхъ женъ дурачить.

КНЯЗЬ.

Ба! Это что такое значитъ?

КНЯГИНЯ.

А то.... что, напримѣръ: Пріютинъ надъ женой
Смѣется цѣлый вѣкъ.

Князь.

Но это быть съ тобой
Не можетъ.

КНЯГИНЯ.

Потому, что ты супругъ примѣрный.

КНЯЗЬ.

По крайней-мѣрѣ вѣрный,
Привязанный душою всей къ женѣ;
Живущій для ея блаженства;
Который хочетъ видѣть въ ней всѣ совершенства,
Влюбленный по уши въ нее?

КНЯГИНЯ.

И все
Ты это говоришь безъ смѣха?

КНЯЗЬ.

Что за вопросъ?

КНЯГИНЯ.

Да не его-ль ты самъ,
Сейчасъ мнѣ сдѣлалъ?

КНЯЗЬ.

Какъ? Но кончить должно намъ.

КНЯГИНЯ.

А что?

КНЯЗЬ.

Ахъ, что тебѣ, помилуй, за утѣха
Мнѣ голову кружить?

КНЯГИНЯ.

Да отчего-жъ она, мой милый другъ, кружится?
Неужли отъ любви?

КНЯЗЬ

Ахъ, еслибы любить
Умѣли женщины, какъ мы....

КНЯГИНЯ.

Такъ поучиться
Позвольте у себя.

КНЯЗЬ.

Да, точно, я люблю
Не романически, не головою,
Но сердцемъ искреннимъ.

КНЯГИНЯ.

А развѣ я съ тобою
Не искренна?

КНЯЗЬ.

Ахъ! Я притворства не терплю.

КНЯГИНЯ.

Но иногда въ него заводятъ насъ невольно.

КНЯЗЬ.

Ты улыбаешся чему?

КНЯГИНЯ.

Такъ, мнѣ смѣшно.

КНЯЗЬ.

Довольно:
Ты знаешь или нѣтъ, мнѣ это все равно,
Но все тебѣ сказать я долженъ непремѣнно,
Чтобы успѣть мнѣ въ томъ, въ чемъ прежде не успѣлъ.
Съ тобою говоря, какъ мужъ твой, откровенно,
И словомъ, чтобъ на умъ тебя навесть
Въ притворствѣ я искалъ успѣха,
Котораго не могъ я правдой произвесть....
И сдѣлался теперь предметомъ смѣха.

КНЯГИНЯ (*съ чувствомъ*).

Предметомъ смѣха. Нѣтъ клянуся.

КНЯЗЬ.

Я того

Достоинъ можетъ быть, но повторяю тоже,
Для оправданья своего,
Что ты всего на свѣтѣ мнѣ дороже!
Что мужъ твой, также, какъ женихъ,
Тобой любимымъ быть считаетъ первымъ счастьемъ,
Что никогда супружнимъ самовластьемъ
Не будетъ принуждать онъ склонностей твоихъ,
Но, какъ отецъ и мужъ, обязанъ
Онъ о дѣлахъ своихъ пещись;
Онъ благодарностью и честью съ службой связанъ.
И будетъ все служить. И такъ, мой другъ, рѣшись,
Ты хочешь-ли разсудкомъ быть счастливой,
Иль романически несчастья вымышлять,
И цѣлый вѣкъ живя Мальвиною тоскливой,
Себя, сестру и мужа огорчать?

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Боже мой.... да онъ.... онъ правъ.... неспорю въ этомъ,
Но я.... я плачу ужъ почти.

КНЯЗЬ.

Что это за письмо въ рукахъ твоихъ?

КНЯГИНЯ.

Прочти.

КНЯЗЬ.

Твое письмо?

КНЯГИНЯ.

Къ сестрѣ.

КНЯЗЬ.

Какъ я....

КНЯГИНЯ.

Оно отвѣтомъ
Пусть будетъ для тебя.

КНЯЗЬ.

Я, право, не пойму,
Какъ могъ забыть.... и что по этому письму
Я долженъ заключить.

КНЯГИНЯ.

Что вся развязка въ этомъ.

КНЯЗЬ.

Не мучь меня: скажи!

КНЯГИНЯ.

Разсмѣйся, такъ скажу.

КНЯЗЬ (*обнимая ее*).

Ахъ, снова я жену и счастье нахожу.

=

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕНЫЙ КОНТРАКТЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

М. П. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Для полнаго и окончательнаго портрета женщины — разумѣется, въ романѣ — самая полезная вещь заглянуть, когда она одна въ своей комнатѣ, запершись отъ докучныхъ свидѣтелей, пишетъ на огромномъ почтовомъ листѣ посланіе къ своей задушевной подругѣ, — а у какой молодой дѣвушки нѣтъ задушевныхъ подругъ? Пользуясь завиднымъ правомъ автора читать невидимкой заповѣдныя письма дѣвушекъ, посмотримъ, что такое писала Юлія Петровна Ракитина къ своей задушевной институтской подругѣ Лизѣ Рельской. Письмо, по видимому, очень длинное и должно быть искреннее, потому что дѣвушки до двадцати лѣтъ еще кой-какъ говорятъ другъ дружкѣ правду.... а кстати, можетъ быть это письмо объяснитъ намъ и настоящее положеніе дѣлъ героевъ нашего разсказа, — ибо утро, въ которое прокрадываемся мы въ кабинетъ молодой Ракитиной,

было ровно черезъ три недѣли послѣ знаменитаго обѣда со спаржею и шампанскимъ, на который мы въ свое время приглашали благосклоннаго читателя.

„Не можешь ты себѣ представить, милая Лиза, — писала Юлія Петровна Ракитина къ своей задушевной подругѣ Рельской,—не можешь ты себѣ представить, съ какимъ неизъяснимымъ удовольствіемъ я принимаюсь за перо, чтобы писать къ тебѣ! Когда я повертываю ключь въ двери моего кабинета, чтобы остаться одной, когда кладу нѣсколько листовъ почтовой бумаги передъ собою, подвигаю къ себѣ мою чернилицу и, запасаясь огромнымъ пакетомъ и палочкой сургучу, всѣ эти, бездѣльные для другихъ сборы, очень милы и пріятны для меня. Мнѣ всегда кажется въ эти минуты, что это я собираюсь сама въ дорогу, чтобы повидаться съ милымъ дружкомъ моимъ, моею чудесною, доброю Лизою! Такъ-бы, кажется, сама и завернулась въ пакетъ, вмѣсто счастливаго письма, къ которому я тебя ревную, и полетѣла-бы обнять мою хорошенькую Лизу, съ которой я столько времени не видалась! Въ-самомъ-дѣлѣ, милая Лиза, не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ эти полгода нашей разлуки показались, право, лѣтъ за десять! Такъ скучно и медленно для меня тянется время въ разлукѣ съ тобою!

„Странная вещь, милая Лиза! Мнѣ иногда кажется, что я создана и отлита въ какую-то особую форму, исключительно принадлежащую мнѣ одной. У меня все какія-то особенности и въ жизни и въ самомъ моемъ характерѣ. Мнѣ все кажется, что я какое-то исключительное созданіе. Помнишь, Лиза, сколько разъ бывало, и ты и всѣ мои подруги приставали ко мнѣ съ безпрестанными разспросами, отчего я всегда такая скучная, грустная, не люблю принимать участія во всеобщихъ играхъ, ни въ дружескихъ разговорахъ? отчего я всегда уйду въ уголокъ и сижу одна или со слезами на глазахъ, или съ книгой, которую держу вверхъ ногами? Обыкновенный мой отвѣтъ всѣмъ вамъ бывалъ: „Такъ, ничего, я не совсѣмъ здорова!“ Но это было не такъ, не ничего, и больна я никогда не бывала. Меня только мучила какая-то необъяснимая грусть, пустота въ душѣ, страхъ чего-то безвѣстнаго, неопредѣленнаго, но сильно дѣйствовавшаго на мое дѣтское воображеніе.

„Давши тебѣ слово при разставаньи, моя добрая Лиза, писать не письма, а длинныя посланія, я хочу доказать, что умѣю держать мои обѣщанія, и потому хочу употребить цѣлую ночь на бесѣду съ тобою, въ которой подробно опишу и мою настоящую жизнь, и всѣ мои чувства, однимъ словомъ, все то, что меня теперь окружаетъ, что я чувствую, чего надѣюсь, и чего боюсь.... Такая полная и искренняя дружеская откровенность облегчитъ и собственную мою грудь, которая полна разнородными ощущеніями!

„Я вполнѣ увѣрена, моя милая Лиза, что ты по прежнему любишь твою Юлиньку, и принимаешь теплое участіе во всемъ, что до нея касается, въ чемъ, впрочемъ, я и не сомнѣваюсь, зная твое доброе и прекрасное сердце. Я теперь хочу просить полнаго твоего вниманія и даже совѣта, ибо дѣло, о которомъ пойдетъ теперь рѣчь, для меня слишкомъ важно.

„На дняхъ, „въ одно прекрасное утро“, употребляя принятое романистами выраженіе, когда я еще была не совсѣмъ одѣта, въ мою спальню вошла Домна Ѳоминишна — любимица мамаши, какъ уже ты знаешь, и съ какою-то особенною, ей одной принадлежащею манерою улыбаться, доложила мнѣ, что сегодня у насъ будетъ обѣдать новый гость, какой-то пріѣзжій изъ Петербурга.

„— Какое-же мнѣ дѣло до этого новаго пріѣзжаго гостя, Ѳоминишна? равнодушна сказала я.

„— Какъ знать, матушка-барышня, отвѣчала, прищуривая значительно лѣвый глазъ свой, старушка; можетъ быть, если не вамъ до него, такъ ему до васъ будетъ дѣло!

„— Не понимаю, Ѳоминишна, что ты хочешь этимъ сказать мнѣ? говори прямѣе; ты что нибудь вѣрно знаешь....

„— Какія вы непонятныя, матушка, барышня, продолжала въ томъ-же тонѣ Ѳоминишна, кажется, не сегодня родились.... А прямѣе говорить еще ничего не могу, потому что прямаго дѣла еще не начиналось.

„— Опять не понимаю, что ты хочешь сказать. Да кто такой этотъ петербургскій гость, Ѳоминишна?

„— А вотъ сама сегодня за обѣдомъ увидишь и узнаешь, моя раскрасавица! Имѣй маленькое терпѣніе!

„Я задумалась не на шутку. Что значили слова этой странной старухи? По пустому она-бы не пришла ко мнѣ

и не начала такого мудренаго и загадочнаго разговора. Какое-то темное предчувствіе говорило мнѣ, что петербургскій гость обѣдаетъ у насъ не даромъ. Я и не ошиблась, потому что въ это-же утро узнала отъ папаши съ мамашею, что у насъ дѣйствительно будетъ обѣдать молодой человѣкъ, котораго прочатъ мнѣ въ женихи — да еще въ добавокъ и не одинъ, а двое. Оба молодые люди, какъ говорили папаша съ мамашею, оба богаты, хороши, и оба ищутъ руки моей. Одинъ подъ протекціей папаши, другой подъ протекціей мамаши.

„Дѣйствительно въ этотъ самый день между прочими гостями пріѣхали къ намъ два новые гостя, оба молодые люди, очень не дурные собой и образованные на столько, что ихъ пріятно слушать. Первый изъ нихъ, Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской, сынъ старинной пр ятельницы и подруги мамашиной; второй Петръ Григорьевичъ Черницкій, сынъ старинаго друга и сослуживца папаши. Не можешь ты себѣ представить, моя добрая Лиза, какую жалкую фигуру представляла изъ себя въ этотъ роковой, оффиціальный обѣдъ твоя Юлинька? Я то краснѣла, то блѣднѣла, говорила съ трудомъ и почти не понимая, что я говорю, тѣмъ болѣе, что въ этотъ обѣдъ вниманіе не только жениховъ моихъ, но и всѣхъ обычныхъ гостей нашихъ устремлено было на одну меня. Какъ-будто всѣ они только сегодня и увидѣли меня въ первый разъ въ жизни! Какъ-будто каждому изъ нихъ приходилось непремѣнно по жребію жениться на мнѣ, хочетъ-ли онъ, не хочетъ-ли! Сконфузишься по неволѣ. Управитель дѣлалъ изъ себя пресмѣшныя гримасы и о временамъ такъ взглядывалъ на петербургскихъ гостей, какъ-будто хотѣлъ спросить ихъ: „А что, господа, обѣдывали-ли вы когда-нибудь такъ богато и сытно, какъ теперь“? Старуха Ѳоминишна безпрестанно переглядывалась изъ-за двери съ мамашей и шептала себѣ что-то подъ носъ, какъ-будто молясь о успѣхѣ начинающагося дѣла....

„Но въ самой-ли вещи это для меня начинающееся дѣло? Какъ оно пойдетъ? Чѣмъ кончится? Страшно и подумать.

„Оба петербургскіе гостя оставались у насъ почти весь этотъ день; съ каждымъ изъ нихъ говорила я по нѣскольку

разъ о различныхъ предметахъ и, сказать правду, Лиза, ни одного изъ нихъ нельзя причислить къ тѣмъ пошлымъ франтамъ фразерамъ, съ которыми не о чемъ говорить, кромѣ танцевъ, погоды и послѣдняго моднаго романса или фасона платья. И Черницкій и Бѣльской люди весьма образованные. Оба они довольно долго путешествовали по чужимъ краямъ, видѣли, слѣдовательно, много любопытнаго и, какъ кажется, дѣйствительно не потеряли своего времени и денегъ даромъ. Наблюдательный умъ ихъ успѣлъ извлечь себѣ пользу изъ многаго, на что другіе молодые люди ихъ лѣтъ не обратили-бы и минутнаго вниманія. Оба они говорятъ очень хорошо, но безъ педантизма. Высказываютъ свои сужденія, но не рѣзко; что же касается до наружности ихъ, моя добрая Лиза, то скажу тебѣ по секрету, что оба могутъ назваться безъ преувеличенія красавцами, разумѣется, каждый въ своемъ родѣ. Петръ Григорьевичъ Черницкій, кандидатъ въ женихи мнѣ со стороны папаши, молодой человѣкъ, бѣленькой, румяненькой и въ добавокъ съ премиленькими, черными какъ смоль усиками. Взглядъ у него быстрый, разговоръ живой, веселый; онъ большой хохотунъ и съ нимъ мудрено соскучиться — вотъ все, что я пока могла и успѣла замѣтить въ немъ. Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской, кандидатъ въ женихи мнѣ со стороны мамаши, хоть и также хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ Черницкій, но красота его совершенно противуположна съ первымъ. Онъ довольно высокаго роста, совершенный блондинъ, съ большими голубыми глазами, въ которыхъ бездна чувства и выразительности, а подъ часъ какой-то страстной нѣги и мечтательной задумчивости. Онъ не большой охотникъ говорить, но за то, когда заговоритъ, общее вниманіе невольно приковывается къ нему. Смѣется рѣдко, чаще задумывается, но эту задумчивость нельзя назвать грустію, а скорѣе глубокою и какою-то затаенною мыслію, которая невольно пробивается наружу и отпечатывается ярко на его лбу. Лицо его имѣетъ ту матовую блѣдность, которая не выражаетъ собой болѣзненности тѣла, а дѣлаетъ только интереснымъ молодаго человѣка; взглядъ его не быстръ, но за то проникаетъ тебѣ прямо въ душу. Полной улыбки я у него не видала; вотъ все, что я замѣтила пока.

„Ты легко можешь представить себѣ, моя добрая Лиза, что

послѣ перваго свиданія съ обоими моими женихами, ночью мнѣ спалось мало. Мысли, одна другой страннѣе, одна другой новѣе, безпрестанно тѣснились въ головѣ моей, и отъ этихъ непривычныхъ для меня мыслей, самая голова моя, что называется, совершенно закружилась. Къ концу ночи, впрочемъ, изо всего этого хаоса образовалась для меня мысль и довольно утѣшительная въ моемъ положеніи: если меня и хотятъ выдать замужъ, по-крайней-мѣрѣ ни одинъ изъ настоящихъ жениховъ моихъ ни старикъ, ни уродъ, а который изъ нихъ лучше, я и сама еще не знаю, да едва-ли и буду знать положительно. Влюбиться — въ томъ значеніи этого слова, какъ я доселѣ понимала его — кажется я не могу ни въ одного изъ нихъ. Положительно противнымъ назвать— также по чистой совѣсти не могу ни котораго.... Не знаю, что будетъ дальше.

„Въ началѣ моего письма, я сказала тебѣ, Лиза, что хочу просить твоего совѣта въ этомъ слишкомъ важномъ для меня дѣлѣ; но теперь, подумавши объ этомъ хорошенько, вижу, что ты, при всей своей любви ко мнѣ, не можешь заочно и не зная совершенно этихъ претендентовъ на мою руку—ничего присовѣтывать мнѣ, и потому тебѣ придется довольствоваться скромною ролью повѣренной моихъ задушевныхъ тайнъ, которыя надобно-же передъ кѣмъ-нибудь, время отъ времени, выливать изъ полной груди, чтобы ей не было слишкомъ тяжело!“

Письма въ такомъ родѣ, какъ прочелъ нашъ читатель, начали еженедѣльно летать отъ Юліи Петровны Ракитиной къ ея задушевной пріятельницѣ, Лизѣ; боясь наскучить читателю дѣвичьей болтовнею, и зная, что онъ не такъ терпѣливъ и снисходителенъ, какъ ихъ подруги, мы ограничимся только выпискою изъ этихъ писемъ того, что идетъ къ дѣлу, или правильнѣе сказать, къ ходу нашего повѣствованія.

„Бѣльской и Черницкій, писала въ послѣдствіи времени Юлія Петровна Ракитина къ своей пріятельницѣ, сдѣлались нашими постоянными и ежедневными гостями. Оба они умѣли какъ-то очень скоро и коротко сблизиться со всѣмъ нашимъ домомъ, моя милая Лиза! и папаша и мамаша полюбили ихъ равно обоихъ. Сначала, разумѣется, каждая сторона выхваляла больше своего кандидата, но теперь мнѣ-

нія о нихъ обоихъ какъ-то уравновѣсились и взаимныя похвалы сыплются на обоихъ съ одинаковою щедростію. Весь домъ нашъ, начиная съ стараго управителя Авдея Семеныча и второй особы въ хозяйствѣ, послѣ мамаши, Домны Ѳоминишны, отъ нихъ совершенно безъ памяти! На нихъ любуются, не отдѣляя изъ нихъ одного отъ другаго. Это какъ-будто два пышныя платья, изъ которыхъ каждое къ лицу мнѣ, по мнѣнію нашей дворни, и еще они радуются безсознательно, что такихъ хорошихъ платьевъ пара у ихъ барышни, а не одно! Добрые, но въ тоже время и странные люди!“

Въ слѣдующемъ за симъ письмѣ къ своей подругѣ, Юлія писала слѣдующее:

„Вчера папаша и мамаша имѣли со мною объясненіе на счетъ обоихъ моихъ жениховъ, но толку отъ меня добились слишкомъ немного, потому что, по правдѣ сказать тебѣ, Лиза, я истинно не знала, что отвѣчать имъ положительно.

„ По правдѣ сказать тебѣ, душа моя, ни одинъ изъ жениховъ моихъ не дѣлалъ мнѣ даже издалека того, что называется любовнымъ объясненіемъ, не смотря на то, что случаи къ этому очень не рѣдки и я даже зачастую гуляю съ ними по одиначкѣ, то съ тѣмъ, то съ другимъ, по нашему огромному, густому саду. Черницкій все хохочетъ, Бѣльской все задумывается, я, съ моей стороны, какъ вѣрное зеркало, отражаю ихъ обоихъ: съ однимъ хохочу сама, съ другимъ молчаливa. Оба они, по моему мнѣнію, прекрасные люди и могутъ составить счастіе каждой женщины“.

„ Романъ моей жизни медленно подвигается впередъ, милая Лиза, писала Ракитина къ своей подругѣ, спустя нѣсколько времени еще. Время мое провожу я превесело. Мы начали чаще выѣзжать съ мамашей. Бываемъ въ театрѣ и собраніяхъ; Бѣльской и Черницкій постоянные наши кавалеры, и кавалеры, по правдѣ сказать, очень любезные и предупредительные. Я какъ-то такъ привыкла къ нимъ обоимъ, что они составляютъ для меня какъ будто одно цѣлое. Одинъ безъ другаго, кажется, они не были бы такъ хороши, и я въ мысляхъ моихъ привыкла какъ-то не отдѣлять ихъ другъ отъ друга, какъ запахъ отъ цвѣтка, ну право всѣ эти вещи случаются только со мною одною, милая Лиза!

„Начинающіеся длинные вечера проводимъ мы дома еще веселѣе, нежели при нашихъ выѣздахъ, ибо всѣ эти вечера, какъ можешь ты себѣ представить, Лиза, оба мои женихи проводятъ постоянно у насъ въ домѣ. Мы собираемся въ тѣсный кружокъ около большаго камина, даже папаша оставляетъ иногда обыкновенныя свои работы и сидитъ съ нами далеко за полночь — и что-же ты думаешь дѣлаемъ мы? Хохочемъ, болтаемъ пустяки и время летитъ непримѣтно.

„Главнымъ интересомъ этихъ домашнихъ вечеровъ нашихъ, впрочемъ, бываютъ разсказы обоихъ молодыхъ людей о ихъ путешествіи за границею, о томъ гдѣ они были, что видѣли, слышали и даже перечувствовали въ это время. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, а въ особенности чтеніе дневниковъ ихъ вояжа, такъ интересны, что ихъ заслушиваемся нетолько мы, но даже и старики Семенычъ и Ѳоминишна, которые тайкомъ, а иногда и явно придвигаются послушать наше чтеніе!„

ГЛАВА II.

Прошло слишкомъ три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ-поръ,какъ наши два героя, Бѣльской и Черницкій, въ первый разъ кушали спаржу и пили шампанское за гостепріимчивымъ столомъ Петра Спиридоныча Ракитина, времени, по видимому, довольно достаточно для того, чтобы подвинуть впередъ происшествія не только въ романѣ, но и въ дѣйствительной жизни, а между тѣмъ дѣла нашихъ двухъ героевъ оставались точно въ томъ же положеніи, въ которомъ оставили мы ихъ еще въ концѣ перваго тома нашего повѣствованія. Такая медленность невольно наводитъ на мысль разсказывающаго, не дурно-ли онъ поступилъ, помѣстя въ своемъ разсказѣ двухъ „героевъ“? Съ однимъ, можетъ быть, легче-бы было сладить — а то теперь вотъ поди! Что станешь дѣлать? Знать справедлива русская пословица, что погнавшись за двумя зайцами, рискуешь не поймать ни одного.... Но тѣмъ не менѣе, такъ какъ существуетъ и другая поговорка на Руси: взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ, начнемъ посильно продолжать начатое, попрося напередъ снисхожденія у читателя, хотя онъ — извѣстное дѣло—тогда-то именно и не снисходителенъ, когда его просишь объ этомъ. И такъ къ дѣлу.

Петръ Спиридоновичъ Ракитинъ въ послѣднее время, съ котораго начинается продолженіе нашего разсказа, былъ чрезвычайно занятъ, и не имѣя, по словамъ его, минуты свободнаго времени, съ утра до вечера постоянно запирался въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдняку было не до семейныхъ дѣлъ, и именно вотъ по какому случаю. Случайнымъ образомъ затащили его знакомые на выставку моделей, слѣпковъ, картинъ и разныхъ художественныхъ издѣлій, въ недавно устроенное въ Москвѣ ремесленное учебное заведеніе. Тамъ увидѣлъ онъ прекрасную, отчетливо сдѣланную модель дома, прекрасной архитектуры — и какъ-же, увидя такую вещь, не засѣсть съ слѣдующаго-же утра въ кабинетѣ для скорѣйшаго устроенія такой-же, если не лучшей модели, нашему Петру Спиридоновичу, извѣстному охотнику и артисту по этой части? Ну, а работа не бездѣльная, ее скоро не кончить.... Это разъ. Второе: Петръ Спиридоновичъ, видя у себя въ домѣ постоянно двухъ петербургскихъ гостей, Бѣльскаго и Черницкаго, и полюбя ихъ обоихъ почти въ равной степени, рѣшился имъ сдѣлать по подарку собственной своей работы, тѣмъ болѣе, что они оба нерѣдко заходили въ его рабочій кабинетъ и любовались на его любимыя издѣлія. Надобно-же было отблагодарить такое вниманіе, и вотъ онъ засѣлъ вытачивать молодымъ людямъ изъ пальмоваго дерева кой-какія бездѣлушки на память.

— Другимъ радость, что у дочери вдругъ два жениха одинакихъ достоинствъ, говорилъ, улыбаясь съ довольною миною, Петръ Спиридоновичъ, а мнѣ только двойная работа и хлопоты.

— Ты-бы лучше, Пьеръ, говорила ему жена, чѣмъ лѣпить модели, да вытачивать вздоры, занялся дѣломъ и подумалъ о Юлинькѣ.

— А что я буду думать о ней?

— Какъ что? У ней два жениха....

— Еще это не бѣда; вотъ худо, кабы ни одного не было лѣтъ до сорока, какъ у тебя, когда-то, Марья Семеновна.

— Но вѣдь изъ двухъ нужно выбрать одного, продолжала жена, какъ будто не замѣчая пущенной въ нее булавки.

— Жениха выбираетъ обыкновенно невѣста.

— Ты таки ничего и не скажешь положительнаго на этотъ счетъ, Петръ Спередоновичъ?

— Ровно ничего, Марья Семеновна; да и вамъ не совѣтую, Марья Семеновна. Оба хороши. Предоставимъ все самой Юлинькѣ. Я, съ моей стороны, чтобы показать имъ, что обоихъ равно уважаю, выточу имъ рѣшительно одинакіе подарки—они люди не глупые—какъ разъ смекнутъ, что это значитъ.... Прощай пока, Марья Семеновна; ты мнѣ только мѣшаешь.... Право, не до тебя теперь; пошли сюда мимоходомъ старика Семеныча; онъ, кажется, въ передней комнатѣ растираетъ голубую краску.

Такъ, или почти такъ оканчивались всѣ попытки Марьи Семеновны узнать рѣшительное мнѣніе своего дражайшаго супруга на счетъ петербургскихъ жениховъ, — а знать это ей было необходимо, тѣмъ болѣе, что сама невѣста на вопросъ матери: который изъ жениховъ тебѣ кажется лучше, Юлинька? обыкновенно отвѣчала съ веселою улыбкою: „Оба лучше, мамаша“!

При такомъ отвѣтѣ, какая мать не задумается, будь эта мать даже холоднѣе и беззаботнѣе самой Марьи Семеновны.

А что-же они — наши двое петербургскіе пріѣзжіе, женихи Юліи Петровны Ракитиной? Что дѣлали, чувствовали, и какъ дѣйствовали? Очень просто. Оба они такъ привыкли къ гостепріимному, хотя нѣсколько и странному дому въ Ракитинскомъ переулкѣ, что почти все свободное время свое проводили въ немъ. Юлія Петровна, сидя у завѣтнаго окна своей спальни, также весело встрѣчала своею улыбкою каждаго изъ нихъ, когда они подъѣзжали къ дому. Бѣльской и Черницкій въ продолженіе этого времени еще болѣе сошлись другъ съ другомъ, какъ будто забывая то, что одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ будетъ сдѣлаться въ скоромъ времени соперникомъ другаго, женившись на прелестной Юлинькѣ, которая по взаимному собственному признанію ихъ другъ другу, нравились имъ какъ нельзя больше. Странность-ли этого положенія, легкомысліе-ли ихъ характеровъ, только какъ-бы то ни было, они ни на минуту не переставали быть друзьями. Они даже условились между со-

бою въ томъ, чтобы выбрать каждому день для пріѣзда и объясненія, безъ помѣхи другаго, съ Юлинькой — что и было сдѣлано ими по всей формѣ, только результатъ всего этого вышелъ почти одинъ и тотъ-же. Юлинька очень ласково выслушала предложеніе и того и другаго претендента на ея руку и.... обоимъ имъ не сказала ничего опредѣлительнаго.

Давно замѣчено, что не столько опасны рѣшительные: *да* и *нѣтъ* хорошенькой дѣвушки, какъ ни *да*, ни *нѣтъ*. Это ни *да*, ни *нѣтъ* Юліи Петровны подвинуло дѣло очень быстро впередъ между нашими героями и подвинуло именно вотъ какимъ образомъ.

Однажды вечеромъ, распрощавшись нѣсколько раньше обыкновеннаго съ гостепріимнымъ домомъ Петра Спиридоновича Ракитина, Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской и Петръ Григорьевичъ Черницкій, прежде нежели разойтись и каждому сѣсть въ поданный экипажъ, какъ-будто по взаимному условію, прежде заключенному между-ними, почти въ одинъ голосъ сказали другъ другу:

— Вечеръ чудесный, спать еще рано; не хочешь-ли прогуляться? Пройдемся нѣсколько пѣшкомъ.

— Очень радъ; я хотѣлъ это-же самое предложить тебѣ.

— Тѣмъ лучше!

И наши два друга, взявшись подъ руки, отправились изъ Ракитинскаго переулка пѣшкомъ, приказавъ экипажамъ своимъ ѣхать шагомъ за ними.

— Какое славное время! сказалъ Черницкій, какъ-будто затягиваясь свѣжимъ вечернимъ воздухомъ; такъ-бы, кажется, и готовъ прогулять всю ночь на пролетъ!

— А воздухъ-то! воздухъ-то, Пьеръ! сказалъ въ свою очередь Бѣльской; идешь по улицѣ, а пахнетъ садомъ. Ну, право, въ Москвѣ подчасъ бываютъ итальянскія ночи!

Похваливши такимъ образомъ взаимно хорошую погоду, наши друзья вдругъ оба замолчали, какъ-будто чувствуя всю глупость разговора о погодѣ, тогда какъ у каждаго изъ нихъ на душѣ лежалъ разговоръ много поважнѣе и по интереснѣе этого.... Оба они даже улыбнулись, укоризненно взглянувши другъ на друга.

— Мы кажется опровергаемъ съ тобой общее повѣрье, началъ опять Черницкій, обращаясь къ своему другу.

— Какое повѣрье? спросилъ Бѣльской.

— Всѣми давнымъ давно признано, что о погодѣ разговариваютъ тогда только, когда не найдутся говорить ни о чемъ другомъ.

— А у насъ-бы съ тобой нашлась матерія для разговору и кромѣ этой, хочешь сказать ты Пьеръ, не такъ-ли?

— Можетъ быть, что и такъ.

— Не можетъ быть, а точно.

— Ну, я и отъ точно не прочь.

— А если такъ, то не сдѣлать-ли намъ вотъ что, Пьеръ, спросилъ Бѣльской своего друга; отправимся ко мнѣ ужинать, разопьемъ бутылку добраго винца и на досугѣ потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ. Идетъ?

— Идетъ! Я самъ почти тоже хотѣлъ предложить тебѣ, Валерьянъ, выходя отъ Ракитиныхъ.

— И славно, пожалуй, хоть къ тебѣ! Это еще ближе.

Сказано, сдѣлано. Друзья наши черезъ четверть часа времени были уже въ квартирѣ Петра Григорьевича Черницкаго.

— Никого не было у меня? спросилъ Черницкій своего человѣка, отдавая ему пальто и шляпу. Не было ко мнѣ писемъ?

— Писемъ не было, а былъ какой-то толстый господинъ, который очень шумѣлъ и досадывалъ, что не засталъ васъ дома, онъ даже хотѣлъ пуститься отыскивать васъ по Москвѣ....

— Кто такой?

— Не знаю, сударь; но онъ оставилъ на вашемъ письменномъ столѣ карточку....

— Подай.... Ба! старый дружище Базиль Борецкій! Какъ я радъ, что онъ наконецъ въ Москвѣ.... Валерьянъ! Ты знаешь Борецкаго?

— Какого Борецкаго? Первый разъ слышу.

— Будто?

— Да почему-же мнѣ его знать? Онъ нашъ, петербургскій, что-ли?

— О нѣтъ, коренной москвичъ. Но ты его долженъ былъ встрѣчать за границею....

— Что-то не помню.

— Не можетъ быть. Ты его даже видалъ со мной вмѣстѣ.... Помнишь, въ Дрезденѣ, въ Бельведерѣ, когда мы пили шампанское....

— А! когда ты пустилъ мнѣ пробку въ лобъ, Пьеръ? какъ не помнить. Это такой толстякъ, съ густыми бакенбардами, одутловатый?...

— Онъ и есть. Въ немъ нельзя ошибиться. У Базиля такая счастливая физіономія, что увидѣвши разъ, никогда не забудешь. Какъ я радъ, что онъ здѣсь. Я сведу васъ съ нимъ, Валерьянъ, ты его непремѣнно полюбишь, а онъ отъ тебя былъ безъ ума еще въ Дрезденѣ, когда мы съ тобою пѣтушились, Богъ знаетъ изъ чего, не предвидя, что со временемъ намъ придется сдѣлаться неразлучными друзьями!

Бѣльской улыбнулся значительно, а что значила такая улыбка, неизвѣстно.

— Я люблю Базиля или Васю Борецкаго, какъ въ старину звалъ его, именно вотъ за что, продолжалъ Черницкій, закуривая сигару. Онъ не то, чтобы съ неба звѣзды хваталъ, какъ говорится въ житейскомъ быту объ умникахъ нашего времени; онъ даже, коли ты хочешь, не знаетъ многаго, что и мы съ тобой знаемъ, но у него есть этотъ русскій смыслъ, эта смѣтливость, которая подчасъ лучше самаго образованнаго ума; этотъ вѣрный взглядъ, который съ оника угадываетъ дѣло и рѣшаетъ его именно такъ, какъ надо рѣшить, даже и послѣ самаго долгаго обсуживанія.... Это драгоцѣнный человѣкъ для совѣта во всякомъ дѣлѣ — и между-тѣмъ душа самая простая, открытая, однимъ словомъ, я увѣренъ, Валерьянъ, что ты полюбишь его съ перваго раза!

— Почему не такъ, если онъ хоть вполовину похожъ на портретъ, нарисованный тобою?

— Напротивъ, я еще и половины его достоинствъ не успѣлъ высказать тебѣ....

— Тѣмъ лучше, а ихъ и четверти достаточно, чтобы хорошо сойтись съ человѣкомъ.

— Какая досада, что онъ, оставя карточку, не оста-

вилъ своего адреса, продолжалъ Черницкій. Право, я бы готовъ сейчасъ выписать его сюда.

— Сейчасъ, Пьеръ?

— Ну да; что-же тутъ страннаго?

— Но мы, помнится, собрались сегодня за ужиномъ и за бутылкою добраго вина, поговорить кой о какихъ дѣлахъ, довольно важныхъ для насъ обоихъ?

— Потому-то именно я бы и желалъ, чтобы Базиль былъ теперь здѣсь. Ни для бутылки, ни для переговоровъ нашихъ онъ-бы никакъ не былъ лишнимъ человѣкомъ. Я даже думаю, что въ нашемъ дѣлѣ съ тобою, любезный Валерьянъ Григорьевичъ, третье лицо—и въ особенности такое лицо, какъ Базиль—необходимо.

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть—а должно быть—но мы заболтались; я еще не распорядился ужиномъ и виномъ а это главное.... Егоръ, ужинъ проворно на два прибора и бутылку.... или нѣтъ, ужъ лучше двѣ бутылки шампанскаго!

— Почему-же не три, Петя? раздался чей-то густой басъ, и въ дверяхъ показалась торжественно толстая фигура, легкаго на поминѣ Василія Васильевича Борецкаго, въ коричневомъ ватномъ пальто, въ картузѣ странной фигуры, съ толстою бамбуковою палкой и съ бакенбардами, чуть не сходящимися другъ съ другомъ у носа хозяина, что придавало ему видъ почти замаскированнаго.

— Дружище Базиль! вскричалъ обрадованнымъ голосомъ Черницкій, брасаясь обнимать дорогаго гостя. Никогда не могъ ты явиться такъ кстати, какъ теперь. Мы сейчасъ только говорили о тебѣ съ Валерьяномъ. Валерьянъ Григорьичъ! рекомендую тебѣ моего стараго друга и товарища, Василія Васильевича Борецкаго. Ты, Вася, кажется, знаешь немножко Валерьяна Григорьевича Бѣльскаго.... помнишь, въ Дрезденѣ?...

— Еще-бы не помнить! съ громкимъ густымъ хохотомъ отвѣчалъ Борецкой, крѣпко пожимая руку Бѣльскаго, такъ, что у того кости захрустѣли; еще-бы не помнить! Человѣкъ, который изъ шести бутылокъ вливаетъ шампанское въ одинъ бокалъ, для того, чтобы узнать, каковъ будетъ вкусъ, не такъ-то скоро забывается, другъ Петя! Очень радъ позна-

комиться съ вами покороче, господинъ Бѣльской. Я еще въ Дрезденѣ съ перваго взгляду на васъ сказалъ себѣ: вотъ славной молодецъ! Хоть даже и не зналъ еще того, что вы русскій и нашъ соотечественникъ!

— Мнѣ также очень пріятно покороче сойтись съ вами, сказалъ Бѣльской, я объ васъ такъ много наслышался отъ Пьера....

— Ну, многаго-то слышать обо мнѣ, положимъ, что и нечего, съ новымъ смѣхомъ замѣтилъ Борецкій. Я малой простой, только добрый — за это ужъ могу поручиться вамъ.

— Это главныя достоинства въ человѣкѣ....

— Ну вотъ, подите-же вы! Вѣдь и я всѣмъ толкую этоже самое, а иные проказники суютъ мнѣ подъ носъ глупую русскую поговорку, что дескать простота подъ часъ хуже воровства.... Ну, да объ этомъ послѣ. Какъ я радъ, другъ Петя Черницкій, что наконецъ отыскалъ тебя! Шутка-ли, сколько времени не видались и не знали ничего другъ о другѣ! Я еще въ Питерѣ узналъ, что ты проживаешь ужъ около полу-года въ нашей Москвѣ бѣлокаменной.... Ну, что ты? какъ ты? Зачѣмъ здѣсь? На время или совсѣмъ на житье? То-то бы славно, кабы ты изъ петербургскаго франта да сдѣлался степеннымъ москвичемъ! Какъ-бы мы зажили съ тобою здѣсь — люли да и только!

— Ты накидалъ мнѣ кучу такихъ вопросовъ, Базиль, что на нихъ не скоро и отвѣтишь, сказалъ Черницкій; дай прежде наглядѣться на себя по-крайней-мѣрѣ, а наболтаться еще успѣемъ за бутылкою шампанскаго!

— А кстати о шампанскомъ! Накажи, Петя, чтобы было какъ можно холоднѣе, прервалъ его Борецкій. У насъ здѣсь вовсе не умѣютъ обходиться съ этимъ виномъ; вотъ ужъ французы такъ мастера, ракаліи на это дѣло! Подадутъ тебѣ бутылку, станешь наливать, такъ ледяныя иголки и скачутъ.... Надобно имъ честь отдать въ этомъ случаѣ! Народъ горячій, а вино умѣютъ подать холодное!

— Браво, Базиль! Да ты начинаешь острить и говорить каламбуры! со смѣхомъ прервалъ Борецкаго Черницкій — этого грѣха, сколько я помню, прежде не важивалось за тобой.

— Вотъ! Не даромъ-же я таскался въ чужіе краи! Ми-

неральныя воды, если не всегда помогаютъ ревматизму въ ногахъ, по крайней-мѣрѣ изощряютъ наши головы....

— А вы ѣздили лечиться? спросилъ Борецкаго Бѣльской.

— Что-жъ будете дѣлать съ докторами? Послали да и только.

— Но за то вы вѣроятно съѣздили не по пустому? Ваше здоровье теперь....

— Точь въ точь такое-же, какъ было и прежде, почтеннѣйшій Валерьянъ Григорьичъ. Вы не смотрите на то, что я толстъ; это болѣзненная толстота, какъ говоритъ мой докторъ — и дѣйствительно говоритъ празду — потому-что я подъ иной часъ настоящій страдалецъ. Одышка такая, что мочи нѣтъ, усталость, слабость....

— Ну, занесъ обычный бредъ! прервалъ его Черницкій; полно Базиль, не гнѣви Бога, а то въ самомъ дѣлѣ захвораешь. Усовѣстись — ну какая въ тебѣ болѣзнь! развѣ хандра? Вотъ объ этомъ я спорить не стану. Важная вещь, что когда-то у тебя отъ простуды поломили ноги....

— Что и говорить! У тебя все ничего! Ну, а, одышката у меня отчего?

— Отъ толстоты.

— А слабость?

— Отъ лѣности и недостатка движенія. Вѣдь я тебя хорошо знаю. Ты вѣчно или сидишь, или лежишь. Пѣшкомъ ходить также не охотникъ; любишь кутаться, вездѣ слышишь сквозной вѣтеръ.... Еще разъ, Базиль, ты просто хандришь, вотъ и все тутъ! А кстати о болѣзненныхъ припадкахъ и о леченіи.... Ты не на діэтѣ-ли, любезный другъ? Будешь-ли ѣсть и пить вино? Мы сейчасъ собираемся садиться за ужинъ....

— Еще-бы! Разумѣется я ѣмъ и пью все, что угодно. Въ этомъ отношеніи я больной не робкаго десятка, съ улыбкою замѣтилъ Борецкій; а у васъ, друзья мои, что такое сегодня? Что вы собрались праздновать?

— Какое празднованье, Базиль; у насъ просто будетъ дѣловой ужинъ.

— А что такое дѣловой ужинъ?

— Ужинъ, во время котораго мы собрались потолковать о дѣлахъ.

— А дѣла какія?

— Очень важныя, Базиль.

— Я можетъ-быть помѣшаю?...

— Напротивъ, ты именно необходимъ тутъ; за пять минутъ до твоего прихода, мы съ Вилерьяномъ поминали тебя и я торжественно восклицалъ: „О если-бы толстякъ Вася былъ съ нами, какъ-бы это было кстати“ !—Не правда-ли, Бѣльской? Увѣрь его, что я не лгу.

— Да, мы дѣйствительно говорили о васъ съ Черницкимъ, и именно желали вашего присутствія.

— Ну и баста! Значитъ, не о чемъ и толковать; очень радъ, что пріѣхалъ кстати — это со мной не часто случается! И кстати: какъ ты славно помѣстился, другъ Петя! дорого платишь за квартиру?

— Очень дешево.

— Однако....

— Ничего!

— Это какимъ образомъ?

— Сергѣй Сергѣевичъ Венецкій, старинный пріятель нашего дома, проживающій другой годъ въ своихъ степныхъ деревняхъ для экономіи, узнавъ черезъ письмо батюшки, что я сбираюсь въ Москву, предложилъ мнѣ чуть не въ полное владѣніе домъ свой, въ которомъ я, разумѣется, и поселился охотно.

— Вездѣ счастье человѣку! съ улыбкою замѣтилъ Борецкой.

— Ну, оно не вездѣ! съ такою-же улыбкою отвѣчалъ Черницкій и значительно взглянулъ на своего друга-соперника Бѣльскаго.

Въ этомъ мимолетномъ разговорѣ нашихъ трехъ молодыхъ людей, время, разумѣется, шло быстро и не успѣли они докурить своихъ сигаръ, какъ уже человѣкъ Черницкаго съ салфеткою на плечѣ явился съ докладомъ, что ужинъ готовъ; и наши трое друзей отправились въ столовую комнату, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, какъ-будто забывши на время о томъ, что за этимъ ужиномъ имъ надлежало рѣшить между собою окончательно вопросъ, отъ котораго, можетъ быть, зависѣла вся ихъ будущность.

—

ГЛАВА III.

Холостыя, безцеремонныя бесѣды рѣдко бываютъ скучны, если только бесѣдующіе молоды, здоровы, и въ добавокъ еще влюблены въ какую нибудь хорошенькую дѣвушку. Всѣ эти условія были и у нашихъ друзей, за исключеніемъ только Василія Васильевича Борецкаго, который хотя и не былъ ни въ кого влюбленъ, и даже считалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но за то, характеръ его и образъ мыслей были природою отлиты въ такую особенную, ему одному принадлежащую форму, что онъ никакъ не портилъ собою настоящей минуты, и былъ даже именно такимъ человѣкомъ, какого надобно было, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, двумъ главнымъ героямъ нашей повѣсти.

За первыми блюдами разговоръ былъ, какъ обыкновенно, не послѣдовательный, а урывчатый и бросавшійся отъ одного предмета къ другому, но за послѣднимъ кушаньемъ, когда шампанское было вынуто изо-льда, раскупорено самимъ Борецкимъ, старинным извѣстнымъ мастеромъ этого дѣла и когда появились на сцену даже сигары — обыкновенныя спутницы шампанскаго въ холостыхъ пирушкахъ, языки развязались болѣе обыкновеннаго, глаза заблистали удовольствіемъ и веселая улыбка пошла гулять по устамъ бесѣдующихъ друзей нашихъ.

— Ну, другъ Петя, ты хозяинъ здѣсь — тебя и спрашиваться; за чье здоровье прикажешь? сказалъ Борецкій, придвигая къ себѣ первый бокалъ налитаго шампанскаго.

— За здоровье моихъ любезныхъ гостей! отвѣчалъ Черницкій и, какъ учтивый хозяинъ, первый опорожнилъ однимъ духомъ бокалъ свой.

— Ну а мы, разумѣется, съ своей стороны благодаримъ ласковаго хозяина и пьемъ за его здоровье! сказали почти въ одно время Бѣльской и Борецкій, принимаясь за свои бокалы.

— Оно по настоящему-то, мы начали неправильно, господа; сказалъ Василій Васильевичъ Борецкій, опоражнивая съ разстановкою свой бокалъ.

— Почему неправильно, Базиль? спросилъ Черницкій, наливая снова вина гостямъ своимъ.

— Первый бокалъ шампанскаго на холостыхъ пирушкахъ всегда пьется въ честь любви и красавицъ....

— Да ты, я думаю, первый отказался-бы отъ этого тоста, Базиль, со смѣхомъ прервалъ его Черницкій; ты всегда, сколько я помню, былъ врагъ женщинъ, и любви вѣрилъ сколько-же, какъ займу безъ заклада!

— Я — другое дѣло; обо мнѣ что толковать; я человѣкъ больной, съ добродушною улыбкою отвѣчалъ Борецкій, принимаясь за второй бокалъ; но вы молодые люди — петербургскіе гости въ Москвѣ, ужъ вѣрно-же здѣсь проживаете не даромъ.... Да оба вы и не такъ смотрите, злодѣи этакіе, чтобы у васъ не было на примѣтѣ, за чье здоровье можно и должно выпить!

Есть у французовъ пословица, что въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ. Конечно, Василья Васильевича Борецкаго, какъ человѣка, плохо знавшаго, по собственному его признанію, французскій языкъ, можно извинить, но онъ именно заговорилъ о „веревкѣ“, то-есть, о такомъ дѣлѣ, которое болѣе всего занимало въ настоящія минуты воображеніе нашихъ молодыхъ кандидатовъ на женитьбу.

Оба они невольно улыбнулись и посмотрѣли другъ на друга, какъ будто спрашивая одинъ другаго: Не пора-ли начать разговоръ о дѣлѣ? Борецкій, не замѣчая ничего, въ простотѣ своего сердца продолжалъ тѣмъ-же самымъ веселымъ тономъ, обращаясь поочередно къ обѣимъ друзьямъ.

— Что-же вы оба молчите? Развѣ я говорю неправду? На счетъ тебя, дружище Петя, я слышалъ кое-что еще проѣздомъ въ Петербургѣ.... понимаешь? Валерьянъ Григорьичъ вѣрно также не безъ причины разстался съ Петербургомъ и проживаетъ въ нашей старушкѣ Москвѣ.... Да такъ, что-ли, господа? Что-же вы оба онѣмѣли какъ рыбы? Не мнѣ-же одному говорить за всѣхъ троихъ — я не большой мастеръ этого дѣла.... Ну, еще-бы другая рѣчь выпить за троихъ шампанскаго — это вещь сбыточная, потому что мой докторъ на счетъ этого вина запрета мнѣ не сдѣлалъ; еще это, говоритъ, здорово моей натурѣ.... Ну, разумѣется я, какъ покорный паціентъ, его и слушаюсь.

И въ доказательство своего послушанія доктору, Борецкій разомъ осушилъ свой второй бокалъ и попросилъ Чер-

ницкаго, не теряя драгоцѣннаго времени, передать ему полуопорожненную бутылку, впадая безъ умысла снова во французскую пословицу, которая гласитъ, что „откупорилъ бутылку, такъ пей вино“.

Послѣ длинной тирады Борецкаго, замкнутой вторымъ бокаломъ шампанскаго, между нашими тремя собесѣдниками, употребляя милое и наивное выраженіе старины „тихій ангелъ пролетѣлъ“; то-есть, всѣ они замолкли на нѣсколько минутъ. Первый прервалъ это молчаніе Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской.

— Любезный другъ, началъ онъ, обращаясь къ задумавшемуся хозяину; кажется мы хотѣли за этимъ ужиномъ, или правильнѣе сказать, за этими бокалами вина, всегда располагающаго человѣка къ веселой откровенности, поговорить о дѣлѣ равно занимающемъ насъ обоихъ. Ты даже желалъ третьяго — который-бы былъ посредникомъ между нами; судьба, какъ нарочно, исполнила очень мило и кстати и это желаніе.... За чѣмъ-же теперь дѣло стало? Отчего ты замолчалъ? О чемъ задумался?

— Именно объ этомъ и задумался я, любезный Валерьянъ Григорьичъ, съ затаеннымъ вздохомъ, спрятаннымъ подъ улыбку, отвѣчалъ Черницкій, принимаясь за бутылку и наливая снова бокалы виномъ. Вещь, о которой будемъ разсуждать мы теперь втроемъ, слишкомъ важна и, по моему, стоитъ того, чтобы собраться съ духомъ начать о ней.

— Начинай, мы слушаемъ съ Васильемъ Васильевичемъ, сказалъ Бѣльской.

— И слушаемъ обѣими ушами! повершилъ Борецкій, принимаясь за третій бокалъ.

— Начать надобно обоимъ намъ, любезный Валерьянъ Григорьичъ, сказалъ Черницкій, обращаясь къ Бѣльскому; а ты другъ, Вася, прибавилъ онъ, обращаясь къ Борецкому, до времени посиди молча и только слушай, что мы будемъ говорить. Твой голосъ нуженъ будетъ послѣ намъ обоимъ.

— Ладно, хладнокровно и почти съ важностію отвѣтилъ Борецкій и приготовился слушать.

— Вотъ въ чемъ все дѣло, началъ Черницкій, снова обращаясь къ Бѣльскому; мы оба съ тобою, любезный другъ Валерьянъ, пріѣхали изъ Петербурга въ Москву за однимъ и

тѣмъ-же предметомъ, то-есть, мы собрались, по желанію нашихъ родителей, жениться.... Такъ?

— Такъ, отвѣчалъ отрывисто Бѣльской.

— Судьбѣ угодно было, чтобы оба мы были адресованы въ одинъ и тотъ же домъ, къ одной и той же невѣстѣ, именно къ Юліи Петровнѣ Ракитиной. Оба мы не знали до пріѣзда нашего въ Москву ни этого дома, ни этой невѣсты. И съ нимъ и съ нею познакомились мы вмѣстѣ, начали ѣздить туда, не мѣшая другъ другу; одними и тѣми-же глазами смотрѣли на милую дѣвушку, которая должна быть въ послѣдствіи женою одного изъ насъ. Обоимъ намъ она одинаково понравилась — потому что въ этой дѣвушкѣ есть все то, что можетъ влюбить въ нее молодаго человѣка. Время летѣло быстро и незамѣтно для насъ обоихъ. Насъ полюбили въ домѣ Ракитина; принимаютъ, какъ родныхъ, ласкаютъ и почти ничѣмъ не отличаютъ одного отъ другаго. Все это вѣдь такъ, другъ Валерьянъ?

— Такъ; отвѣтилъ опять тѣмъ-же отрывистымъ тономъ Бѣльской.

— Хорошо. Будемъ-же разсуждать логически теперь: такъ какъ всякая вещь имѣетъ свой конецъ, то должны-же чѣмъ нибудь окончиться и наши ежедневные визиты въ домъ Петра Спиридоныча Ракитина?

— Конечно такъ.

— Двоимъ нельзя жениться на одной; слѣдовательно, теперь нужно разрѣшить очень естественный вопросъ: кто изъ насъ женится на Юлинькѣ Ракитиной, Валерьянъ Григорьичъ, ты или я? Жду отвѣта.

— Отвѣтъ очень простъ, мой любезный Пьеръ, отвѣчалъ не задумавшись Бѣльской, на Юлинькѣ Ракитиной долженъ жениться я.

— Почему такъ?

— Потому, что я ее люблю.

— Въ этомъ случаѣ у насъ шансы ровны; потому что и я также точно люблю ее.

— Не совсѣмъ ровны, другъ Пьеръ, потому что и Юлія Петровна любитъ меня, сколько я знаю.

— Въ свою очередь и я тебѣ, другъ Валерьянъ, скажу тоже самое. Юлія Петровна любитъ не тебя, а меня.

— А на чемъ основываешь ты такую увѣренность?

— Вмѣсто отвѣта спрошу я тебя самаго: а ты на чемъ?

— Весьма на многомъ.

— Напримѣръ?...

— Во-первыхъ, она ко мнѣ всегда такъ ласкова, внимательна, даже предупредительна.

— Ко мнѣ точно также.

— Ей нравится мой характеръ, образъ мыслей....

— И мои также....

— Я ей такъ много и хорошо рекомендованъ моею матушкой, которая всегда была задушевнымъ другомъ ея матери....

— Точно также много и хорошо рекомендованъ я ей моимъ батюшкой, который старинный другъ ея отцу....

— Совѣты матери всегда сильно дѣйствуютъ на душу и волю покорной дочери.

— Совѣты отца если не важнѣе, то по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, равносильны.

— Къ тому-же нѣкоторыя обстоятельства, взятыя въ разсчетъ, заставляютъ меня думать, что я рѣшительно долженъ получить руку Юліи Петровны.

— Позволь узнать эти обстоятельства.

— Разумѣется, я скажу тебѣ ихъ, такъ какъ мы уже разговорились объ этомъ дѣлѣ. Обстоятельства эти вотъ какого рода....

— Позвольте, господа! прервалъ вдругъ своимъ густымъ басомъ разговаривавшихъ Василій Васильевичъ Борецкій; вы начали такой странный и между тѣмъ важный разговоръ, что я весь обратился въ слухъ.... Но какъ теперь начинается самое интересное изложеніе вашего романическаго спора, то, чтобы не прерывать васъ въ послѣдствіи, я рѣшился пріостановить васъ обоихъ на минутку и именно вотъ зачѣмъ: подвинь ко мнѣ вторую бутылку шампанскаго, Пьеръ; ее время откупорить и начать; я распоряжусь этимъ дѣломъ тихо и не мѣшая вамъ. Неодѣлю никого.... А вы продолжайте; это ничему не помѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что in veritate vinum.... Такъ, кажется, говоритъ латинская пословица?

Черницкій подвинулъ вторую бутылку шампанскаго къ Борецкому и снова обратился къ своему другу-сопернику.

— И такъ, эти обстоятельства....

— Состоятъ именно вотъ въ чемъ, началъ рѣчь Бѣльской: домъ Ракитиныхъ, не смотря на свою старинную знаменитость, теперь пообѣднѣлъ немножко, благодаря безпечности послѣдняго своего представителя, Петра Спиридоныча....

— Это я очень хорошо знаю, прервалъ его Черницкій; но что-же изъ этого?

— А то, что я богатъ....

— И я никакъ не бѣднѣе тебя.

— Единственный сынъ, слѣдовательно и наслѣдникъ....

— Точно такъ-же, какъ и я!

— Лѣта наши такъ пропорціональны съ Юліей Петровной.

— Ты забылъ, что мы ровесники съ тобой, другъ Валерьянъ.

— Къ тому-же, за секретъ тебѣ скажу, что я уже имѣю почти вѣрное слово на этотъ бракъ отъ Маріи Семеновны Ракитиной, а ты знаешь, что она полная хозяйка въ домѣ.

— И я за тайну шепну тебѣ на ушко, другъ Валерьянъ, что Петръ Спиридонычъ не дальше, какъ вчера, формально обнадежилъ меня успѣхомъ, и сказалъ, чтобы я считалъ это дѣло почти конченнымъ.

Настало минутное молчаніе, въ продолженіе котораго наши антагонисты осушили еще по бокалу шампанскаго, котораго налилъ имъ услужливый посредникъ Василій Васильевичъ Борецкій, внимательно слѣдившій разговоръ ихъ, что впрочемъ не мѣшало ему заняться и второю бутылкою „vini in veritate“, употребляя его перифразисъ латинской цитаты.

Отъ жаркаго-ли разговора или отъ второй бутылки вина, только лица обоихъ соперниковъ довольно разгорѣлись, глаза заблистали необыкновеннымъ огнемъ и во всѣхъ движеніяхъ начала обнаруживаться довольно замѣтная рѣзкость. Взаимная настроенность ихъ душъ была такова въ настоящія минуты, что сорвись съ чьего нибудь языка одно неосторожное, немножко колкое слово, и оно какъ искра, упавшая въ порохъ, сейчасъ-бы произвело сильный взрывъ.

Къ чести Василья Васильевича Борецкаго надобно сказать, что онъ тотчасъ замѣтилъ такое щекотливое положеніе дѣла и рѣшился, не дожидаясь просьбы посредничества, вступить въ разговоръ и немножко поохладить начинающихъ горячиться соперниковъ на аренѣ сватовства.

— Прежде, нежели вы начнете снова вашъ разговоръ, или прямѣе сказать, вашъ споръ, любезные друзья мои, Валерьянъ и Петръ Григорьевичи. сказалъ онъ полуважнымъ и полушуточнымъ тономъ, позвольте мнѣ, въ качествѣ судьи и посредника, избраннаго добровольно вами самими, остановить васъ на минутку времени и для уясненія такого темнаго и щекотливаго дѣла, какъ ваше, сдѣлать вамъ одинъ весьма простой вопросъ....

— Какой вопросъ? сказалъ Черницкій.

— Спрашивайте, что вамъ угодно, сказалъ Бѣльской.

— Изо всего длиннаго разговора вашего на счетъ общей вашей невѣсты, Юліи Петровны Ракитиной, я вижу только то, что оба вы равно влюблены въ нее, хоть и говорятъ, что совершенно равныхъ вещей въ природѣ не бываетъ — но положимъ, что это и такъ. Взаимные шансы ваши на полученіе ея руки опять таки вопреки вышеупомянутому положенію, совершенно одинаковы, но теперь слѣдуетъ вопросъ, очень простой, но кажется дѣльный: кого она сама любитъ преимущественно? По моему крайнему разумѣнію, этимъ только отвѣтомъ и можетъ вполнѣ разрѣшиться весь споръ вашъ. Спрашивали-ли вы ее объ этомъ?

— Да, я спрашивалъ! быстро сказалъ Черницкій.

— И я также, въ свою очередь отвѣчалъ Бѣльской.

— Что-же она?

— Она сказала, что находитъ меня очень хорошимъ человѣкомъ, могущимъ сдѣлать счастіе каждой благородной дѣвушки, которая соединитъ судьбу свою съ моею, сказалъ Черницкій.

— Хорошо. Ну, а вамъ что отвѣчала она, почтеннѣйшій Валерьянъ Григорьичъ? спросилъ Борецкой Бѣльскаго.

— Другими словами, но почти тоже самое.

— Фу, пропасть, господа! Да вѣдь не въ обоихъ-же васъ влюблена она!

— Конечно.

— Вѣроятно.

— Вѣдь вы не пара лайковыхъ перчатокъ, изъ которыхъ непремѣнно надо имѣть обѣ на своихъ рукахъ! Это ужъ просто непостижимая вещь! И не у такого посредника, какъ я, въ этомъ случаѣ умъ за разумъ зайдетъ.... Надобно еще

освѣжить голову.... Подвиньте-ко ваши пустые бокалы, господа....

И всѣ три бокала снова были налиты и въ одинъ мигъ осушены нашими тремя друзьями, но дѣло отъ этого никакъ не подвинулось впередъ, за то молодая горячая кровь молодыхъ людей еще быстрѣе побѣжала по жиламъ и ярче загорѣлась огневымъ румянцемъ на щекахъ ихъ....

— Ну, да однимъ словомъ, что тутъ долго толковать, вскричалъ разгорячившійся Черницкій, и такъ шибко стукнулъ объ столъ своимъ опорожненнымъ бокаломъ, что онъ разлетѣлся въ дребезги; однимъ словомъ, я люблю Юлиньку Ракитину! Обожаю ее такъ, что не уступлю никому на свѣтѣ иначе, какъ съ моею жизнію!

— Эхъ, другъ Петя! Для чего-же колотить хрусталь? Вѣдь онъ совсѣмъ не виноватъ въ этомъ дѣлѣ, хладнокровно замѣтилъ Борецкой; хорошо, что еще около тебя стоитъ стаканъ, а то бы и налить не во что....

— Да неужели-же вы думаете, милостивый государь, что я меньше васъ могу любить и цѣнить достоинства въ женщинѣ! почти съ такою-же запальчивостію вскричалъ въ свою очередь разгорѣвшійся Бѣльской, быстро обращаясь къ Черницкому. Такъ знайте-же, что и я люблю Юлію Петровну, и люблю такъ, что эту страсть никто не сможетъ вырвать изъ моего сердца иначе, какъ съ самимъ сердцемъ!

— Помилуйте! насмѣшливымъ и даже нѣсколько задорнымъ тономъ началъ Черницкій; помилуйте, Валерьянъ Григорьевичъ. Вы всегда такой хладнокровный и разсудительный человѣкъ.... Гдѣ вамъ унизиться до такой сильной любви къ молоденькой дѣвочкѣ!

— Также, какъ и вамъ мудрено и почти невозможно, съ вашимъ вѣтреннымъ и дѣтскимъ характеромъ, почувствовать глубокую страсть къ кому нибудь! возразилъ Бѣльской.

— Но это, кажется, начинаются уже обидныя личности, милостивый государь? съ новою запальчивостію вскричалъ Черницкій, вскакивая съ своего стула.

— Продолжаются, хотите вы сказать, Петръ Григорьичъ? возразилъ Бѣльской, стараясь сохранить возможное хладнокровіе: потому что ихъ начали вы, а не я!

— Вы всегда и во всемъ правы, сколько я вижу....

— Точно также, какъ и вы всегда и во всемъ виноваты, сколько я замѣчаю.

— А знаете, я бы попросилъ васъ уволить меня отъ вашихъ неумѣстныхъ замѣчаній!

— А если-бы этакъ, я васъ не послушался?

— Ну, тогда бы я васъ „заставилъ“.

— Право?

— Истинно такъ!

— Любопытно-бы знать, какимъ образомъ?

— Угодно, чтобы я удовлетворилъ вашему любопытству?

— Прошу васъ покорнѣйше!

— Вы, бывши въ Парижѣ, хаживали въ фехтовальную залу?

— Даже учился стрѣлять въ цѣль на тридцать шаговъ изъ пистолета!

— И попадали иногда?

— Да, если цѣль не меньше вашей раскраснѣвшейся фигуры....

— Вы забываетесь!

— А вы ужъ давно забылись!

— А если такъ, то....

И оба разгоряченные молодые люди въ одно и тоже время вскочили съ своихъ стульевъ и готовы были почти броситься другъ на друга, еслибы Борецкой не вступился въ дѣло и не остановилъ ихъ своимъ громкимъ и густымъ басомъ.

— Какъ вамъ не стыдно, господа! вскричалъ онъ, усаживая на мѣста разгорячившихся соперниковъ; какъ вамъ не стыдно ребячиться и еще въ добавокъ при постороннемъ свидѣтелѣ, котораго вы избрали судьею и посредникомъ себѣ.... По мѣстамъ, говорю я вамъ, господа! Извольте подать другъ другу руки, иначе я васъ оставляю, и тогда дѣлайте, что хотите, по крайней мѣрѣ я не буду краснѣть за васъ.

Опомнившіеся молодые люди опустились тихо на свои стулья, и какъ покорные ученики по приказу строгаго учителя, протянули другъ другу руки.

— Дѣйствительно, мы какъ маленькія дѣти, какъ глупые школьники, раззадорились изъ пустяковъ, любезный Пьеръ; сказалъ улыбаясь Бѣльской.

— Извини меня, любезный Валерьянъ, у меня всегда та-

кая глупая, кипучая кровь.... сказалъ въ свою очередь Черницкій.

— Давно бы такъ! Вотъ это я люблю, друзья мой! вскричалъ развеселившійся посредникъ, видя что молодые люди опять сдѣлались друзьями. Худой миръ лучше доброй брани, есть пословица.

— Нашъ миръ отнюдь не худой; сказалъ со смѣхомъ Бѣльской.

— Да и брань не была добрая, милый мой толстячекъ Базиль, прибавилъ Черницкій.

— Тѣмъ лучше; но такъ какъ ужъ изъ за стола пора вставать намъ, любезные друзья мои — продолжалъ Борецкой — а третья бутылка шампанскаго еще не почата, то я полагаю, что теперь именно время мнѣ заняться ею, пока вы закуриваете ваши сигары. Мировую-же, по старому русскому обычаю, всегда запиваютъ виномъ или вспрыскиваютъ, какъ выражается простой людъ, а между тѣмъ продолжимъ хладнокровно и разсудительно разговоръ нашъ о дѣлѣ, дѣйствительно весьма щекотливомъ и важномъ для обоихъ васъ, которое надобно-же какъ нибудь кончить, въ самомъ дѣлѣ.

— Базиль говоритъ правду, Валерьянъ?

— Я съ нимъ совершенно согласенъ, Пьеръ.

— Надобно-же, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ нибудь кончить мудреный романъ нашего общаго сватовства и дружескаго соперничества?

— Именно надобно кончить! повершилъ Борецкій, принимаясь откупоривать третью завѣтную бутылку.

Но онъ ошибся. Роковая третья бутылка не кончила, а только завязала, или лучше сказать, начала исторію, которая могла имѣть чрезвычайно гибельныя послѣдствія для двухъ главныхъ героевъ нашей повѣсти.

Мы сказали выше, что Василій Васильевичъ Борецкій ошибся, думая, что третья бутылка окончитъ все дѣло.... Это было дѣйствительно такъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться веселѣе и слѣдственно добрѣе и миролюбивѣе, наши два соперника какъ-будто, вмѣсто вина, напились ненависти другъ къ другу. Въ словахъ и взорахъ ихъ ясно можно было замѣтить, что дѣло идетъ часъ отчасу хуже.

Напрасно добрякъ Борецкій употреблялъ всѣ зависящіе

отъ него способы, чтобы какъ-нибудь уладить это мудреное дѣло; напрасно доказывалъ онъ имъ, что они горячатся изъ пустяковъ, и что ни одна женщина въ природѣ, будь она лучше и красивѣе греческой Елены, или даже и самой Венеры, не стоитъ того, чтобы двое искреннихъ друзей перессорились изъ за нея между собою; на всѣ его резоны и краснорѣчивыя увѣщанія, оба влюбленные отвѣчали въ одинъ голосъ, что онъ ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ, и что онъ, такъ какъ самъ не можетъ влюбиться ни въ одну женщину по своему ледяному сложенію, то и о другихъ думаетъ тоже?

Это наконецъ вывело изъ себя всегда хладнокровнаго Борецкаго.

— А изъ чего вы заключаете, господа безумствующіе, что у меня ледяное сложеніе? наконецъ вскрикнулъ громко Василій Васильевичъ и стукнулъ своимъ толстымъ кулакомъ по столу.

— Изъ того, что ты до-сихъ-поръ ни въ кого ни разу не былъ влюбленъ, отвѣчалъ Черницкій.

— А кто тебѣ сказалъ, что я не былъ ни въ кого влюбленъ?

— Это видно изъ всѣхъ вашихъ словъ и холодныхъ совѣтовъ, замѣтилъ въ свою очередь Бѣльской.

— Плохо-же вы оба видите, господа! сказалъ съ прежнимъ хладнокровіемъ Борецкій и снова принялся за бутылку. А если я вамъ скажу и докажу, что и я въ свою очередь дурачился, не меньше васъ, но только далъ было себѣ честное слово никогда и никому не говорить объ этомъ. Если и я былъ влюбленъ, да еще почище и постраннѣе васъ, но вылечился отъ этой глупой страсти именно тѣмъ, что мнѣ Богъ послалъ на счастье такого-же добраго и умнаго совѣтника, каковъ я теперь въ отношеніи къ вамъ обоимъ. Ну, что вы обо мнѣ скажете тогда, господа?

— Это невѣроятно! сказалъ Бѣльской.

— Это просто невозможно, какъ эхо повторилъ Черницкій.

— Вотъ то-то и есть, господа мечтатели, что сами вспыхиваете, какъ порохъ, такъ еще изъ этого не слѣдуетъ, чтобы другіе были льдинами на свѣтѣ. У всякаго человѣка

есть сердце и у всякаго сердца есть молодость, то-есть пора безумія. Для меня только пораньше вашего миновала эта пора, вотъ и вся разница между нами. Ты, бывало, часто приставалъ ко мнѣ, Петя, чтобы я разсказывалъ тебѣ происшествія моей первой молодости—я всегда отнѣкивался и говорилъ, что мнѣ нечего разсказывать....

— Ужели-же ты въ этомъ случаѣ лгалъ мнѣ, мой добрый толстячекъ, Базиль? Чуть не съ хохотомъ вскричалъ Черницкій.

— Еще какъ лгалъ-то! У меня также былъ романъ въ жизни, или лучше сказать, начинался, да къ счастію моему не кончился, благодаря одного добраго человѣка, именно Дмитрія Ѳедосѣича Лунькова, этого стараго заслуженнаго воина.... Да ты его не помнишь, Петя, хоть онъ петербургецъ, какъ и ты.

— Другъ Базиль! Одолжи насъ обоихъ, разскажи намъ этотъ романъ своей первой молодости! вскричалъ снова восторженнымъ голосомъ Черницкій, и тогда мы увидимъ съ Валерьяномъ, дѣйствительно-ли ты знаешь любовь, понимаешь женщинъ, и можешь-ли быть справедливымъ судьею и посредникомъ въ нашемъ дѣлѣ.

— Да, это было-бы очень любопытно, прибавилъ съ улыбкою Бѣльской, и можетъ быть, немножко порасхолодило-бы насъ съ Пьеромъ; а то мы было раскипятились не на шутку.

— Но вѣдь это, господа, довольно длинная исторія, и къ тому-же она не столько моя, сколько покойнаго Дмитрія Ѳедосѣича, отвѣчалъ, съ разстановкою прихлѣбывая шампанское изъ бокала, Борецкій.

— Тѣмъ лучше; двѣ исторіи вмѣсто одной. Это два удовольствія вмѣсто одного.

— А вы еще не хотите спать?

— Ни мало.

— Такъ и быть! Сдѣлаю для васъ исключеніе и разскажу вамъ то, чего не хотѣлъ было никогда и никому разсказывать. Авось мой разсказъ послужитъ вамъ въ пользу.... Разумѣется, все это останется между нами троими.... Ну, наливайте-же свои бокалы и слушайте, коли не заснете!

—

ГЛАВА IV.

Усѣвшись поспокойнѣе въ широкихъ креслахъ и прихлебывая время отъ времени вино изъ своего бокала, Василій Васильевичъ Борецкій началъ разсказъ свой.

„Очень многіе, начиная съ тебя, Петя Черницкій, зовутъ меня обыкновенно кореннымъ москвичемъ. Это не совсѣмъ справедливо, потому что только съ двадцать третьяго года моей жизни, началъ я постоянно жить и служить въ Москвѣ, а урожденецъ я петербургскій, также, какъ и ты самъ и вы, Валерьянъ Григорьичъ; у меня только годковъ десятокъ впереди васъ, вотъ и все.

„Помнится, на двадцатомъ году кончилъ я съ грѣхомъ пополамъ мой курсъ въ Санктпетербургскомъ Лицеѣ. И весело и грустно вмѣстѣ было это послѣднее разставанье съ мѣстомъ, гдѣ прожилъ я цѣлыя шесть лѣтъ лучшаго возраста моей жизни! Всякой, кто учился и жилъ въ какомъ-нибудь общественномъ заведеніи, знаетъ по себѣ, какъ тяжело разставаться съ добрыми товарищами, которыхъ легковѣрная юность обыкновенно производитъ безъ дальнихъ околичностей въ „вѣчные, неизмѣнные друзья“ и съ которыми, по выходѣ изъ заведенія, иногда случится ни разу и не встрѣтиться на дорогѣ жизни! Сколько обѣщаній, уговоровъ, иногда даже слезъ и клятвъ дается въ такихъ случаяхъ — и какъ рѣдко выполняются всѣ эти обѣщанія и уговоры! Какъ скоро осушаются эти слезы, забываются клятвы! Таковъ человѣкъ, особливо, если этому человѣку не болѣе двадцатаго года.

„Нѣкоторые говорятъ, что привычка вторая природа. Другіе утверждаютъ, что самая природа ничто иное, какъ первая привычка. Не моего ума дѣло судить, чья мысль справедливѣе, кто правъ, кто виноватъ, только дѣло въ томъ, друзья мои, что мнѣ истинно было очень трудно разставаться съ лицеемъ, къ которому я привыкъ, какъ къ отеческому дому. Эти комнаты были такъ мнѣ знакомы! Этотъ огромный садъ избѣганъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ! Я любилъ даже скамейку, на которой сидѣлъ; чернилицу, въ которую обмакивалъ перо мое... А гулянья по вечерамъ? А веселыя дѣтскія игры? А разсказы и мечты о будущемъ?

Все это такъ хорошо, такъ обольстительно.... Тѣмъ болѣе, что тогда еще жилось съ чистымъ, неиспорченнымъ дыханіемъ свѣта, сердцемъ. Хороша, друзья мои, первая половина жизни человѣческой! Это весна, вѣчно цвѣтущая, теплая, веселая, благоуханная....

„По окончаніи курса наукъ, я вышелъ изъ лицея, распрощался съ добрыми товарищами дѣтства, которые всѣ меня любили, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ казалось тогда — и пошелъ свободно гулять по прекрасному Божьему свѣту!

„Надобно вамъ сказать, друзья мои, что я былъ круглый сирота въ свѣтѣ. Матушку потерялъ я при самомъ моемъ рожденіи. Отецъ мой былъ убитъ въ послѣдней турецкой кампаніи. Родственники дальніе хоть и были у меня, но они въ буквальномъ смыслѣ были для меня родственники дальніе. Одни жили въ Саратовской, другіе въ Оренбургской губерніяхъ, третьи коротали свой вѣкъ въ степныхъ деревняхъ, которыхъ мудренаго названія и не выговоритъ порядочный человѣкъ, не изломавши языка; слѣдовательно я былъ, говоря языкомъ модныхъ романистовъ: одинъ въ приходѣ!

„Но и то не совсѣмъ правда. Уединеніе мое въ петербургской природѣ раздѣлялъ старикъ, дядька мой Антипычъ, котораго я сталъ знать и помнить, кажется съ-тѣхъ-поръ, какъ взглянулъ въ первый разъ на свѣтъ Божій. Этотъ Антипычъ былъ всегда при мнѣ, какъ тѣнь моего тѣла. Я сидѣлъ — онъ стоялъ за моимъ стуломъ. Я ходилъ — онъ непремѣнно за мною. Я ложился въ постель — онъ стлалъ свой кожаный тюфячекъ въ ногахъ у меня. Даже когда я читалъ — Антипычъ ворочалъ мнѣ страницы; когда писалъ — онъ или чинилъ перо или держалъ передо мною чернилицу. Разумѣется, такого человѣка, нельзя не полюбить, по-крайней-мѣрѣ привыкаешь къ нему, что, сказать между нами, кажется одно и тоже. Самая любовь есть также не болѣе, какъ милая привычка, а всякая привычка — особливо къ хорошенькой женщинѣ — обратится непремѣнно въ любовь, въ этомъ повѣрьте мнѣ.

„Я занималъ довольно недурныя три комнатки на Литейной улицѣ. Антипычъ постарался прибрать ихъ чистенько. Мебель была орѣховаго дерева, передъ диваномъ пестрый персидскій коверъ, на потолкѣ голубая изъ папье-маше люстрочка въ пять свѣчъ, все порядочно, благопристойно. Въ неболь-

шомъ кабинетѣ, служившемъ мнѣ вмѣстѣ и спальнею, длинный письменный столъ, три черешневые чубука съ турецкими трубками, вольтеровское кресло, а на стѣнѣ довольно хорошія картины. Не доказываетъ-ли все это, что у Антипыча былъ вкусъ довольно изящный и разборчивый?

„ Заговоря о вкусѣ Антипыча, нельзя не упомянуть и о томъ, что этотъ вкусъ обнаруживался иногда и очень странными привычками. Стыдно сказать, а грѣхъ утаить, мой старый Антипычъ луше всего зналъ вкусъ въ винахъ и, вѣроятно, послѣ уже долгихъ изслѣдованій и наблюденій по этой части, рѣшилъ въ умѣ своемъ однажды на всегда, что изо всѣхъ напитковъ самый лучшій, здоровѣйшій, а можетъ быть и дешевѣйшій, есть русскій ерофеичъ; а надобно вамъ сказать, что если ужъ что однажды, бывало, рѣшитъ въ головѣ своей Антипычъ, того ужъ вы не выбьете изъ нея никакимъ клиномъ! Въ слѣдствіе этой твердой воли, онъ и пристрастился къ избранному напитку, употребляя его регулярно, какъ я чай, то-есть, по два раза въ день, утромъ и вечеромъ, съ тою только разницею, что я пилъ обыкновенно по одному стакану, а онъ, помнится, по три.... Но правду сказать, вѣдь онъ былъ и много старше меня.

„Извѣстивши васъ, друзья мои, что я былъ круглый сирота, я до-сихъ-поръ не сказалъ вамъ еще ни слова о способахъ моего содержанія, а этого не водится въ нашъ положительной вѣкъ ни въ одномъ повѣствованіи, какъ изустномъ, такъ и печатномъ. Въ блаженныя времена сладенькаго Лафонтена, надъ которымъ, бывало, плачутъ наши бабушки, и чувствительной мадамъ Жанлисъ, которую и теперь еще дочитываютъ въ уѣздныхъ городахъ отдаленныхъ губерній, этотъ важный пунктъ былъ совершенно оставленъ безъ вниманія. Бывало, герой романа, цѣлые шесть, а иногда и десять томовъ, живетъ себѣ, шалитъ, разъѣзжаетъ по свѣту, влюбляется, дурачится, однимъ словомъ, дѣлаетъ, что душѣ угодно, а читатель или слушатели, какъ напримѣръ теперь вы у меня, и не знаютъ, чѣмъ онъ живетъ, сколько у него имѣнія? Бывало, довольно сказать о героѣ романа, „молодой, прекрасный Адольфъ“ или „бѣлокурый обворожительный Валентинъ“, вотъ и все тутъ — и пиши себѣ что хочешь! А нынче совсѣмъ не то время. Нынче отъ героя романа, будь онъ

хоть блондинъ, хоть брюнетъ, или хоть шантретъ, какъ выразился Гоголь, читатель требуетъ полнаго формулярнаго списка, да еще въ особенности обращаетъ вниманіе, имѣетъ-ли у себя родовое или благопріобрѣтенное имѣніе, сколько и гдѣ именно?

„Въ слѣдствіе всего этаго и я — хоть не писатель, а простой разскащикъ — все-таки считаю себя обязаннымъ объяснить вамъ, мои почтеннѣйшіе слушатели, что у круглаго сироты, то-есть, у меня, изъ родоваго имѣнія было сто двадцать душъ мужеска пола, по послѣдней ревизіи, считая тутъ же и душу моего задушевнаго друга и ментора, Антипыча, въ Тульской губерніи въ.... не помню, какомъ-то мудреномъ уѣздѣ; а изъ благопріобрѣтеннаго — ровно ничего, кромѣ развѣ тѣхъ вещей, которыми снабдилъ предусмотрительный Антипычъ новую мою квартиру на Литейной.

„Ну — оно конечно, одной душѣ можно жить порядочно, имѣя въ своемъ распоряженіи сто двадцать душъ,

«Но — такова у насъ природа,
«Ей все побольше бы дохода,—

сказалъ не помню кто-то, и сказалъ, по моему, очень справедливо. Природа — особенно петербургская, страсть какъ любитъ деньги; да и нельзя иначе: гдѣ кучи людей — тамъ нужны и кучи золота. Надобно вамъ сказать, господа, и то, что съ кончины батюшки, котораго также, какъ и меня, звали Васильемъ Васильичемъ, мои сто девятнадцать душъ,—управлялись, я не знаю, какъ и кѣмъ! Сначала я, и имѣніе мое, разумѣется, было подъ опекой. Опекуномъ моимъ былъ мотъ, на котораго собственная жена его просила начальство, и котораго, помнится, ейже самой и отдали подъ опеку; слѣдственно вы можете себѣ представить, какъ все это было. Жена опекала мужа, мужъ опекалъ меня и изо всего этого, по русской пословицѣ, испекся въ моемъ имѣніи блинъ комомъ! Когда я вышелъ изъ опеки, деревня моя завѣдывалась управителемъ, весьма почтеннымъ человѣкомъ, который лѣтъ десять управлялъ ею по найму, еще при покойномъ батюшкѣ; хаживалъ всегда въ коричневомъ фракѣ, съ перломутровыми пуговицами и въ зеленомъ галстухѣ съ пышнымъ жабо, что дѣлало его весьма похожимъ на длинную свекловицу съ зеленью, и наконецъ от-

казался отъ управленія за недостаткомъ свободнаго времени, потому-что онъ ухитрился какъ-то, не смотря на свою свекольную фигуру, скопить нѣсколько деньжонокъ, и купить себѣ рядомъ съ нашею деревнею, большой лошадиный заводъ.... Послѣ него управленіе вручено было старостѣ Панфилу. Староста Панфилъ хоть и просто да хитро умѣлъ писать письма къ барину и присылать отчеты, подъ которые, какъ говорится, иголки не подпустишь. Охотникъ былъ броситься при свиданіи цѣловать ваши ручки, иногда ляпнуться и въ ноги во весь свой ростъ; но отъ всего этого дѣла никакъ не шли лучше; крестьяне бѣдняли день ото дня, рубили господскій лѣсъ и воровали кому что попало подъ руку. Недоимокъ за ними накопилось столько, что ужъ пришлось по неволѣ простить имъ, потому-что очевидна была невозможность выплатить ихъ.

„И такъ, друзья мои, при небольшой смѣтливости съ вашей стороны, вы легко себѣ можете представить, что финансы мои были слишкомъ ограничены и что мнѣ жить въ Петербургѣ было не такъ-то весело, не смотря на то, что тамъ есть всѣ возможные способы веселиться. Разумѣется, мнѣ предстояли два пути улучшить мое состояніе: одинъ — судя по петербургски — пойти въ службу; другой — судя по московски — жениться на богатой невѣстѣ. Но такъ какъ мнѣ на первый путь не удалось попасть, а на другой я самъ не захотѣлъ вступить безъ перваго, только какъ-бы то ни было, я продолжалъ жить, какъ вы знаете, тѣмъ болѣе, что здоровье мое было и тогда еще слабо отъ природы, не смотря на то, что меня еще въ Лицеѣ прозвали толстячкомъ, и петербургскіе доктора совѣтовали мнѣ годокъ другой отдохнуть и укрѣпиться, послѣ долгаго ученья, чему, признаться, и самъ я былъ очень радъ.

„Мой умный менторъ Антипычъ, не меньше меня смыслившій о двухъ упомянутыхъ мною способахъ поправить мое состояніе, придумалъ мнѣ попробовать третій и, какъ-бы вы думали — какой? Но я не хочу заставлять васъ долго думать и объясню все дѣло, изложа его для ясности точно въ такомъ видѣ и порядкѣ, какъ оно происходило.

„Однажды, въ шесть часовъ вечера, когда снѣгъ крупными хлопьями валилъ на землю, а мнѣ надобно было ѣхать въ

театръ, смотрѣть только-что пріѣхавшую въ Петербургъ, не помню какую-то европейскую знаменитость женскаго рода, то-есть танцовщицу, о которой всѣ кричали въ одинъ голосъ, что она чудо, прелесть, я, докуривая трубку табаку, сказалъ моему Антипычу:

„— Приготовь мнѣ попроворнѣе чаю, да приведи лошадь, я сегодня ѣду въ театръ.

„Антипычъ зачесалъ у себя затылокъ.

„— На васъ припадокъ что-ли напалъ такой, батюшка, Василій Васильичъ? сказалъ онъ, что вы третій никакъ разъ въ одну недѣлю ѣдете въ этотъ, какъ его тамъ, театръ? прежде вы бывали не чаще какъ разъ или два въ мѣсяцъ.

„— Теперь у насъ чудесная танцовщица изъ Парижа, Антипычъ, отвѣчалъ я; ее грѣхъ не видать всякому порядочному человѣку.

„— Танцовщица? то-есть по нашему плясунья! Да пляши она себѣ хоть на головѣ, я копѣйки не дамъ за ея штуки, а я тоже человѣкъ порядочный, сударь. Изъ Парижа пріѣхала! Большая невидаль! Ужъ мнѣ этотъ Парижъ вашъ. Народецъ, видно тамъ, правду сказать, на обухѣ рожь молотитъ!

„— Ну вотъ ты и разворчался, Антипычъ! Знаешь, что я не люблю этого?

„— Знать-то знаю, сударь, да вѣдь не вытерпишь смолчать. Смотрите, батюшка Василій Васильевичъ, не заставили-бы васъ всѣ эти иностранныя плясуньи самихъ проплясать подъ чужую дудку.... Вишь взглядъ-то на нихъ, окаянныхъ, больно дорогъ. Узоры ужъ что-ли какіе на рожѣ то у нихъ? За кресло-то имъ въ театрѣ заплати красненькую, да еще вотъ, дурна погода, такъ найми лошадь, а тамъ, сидя да глядя на ихъ глупости до полуночи, того и смотри — вѣдь человѣкъ есть — захочется или выпить или скушать что-нибудь.... сунься въ кофейную — все въ три-дорога, анъ расходовъ-то и много! Анъ съ этакимъ-то разпорядкомъ, батюшка Василій Васильевичъ, дойдемъ скоро и до того, что будемъ голодные плясать въ холодной горницѣ. Вѣдь у васъ послѣ покойнаго батюшки, пошли ему Господь царство небесное! Не двѣ тысячи душъ осталось, а съ небольшимъ сотня, да и тѣ въ очень плохомъ видѣ послѣ управителя, что

теперь на ваши-же денежки купилъ лошадиный заводъ себѣ, да мошенника старосты Панфилки.

„— Ну, вѣдь ужъ я знаю тебя, Антипычъ; теперь конца не будетъ твоей рѣчи! Дѣлай лучше, что велятъ. Мнѣ теперь некогда тебя слушать. Ужо поговоримъ объ этомъ.

„Антипычъ опять почесалъ свой затылокъ и пошелъ готовить самоваръ, утѣшая себя, можетъ быть, тѣмъ, что приходитъ часъ и ему самому приняться за свою вечернюю порцію ерофеичу.

„Поздно ночью, когда я, воротясь изъ театра, бросился на диванъ мой въ полномъ очарованіи отъ хорошенькой танцовщицы, удивлявшей тогда весь Петербургъ своими необыкновенно граціозными позами и полу-воздушными скачками, мой Антипычъ опять стоялъ передо мною, почесывая по давишнему свой затылокъ и какъ-бы вызывая этимъ меня опять на тотъ-же самый разговоръ, о которомъ вы знаете.

„— Ну, Антипычъ, что ты такъ пристально посматриваешь на меня, наконецъ сказалъ я, какъ будто хочешь меня спросить о чемъ нибудь?

„— А что сударь, Василій Васильичъ, плясунья-то французская хороша? Бойко плясала?

„— Бойко, Антипычъ, отвѣчалъ я, улыбаясь.

„— Онѣ на это мастерицы, провалъ ихъ возьми, Иродіады этакія.... Ужинать будете, Василій Васильевичъ?

„— Нѣтъ; я закусилъ немножко тамъ.

„— Гм! тамъ?... Закусили-то, чай, сударь, дѣйствительно немножко, а заплатили много.

„— Опять, кажется, давишняя исторія, Антипычъ?

— Да оно точно исторія-то таже, что давича, батюшка Василій Васильичъ; только я досказалъ-то вамъ ее не всю, а доложить искренне надлежитъ въ подробности вашей милости....

„— Ну, что тамъ такое? докладывай Антипычъ, сказалъ я разсѣянно.... Хорошенькая танцовщица съ своими канальскими ножками въ бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ, знаете, все еще летала предъ моими глазами.

„—Вотъ, сударь, скоро масляница на дворѣ, началъ Антипычъ, откашлянувшись и прикрывъ изъ приличія ротъ ладонью, а изъ нашей деревни все ни слуху ни духу. А еще

надобно-бы объ Рождествѣ получить оброкъ. Вы, Василій Васильевичъ, ни о чемъ не думаете, а вѣдь если у насъ такъ пойдетъ дѣло, такъ Великимъ-то постомъ придется въ самомъ дѣлѣ, поститься на сухаряхъ да на водѣ!

„— Такъ и слѣдуетъ, Антипычъ, но въ самомъ дѣлѣ, отчего-же староста до-сихъ-поръ не шлетъ ничего?

„— Въ томъ-то и штука, сударь. Расходы-то у насъ велики, а приходъ-то тугонекъ. Разбойникъ Памфилка не хочетъ подѣлиться съ бариномъ.... Какія дѣла-то онъ дѣлаетъ тамъ, становится, батюшка, Василій Васильичъ!

„— А что-же такое, Антипычъ?

„— Да вотъ не угодно-ли, сударь, я прочту вамъ, что пишетъ изъ Кашаровки тетка моя Аѳимья. Это письмо получилъ я по оказіи черезъ Свѣтловскихъ мужичковъ; они были здѣсь у своего барина съ оброкомъ, да съ провизіей.

„И Антипычъ вынулъ изъ своего боковаго кармана сложенное въ три погибели, замасленное письмо своей тетки Аѳимьи, и надѣвъ большія очки на носъ, приготовился читать.

„Надобно было въ эту минуту посмотрѣть со стороны на моего Антипыча! Кстати скажу здѣсь нѣсколько словъ объ его особѣ, съ которой еще не слишкомъ коротко знакомы вы, друзья мои. Антипычъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ шестдесятъ, но съ виду моложе. Росту былъ онъ высокаго, отчего и горбился безпрестанно. Волосы на головѣ его были съ значительною просѣдью и довольно рѣдкіе. Насмѣшники даже называли его плѣшивымъ, но по его собственнымъ словамъ, онъ былъ только просто рѣдковолосъ. Глаза онъ всегда имѣлъ привычку прищуривать, что можетъ быть зависѣло и отъ его близорукости, по причинѣ которой и надѣвалъ онъ въ иныхъ важныхъ случаяхъ очки, всегда чистые и свѣтлые, сохраняемые бережно въ кожаномъ зеленомъ продолговатомъ мѣшечкѣ, съ чернымъ снуркомъ для завязыванія ихъ. Одѣвался онъ почти всегда одинаково; въ будни—синяя куртка съ большими карманами, при панталонахъ такого-же цвѣта; въ праздникъ — длинный сѣрый сюртукъ съ посеребреными большими пуговицами, въ родѣ старинныхъ цѣлковыхъ-крестовиковъ.... Вотъ вамъ полный портретъ моего Антипыча, господа!

„Какъ теперь гляжу я на него, какъ вздѣвши съ прилич-

ною обстоятельствамъ важностію, очки свои на носъ, который отчего-то всегда былъ къ кончику нѣсколько красноватъ у него, и нагнувшись къ свѣчѣ, стоявшей на маленькомъ столикѣ около моего дивана, онъ откашлянулся систематически, въ три пріема, хотѣлъ было плюнуть, да сдержался, вѣроятно изъ уваженія къ особѣ своего барина, и началъ читать письмо своей тетки Аѳимьи:

„Любезнѣйшій нашъ племянникъ Антонъ Антипычъ; и у насъ былъ праздникъ, да и не радошенъ....

„Антипычъ остановился и перевертывая страницу сказалъ:

„— Нѣтъ, это не то, сударь! Это сначала тетка Афимья пишетъ кой о какихъ семейныхъ дрязгахъ.... Знаете, деревенское дѣло! А вотъ я пріищу вамъ мѣсто о старостѣ....

„— Нѣтъ, нѣтъ, Антипычъ, прервалъ я его, чувствуя въ себѣ расположеніе посмѣяться; ужъ читать — такъ читать все. Я хочу знать даже и о семейныхъ дѣлахъ твоей тетки: вѣдь тутъ нѣтъ секретовъ?

„— Никакихъ.... Да вѣдь вамъ покажется скучно, батюшка, Василій Васильевичъ? Наше дѣло простое, деревенское, грязное....

„— Нужды нѣтъ, я хочу непремѣнно слышать все.

„Антипычъ поправилъ очки на носу и началъ снова читать.

„Письмо это было такъ оригинально, и до такой степени разсмѣшило меня своею безграмотностію, что я выпросилъ его у Антипыча, долго берегъ, и наконецъ часто читая его для курьеза моимъ знакомымъ, выучилъ наизустъ, да кажется помню и теперь.... Вотъ оно, друзья мои:

„Любезнѣйшій нашъ племяникъ Антонъ Антипычъ! И у насъ былъ праздникъ да и нерадошенъ очень потому што. Дядя твой Правъ, и двоюродная тетка Анна, или лучше, прямая сатана въ родительскомъ нашемъ домѣ происходило. Ссора да и зашто. Дѣло было объ Рождествѣ въ пятницу. Мой легъ соснуть а я занялась послѣ обѣда домашнее дѣло навозъ, да и пошла по оттепели на рѣку воду смотрѣть да и сѣла на бережку. А и бѣжитъ тетка да и за нею дядя, давай ключь добро дѣлить! Нашто ключь добро дѣлить, есть отецъ раздѣлитъ, раздѣлитъ дѣтей, а тетка такъ слюнями и брыжжетъ, ребенкомъ такъ и суетъ, слезы. Дядя горланитъ, что онъ свому азарнику Гаврюшкѣ послалъ старый зипунъ, чтобы онъ себѣ въ

городѣ новый кафтанъ изъ него пошилъ. Живи говоритъ, онъ у меня смирно, у него въ головѣ много, старайся больше, учись дружокъ а не то худо тебѣ отъ меня будетъ, даже и мой-то проснулся да осерчалъ на меня же, а тутъ мыши въ житницѣ. Да и староста Панфилъ, чортовъ сынъ постоитъ тетки твоей Анны. Въ Питерѣ, баютъ, заглядишься, ротъ разинешь и камеди-то и куклы-то и собаки пляшутъ и корабли плаваютъ на водѣ, а на нихъ въ пушки палятъ, да на рожкахъ играютъ.... То-то чай ты наглядѣлся въ волюшку всего, дорогой племянникъ! А мошенника старосту надо-бы, не въ проносъ-то слово, свиней пасти. Все жретъ самъ окаянный; оброки пропиваетъ, а тамъ пишетъ въ граматкахъ барину: недоимка – де состоялась. Посылаю тебѣ мое благословеніе вмѣсто матери, навѣки нерушимое. Ваша покорная слуга и тетка Аѳимья Трещоткина, изъ деревни Кошоровки. Господь съ тобою!“

„— Такъ вотъ, изволите-ли видѣть, батюшка Василій Васильичъ, какъ поступаетъ тамъ Панфилъ, сказалъ Антипычъ, складывая письмо и снимая очки свои. Тетка Афимья умная баба, лишняго слова не молвитъ.

„— Что-же съ этимъ дѣлать, Антипычъ? спросилъ я.

„— Что дѣлать? да кабы вы послушались моего совѣта, сударь, я бы сказалъ вамъ, что дѣлать.

„— Говори, Антипычъ.

„Антипычъ началъ правою рукою загребать себѣ волосы на темя, забывши, что ихъ тутъ не было въ наличности.

„— Надобно смѣнить старосту, сударь.

„— А кого-же на его мѣсто, Антипычъ?

„— Пошлите меня, батюшка, Василій Васильичъ, сказалъ нѣсколько помолчавши старый слуга. Хоть и горько съ вами разстаться, а я бы отправился. Авось-бы еще не поздно поправить все.

„Я задумался.

„— А вѣдь какая славная деревня-то, сударь! продолжалъ Антипычъ. При покойномъ старомъ баринѣ наши мужички были богаче всѣхъ сосѣднихъ. Бывало, у рѣдкаго крестьянина нѣтъ синяго кафтана и краснаго кушака. А бабы-то, дѣвки-то! Кто въ штофной душегрѣйкѣ, кто въ бѣлыхъ бусахъ, кто въ кумачномъ фартухѣ съ шитыми цвѣтами, право слово!

„— А съ кѣмъ-же останусь я здѣсь, Антипычъ? спросилъ я, въ самомъ дѣлѣ тронутый одною мыслію, что мнѣ должно будетъ разстаться съ старымъ, вѣрнымъ слугою. Я такъ привыкъ къ тебѣ.... Мы еще никогда не разлучались съ тобою, даже на недѣлю времени, Антипычъ?

„Старикъ со слезами на глазахъ бросился цѣловать мои руки.

„— Радъ-бы и весь вѣкъ мой вѣковать съ вами, добрый мой баринъ! Видитъ Богъ, что старый Антипычъ любитъ васъ, какъ роднаго сына; но вѣдь это для вашей-же пользы, батюшка, Василій Васильичъ; Побудетъ Панфилъ еще годокъ-другой старостою, ужъ тогда можетъ-быть и не воротишь того, что бы можно сдѣтать при стараньи теперь. Подумайте объ этомъ хорошенько, сударь. Вѣдь сто двадцать душъ, особливо въ Тульской губерніи — не бездѣлка. При хорошемъ хозяйствѣ они могутъ давать помѣщику вѣрный и не малый доходецъ. Вы еще молоды; вамъ надобно жить, да запасать и на будущее. Вотъ, Богъ дастъ поотдохнете, поправитесь въ здоровьѣ, пойдете служить, а тамъ, можетъ-быть, задумаете и жениться, пойдутъ дѣтки.... На женнино имѣнье нечего надѣяться, вы это сами знаете, лучше старика Антипыча. Худой тотъ хозяинъ, кто смотритъ изъ женниныхъ рукъ, — извѣстное ужъ дѣло!

„— Все правда. Ты говоришь, какъ книга, Антипычъ, только знаешь-ли что мнѣ пришло въ голову сейчасъ?

„— Что такое, батюшка Василій Васильичъ?

„— Есть въ Кошаровкѣ господской домъ?

„— Домъ? да тамъ такія огромныя хоромы стояли въ мое время, что, право, не меньше и не ниже здѣшняго, тоже при рѣкѣ. Виды чудесные! А ужъ сколько комнатъ, комнатъ! И счетъ потеряешь! Хоромы эти строилъ еще вашъ покойный дѣдушка, бригадиръ Василій Панкратьевичъ Борецкій. А ужъ какой тамъ садъ былъ, батюшка Василій Васильичъ! Ну, право, больше здѣшняго Лѣтняго Саду; и тоже и статуи и бесѣдки различныя....

„— Но все это *было,* Антипычъ, давно, а я хотѣлъ-бы знать, что есть теперь?

„— Теперь я не могу доложить, сударь.

„— Если ты преувеличилъ и въ десять разъ, то все-таки,

кажется, должно еще что-нибудь сохраниться. Я хочу ѣхать самъ въ мою деревню, Антипычъ!

„Антипычъ задумался и не отвѣчалъ ни слова.

„— Что-же ты замолчалъ, Антипычъ? Развѣ намѣреніе мое ѣхать туда не нравится тебѣ? Вотъ намъ и не придется разставаться съ тобою. Мы поѣдемъ вмѣстѣ хозяйничать въ Кошаровку.

„— Все это съ перваго взгляду кажется и хорошо, сударь, сказалъ наконецъ надумавшійся Антипычъ, а между тѣмъ наврядъ-ли сбыточно.

„— Почему такъ?

„— Вы никогда не живали въ деревнѣ, сударь; скоро соскучитесь, особливо пріѣхавши туда изъ Петербурга; вы же ничего въ добавокъ вѣдь и не знаете по хозяйственной части, батюшка Василій Васильичъ.

„— Ну, ты мнѣ пособишь, Антипычъ; а соскучиться мнѣ не отъ чего. Ты знаешь, что я и здѣсь чаще сижу дома, нежели разъѣзжаю по гостямъ. Ни друзей, ни близкихъ знакомыхъ нѣтъ у меня. Разставаться не съ кѣмъ, жалѣть много — некого. Къ тому-же хлопоты для собственной пользы никогда не скучны.

„— Оно такъ, батюшка Василій Васильичъ, своя ноша не тянетъ, есть русская пословица.

„— И пословица говоритъ правду, Антипычъ. Ѣдемъ, непремѣнно ѣдемъ, и слѣдующею-же весною, какъ только установится порядочная дорога и зацвѣтутъ первые весенніе цвѣты.... Такъ, что-ли, Антипычъ?

„— Ваша воля на все это, батюшка Василій Васильичъ. Я начну изподволь, по маленьку все подготовлять къ выѣзду отсюда.

„Въ самомъ дѣлѣ съ первымъ наступившимъ путемъ, кибитка стояла уже у моего крыльца и мы оба съ Антипычемъ сбирались ужъ въ дальнюю путь-дорогу. Этотъ-то самый путь, о которомъ подалъ мнѣ идею старый слуга мой, велъ къ поправкѣ моего небогатаго и разстроеннаго состоянія.“

Тутъ Василій Васильевичъ остановился на минутку въ своемъ разсказѣ, взглянулъ на обоихъ своихъ слушателей и видя, что они очень внимательно и даже съ видимымъ удовольствіемъ слушали простой, но правдивый разсказъ его,

улыбнулся съ довольнымъ видомъ, крякнулъ, подвинулъ къ себѣ недопитую бутылку, налилъ и себѣ, и слушателямъ, и спросилъ:

— Ну что? еще не надоѣлъ я вамъ?

— Напротивъ, отвѣчали оба въ одинъ голосъ; продолжай, мы готовы всю ночь прослушать тебя.

— Въ такомъ случаѣ промочимъ горло и приступимъ къ продолженію, сказалъ съ довольною улыбкою Василій Васильевичъ и выпилъ съ разстановкою половину своего бокала, въ чемъ подражали ему охотно и слушатели.

=

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИГРЫ У ДРЕВНИХЪ.

I.

БОРЬБА.

....Ночь прошла въ жертвоприношеніяхъ: храмы были украшены гирляндами, какъ для большаго празднества, и, едва только окончились священныя церемоніи, хотя былъ еще только часъ утра, толпа устремилась къ гимназіи, такъ велико было желаніе увидать игры, напоминавшія былые свѣтлые дни Греціи....

Гимназія была подобна улью: все пространство было занято, на уступахъ зрители жались одинъ къ другому; выходы, казалось, были заперты стѣною головъ; верхъ зданія былъ увѣнчанъ рядомъ зрителей, которые, стоя, поддерживали другъ друга, имѣя единственными точками опоры позолоченныя балки, на которыхъ натягивался velarium *, и кромѣ того множество народа, какъ пчелы около улья, кипѣло у входовъ этого огромнаго зданія, въ которое стеклось не только все народонаселеніе Коринѳа, но и такъ сказать, депутаты со всего свѣта, прибывшіе на эти празднества. Что касается до женщинъ, онѣ виднѣлись вдали у воротъ

* Наметъ, защищавшій циркъ отъ жару.

и на стѣнахъ города, гдѣ онѣ дожидались, когда провозгласятъ имя побѣдителя. По старинному закону, всякая женщина, присутствующая при упражненіяхъ въ борьбѣ, гдѣ атлеты сражались нагіе, осуждалась на низверженіе со скалы.

Проконсулъ всталъ и возвѣстилъ именемъ цезаря Нерона, императора Рима, что игры открылись: его слова были приняты съ громкими криками и рукоплесканіями, — и всѣ взоры обратились къ портику, гдѣ борцы ожидали знака выступить въ бой. Семеро молодыхъ людей вышли изъ портика и приблизились къ трибунѣ проконсула. Только двое борцовъ были изъ Коринѳа, въ числѣ остальныхъ пяти были ѳивянинъ, сиракузянинъ, сибаритъ и два римлянина.

Коринѳяне были два брата-близнецы. Они шли, обнявшись, одѣтые въ одинакія туники и такъ походили другъ на друга ростомъ, манерами и лицомъ, что весь циркъ захлопалъ руками при видѣ этихъ двухъ менехмовъ.

Ѳивянинъ былъ молодой пастухъ. Однажды, когда онъ пасъ свои стада близъ горы Киѳерона, онъ увидалъ подошедшаго къ нему медвѣдя, бросился къ нему на встрѣчу и безъ оружія противъ этого ужаснаго противника, схватился съ нимъ и задушилъ его въ борьбѣ. Въ память этой побѣды онъ покрылъ себѣ плеча кожею убитаго звѣря, голова котораго, служа ему вмѣсто шлема, обрамливала своими бѣлыми зубами его лицо, загорѣлое отъ солнца.

Сиракузянинъ показалъ неменѣе удивительный опытъ своей силы. Однажды, когда его соотечественники приносили жертву Юпитеру, быкъ, дурно пораженный жрецомъ, бросился въ средину толпы, весь увѣнчанный цвѣтами, весь убранный лентами и уже многихъ раздавилъ подъ своими ногами, какъ вдругъ сиракузянинъ схватилъ его за рога и, подымая одинъ рогъ, наклоняя другой, свалилъ быка на бокъ и держалъ его подъ собою, какъ побѣжденнаго атлета, до тѣхъ поръ, пока одинъ воинъ не вонзилъ животному меча въ горло.

Наконецъ, молодой сибаритъ. Онъ самъ долго не зналъ своей силы и увѣрился въ ней совершенно нечаянно. Возлежа одинъ разъ съ своими друзьями на пурпуровомъ ложѣ за роскошнымъ столомъ, онъ вдругъ услыхалъ крикъ: пара бѣшеныхъ коней несла во весь духъ колесницу, грозя разбить ее о первый уголъ улицы; въ этой колесницѣ была любимая имъ женщина. Онъ выскочилъ изъ окна и схватилъ колесницу за колесо; лошади качнулись, вдругъ остановленныя; одна изъ нихъ упала, и молодой человѣкъ принялъ въ объятія свою невѣсту, безчувственную, но невредимую.

Что касается до двухъ римлянъ, одинъ былъ атлетъ, извѣстный своими побѣдами, другой былъ Луцій *.

Судьи положили семь билетиковъ въ урну, два изъ этихъ билетиковъ были отмѣчены буквою *A*, два буквою *B*, два буквою *C*, наконецъ послѣдній буквою *D*.

Жребій долженъ былъ составить три пары и избрать седьмаго атлета для борьбы съ побѣдителями.

Самъ проконсулъ смѣшалъ билетики, потомъ подошли всѣ семеро борцовъ, каждый изъ нихъ вынулъ по одному билетику и вручилъ его предсѣдателю игръ, который развернулъ всѣ эти билетики и соединилъ ихъ попарно.

Случаю угодно было, чтобъ коринояне вынули каждый *A*, онвянинъ и сиракузянинъ *B*, сибаритъ и атлетъ — *C*, и Луцій *D*.

Атлеты, еще не зная, въ какомъ порядкѣ размѣстилъ ихъ жребій, раздѣлись, исключая Луція, который долженъ былъ послѣднимъ выдти на арену, поэтому остался завернутымъ въ плащъ. Проконсулъ вызвалъ двухъ *A*.

Братья устремились изъ портика и очутились лицомъ къ лицу. Нечаянность вырвала у нихъ изъ груди крикъ, на который собраніе отвѣчало шопотомъ удивленія.

Потомъ на мигъ остановились они, неподвижные, въ раздумьи, но это былъ одинъ мигъ, и они бросились другъ къ другу въ объятія. Весь амфитеатръ разразился единодушными рукоплесканіями, и при шумѣ этой награды братской любви, молодые люди, улыбаясь, обнявшись, какъ Кастеръ и Поллуксъ, удалились, оставивъ поле битвы своимъ соперникамъ. Изъ актеровъ они сдѣлались зрителями.

Вторые смѣнили первыхъ, и онвянинъ съ сиракузяниномъ вышли въ свою очередь; побѣдитель медвѣдя и укротитель быка измѣрили другъ друга глазами, потомъ устремились другъ на друга. Не болѣе минуты ихъ соединенныя и переплетшіяся тѣла имѣли видъ узловатаго древеснаго ствола, причудливо образованнаго природою, и вдругъ этотъ стволъ упалъ, какъ будто съ корнемъ вырванный ударомъ грома. Въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній ничего нельзя было различить среди пыли: такъ былъ равенъ бой, и такъ быстро появлялись борцы то наверху, то внизу. Наконецъ онвянину удалось стать колѣномъ на грудь сиракузца и, обвивъ ему горло обѣими руками, какъ желѣзнымъ коль-

* Римскій императоръ Неронъ, пріѣхавшій въ Коринѳъ incognito, подъ именемъ Луція.

комъ, онъ съ такою силою сдавилъ его, что сиракузецъ принужденъ былъ поднять руку въ знакъ того, что онъ признаетъ себя побѣжденнымъ.

Единодушныя рукоплесканія, показывавшія, съ какимъ энтузіазмомъ присутствовали греки при этомъ зрѣлищѣ, привѣтствовали развязку этой первой борьбы; при громѣ этихъ рукоплесканій, троекратно возобновлявшихся, побѣдитель помѣстился подъ ложей проконсула, а его противникъ, униженный, побѣжденный, снова удалился въ портикъ, откуда тотчасъ-же вышла послѣдняя пара борцовъ, которую составляли сибаритъ и атлетъ.

Любопытно было глядѣть на этихъ борцовъ, когда они сняли съ себя свои одежды; невольники натирали ихъ масломъ. Эти два человѣка, столь различные по своей природѣ, представляли собою два лучшіе типа древности: типъ Геркулеса и типъ Антиноя:— атлетъ съ своими короткими волосами и крѣпкими мышцами, сибаритъ съ своими длинными кудрявыми волосами. Греки, эти поклонники тѣлесной красоты, эти учители изящнаго, шопотомъ выразили свое удивленіе, и этотъ шопотъ удивленія заставилъ гордо поднять головы обоихъ противниковъ. Ихъ взоры, полные гордости, встрѣтились, какъ двѣ молніи и, не дождавшись совершеннаго окончанія приготовленій къ борьбѣ, борцы вырвались изъ рукъ невольниковъ и начали сходиться. Приблизившись на разстояніе трехъ или четырехъ шаговъ, они посмотрѣли другъ на друга съ новымъ удивленіемъ, и каждый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, узналъ въ своемъ противникѣ достойнаго себѣ соперника, потому что взоры одного приняли выраженіе увѣренности, а взоры другаго выраженіе хитрости. Наконецъ они разомъ схватились за руки, уперлись лбами и, подобно двумъ борющимся быкамъ, старались другъ друга столкнуть съ мѣста, но оба оставались неподвижны какъ статуи, въ которыхъ жизнь обозначалась только все болѣе и болѣе увеличивающимся напряженіемъ мускуловъ, готовыхъ лопнуть. Послѣ минутной неподвижности оба противника отскочили назадъ, отряхая головы, облитыя потомъ и шумно дыша, какъ пловцы, вынырнувшіе на поверхность воды. Этотъ промежутокъ былъ непродолжителенъ; враги снова вступили въ борьбу и въ этотъ разъ они обхватили другъ друга руками; но, по неопытности ли въ этомъ родѣ борьбы, или по убѣжденію въ своей силѣ, сибаритъ уступилъ своему сопернику, позволивъ взять ему себя подъ мышки. Атлетъ тотчасъ-же поднялъ его отъ земли, но согнувшись подъ тяжестію и, шатаясь, сдѣлалъ три шага назадъ; въ это мгновеніе, сибариту удалось коснуться ногою земли: онъ снова собралъ всѣ свои силы, и атлетъ, уже покачнувшійся, упалъ

подъ него; но, едва онъ успѣлъ дотронуться до земли, какъ, вскочивъ съ сверхъестественною силою и быстротою, снова уже очутился на ногахъ, такъ что сибаритъ поднялся уже вторымъ. Не было уже ни побѣдителя, ни побѣжденнаго: поэтому противники снова возобновили борьбу съ новымъ ожесточеніемъ, посреди глубокаго молчанія. Можно было сказать, что тридцать тысячъ зрителей были каменные, какъ ступени, на которыхъ они сидѣли. Только по временамъ, когда счастіе благопріятствовало одному изъ борцовъ, слышался глухой шумъ и легкое движеніе волновало всю эту толпу, какъ ниву, надъ которой пронеслось дуновеніе вѣтерка. Наконецъ борцы опять поскользнулись и упали на арену, но въ этотъ разъ атлетъ былъ наверху, и все-таки это было-бы слабымъ преимуществомъ, еслибъ не воспользовался всѣми правилами своего искусства: благодаря имъ, онъ удержалъ сибарита въ томъ положеніи, изъ котораго самъ такъ скоро освободился. Какъ змѣя, которая душитъ и ломаетъ свою добычу, прежде чѣмъ пожретъ ее, онъ съ такою ловкостію руками и ногами обвилъ руки и ноги своего противника, что тотъ не могъ пошевельнуться, и потомъ, упершись лбомъ въ лобъ, принудилъ его коснуться затылкомъ земли: это считалось за пораженіе. Раздались громкіе крики, послышались оглушительныя рукоплесканія, и конечно сибаритъ, хотя и побѣжденный, могъ причесть и себѣ изъ нихъ долю: пораженіе его было такъ близко къ побѣдѣ, что никто не думалъ и устыдить его.

И такъ медленно, безъ замѣшательства, не краснѣя, удалился онъ въ портикъ; онъ не получилъ вѣнка, вотъ и все.

—

II.

БѢГЪ НА КОЛЕСНИЦАХЪ.

На другой день съ самаго утра весь Коринѳъ, казалось, одѣлся въ свои праздничныя платья.

Бѣгъ на колесницахъ, хотя не имѣлъ начала въ глубокой древности, но былъ самымъ торжественнымъ родомъ игръ. Онъ праздновался въ присутствіи изображеній боговъ, и ихъ статуи, собранныя ночью въ храмъ Юпитера, возвышавшійся у воротъ Лекейскихъ, то-есть, у восточной части города, долженствовали проѣхать чрезъ весь городъ во всю его ширину, чтобы прибыть въ циркъ, находившійся на противоположномъ концѣ города, въ

виду Кенхрейской гавани. Въ девять часовъ утра, то-есть, около четвертаго часа дня по Римскому счисленію, кортежъ отправился въ путь.

Впереди ѣхалъ проконсулъ Лентулъ на колесницѣ, въ одеждѣ тріумфатора, а потомъ за нимъ ѣхалъ отрядъ молодыхъ людей отъ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ, все сыновья всадниковъ, верхами на прекрасныхъ лошадяхъ, убранныхъ золотомъ и пурпуровою збруею, потомъ за молодыми людьми ѣхали состязающіеся о наградѣ, а въ главѣ ихъ, какъ побѣдитель наканунѣ, одѣтый въ зеленую тунику, ѣхалъ Луцій въ колесницѣ изъ золота и слоновой кости, управляя пурпуровыми возжами удивительною четвернею бѣлыхъ коней.

За нимъ ѣхалъ молодой грекъ изъ Ѳессаліи, гордый и прекрасный, какъ Ахиллесъ, одѣтый въ желтую тунику, на бронзовой колесницѣ, запряженной четырьмя воронымя конями.

Двое остальныхъ были: одинъ аоинянинъ, которыя гордился своимъ происхожденіемъ отъ Алкивіада, а другой сиріецъ, съ челомъ, загорѣлымъ отъ солнца.

Аоинянинъ былъ одѣтъ въ голубую тунику и его длинные черные волосы развѣвались на свободѣ по вѣтру; на сирійцѣ-же была одежда бѣлаго цвѣта, стянутая въ таліи персидскимъ кушакомъ, и на головѣ бѣлый тюрбанъ, чистый, какъ снѣгъ на вершинѣ горы.

Потомъ, предшествуя статуямъ боговъ, шла толпа арфистовъ и флейщиковъ, одѣтыхъ сатирами и силенами. За ними, въ закрытыхъ носилкахъ, слѣдовали изображенія боговъ, везомыя удивительными лошадьми и сопровождаемыя всадниками и патриціями. Этотъ поѣздъ, долженствовавшій проѣхать городъ почти во всю его ширину, тянулся между двойнымъ рядомъ домовъ, покрытыхъ коврами, украшенныхъ статуями и увѣшанныхъ картинами.

Около полудня кортежъ достигнулъ входа въ циркъ. Это было огромное зданіе въ 2,000 футовъ длиною и 800 шириною, раздѣленное на двое стѣною (spina) въ 8 футовъ вышины, простирающеюся во всю его длину; только на каждомъ концѣ ея былъ проѣздъ для четырехъ колесницъ. Одинъ изъ концевъ цирка былъ занятъ конюшнями (carceres), другой скамейками; на каждомъ концѣ стѣны находились по три мѣты, расположенныя треугольникомъ, которыя должно было объѣхать семь разъ, чтобы совершить назначенный бѣгъ.

Возницы, какъ мы уже видѣли, надѣли ливреи различныхъ партій, на которыя въ то время дѣлился Римъ, и такъ, какъ боль-

шіе заклады были составлены заранѣе, то и закладчики приняли цвѣта тѣхъ agitatores, которые по ихъ наружности, по породѣ ихъ лошадей, или по ихъ прошедшимъ тріумфамъ, внушали имъ наиболѣе довѣрія. Почти всѣ скамейки были покрыты зрителями, которые къ энтузіазму, обыкновенно внушаемому имъ этимъ родомъ игръ, присоединяли еще личный интересъ, принимаемый ими въ ихъ кліентахъ.

Даже женщины присоединились къ различнымъ партіямъ и можно было узнать по цвѣту ихъ платьевъ и покрывалъ, въ какомъ изъ четырехъ возницъ онѣ принимали больше участія.

Когда завидѣли приближеніе кортежа, страшное движеніе, какъ электрическая искра, пробѣжавшее по этой толпѣ, взволновало все это людское море, котораго головы казались одушевленными волнами, и когда отворились двери, небольшой промежутокъ, который оставался еще свободнымъ, наводнился приливомъ новыхъ зрителей, которые, какъ на морѣ волны, прихлынули къ стѣнамъ каменнаго колосса. Едва только четвертая часть любопытныхъ, сопровождавшихъ кортежъ, успѣла войти, какъ вся остальная толпа была отогнана проконсульскою стражею и спѣшила занять всѣ возвышенныя мѣста, которыя позволили-бы ей смотрѣть въ циркъ, взлѣзала на вѣтви деревъ и, какъ живая гирлянда, покрывала террасы ближнихъ домовъ.

Едва только каждый занялъ свое мѣсто, какъ отворилась главная дверь и проконсулъ Лентулъ, явясь у входа въ циркъ, въ одну минуту заставилъ смѣпиться глубокимъ молчаніемъ любопытства бурное волненіе ожиданія. По расположенію-ли къ Луцію или по желанію угодить императору Клавдію Нерону, который покровительствовалъ въ Римѣ зеленой партіи, которой онъ дѣлалъ честь, принадлежа самъ къ ней, проконсулъ, вмѣсто пурпурнаго одѣянія, надѣлъ тунику зеленаго цвѣта.

Онъ медленно объѣхалъ кругомъ цирка, за нимъ везли изображенія боговъ, которымъ предшествовали музыканты, не переставшіе играть до тѣхъ поръ, пока изображенія боговъ не были поставлены на ихъ pulvinaria, то есть, на ихъ пьедесталы.

Проконсулъ подалъ сигналъ, бросивъ въ средину цирка кусокъ бѣлой шерсти. Въ ту же минуту герольдъ, сидящій безъ сѣдла на невзнузданной лошади и одѣтый Меркуріемъ, бросился въ арену и, не сходя съ лошади, поднялъ бѣлую ткань, брошенную проконсуломъ, на одномъ изъ крыльевъ своего кадуцея. Онъ объѣхалъ въ галлопъ вокругъ внутренней стѣны, раздѣлявшей циркъ, потомъ, подъѣхавъ къ конюшнямъ, бросилъ свой кадуцей за стѣну, за которою ожидали колесницы.

При этомъ знакѣ двери конюшни отворились и явились четыре состязателя.

Въ туже минуту ихъ имена были брошены въ урну, чтобы жребій назначилъ каждому мѣсто, для того, чтобы отдаленнѣйшіе отъ spina могли только жаловаться на одинъ случай, назначавшій имъ проскакать бо́льшій кругъ. Проконсулъ перемѣшалъ имена, написанныя на свернутыхъ бумажкахъ, взялъ ихъ и развернулъ одну послѣ другой.

Первое, которое онъ объявилъ, было имя сирійца въ бѣломъ тюрбанѣ, онъ тотчасъ-же оставилъ свое мѣсто и сталъ подлѣ самой стѣны.

Второе было имя аоинянина въ голубой туникѣ; онъ всталъ подлѣ своего противника.

Третье было имя оессалійца въ желтомъ одѣяніи.

Наконецъ послѣдній былъ Луцій, которому судьба назначила мѣсто самое невыгодное. Два послѣдніе тотчасъ-же подлѣ своихъ противниковъ; потомъ молодые невольники прошли между колесницами, чтобы переплести лошадямъ гривы лентами такого-же цвѣта, какой на ливреяхъ ихъ возницъ и, чтобы укрѣпить ихъ мужество, махали небольшими флагами предъ глазами этихъ благородныхъ животныхъ, между-тѣмъ какъ уравнители, протянувъ цѣпь, прикрѣпленную къ двумъ кольцамъ, поставили четыре четверни въ одну прямую линію.

Тогда наступила минута смутнаго ожиданія; заклады удвоились, новые пари были составлены, споры возросли; но вдругъ раздались звуки трубъ и въ ту же минуту все смолкло; зрители, которые стояли,—сѣли, и это море, сію минуту столь бурное и волнующееся, сгладило свою поверхность и приняло видъ луга, усѣяннаго тысячью цвѣтовъ.

При послѣднемъ звукѣ инструмента цѣпь упала и показались четыре колесницы, уносимыя быстрымъ бѣгомъ лошадей.

Два круга были совершены, во время которыхъ противники сохраняли по мѣрѣ возможности свои мѣста, однако качества лошадей начали уже выказываться передъ глазами опытныхъ зрителей.

Сиріецъ съ трудомъ удерживалъ своихъ коней, которые привыкли къ свободному бѣгу пустыни и которыхъ, не смотря на ихъ природную дикость, онъ силою терпѣнія и искусства усмирилъ и пріучилъ къ ярму.

Аоинянинъ привелъ своихъ коней изъ Ѳракіи, прихотливой и гордой, какъ герой, происхожденіемъ отъ котораго онъ гордился; онъ предоставилъ своимъ невольникамъ попеченіе объ ихъ во-

спитаніи и очевидно, что его четверня, управляемая рукою и возбуждаемая голосомъ, для нея незнакомымъ, худо могла помочь ему въ опасную минуту.

Оессаліецъ, напротивъ, казалось, былъ душею своихъ эолидскихъ копей, которыхъ онъ вскормилъ своею рукою и объѣздилъ въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ Ахиллесъ объѣзжалъ своихъ, между Пенсемъ и Эпиномъ.

Что касается до Луція, вѣроятно онъ отыскалъ породу тѣхъ лошадей селевкитскихъ, о которыхъ говоритъ Виргилій и которыхъ матки были воспитаны вѣтромъ, потому-что хотя онѣ и пробѣжали большое пространство, но безъ всякаго усилія, безъ удерживанія и понужденія, и, предоставивъ имъ ѣхать въ галлопъ, который казался ихъ обыкновенною поступью, Луцій удерживалъ свое мѣсто и скорѣе даже выигралъ, чѣмъ проигралъ.

При третьемъ кругѣ преимущества, дѣйствительныя или мнимыя, ясно обозначались: аонияниинъ выигралъ у оессалійца, бывшаго впереди всѣхъ изъ состязателей, пространство длиною въ два копья. Сиріецъ, удерживая всѣми силами своихъ арабскихъ лошадей, позволилъ себя обогнать, будучи увѣренъ, что онъ снова опередитъ ихъ; наконецъ Луцій, спокойный и хладнокровный, повидимому какъ будто присутствовалъ при чужомъ спорѣ, въ которомъ онъ не имѣлъ никакого своего собственнаго интереса, такъ его лицо было весело и его жесты рисовались по самымъ изысканнымъ правиламъ самой утонченной мимики.

При четвертомъ кругѣ одинъ случай обратилъ особенное вниманіе трехъ состязателей на Луція: его бичъ, сдѣланный изъ ремня кожи носорога и украшенный золотомъ, вырвался у него изъ руки и упалъ; въ туже минуту Луцій спокойно остановилъ свою четверню, сошелъ на арену, поднялъ бичъ, о которомъ можно было подумать, что онъ былъ вещью безполезною и снова взошелъ на свою колесницу, будучи уже обогнанъ его противниками шаговъ на тридцать.

Какъ ни коротко было это мгновеніе, но оно нанесло ужасный ударъ интересамъ и надеждамъ принадлежащихъ къ зеленой партіи, но ихъ страхъ также скоро изчезъ, какъ блескъ молніи.

Луцій наклонился къ своимъ лошадямъ и, не ударивъ бичемъ, не сдѣлавъ ни одного жеста, удовольствовался тѣмъ, что испустилъ особый на нихъ свистъ и тотчасъ-же онѣ понеслись, какъ-будто-бы у нихъ были крылья Пегаса и, прежде чѣмъ былъ конченъ четвертый кругъ, Луцій, среди криковъ и рукоплесканій, занялъ свое обыкновенное мѣсто.

При пятомъ кругѣ аонияниинъ не владѣлъ уже своими лошадь-

ми, уносимыми всею скоростію ихъ бѣга; онъ оставилъ далеко за собою своихъ соперниковъ, но это мнимое преимущество не обмануло никого и не могло обмануть его самаго; по этому видѣли, какъ онъ ежеминутно, съ безпокойствомъ, оборачивался назадъ и, желая воспользоваться всѣми выгодами своего положенія, онъ вмѣсто того, чтобы стараться удержать своихъ уже утомленныхъ лошадей, онъ еще побуждалъ ихъ трехвостнымъ бичемъ, называлъ ихъ по именамъ и надѣялся, что прежде чѣмъ онѣ совсѣмъ устанутъ, онъ успѣетъ выиграть столько пространства, что отставшіе не будутъ въ состояніи догнать его. Онъ впрочемъ очень хорошо чувствовалъ, какъ мало власти имѣлъ онъ надъ своими лошадьми и потому, хотя онъ могъ приблизиться къ spina и слѣдственно уменьшить этимъ пространство, которое ему надлежало проѣхать, однако не попытался этого сдѣлать, боясь разбиться о перегородку.

Оставалось сдѣлать только два круга и по волненію зрителей и состязавшихся видно было, что дѣло приближалось къ развязкѣ.

Голубые закладчики, державшіе сторону аѳинянина, казалось, видимо безпокоились за ихъ минутную побѣду и кричали ему, чтобы онъ удержалъ своихъ лошадей, но эти животныя, принимая крики ихъ за знаки побужденія, удвоили свою скорость и, покрытые пѣной, ясно показывали, что скоро они истощатъ послѣдній остатокъ своихъ силъ. Въ эту минуту спріецъ опустилъ возжи своимъ конямъ и дѣти пустыни, предоставленные самимъ себѣ, понеслись какъ птицы. Ѳессаліецъ съ минуту оставался удивленнымъ скоростью, съ которою мчались они, но тотчасъ, крикнувъ на своихъ вѣрныхъ товарищей, въ свою очередь устремился впередъ, какъ будто-бы уносимый вихремъ.

Что касается до Луція, онъ удовольствовался только тѣмъ, что испустилъ свистъ, подобный тому, которымъ онъ уже и прежде возбуждалъ своихъ коней; и, хотя не видно было, чтобъ они употребили всю свою силу, онъ удержалъ свое мѣсто.

Между тѣмъ аѳинянинъ видѣлъ, что его соперники, которыхъ жребій далъ ему съ правой и съ лѣвой стороны, готовы, какъ гроза, разразиться надъ нимъ; онъ понялъ, что погибъ, если оставитъ между нимъ и перегородкою мѣсто для проѣзда колесницы; поэтому онъ приблизился къ стѣнѣ еще довольно во-время, чтобы помѣшать спрійцу ѣхать подлѣ нея; тогда спріецъ поворотилъ своихъ лошадей направо, стараясь проѣхать между аѳинянином и ѳессалійцемъ, но пространство было слишкомъ узко. Однимъ взглядомъ, въ минуту, онъ увидалъ, что колесница ѳессалійца гораздо легче, чѣмъ его, и стремился прямо на него

и, сцѣпившись колесомъ за колесо, онъ переломилъ у него ось и опрокинулъ и колесницу и всадника на арену.

Такъ искусно былъ сдѣланъ этотъ маневръ, такъ скоро было столкновеніе и паденіе, что сиріецъ отъ этого ни минуты не замедлилъ, но онъ тотчасъ-же воспользовался своимъ преимуществомъ и Аѳинянинъ увидѣлъ, что почти въ одно время съ нимъ, достигли шестаго округа оба его противника, которыхъ онъ долгое время оставлялъ было позади себя.

Прежде чѣмъ совершенъ былъ шестый кругъ, они его догнали и въ туже минуту опередили.

И такъ споръ теперь находился между возницами бѣлыхъ и зеленыхъ, между аравитяниномъ и римляниномъ.

Тогда представилось великолѣпное зрѣлище. Бѣгъ этихъ восьми коней былъ такъ быстръ и такъ равенъ, что можно было подумать, что они запряжены въ одну упряжь; пыль покрывала ихъ, какъ облако, и какъ слышны раскаты грома, такъ слышался стукъ колесъ; какъ блеститъ молнія, разсѣкая небо, такъ, казалось, блестѣли они среди пыли и огня. Весь циркъ всталъ съ своихъ мѣстъ; закладчики махали покрывалами и шапками бѣлаго и зеленаго цвѣта, и даже тѣ, которые проиграли, принимая участіе въ голубомъ и желтомъ цвѣтахъ оессалійца и сына Аѳинъ, забыли свое недавнее пораженіе и побуждали криками и рукоплесканіями двухъ противниковъ.

Наконецъ показалось, что сиріецъ перегоняетъ, потому что его лошади цѣлою головою опередили лошадей его противника, но въ ту же минуту, какъ-будто-бы дожидаясь только этого времени, Луцій однимъ ударомъ бича провелъ кровавую линію на хребтахъ своей четверни; добрыя животныя заржали отъ удивленія и боли, потомъ бросились какъ орлы, какъ стрѣла, какъ молнія, опередили побѣжденнаго сирійца и, оставивъ его позади шаговъ на пятьдесятъ, стали, какъ вкопанныя, у цѣли, совершивъ назначенную дистанцію, то-есть, пробѣжавъ семь круговъ вокругъ арены.

Въ туже минуту раздались громкіе крики удивленія, доходившіе до неистовства.

Этотъ неизвѣстный молодой римлянинъ, побѣдитель наканунѣ въ борьбѣ, побѣдитель сегодня въ бѣгѣ на колесницахъ, былъ Тезей, былъ Цезарь, былъ Аполлонъ; но вѣрно это былъ любимецъ боговъ, а онъ между тѣмъ, какъ-бы привыкнувъ къ подобнымъ торжествамъ, легко соскочивъ съ своей колесницы на spina, на тотъ-же пьедесталъ, на которомъ онъ явился взорамъ зрителей; между тѣмъ, герольдъ объявилъ его имя и побѣду, а проконсулъ Лентулъ,

сойдя съ своего мѣста, вручилъ ему идумейскую пальму и надѣлъ на его голову вѣнокъ изъ золотыхъ и серебряныхъ листьевъ, перевязанныхъ пурпуровыми лентами.

Что касается до денежной награды, которую поднесли ему золотыми монетами въ мѣдной вазѣ, Луцій возвратилъ ее проконсулу и велѣлъ раздать отъ его имени бѣднымъ старикамъ и сиротамъ.

III.

ПѢНІЕ.

Двѣ побѣды Луція рядомъ и странныя обстоятельства, сопровождавшія ихъ, произвели, какъ мы уже сказали, глубокое впечатлѣніе на умы врителей; Грецію нѣкогда была землею, любимою богами: Аполлонъ, сосланный съ неба, сдѣлался пастухомъ и пасъ стада Адмета, царя Ѳессалійскаго; Венера, рожденная изъ волнъ, и привезенная тритонами къ ближайшему берегу, пристала къ землѣ близъ Гелоса и, когда ей позволено было избрать мѣста для поклоненія ей, предпочла Гнидъ, Пафосъ, Идалію и Цитеру всѣмъ прочимъ странамъ свѣта. Наконецъ жители Аркадіи, оспоривая у критянъ честь быть соотечественниками царя боговъ, доказывали, что Юпитеръ родился на горѣ Ликтосѣ и это мнѣніе подтверждали тѣмъ, что, когда Зевесу нужно было избрать мѣсто своего пребыванія, то онъ, вѣроятно въ память дѣтства, установилъ свой тронъ на вершинѣ Олимпа. И такъ всѣ эти воспоминанія временъ баснословныхъ представились, благодаря Луцію, поэтическому воображенію этого народа, который Римляне лишили его будущаго, но не могли отнять у него его прошедшаго: по этому состязатели, явившіеся было оспаривать у Луція награду въ пѣніи, удалились сами собою, видя, какая участь постигла тѣхъ, которые оспаривали у него пальму въ борьбѣ и въ бѣгѣ. Они вспомнили объ участи Марсіаса, спорившаго съ Аполлономъ, и объ участи піэридъ, презрѣвшихъ музъ.

Такимъ образомъ Луцій остался одинъ изъ пяти записавшихся было состязателей, однако жъ проконсулъ рѣшилъ, что праздникъ чрезъ это не отложится и будетъ именно въ тотъ самый день и часъ, какъ было прежде назначено.

Предметъ, избранный Луціемъ, живо интересовалъ коринѳянъ:

это была поэма о Медеѣ, приписываемая самому императору, цезарю Нерону.

Извѣстно, что эта волшебница, прибывшая въ Коринѳъ вмѣстѣ съ Язономъ, похитившимъ ее у отца, и брошенная имъ въ этомъ городѣ, положила у подножія алтаря своихъ двухъ сыновей, поручивъ ихъ покровительству боговъ и отравила свою соперницу посредствомъ туники, совершенно сходной съ туникой Невса. Но коринѳяне, устрашенные преступленіемъ матери, похитили ея дѣтей изъ храма и побили ихъ камнями. Это не осталось однако-жъ безнаказаннымъ, боги отмстили, и эпидимическая болѣзнь поразила въ то время всѣхъ дѣтей коринѳянъ.

Однако-жъ, такъ какъ болѣе 15 вѣковъ протекло со времени этого происшествія, потомки убійцъ отрицали преступленіе своихъ отцевъ. Но празднество, совершаемое ежегодно въ день убійства этихъ двухъ жертвъ, обычай одѣвать дѣтей въ черныя одежды и стричь имъ головы до пяти-лѣтняго возраста, въ знакъ очищенія, все это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что страшная истина торжествовала надъ всѣми отрицаніями.

Легко понять, какъ это обстоятельство усилило любопытство.

Такъ какъ все множество, притекшее на игры въ Коринѳъ, не могло помѣститься въ театрѣ, который, будучи гораздо менѣе цирка и гипподрома, могъ вмѣщать не болѣе двадцати тысячъ зрителей, то благороднѣйшимъ изъ коринѳянъ и знатнѣйшимъ изъ иностранцевъ роздали небольшія таблички изъ слоновой кости, на которыхъ были вырѣзаны номера, соотвѣтствовавшіе съ цифрами, означенными на ступеняхъ для зрителей.

На указателяхъ (designatores) лежала обязанность разсадить всѣхъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы кто не занялъ неназначеннаго ему мѣста; по этому, не смотря на толпу, тѣснившуюся снаружи, внутри все происходило съ чрезвычайнымъ порядкомъ.

Чтобы ослабить свѣтъ и жаръ майскаго солнца, театръ былъ покрыть огромнымъ velarium; это былъ огромный покровъ, лазуревато цвѣта, изъ шелковой ткани, усыпанной золотыми звѣздочками, въ срединѣ котораго, въ лучезарномъ кругѣ, изображенъ былъ Неронъ въ одеждѣ тріумфатора на колесницѣ, везомой четырьмя конями.

Не смотря на тѣнь, бросаемую на театръ этимъ родомъ палатки, жаръ былъ такъ великъ, что у многихъ молодыхъ людей были въ рукахъ большія опахала изъ павлиньихъ перьевъ, которыми они освѣжали женщинъ, болѣе лежащихъ, чѣмъ сидящихъ на пурпуровыхъ подушкахъ или на персидскихъ коврахъ, кото-

рые невольники заранѣе положили на ступеняхъ, назначенныхъ для ихъ повелительницъ.

Часъ, назначенный для начала спектакля приближался и каждый горѣлъ самымъ сильнымъ ожиданіемъ и любопытствомъ, какъ вдругъ послышался шумъ, подобный грому, и легкій дождь ниспалъ на зрителей и освѣжилъ атмосферу, наполнивъ ее благоуханіями. Всѣ находившіеся въ театрѣ зарукоплескали, потому-что этотъ громъ, производимый двумя человѣками, пересыпавшими за сценой камни въ мѣдной вазѣ, былъ громъ Клавдія Пульхера *, извѣщавшій, что спектакль сію минуту начнется.

Что касается до дождя, упавшаго на зрителей, то это было не что иное, какъ благоуханія изъ настоя киликійскаго шафрана, пролитыя сверху на зрителей.

Минуту спустя, поднялся занавѣсъ и явился Луцій съ лирою въ рукахъ. Налѣво у него былъ актеръ Парисъ, обязанный дѣлать жесты, покуда Луцій будетъ пѣть, а за нимъ хоръ, ведомый хорегомъ, дирижируемый игрокомъ на флейтѣ и управляемый мимомъ.

По первымъ нотамъ молодаго римлянина легко можно было узнать въ немъ пѣвца искуснаго и опытнаго, потому-что вмѣсто того, чтобы въ туже минуту начать самый сюжетъ поэмы, онъ предпослалъ ему родъ гаммы, содержащей въ себѣ двѣ октавы и квинту, то-есть самый большой объемъ человѣческаго голоса, какой тольмо слышали со временъ Тимотея.

Потомъ, кончивъ эту прелюдію съ чрезвычайною легкостію и чистотою, онъ приступилъ въ самому сюжету поэмы.

Предметомъ поэмы, какъ мы уже сказали, были похожденія Медеи, женщины удивительной красоты, волшебницы, обладающей страшными чарами. Опытный въ сценическомъ искусствѣ императоръ, цезарь Клавдій Неронъ началъ свою поэму съ той минуты, когда Язонъ, на своемъ прекрасномъ кораблѣ *Арго*, пристаетъ къ берегамъ Колхиды и встрѣчаетъ Медею, дочь царя Эгта, собирающую цвѣты на морскомъ берегу.

Въ это минуту, какъ-будто бы для того, что для такихъ сладкихъ чувствъ нужна была особенная гармонія, пользуясь перерывомъ, сдѣланнымъ въ пѣніи Луція хоромъ, подошелъ невольникъ съ іонійскою лирою съ одинадцатью струнами.

Этотъ инструментъ былъ подобенъ тому, которымъ нѣкогда Тимотей огласилъ слухъ лакедемонянъ и который эфоры сочли столь опасно женственнымъ, что объявили, будто-бы пѣвецъ оскорбилъ

* Клавдій Пульхеръ изобрѣлъ этотъ снарядъ, сохранившій его имя.

величіе древней музыки и покушался развратить молодыхъ спартанцевъ; правда, лакедемоняне издали этотъ декретъ около времени битвы при Эгосъ-Потамосѣ, битвы, которая отдала имъ въ руки Аѳины.

Четыре столѣтія протекло съ этого времени, Спарта была уже сравнена съ землею, Аѳины были невольницею Рима. Грецiя стала простою провинціею; предсказаніе Эврипида исполнилось, и вмѣсто того, чтобы публичнымъ декретомъ сорвать лишнія четыре струны съ лиры-соблазнительницы, слушатели аплодировали Луцію съ энтузіазмомъ, доходившимъ до изступленія.

Но чтобы воспѣть побѣду, ему нужна была другая лира, а не та, которой онъ пѣлъ любовь.

Поэтому въ ту минуту, когда Язонъ, встрѣтивъ Медею въ храмѣ Гекаты, получилъ отъ своей прекрасной возлюбленной въ помощь ея волшебное искусство и три талисмана, долженствующіе ему помочь въ преодолѣніи страшныхъ преградъ, препятствовавшихъ похищенію золотаго руна, на лирѣ лидійской, на лирѣ со звуками, то сильными, то пронзающими, надо было пѣть побѣду Язона, и въ самомъ дѣлѣ Луцій взялъ лидійскую лиру.

Язонъ, обмазанный волшебными соками, дѣлавшими его неуязвимымъ, доходитъ до первой ограды, гдѣ предстали передъ героемъ два вулканическіе колосальные быка, съ мѣдными ногами и рогами, изрыгающими изо рта пламя; но едва только Язонъ дотронулся до нихъ волшебнымъ бичемъ, какъ они спокойно позволили ему запрячь себя въ алмазный плугъ, которымъ оратай - герой вспахалъ четыре десятины, посвященныя Марсу.

Оттуда онъ переходитъ ко второй оградѣ: едва только онъ достигъ туда, какъ гигантскій змѣй подымаетъ свою голову среди лѣса изъ оливъ и лавровъ, который служитъ ему убѣжищемъ и, шипя, ползетъ на встрѣчу герою.

Тогда начинается страшная борьба, но Язонъ неуязвимъ; напрасно змѣй ломаетъ свои зубы, кусая его, напрасно старается онъ сдавить его въ своихъ изгибахъ, между тѣмъ, какъ напротивъ каждый ударъ Язонова меча наноситъ ему глубокія раны: скоро чудовище начинаетъ отступать, а Язонъ нападать; чудовище отступаетъ, человѣкъ его преслѣдуетъ; чудовище вползаетъ въ узкую и темную пещеру, Язонъ, ползя также какъ и чудовище, входитъ за нимъ также въ пещеру и тотчасъ-же возвращается, держа въ рукѣ голову своего противника; тогда онъ возвращается на поле, вспаханное имъ, и въ глубокихъ бороздахъ, сдѣланныхъ въ землѣ его плугомъ, сѣетъ зубы чудовища.

Тотчасъ изъ этого волшебнаго посѣва выростаетъ сильная и воинственная толпа вооруженныхъ людей и бросается на Язона.

Но Язонъ бросилъ только въ средину ихъ камень, данный ему Медеею, и всѣ эти люди обратили свое оружіе другъ противъ друга и, занятые взаимнымъ убійствомъ, позволяютъ Язону проникнуть до третей ограды, среди которой возвышается дерево съ серебрянымъ стволомъ, съ изумрудными листьями и рубиновыми плодами, на вѣтвяхъ котораго виситъ золотое руно, кожа барана Фрикса.

Но остается послѣдній врагъ, болѣе ужасный и неодолимый, чѣмъ тѣ, которыхъ побѣдилъ Язонъ: это гигантскій драконъ, съ безмѣрными крыльями, покрытый алмазною чешуею, дѣлающею его также неуязвимымъ какъ неуязвимъ и нападающій на него Язонъ.

Поэтому противъ этого послѣдняго противника у Язона есть другія оружія: это золотая чаша, наполненная молокомъ, которую Язонъ ставитъ на землю, и животное начинаетъ пить изъ нея снотворный напитокъ, который наводитъ на дракона глубокій сонъ, во время котораго предпріимчивый сынъ Эзопа похищаетъ золотое руно.

Тогда Луцій снова беретъ іонійскую лиру, потому-что Медея ожидаетъ побѣдителя и Язону надо найти слова любви столь могучія, чтобы они могли склонить его любезную покинуть отца и родину и слѣдовать за нимъ по волнамъ.

Борьба продолжительна и тягостна, наконецъ любовь побѣждаетъ: Медея, трепещущая, покидаетъ своего стараго отца во время его сна, но, достигнувъ дверей дворца, въ послѣдній разъ хочетъ еще взглянуть она на того, кто далъ ей жизнь: она возвращается робкими шагами, удерживая дыханіе; вотъ она входитъ въ комнату старца, подходитъ къ его постели, наклоняется къ нему, бросаетъ поцѣлуй вѣчнаго прости на его бѣлые волосы, испускаетъ крикъ рыданія, который старикъ принимаетъ за голосъ во снѣ, и возвращается въ объятія къ Язону, который ждалъ ее въ гавани и безчувственную уноситъ ее на свой дивный корабль, построенный самою Минервой на верфяхъ Іолкоса и подъ килемъ котораго послушно бьются волны, и Медея, прійдя въ чувство, видитъ, какъ родимые берега изчезаютъ на горизонтѣ и она покидаетъ Азію для Европы, отца для супруга, прошедшее для будущаго.

Эта вторая часть поэмы была пропѣта Луціемъ съ такою страстію и увлеченіемъ, что всѣ женщины слушали съ сильнымъ волненіемъ.

Что касается до Луція, его торжество было полное: при первомъ перерывѣ поэмы ему апплодировали съ изступленіемъ; въ этотъ разъ раздались просто крики и только самъ Луцій, начавъ третью часть своей драмы, могъ заставить смолкнуть клики энтузіазма, возбужденные имъ-же самимъ.

На этотъ разъ онъ опять перемѣнилъ лиру, потому-что ему теперь нужно было изображать не любовь дѣвственную, не торжество любовника или воина, а неблагодарность человѣка, ревность женщины, любовь безцѣнную, любовь мстительную и убійственную, и только одна дорійская лира могла выразить всѣ ея страданія и все ея бѣшенство.

Медея плыветъ на волшебномъ кораблѣ, она пристаетъ къ Ѳракіи, достигаетъ Іолкоса, чтобы отдать дочерній долгъ отцу Язона, помолодивъ его; потомъ она достигаетъ Коринѳа, гдѣ Язонъ покидаетъ ее, чтобы на Креузѣ, дочери царя эпирскаго.

Тогда ревнивая Медея покрываетъ смертельнымъ ядомъ тунику и шлетъ ее къ невѣстѣ, которая довѣрчиво надѣваетъ ее; потомъ въ то время, какъ ея соперница умираетъ среди мученій въ глазахъ вѣроломнаго Язона, Медея, бѣшеная и отчаянная, для того, чтобъ мать не сохранила никакого воспоминанія о любовницѣ, сама умерщвляетъ своихъ двухъ сыновей и исчезаетъ на колесницѣ, везомой двумя крылатыми драконами.

Въ этомъ мѣстѣ поэмы, льстившемъ гордости коринѳянъ, приписывая, какъ уже прежде сдѣлалъ Эврипидъ, убійство дѣтей ихъ матери, апплодисменты и крики «браво» уступили мѣсто страшному шуму, среди котораго слышалось щелканье кастаньетовъ, инструмента, назначеннаго выражать въ театрѣ высшую степень энтузіазма.

Тогда чудному пѣвцу достался не только оливный вѣнокъ, приготовленный проконсуломъ, но цѣлый дождь цвѣтомъ и вѣнковъ, которые женщины срывали съ своихъ головъ и бросали на сцену. Съ мгновеніе можно было опасаться, чтобы Луцій не задохся подъ вѣнками, какъ Тарпея подъ щитами сабинянъ.

—

IV.

РИМСКІЙ ЦИРКЪ.

Изъ всѣхъ зрѣлищъ, даваемыхъ эдилами, преторами и цезарями, народъ римскій всего болѣе любилъ *травли звѣрей и бои гладіаторовъ*. Нѣкогда эти два зрѣлища давались отдѣльно, но Помпею пришла мысль соединить ихъ, и въ первый разъ, во время

своего втораго консульства, по случаю сооруженія храма Венерѣ-побѣдительницѣ, онъ заставилъ гетуловъ, вооруженныхъ дротиками, сражаться противъ двадцати дикихъ слоновъ. Правда, что еще за-долго прежде этого, если вѣритъ Титу Ливію, было убито въ циркѣ въ одинъ день сто сорокъ два слона; но эти слоны, которые были взяты къ битвѣ противъ карѳагенянъ и которыхъ Римъ, тогда еще бѣдный и благоразумный, не хотѣлъ ни кормить, ни отдать союзникамъ, были умерщвлены дротиками и стрѣлами, пущенными зрителями съ уступовъ. 80 лѣтъ спустя послѣ этого, въ 523 году отъ основанія Рима, Сципіонъ Назика и Публій Лентулъ выпустили въ циркъ шестьдесятъ три африканскихъ барса и можно было подумать, что римляне уже утомились этимъ родомъ зрѣлищъ, какъ вдругъ Сегуръ, перенеся это зрѣлище на другію стихію, наполнилъ амфитеатръ водою и въ это искусственное море пустилъ пятнадцать гиппопотамовъ и двадцать три крокодила. Силла, бывши преторомъ, затравилъ въ одинъ разъ сто львовъ, Помпей триста пятнадцать, а Юлій Цезарь четыреста: наконецъ Августъ убилъ на различныхъ празднествахъ около трехъ тысячъ львовъ, тигровъ и барсовъ. И даже нѣкто Публій Сервилій, о жизни котораго осталось одно только воспоминаніе, далъ однажды праздникъ, на которомъ было убито триста медвѣдей и столько-же барсовъ и львовъ, приведенныхъ изъ степей африканскихъ. Въ послѣдствіи эта роскошь не имѣла границъ и Титъ въ одной травлѣ истребилъ до пяти тысячъ дикихъ звѣрей разнаго рода.

Но изо всѣхъ императоровъ самыя богатыя и разнообразныя празднества давалъ Неронъ: кромѣ денежной дани, наложенной на завоеванныя провинціи, онъ наложилъ дань и на Нилъ и на степи: и вода и песокъ платили ему подать львами, тиграми и крокодилами. Что касается до гладіаторовъ, военно-плѣнные и христіане ихъ ему замѣняли: имъ не доставало можетъ быть ловкости, искусства гладіаторовъ, но они имѣли на своей сторонѣ преимущество: пылкость и мужество.

Весь Римъ устремился въ циркъ. Въ этотъ разъ полною горстью почерпнули въ степяхъ и темницахъ, дикихъ звѣрей и жертвъ было столько, что праздникъ могъ продолжаться весь день и всю ночь. Притомъ императоръ обѣщалъ освѣтить циркъ особеннымъ образомъ. Когда онъ явился въ циркъ, то былъ принятъ единодушными рукоплесканіями.

Неронъ былъ одѣтъ Аполлономъ, съ лукомъ и стрѣлами, потому что въ промежуткахъ боя онъ долженъ былъ показывать опыты своего искусства. Нѣсколько деревъ было вырвано въ лѣсу

Альбанскомъ, перенесено въ Римъ и снова посажено въ циркѣ съ вѣтвями и листьями. На этихъ деревьяхъ сидѣли ручные павлины и фазаны; красуясь своими лазурными и золотыми перьями, служили цѣлію для стрѣлъ императора.

Едва успѣлъ сѣсть императоръ, какъ пріѣхали гладіаторы на колесницахъ. Они были куплены по обыкновенію, но такъ торжество было велико, что въ число гладіаторовъ въ угодность императору вмѣшалось нѣсколько молодыхъ патриціевъ. Говорили даже, что двое изъ нихъ, разорившись отъ развратной жизни, нанялись одинъ за 250,000, другой за 300,000 сестерцій.

Когда Неронъ вошелъ, гладіаторы были уже на аренѣ, ожидая знака и упражняясь между собою, какъ-будто ожидавшій ихъ бой былъ простою игрою; но едва крики «императоръ, императоръ!» раздались въ циркѣ и цезарь Аполлонъ сѣлъ на своемъ престолѣ напротивъ весталокъ — какъ въ циркъ вошли распорядители игръ съ отпущенными оружіями и обмѣняли на нихъ притупленные мечи, которыми упражнялись гладіоторы. Потомъ гладіоторы одинъ за другимъ прошли мимо Нерона, подымая свои мечи, чтобъ онъ могъ видѣть — какъ были они заострены и отточены. Онъ могъ это видѣть, немного нагнувшись, потому-что ложа его возвышалась надъ ареною не болѣе какъ на девять или на десять футовъ.

Цезарю поднесли списокъ атлетовъ, чтобъ онъ самъ назначилъ порядокъ, въ которомъ они должны были сражаться. Онъ рѣшилъ, что начнутъ ретіарій * и мирмиллонъ **, потомъ должны были выдти на арену двое димахеровъ *** а послѣ двое андабатовъ ****.

Въ заключеніе этого перваго зрѣлища, долженствовавшаго кончиться въ полдень, положено было бросить на разстерзаніе дикимъ звѣрямъ двухъ людей, мужчину и женщину.

Народъ, казалось, былъ доволенъ этою программою, и при крикахъ, *да здравствуетъ Неронъ! слава цезарю! благополучіе императору!* въ циркъ вошли изъ двухъ противуположныхъ дверей два первыхъ гладіатора.

Это были, какъ назначилъ цезарь, мирмиллонъ и ретіарій. Первый, называвшійся также secutor, потому-что ему чаще приходилось преслѣдовать, чѣмъ быть преслѣдуемымъ, былъ одѣтъ въ свѣтлозеленую тунику, съ серебряными полосами вдоль, стянутую вокругъ тѣла поясомъ изъ граненой мѣди съ вдѣланными въ нее

* Гладіаторъ, сражавшійся съ сѣтью и съ трезубцемъ.

** Гладіоторъ въ галльскомъ вооруженіи.

*** Гладіаторы, сражавшіеся двумя мечами.

**** Атлеты, выходившіе на бой съ завязанными глазами.

коралламп; его правая нога была защищена бронзовымъ наножникомъ; каска съ забраломъ, подобная шлему рыцарей XIV столѣтія, увѣнчанная верхушкою, представлявшею голову буйвола съ длинными рогами, скрывала у него все лице; на лѣвой рукѣ былъ у него большой круглый щитъ, а въ правой дротикъ и свинцовая палица: это было вооруженіе и одежда галловъ.

Ретіарій держалъ въ правой рукѣ сѣть, отъ которой онъ получилъ свое названіе, а въ лѣвой, защищенной маленькимъ щитомъ, называемымъ Parma, длинный трезубецъ съ кленовою рукояткою и тремя стальными остріями. Его туника была изъ синяго сукна, котурны изъ синей кожи, наножники изъ золоченой бронзы, лице его было открыто, а на головѣ не было ничего кромѣ шапочки изъ синей шерсти съ золотою сѣточкой.

Эти два противника приблизились другъ къ другу, не по прямой линіи, но косвенно; ретіарій держалъ на готовѣ свою сѣть, мирмиллонъ потрясалъ своимъ дротикомъ. Подошедъ на близкое разстояніе, ретіарій сдѣлалъ быстрый прыжокъ впередъ и въ тоже время, развернувъ, закинулъ свою сѣть, но ни одно изъ его движеній не ускользнуло отъ глазъ мирмиллона, который сдѣлалъ такой-же прыжокъ назадъ; сѣть упала къ его ногамъ въ туже минуту, прежде, чѣмъ ретіарій успѣлъ закрыться щитомъ, дротикъ вылетѣлъ изъ руки мирмиллона, но его противникъ нагнулся и дротикъ, намѣченный ему въ грудь, сорвалъ только его изящный головной уборъ.

Тогда ретіарій, вооруженный своимъ трезубцемъ, пустился бѣжать, таща за собою сѣть, потому-что онъ могъ употребить свое оружіе только для того, чтобы убить своего непріятеля не иначе какъ запутаннаго въ сѣтяхъ.

Мирмиллонъ тотчасъ-же пустился его преслѣдовать, но его бѣгъ замедлялся тяжестію палицы и трудностію смотрѣть въ меленькія дырочки, бывшія на забралѣ его шлема, и потому ретіарій успѣлъ снова собрать сѣть и приготовиться къ оборонѣ. Тогда онъ сталъ наступать, а мирмиллонъ обороняться.

Во время бѣга мирмиллонъ успѣлъ поднять свой дротикъ и, какъ трофей, повѣсилъ на поясъ шапочку своего противника.

И такъ оба противника очутились каждый съ своимъ оружіемъ.

Въ этотъ разъ началъ мирмиллонъ; его дротикъ, брошенный всею силою его руки, ударился прямо въ щитъ ретіарія, прошелъ сквозь бронзовую бляху, сковь семь кожь, сложенныхъ одна на одну, и коснулся груди.

Народъ думалъ, что ретіарій раненъ смертельно, и со всѣхъ сторонъ послышились крики:

— Побѣда! Побѣда!

Но ретіарій тотчасъ-же отнялъ отъ груди щитъ, въ который вонзился дротикъ, и показалъ, что онъ только слегка былъ раненъ.

Тогда воздухъ огласился радостными кликами, потому-что больше всего боялись короткихъ сраженій; поэтому съ презрѣніемъ смотрѣли на гладіаторовъ, поражавшихъ въ голову, хотя это и не было запрещено.

Мирмиллонъ побѣжалъ въ свою очередь, потому-что его палица, страшное оружіе, когда онъ преслѣдовалъ ретіарія, у котораго сѣть была распущена, становилась почти не нужною съ той минуты, какъ ретіарій забрасывалъ себѣ сѣть на плечо, потому что подойдя на близкое разстояніе къ своему противнику, чтобы ударить его, мирмиллонъ давалъ время своему врагу опутать его гибельными петлями. Тогда началось зрѣлище бѣгства по всѣмъ правиламъ, потому-что бѣгство было тоже искусство. Но и теперь мирмиллону мѣшалъ шлемъ; скоро ретіарій былъ уже такъ близко отъ него, что зрители закричали, остерегая галла; мирмиллонъ увидалъ, что онъ погибъ, если онъ тотчасъ-же не скинетъ шлема, сдѣловшагося уже безполезнымъ, и, растегнувъ на бѣгу желѣзную пряжку шлема, онъ сорвадъ его съ головы и бросилъ далеко отъ себя. Тогда съ удивленіемъ узнали въ мирмилонѣ молодаго патриція, принадлежавшаго къ одной изъ самыхъ благородныхъ фамилій Рима, по имени Феста.

Онъ надѣлъ шлемъ съ забраломъ болѣе для того, чтобъ не быть узнаннымъ, чѣмъ для защиты.

Это открытіе удвоило участіе, которое принимали зрители въ сраженіи; съ-этихъ-поръ молодой патрицій началъ опережать своего противника, который въ свою очередь былъ пріостанавливаемъ на бѣгу щитомъ, пронзеннымъ дротикомъ, который онъ нехотѣлъ выдернуть изъ щита, боясь возвратить оружіе своему противнику. Побуждаемый криками зрителей и бѣгствомъ своего непріятеля, онъ далеко бросилъ отъ себя щитъ и дротикъ. Увидѣлъ-ли мирмиллонъ въ этомъ поступкѣ не-благоразуміе, снова уравнивавшея-бой, усталъ-ли онъ бѣжать, но только онъ вдругъ остановился, кружа палицею надъ своею головою. Ретіарій также съ своей стороны приготовилъ свое оружіе, но прежде чѣмъ онъ приблизился на достаточное разстояніе къ своему противнику, свистя полетѣла палица и ударила ретіарія въ средину груди: онъ зашатался и упалъ покрытый петлями собственной сѣти.

Фестъ бросился къ щиту, выдернулъ изъ него дротикъ и однимъ скачкомъ очутясь подлѣ своего врага, онъ приставилъ дротикъ къ

ему къ горлу и обернулся къ народу, чтобъ узнать — убить или помиловать долженъ своего непріятеля.

Тогда всѣ руки поднялись, однѣ сжатыя, другія разъединенныя съ опущеннымъ внизъ большимъ пальцемъ, но такъ какъ въ этой толпѣ невозможно было опредѣлить большинства мнѣній, поэтому послышался крикъ: «къ весталкамъ! къ весталкамъ!» Такъ обыкновенно поступали въ сомнительныхъ случаяхъ. Фестъ обернулся къ podium *, двѣнадцать весталокъ встали: у восьми большо палецъ былъ опущенъ внизъ; большинство было на сторонѣ смерти и ретіарій самъ приставилъ къ себѣ остріе къ горлу, и не произнеся ни одной жалобы, умеръ подъ дротикомъ Феста.

Тогда народъ зарукоплескалъ и побѣдителю и побѣжденному, потому-что одинъ убилъ съ искусствомъ, а другой умеръ съ геройствомъ.

Фестъ при рукоплесканіяхъ обошелъ кругомъ амфитеатръ и вышелъ въ одну дверь, между-тѣмъ какъ въ другую вынесли тѣло его противника.

Тотчасъ же вошелъ невольникъ съ граблями, сгладилъ съ песка слѣдъ крови и два новыхъ бойца появились на аренѣ; это были димахеры.

Димахеры были искуснѣйшіе бойцы Неронова вѣка; безъ шлема, безъ латъ, безъ щита, безъ осгеа * они сражались съ мечемъ въ каждой рукѣ; на эти сраженія народъ смотрѣлъ, какъ на торжество искусства. Поединщиками въ этотъ разъ были сами учители фехтованія. Одинъ изъ нихъ былъ уже старикъ. Поэтому еще любопытнѣе было зрителямъ видѣть этихъ двухъ людей, въ первый разъ замѣнившихъ простое упражненіе настоящимъ боемъ. Тройное «salve» рукоплесканій привѣтствовало появленіе поединщиковъ; наконецъ по знаку императора шумъ смѣнился глубочайшимъ молчаніемъ.

Соперники приблизились другъ къ другу, одушевленные глубокою ненавистью, но эта ненависть придавала еще болѣе осторожности нападенію и защитѣ: они рисковали не только жизнію, но и славой.

Наконецъ мечи изъ встрѣтились: легче было-бы слѣдить быстроту двухъ играющихъ змѣй, двухъ скрестившихся молній, чѣмъ движенія этихъ мечей. Переходя постепенно и съ величайшей правильностію отъ обороны къ нападенію, сначала старикъ принужденъ былъ отступить до трона, на которомъ сидѣлъ императоръ, но

* Мѣсто въ циркѣ, гдѣ сидѣли весталки. Оно находилось обыкновенно противъ ложи императора.

* Названіе бронзовыхъ наножниковъ.

скоро онъ въ свою очередь заставилъ отступить своего противника до podium, гдѣ сидѣли весталки. Потомъ они снова очутились на срединѣ цирка, оба невредимые, не уязвленные, хотя разъ двадцать клинокъ каждаго меча былъ такъ близко къ груди, что могъ разодрать тунику, подъ которой онъ искалъ сердца. Наконецъ младшій изъ нихъ отскочилъ назадъ. Зрители закричали, но онъ тотчасъ же, хотя кровь у него текла по ногѣ изъ подъ туники, снова возвратился къ бою и черезъ два пасса старикъ въ свою очередь показалъ движеніемъ, непримѣтнымъ для глазъ менѣе опытныхъ, чѣмъ тѣ, которые на него смотрѣли, что холодное прикосновеніе желѣза проникло въ его внутренность. Но въ этотъ разъ не послышалось ни одного крика: высшая степень любопытства нѣма. Только при искусно нанесенныхъ или ловко отбитыхъ ударахъ слышался глухой ропотъ, который показываетъ актеру, что публика не потому не рукоплещетъ ему, что не оцѣниваетъ его достоинства, но потому, что не хочетъ прерывать его; по этому соперники удвоили свое рвеніе и мечи ихъ продолжали летать съ прежнею скоростію, такъ что этотъ странный споръ, казалось, не будетъ имѣть другаго конца, кромѣ совершеннаго истощенія силъ, какъ вдругъ старикъ, отступя назадъ, поскользнулся на свѣжей крови и упалъ. Противникъ его, пользуясь преимуществомъ, которое давалъ ему случай, бросился на него; но, къ великому удивленію зрителей, ни тотъ, ни другой не поднялся.

Весь народъ всталъ, сложивъ руки и крича: «Помилованія! свободы»! Но не одинъ изъ бойцовъ не отвѣчалъ.

Тогда распорядитель игръ вошелъ въ циркъ, неся отъ имени императора пальмы побѣды и кольца свободы; но было слишкомъ поздно, атлеты были уже мертвы: они закололи другъ друга.

За дихамерами, какъ мы уже сказали, должны были слѣдовать андабаты; безъ сомнѣнія они были вписаны непосредственно послѣ димахеровъ за тѣмъ, чтобы развлечь народъ противуположностію, потому-что этимъ новымъ гладіаторамъ искусство и хитрость были совершенно безполезны. Головы ихъ были закрыты шлемами, на которыхъ были отверстія для рта, чтобы имъ можно было дышать, и для ушей, чтобы они могли слышать.

И такъ они дрались слѣпые.

Впрочемъ, народъ очень забавлялся этими страшными жмурками, въ которыхъ каждый ударъ поражалъ, потому-что андабаты не имѣли никакого оборонительнаго оружія....

Двѣ новыя жертвы начали сходиться, проходя циркъ во всю его длину.

По мѣрѣ того, какъ они приближались другъ къ другу, казалось, они старались замѣнить зрѣніе слухомъ; они старались подслушать невидимую опасность, но легко понять, какъ это было трудно.

По этому они были еще далеко другъ отъ друга, а уже махали мечами, поражавшими одинъ только воздухъ. Наконецъ, побуждаемые криками: «впередъ, впередъ, на-право, на-лѣво»! съ большею смѣлостью пошли они впередъ, но разошлись и очутились другъ къ другу спиною, все еще продолжая угрожать. Но громкій хохотъ и свистъ зрителей показали гладіаторамъ ихъ ошибку, они разомъ обернулись и очутились лицомъ въ лицу; ихъ мечи скрестились и они поразили ими другъ друга въ одно и тоже время, но различнымъ образомъ, такъ что одинъ изъ противниковъ получилъ ударъ клинкомъ въ ляжку, а другой ударъ лезвіемъ по лѣвой рукѣ. Каждый изъ раненыхъ сдѣлалъ движеніе и оба противника разошлись снова, не зная какъ сойтись опять.

Тогда одинъ изъ нихъ легъ на землю, чтобы послушать шумъ шаговъ своего противника; потомъ, когда врагъ его приблизился, лежавшій гладіаторъ, подобно скрытой змѣѣ, какъ та язвитъ своимъ ядовитымъ жаломъ, поразилъ въ другой разъ своего противника; этотъ, чувствуя себя опасно раненымъ, сдѣлалъ быстрый шагъ впередъ, зацѣпился ногою за тѣло своего врага и упалъ въ двухъ или трехъ шагахъ отъ него. Но, вставъ въ туже минуту, онъ описалъ своимъ мечемъ горизонтальный кругъ, съ такою быстротою и силою, что оружіе, встрѣтившись съ шеею его противника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ не прикрывалъ ея шлемъ, снесло ему голову съ плечъ. Туловище простояло мгновеніе, между тѣмъ какъ отнятая отъ него голова катилась далеко отъ него, потомъ, сдѣлавъ нѣсколько неровныхъ шаговъ, какъ-будто ища свою голову, оно упала на песокъ. По крикамъ народа гладіаторъ, оставшійся въ живыхъ, понялъ, что нанесенный имъ ударъ былъ смертеленъ, но все еще стоялъ въ оборонительномъ положеніи, боясь предсмертнаго усилія своего противника.

Тогда вошелъ въ циркъ одинъ изъ распорядителей игръ, и сиявъ съ него шлемъ, сказалъ ему:

— Ты свободенъ и побѣдитель!

Гладіаторъ вышелъ въ двери, называемыя sana vivaria потому что въ нихъ выходили бойцы, избѣгшіе смерти, между тѣмъ, какъ трупъ вынесли въ spoliarium, родъ пещеры, находившейся подъ уступами амфитеатра. Въ этой пещерѣ лекаря ожидали раненыхъ и въ ней разхаживали два человѣка, одинъ одѣтый Меркуріемъ, а другой Плутономъ. Меркурій дотрогивался раскаленнымъ кадуцеемъ до безчувственныхъ, по-видимому, труповъ, чтобъ узнать,

не осталось-ли въ нихъ искры жизни, между тѣмъ какъ Плутонъ умерщвлялъ бойцевъ, неспособныхъ, по мнѣнію лекарей, къ излеченію.

Едва только кончился бой андабатовъ, какъ въ циркѣ поднялся большой шумъ.

За гладіаторами должны были слѣдовать бестіаріи, а бестіаріями были вообще люди ненавистные для народа.

Однако, какъ ни велико было нетерпѣніе толпы, все таки надо было дожидаться, пока невольники выметутъ циркъ.

Но вотъ и невольники удалились, арена на мгновеніе опустѣла, толпа ожидала....

Наконецъ отворились двери и всѣ взоры обратились на новыя жертвы.

Сначала введена была женщина, одѣтая въ бѣлое платье, въ бѣломъ покрывалѣ. Ее привели къ одному изъ деревьевъ и привязали къ нему поперегъ тѣла.

Тогда одинъ изъ невольниковъ сорвалъ съ нея покрывало и зрители увидали прекрасное лицо, блѣдное, но рѣшительное. Послышался продолжительный шопотъ.

Молодая дѣвушка, съ перваго взгляда тронула душу этой толпы, столь впечатлительной и измѣнчивой. Между тѣмъ, какъ всѣ взоры устремлены были на нее, растворилась дверь и въ нее вошелъ молодой человѣкъ.

Обыкновенно бросали звѣрямъ мужчину и женщину, давъ мущинѣ всѣ средства къ защитѣ за тѣмъ, чтобъ желаніе замедлить не только свою смерть, но и смерть своей подруги, обыкновенно матери, сестры или невѣсты, придала сыну, брату или жениху новое мужество и продолжило бой. За этимъ человѣкомъ, въ которомъ съ перваго взгляда легко можно было примѣтить силу и ловкость, шли два невольника, изъ которыхъ одинъ несъ мечъ и два дротика, а другой велъ нумидійскаго коня; но онъ казалось, не былъ расположенъ доставить народу зрѣлище ожидаемой борьбы.

Онъ медленно приблизился на средину цирка, спокойнымъ, увѣреннымъ взоромъ посмотрѣлъ вокругъ себя, потомъ, давъ знакъ рукою, что лошадь и оружіе не нужны, устремилъ взоръ свой на небо, упалъ на колѣна и ждалъ смерти.

Тогда народъ, обманутый въ своемъ ожиданіи, началъ роптать и угрожать ему казнію.

Въ эту минуту онъ услышалъ позади себя такой глубокій вздохъ дѣвушки, что обернулся.

Молодой человѣкъ, всталъ и бросился къ ней.

— Сжалься надо мною — сказала она — когда я тебя узна-

ла, надежда снова запала мнѣ въ сердце. Ты силенъ, ты храбръ, ты привыкъ сражаться съ обитателями лѣсовъ и степей, можетъ быть, если ты станешь защищаться, ты спасешь насъ обоихъ.... и себя и меня.

— Хорошо; я буду сражаться — отвѣчалъ спріецъ.

Потомъ, сдѣлавъ повелительный знакъ невольникамъ, онъ сказалъ громкимъ голосомъ:

— Коня, дротики, мечъ!

И толпа рукоплескала, понявъ по этому голосу и движеніямъ, что увидитъ одинъ изъ Геркулесовыхъ боевъ, возбуждавшихъ ея чувствованія, утомленныя обыкновенными сраженіями.

Сначала молодой человѣкъ подошелъ къ коню, который, подобно ему, былъ сынъ Аравіи; земляки узнали другъ друга; человѣкъ сказалъ коню нѣсколько словъ на чуждомъ языкѣ и благородное животное, словно поцявъ ихъ, отвѣчало веселымъ ржаніемъ. Спріецъ сорвалъ съ коня узду и сѣдло и дитя степи запрыгало вокругъ него.

Въ это время спріецъ, въ свою очередь сбросивъ съ себя лишнія одежды и обернувъ свой красный плащъ вокругъ лѣвой руки, остался въ одной туникѣ и чалмѣ. Потомъ онъ опоясался мечемъ, взялъ дротики и, кликнувъ коня послушнаго и мирнаго, какъ газель, вскочилъ на него и припавъ къ гривѣ, три раза окружилъ дерево, къ которому была привязана дѣвушка.

Въ это мгновеніе подъ podium разстворилась дверь и кордуанскій быкъ, подгоняемый невольниками, мыча, вошелъ въ циркъ. Но едва онъ сдѣлалъ десять шаговъ, какъ устрашенный свѣтомъ, видомъ зрителей, криками толпы, припалъ на переднія ноги, нагнулъ голову до самой земли и, устремя на спрійца мутный и свирѣпый взглядъ, началъ рыть песокъ передними ногами и бороздить землю; ноздри его дымились. Въ эту минуту, одинъ изъ распорядителей игръ бросилъ ему чучелу, набитую соломой, быкъ тотчасъ-же бросился на нее и смялъ ее подъ ноги; но въ ту минуту, когда онъ былъ болѣе всего раздраженъ, дротикъ со свистомъ вылетѣлъ изъ руки бойца и вонзился въ его плечо.

Быкъ испустилъ болѣзненное рычаніе, потомъ тотчасъ-же покинувъ мнимаго врага для дѣйствительнаго противника, быстро устремился на спрійца, опустивъ голову и оставляя за собою кровавую полосу. Молодой человѣкъ спокойно позволилъ ему приблизиться, потомъ, когда былъ находился отъ него только въ нѣсколькихъ шагахъ, голосомъ и движеніемъ заставилъ онъ легкаго бѣгуна отскочить въ сторону въ то время, какъ увлеченный бѣгомъ быкъ несся мимо него, другой дротикъ вонзилъ ему между ребръ свое шести-вершковое желѣзо.

Животное остановилось, задрожало, потомъ, тотчасъ-же обернувшись, оно бросилось на коня и всадника, но конь и всадникъ стали убѣгать предъ нимъ, какъ будто уносимые вихремъ.

Они такимъ образомъ три раза обнеслись вокругъ амфитеатра; съ каждымъ разомъ быкъ ослабѣвалъ и все болѣе и болѣе отставалъ отъ коня со всадникомъ; наконецъ при третьемъ разѣ онъ упалъ на колѣни; но, вставъ почти въ тоже самое мгновеніе, онъ испустилъ страшное мычаніе и, какъ будто потерявъ надежду догнать бойца, и посмотрѣлъ вокругъ себя, словно стараясь увидѣть, нѣтъ-ли въ циркѣ другой жертвы, на которой онъ могъ-бы излить свой гнѣвъ: тогда то онъ примѣтилъ дѣвушку.

Казалось, быкъ съ минуту сомнѣвался, было-ли это существо живое, такъ дѣвушка своею блѣдностью и неподвижностью походила на статую; но тотчасъ-же, вытянувъ шею и потянувъ въ себя ноздрями воздухъ, онъ собралъ всѣ свои силы и устремился прямо на нее.

Молодая дѣвушка увидала его и испустила крикъ ужаса. Но спріецъ бодрствовалъ надъ нею.

Въ свою очередь онъ устремился на быка, но, казалось, быкъ убѣгалъ отъ него. Въ нѣсколько скачковъ своего вѣрнаго нумидійскаго коня, молодой человѣкъ скоро догналъ быка. Тогда онъ соскочилъ со спины своего коня на спину къ быку и, схвативъ быка лѣвой рукою за одинъ рогъ и приподнявъ такимъ образомъ быку шею, правой онъ вонзилъ мечъ въ горло своего противника по самую рукоятку. Зарѣзанный быкъ упалъ только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дѣвушка; но она закрыла глаза, ожидая смерти, и только рукоплесканія зрителей извѣстили ее о первой побѣдѣ Спрійца.

Тогда вошли въ циркъ трое невольниковъ: два изъ нихъ вели каждый по лошади, на которыхъ надо было свезти съ арены быка, третій держалъ чашу и амфору. Онъ наполнилъ чашу и подалъ ее молодому спрі цу.

Онъ едва коснулся ея губами и просплъ другія оружія.

Ему принесли лукъ, стрѣлы и рогатину.

Потомъ всѣ поспѣшили уйти съ арены, потому что подъ тономъ императора подымалась рѣшетка и атласскій левъ входилъ на арену.

Это былъ дѣйствительно царь животныхъ, потому что отъ его одного рыканія, которымъ онъ привѣтствовалъ день, конь въ первый разъ усумнился въ скорости своего бѣга и отвѣчалъ на это рыканіе боязливымъ ржаніемъ.

Одинъ только спріецъ, привыкшій къ этому могучему голосу, не

разъ слышавшій его въ степяхъ, простирающихся отъ Асфальтоваго Озера до источниковъ Моисея, спокойно приготовлялся къ защитѣ или къ нападенію, и, зайдя за ближайшее къ дѣвушкѣ дерево, накладывалъ на тетиву самую острую изъ своихъ стрѣлъ.

Между тѣмъ его благородный и могучій противникъ приближался медленно и довѣрчиво, не зная, чего хотятъ отъ него, морща свой широкій лобъ и разметая хвостомъ песокъ.

Тогда, чтобы возбудить его, распорядители игръ пустили въ него нѣсколько тупыхъ стрѣлъ; но онъ, спокойный и гордый, продолжалъ идти медленно, не заботясь объ этихъ мелочахъ, какъ вдругъ, среди безвредныхъ хлыстиковъ, какъ молнія промелькнула, свистя, острая стрѣла и вонзилась ему въ плечо. Тогда онъ вдругъ остановился, болѣе отъ удивленія, чѣмъ отъ боли, какъ-будто недоумѣвая, какое человѣческое существо дерзало вызвать его на бой; онъ сомнѣвался еще въ своей ранѣ; но тотчасъ-же его глаза налились кровью, его пасть открылась, страшный и продолжительный ревъ, подобный раскату грома, вырвался изъ глубины его груди. Онъ вырвалъ изъ раны стрѣлу и изломалъ ее зубами; потомъ, бросивъ вокругъ себя взоръ, который заставилъ зрителей, не смотря на защищавшую ихъ рѣшетку, отступить назадъ, онъ искалъ какого-нибудь предмета, на который-бы могъ излить свой гнѣвъ: въ эту минуту онъ увидѣлъ коня, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ-будто сію минуту выскочилъ изъ воды со льдомъ, хотя онъ весь былъ покрытъ пѣною и потомъ, и, переставъ ревѣть, левъ сдѣлалъ прыжокъ, приблизившій его на двадцать шаговъ къ первой жертвѣ, имъ выбранной.

Тогда начался второй бѣгъ, еще необыкновеннѣе, чѣмъ первый, потому что въ немъ теперь неучаствовало искусство человѣка, стѣснявшее инстинктъ животныхъ.

Второй скачекъ еще болѣе приблизилъ льва къ коню. Конь, прижавшись въ углу цирка, не смѣя бѣжать ни направо ни налѣво, перескочилъ черезъ голову своего непріятеля, и левъ пустился преслѣдовать его неровными прыжками, потрясая гривою, и испуская по временамъ пронзительныя рыканія, на которыя бѣглецъ отвѣчалъ боязливымъ ржаніемъ. Три раза, какъ тѣнь, какъ призракъ, какъ адскій конь, вырвавшійся изъ колесницы Плутона, промелькнуло быстрое дитя Нумидіи, и каждый разъ левъ, не дѣлавшій повидимому никакихъ усилій, приближался къ нему все болѣе и болѣе, такъ что наконецъ, постепенно съуживая кругъ, побѣжалъ параллельно съ конемъ.

Видя, что не можетъ избѣжать своего врага, конь всталъ у рѣшетки на дыбы и судорожно забилъ по воздуху ногами.

Тогда левъ сталъ приближаться медленно, какъ побѣдитель, увѣренный въ своей побѣдѣ, по-временамъ останавливаясь, чтобы рычать, потрясать гривою и рыть когтями песокъ.

Несчастный конь, очарованный, какъ бываютъ, говорятъ, очарованы лани и газели видомъ змѣи, упалъ и въ смертномъ страхѣ покатился по песку.

Въ эту минуту вторая стрѣла сорвалась съ лука сирійца и глубоко вонзилась промежъ ребръ льва. Человѣкъ явился на помощь коню и призывалъ на себя отклоненный имъ гнѣвъ.

Левъ обернулся, потому-что онъ начиналъ понимать, что въ циркѣ есть врагъ болѣе страшный, чѣмъ тотъ, котораго онъ убилъ однимъ взглядомъ. Тогда-то онъ примѣтилъ бойца, который вынулъ изъ-за пояса третью стрѣлу и накладывалъ ее на тетиву своего лука. Онъ остановился на минуту предъ человѣкомъ.

Этого мгновенія было достаточно сирійцу, чтобы послать своему врагу третью вѣстницу боя. Стрѣла вонзилась льву въ шею. Что произошло потомъ — было быстро, какъ молнія.

Левъ бросился на человѣка, человѣкъ принялъ льва на рогатину, потомъ человѣкъ и левъ упали вмѣстѣ; самые близкіе изъ зрителей были орошены кровавымъ дождемъ. Дѣвушка испустила прощальный крикъ своему защитнику....

У ней не было болѣе защитника, но не было также и врага....

Левъ пережилъ человѣка только однимъ мгновеніемъ.

Что касается до коня, онъ былъ уже мертвъ, хотя левъ и не дотронулся до него.

Вошли невольники и унесли, среди криковъ и рукоплесканій толпы, трупы человѣка и животныхъ.

Тогда всѣ взоры перенеслись на дѣвушку, которую смерть сирійца оставила безъ защиты. До-тѣхъ-поръ, пока онъ былъ живъ, она еще надѣялась за себя. Но когда она увидала, что онъ палъ, то поняла, что все было кончено и начала шептать молитвы за него, который сію минуту умеръ, и за себя, которая сію минуту должна была умереть. Но молитвы замирали на ея блѣдныхъ губахъ.

Впрочемъ, противъ обыкновенія, въ этой толпѣ было къ ней сочувствіе. Принявъ ее сначала за жидовку, зрители узнали въ ней по чертамъ лица гречанку.

Не только женщины, но и мужчины начинали роптать и нѣсколько зрителей встали, чтобы испросить помилованіе дѣвушкѣ, какъ вдругъ крики: «садись! садись!» послышались на верхнихъ уступахъ. Поднялась рѣшетка и на арену прыгнула тигрица.

Едва успѣвъ выдти изъ своей клѣтки, она легла на землю,

осматриваясь вокругъ себя свирѣпо, но безъ удивленія и безпокойства, потомъ втянула себѣ поздрями воздухъ и поползла, какъ змѣя, къ тому мѣсту, гдѣ пала лошадь. Достигнувъ этого мѣста, она такъ же, какъ падшій конь, поднялась на рѣшетку, обнюхивая и кусая желѣзныя полосы, потомъ потихоньку заворчала, какъ-будто вопрошая желѣзо, песокъ и воздухъ объ отсутствующей добычѣ. Тогда она почувствовала запахъ свѣжей крови, потому-что невольники въ этотъ разъ не взяли труда сгладить песокъ.

Тигрица пошла прямо къ дереву, подъ которымъ происходилъ бой человѣка со львомъ, оборачиваясь по временамъ направо и налѣво. Наконецъ она подошла къ лужѣ крови, которую песокъ не успѣлъ еще вобрать въ себя, и начала пить кровь, какъ жаждущій песъ, рыча и постепенно одушевляясь.

Напившись, она посмотрѣла вокругъ себя блестящими глазами и только тогда примѣтила дѣвушку, привязанную къ дереву, съ закрытыми глазами, чтобы не видѣть смерти.

Тогда тигрица припала къ землѣ и косвенно поползла къ своей жертвѣ, не теряя ея изъ виду, потомъ, въ десяти шагахъ отъ нея, поднялась, и однимъ прыжкомъ очутилась у ногъ молодой дѣвушки. Но когда весь амфитеатръ, ожидая, что вотъ сію минуту тигрица разорветъ въ куски свою жертву, испустилъ крикъ ужаса, крикъ, въ которомъ выразилось все участіе, внушенное молодою дѣвушкою зрителямъ, пришедшимъ рукоплескать ея смерти, тигрица снова легла на землю, тихая и смирная, какъ газель, и начала лизать ноги своей жертвы.

Толпа, видя это чудо, начала кричать: «помилованіе! помилованіе!» Притомъ дѣвушка выдержала три назначенныя испытанія, и такъ-какъ она была жива, то должна была остаться свободною.

Величайшая жестокость зрителей смѣнилась величайшимъ участіемъ. Молодые всадники бросали дѣвушкѣ свои золотыя цѣпи, женщины свои цвѣточные вѣнки. Всѣ встали, призывая невольковъ, чтобы отвязать отъ дерева жертву.

На крики въ циркъ вошелъ Ливикъ, черный стражъ Фебеи и кинжаломъ перерѣзалъ узы молодой дѣвушки, которая въ ту же минуту упала на колѣна, потому-что эти узы были единственная подпора, на которой держалось изнеможенное тѣло Актэ, но Ливикъ поднялъ ее и, поддерживая, довелъ до дверей, называемыхъ *sana vivaria*, потому-что въ нихъ, какъ мы уже сказали, выходили гладіаторы, бестіаріи и осужденные, избѣжавшіе смерти.

На порогѣ, дѣвушку дожидалась огромная толпа, такъ-какъ вѣстники объявили приказаніе цезаря остановить игры и возобновить ихъ только въ пять часовъ вечера.

При видѣ дѣвушки, толпа разразилась рукоплесканіями и хотѣла унести ее съ тріумфомъ, но она, скрестивъ руки, просила оставить ее, и народъ разступился передъ нею, очистивъ ей путь.

Она пошла ко храму Діаны и, сѣвъ у одной колонны, долгое время провела плача, въ отчаяніи.

Вечеромъ, въ назначенный часъ, амфитеатръ открылся снова, и игры начались.

Впустили въ циркъ новыхъ львовъ, и ввели новыхъ гладіаторовъ.

И страшная драма разыгралась кровавой развязкою при громѣ рукоплесканій народа.

—

V.

ИГРА ВЪ МЯЧЬ.

Занимательная, веселая, упражняющая тѣлесную силу и ловкость, игра въ мячикъ имѣетъ еще то преимущество передъ другими играми, что не подвергаетъ играющаго ни малѣйшей опасности. Не удивительно, что она пользовалась большимъ уваженіемъ въ древности, когда служила забавою, сколько для дѣтей и юношей, столько-же и для возмужалыхъ, даже пожилыхъ людей. Геродотъ разсказываетъ, что ее изобрѣли лидяне, стараясь за нею забывать голодъ. По мнѣнію Плинія, изобрѣтателемъ ея былъ *Питосъ* (Pythos). Въ «Одиссеѣ» Гомера (Пѣсни VI, ст. 16 и VIII, 374), дочь царя феакіянъ, Навасая играетъ съ подругами въ мячикъ. Въ послѣдствіи, подобно гимнастикѣ, вообще игра въ мячъ сдѣлалась у грековъ исключительной собственностью мужчинъ; въ одной толькой Спартѣ играли въ мячикъ и дѣвушки. Составилась особая отрасль гимнастики, *сферистика*, которая соединялась съ хорестикой и орхестикой. Ловкость въ сферистикѣ цѣнилась также высоко, какъ и ловкость во всякой другой отрасли гимнастики. Первѣйшіе государственные люди и простолюдины равно играли въ мячъ. Въ гимназіяхъ бывали особыя площадки для этой игры, а въ худую погоду играющіе собирались въ ксистахъ (xystai) или-же въ сферистеріяхъ, крытыхъ мячевыхъ залахъ. Мячи или *сферы* (sphaerai) были *большія* и *малыя*. *Малый* мячикъ, кожаный или шерстяной, набитый эластическими веществами, финовыми зернами и т. п., употреблялся въ разныхъ родахъ игры. Смотря по числу играющихъ, одинъ или цѣлая партія кидали мячъ другому или нѣсколькимъ другимъ, стоявшимъ на извѣстномъ разстояніи, чтобы тѣ ловили: это называлось *Фе-*

нинда (phaininda). Бросали или подбивали мячъ кверху и, недавая упасть на землю, опять подбивали вверхъ: игра *уранія* (uraniа). Кидали мячикъ объ земь, чтобъ онъ, по упругости своей, безпрестанно скакалъ вверхъ: игра *апорраксисъ* (aporrhaxis). Играющіе старались отнять другъ у друга мячикъ, лежавшій въ серединѣ и заквнуть его за положенную черту: игра *гарпастонъ* (harpaston). — *Большой мячикъ* бывалъ двухъ сортовъ: легкій, изъ кожи или пузыря, надутый воздухомъ, до одного фута въ діаметрѣ, онъ подкидывался ногою, какъ и теперь водится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи и Голландіи; и тяжелый мячъ, сдѣланный изъ такого же матерьяла, какъ и малый мячикъ. Взрослые люди и атлеты подшибали этотъ мячъ рукою, которую обвивали кожею.

У римлянъ также игра въ мячъ была однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ удовольствій старыхъ и малыхъ. По различнымъ видамъ игры, употреблялись три разные сорта мячей: а) pila, въ тѣсномъ смыслѣ, *малый*, настоящій игорный мячикъ, болѣе или менѣе жесткій и упругій; б) follis, *большой* мячъ, надутый воздухомъ; в) paganica, о которомъ говоритъ Марціалъ въ сат. VII и въ сат. XIV. По величинѣ, paganica занималъ средину между pila и follis, набивался перьями и слѣдовательно былъ нѣсколько тяжеле follis. Какъ играли этимъ мячикомъ, нельзя сказать опредѣлительно. По одному интальо у Бегера (Thes. Brand. p. 139), гдѣ сидячая мужеская фигура держитъ въ обѣихъ рукахъ по мячику, который кажется сорта paganica, археологи заключили, что этотъ мячъ употреблялся въ палестрѣ. Большой, но легкій мячъ, follis, подшибали кулакомъ или ладонью. Судя по одной монетѣ Гордіана III, для этого надѣвали на правую руку особаго рода перчатку. Игра доставляла легкій моціонъ, не обременительный и приличный даже дряхлому старческому возрасту. См. Марціала, XIV. Во всѣ прочія игры играли мячикомъ pila. Гдѣ писатель не именуетъ въ точности мячъ—follis, pila, или paganica, или гдѣ pila не означаетъ вообще мяча, надо вездѣ разумѣть малый мячикъ. Играли двумя манерами: datatim и expulsim. Подъ игрою datatim (datatim ludere) разумѣлась самая простая игра мячемъ: двое играющихъ стояли другъ противъ друга и перекидывались мячикомъ поочередно или одновременно, ловя мячъ одинъ у другаго. Иногда это бывало среди улицы. Играть expulsim (expulsim ludere) называлось нѣчто другое, для насъ не совсѣмъ ясное. Извѣстно только то, что въ этой манерѣ игры ударяли мячикъ. Кажется, самой любимой игрою въ мячъ было такъ называемая trigon (pila trigonalis). По названію игры видно, что въ нее играли

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ІОГАННА-ХРИСТІАНА БРАНДЕСА,

НѢМЕЦКАГО АКТЕРА И ДРАМАТУРГА

XVIII ВѢКА.

.... Vita est nobis aliena magistra.
Жизнь для насъ суровая наставница.
Катонъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Матушка давно уже знала, что я поступилъ въ актеры; не раздѣляя предразсудковъ своего времени, она была довольна тѣмъ, что я, по-крайней-мѣрѣ, искалъ себѣ честнаго средства пропитанія въ званіи, которое она ставила выше званія лакея. Но не такъ разсуждала тетка: она смотрѣла на актеровъ, какъ на адское племя, рожденное на соблазнъ и на гибель всему христіанству; она требовала, чтобы я непремѣнно бросилъ это нечестивое ремесло и поступилъ опять въ услуженіе и вызывалась пріискать мнѣ хорошее мѣсто; увидѣвъ-же, что всѣ ея совѣты и увѣщанія были безполезны, она поклялась въ гнѣвѣ, что не пуститъ меня къ себѣ на глаза, пока я не разстанусь съ проклятою шайкою. Она сдержала слово; съ тѣхъ поръ я видѣлъ ее одинъ только разъ. Она не могла совершенно подавить въ своемъ сердцѣ

привязанности къ своему прежнему воспитаннику, однако-же строго подтвердила свое запрещеніе показываться въ ея домѣ, и потомъ я ее уже не видалъ.

Шухъ былъ въ восхищеніи, что пріобрѣлъ такого полезнаго члена для своей труппы, за ничтожную сумму четырехъ гульденовъ въ недѣлю; я ему очень поправился, и онъ не могъ нахвалиться моими способностями къ трагедіи. Однако-же первый мой дебютъ, къ великому его прискорбію, не оправдалъ его ожиданій; онъ однако же не потерялъ надежды, полагая, что комедія у меня дѣло второстепенное, и что, учившись танцованію, я буду въ состояніи поднять его балетъ. Къ несчастію, мое танцованіе понравилось публикѣ еще менѣе моей игры. Шухъ былъ большой чудакъ; изъявленіе своего неудовольствія онъ всегда сопровождалъ какою-нибудь ѣдкою колкостью. Такъ, когда я протанцовалъ свое соло въ балетѣ, онъ сказалъ мнѣ, что губернаторъ и все дворянство требовали повторенія балета на слѣдующій день, чтобы еще разъ насладиться моимъ талантомъ; а послѣ втораго моего дебюта въ трагедіи, къ которой я не имѣлъ ни малѣйшей способности, онъ привѣтствовалъ меня слѣдующимъ образомъ: «Я охотно отправилъ-бы тебя обратно къ Дрейеру за одну устричную раковину.» Я чувствовалъ, что онъ былъ не совсѣмъ неправъ; однако же, чтобы избѣжать стыда получить отказъ на глазахъ матушки и тетки, я прибѣгнулъ къ просьбамъ; предложилъ, какъ нѣкогда у Шенемана, нести должности суфлера, переписчика, танцора, фигуранта, дѣлать все, чего отъ меня ни потребуютъ. Такимъ образомъ я умилостивилъ его и, послѣ долгихъ сопротивленій, онъ согласился наконецъ удержать меня.

Шухъ игралъ роли арлекина съ неподражаемымъ искусствомъ и былъ одаренъ неисчерпаемымъ остроуміемъ, которымъ умѣлъ пользоваться всегда кстати.

Штенцель, товарищъ, а потомъ неразлучный другъ Шуха, игралъ, подъ именемъ Ансельма, комическія роли въ фарсахъ. Онъ былъ единственъ въ этомъ родѣ, и игралъ также первыя роли въ описанныхъ комедіяхъ. Можно смѣло сказать, что Штенцель въ то время занималъ, послѣ Экгофа, первое мѣсто между нѣмецкими актерами. Въ обществѣ его, какъ и друга его Шуха, также очень уважали за честность и строгіе нравы.

Штеттинъ былъ окруженъ русскими и шведскими войсками; однако-же, благодаря строгой дисциплинѣ, они нисколько не безпокоили жителей. Каждый спокойно занимался своимъ дѣломъ, какъ въ мирное время, и театръ былъ всегда полонъ. Будучи

обезпеченъ въ средствахъ существованія, я могъ приняться опять за литературныя занятія и написалъ въ это время первую свою комедію «Скептикъ», въ пяти дѣйствіяхъ. Хотя она была играна во многихъ мѣстахъ, и даже напечатана, она однако-же такъ плоха, что я не рѣшился помѣстить ее въ собраніи своихъ драматическихъ сочиненій.

Матушка, не задолго до моего пріѣзда, купила мнѣ, на скопленныя ею деньги, пристойное платье, бѣлье и часы, такъ, что я могъ уже ходить не такимъ нищимъ, какъ прежде, и былъ допущенъ во многія почтенныя семейства. Счастье, наконецъ, улыбнулось мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ гоненія; я былъ обезпеченъ и даже могъ со временемъ ожидать довольства, пожалуй, и нѣкоторой славы.

По наступленіи зимы, Шухъ оставилъ Штеттинъ и перекочевалъ въ Берлинъ, гдѣ мы дали нѣсколько представленій съ большимъ успѣхомъ. Признаюсь, я былъ не совсѣмъ спокоенъ, въѣзжая въ столицу; я боялся, что прежній мой господинъ, министръ Гоппе, узнаетъ меня и накажетъ за побѣгъ. Однако же, не видя преслѣдованія, я успокоился, полагая, что онъ меня уже забылъ, или не догадается искать меня въ труппѣ актеровъ.

Шухъ, имѣя исключительное право давать представленія во всѣхъ областяхъ королевства, положилъ себѣ за правило никогда не истощать любопытства публики. По этому онъ оставилъ Берлинъ въ то самое время, какъ вполнѣ пользовался благосклонностью публики и, пробывъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, перенесъ свой театръ въ Бреславль. Тутъ кругомъ были видны слѣды кровопролитной войны; посады были выжжены; одна часть города разрушена ядрами и бомбами, другая взрывомъ пороховаго магазина. Многіе домы едва стояли. Эпидемія открылась въ госпиталѣ и разнеслась по городу; мертвыхъ подбирали въ домахъ и по улицамъ, бросали подъ лѣстницы или куда нибудь въ уголъ и потомъ вывозили изъ города на телѣгахъ, которыя иногда были такъ навалены трупами, что изъ нихъ торчали руки и ноги. Однимъ словомъ, ужасно было взглянуть на этотъ несчастный городъ. Не смотря на то, праздники и удовольствія не прекращались во все продолженіе зимы; народъ толпился въ театрахъ, кофейняхъ, трактирахъ и танцовальныхъ залахъ.

Въ Бреславлѣ нашелъ я наконецъ книгопродавца, который согласился напечатать мой Падерборнскій романъ. Это побудило меня продолжать; я написалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій, между прочимъ комедію «Похищеніе, или забавная ошибка», столь-же слабую, какъ «Скептикъ». Обѣ пьесы были напечата-

ны въ ту-же зиму, но награда была соразмѣрна достоинству труда; ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ дать мнѣ больше гульдена съ листа.

Мое трудолюбіе и стараніе усовершенствоваться въ искусствѣ не скрылись отъ вниманія Шуха. Однажды, въ субботу, день назначенный для расплаты, онъ спросилъ меня: — «Сколько тебѣ слѣдуетъ жалованья?» — Четыре гульдена, отвѣчалъ я. — «Вотъ тебѣ, братецъ, пять, сказалъ онъ съ обычнымъ своимъ лаконизмомъ; ступай.» Я поблагодарилъ его и вышелъ, въ восхищеніи, что положеніе мое такъ неожиданно поправлялось.

—

ГЛАВА II.

Къ веснѣ наша труппа оставила Бреславль и отправилась черезъ Берлинъ въ Магдебургъ.

Въ этой поѣздкѣ я имѣлъ случай замѣтить глупое и жалкое тщеславіе нѣкоторыхъ изъ нашихъ актрисъ. Мы ѣхали въ нѣсколькихъ крытыхъ фурахъ, въ которыхъ были уложены и наши сундуки и чемоданы, чтобы путешественникамъ сидѣть какъ можно удобнѣе. Дамы усѣлись на назначенныя имъ мѣста, въ пышныхъ модныхъ чепцахъ, въ шляпкахъ съ перьями, въ шелковыхъ мантильяхъ, съ своими собачками на колѣнахъ и велѣли опустить верхъ отъ фуръ, чтобы показаться въ полномъ блескѣ. Такимъ образомъ проѣхали мы весь городъ. Можно себѣ представить, что это появленіе дюжины женщинъ, молодыхъ и старухъ, разряженныхъ и нарумяненныхъ, обратило на себя общее вниманіе, и что множество любопытныхъ послѣдовало за этимъ страннымъ поѣздомъ. — «Ахъ, посмотри, душа моя, какіе важные проводы», шептала одна своей сосѣдкѣ, съ невыразимымъ самодовольствіемъ. — Славный народъ эти берлинцы, отвѣчала другая. — «Имъ очень прискорбно, что мы проѣзжаемъ черезъ ихъ городъ, не останавливаясь, подхватывала третья. Они страстные любители театра; я знаю нѣкоторыхъ, которые ходили смотрѣть насъ каждый вечеръ.» И въ то-же время дамы раскланявались вправо и влѣво своимъ знакомымъ. Такъ доѣхали наши чувствительныя красавицы до первой деревни, въ искреннемъ убѣжденіи, что берлинская публика осыпала ихъ самыми искренними изъявленіями своей любви. Въ первой деревнѣ мы остановились и дамы переодѣлись: чепцы, шляпки съ перьями, шелковыя мантильи были тщательно уложены въ чемоданы и картонки, и замѣнились ночными чепцами, капишонами и холщевыми и бумаж-

ными салопами. Но на послѣдней станціи красавицы опять сняли дорожные костюмы, причесались, умылись, надушились, нарумянились, надѣли пышные чепцы, шляпки съ перьями и шелковыя мантильи, и велѣли откинуть декъ фуры. Въѣздъ нашъ былъ также великолѣпенъ и торжественъ, какъ и выѣздъ. Когда мы уѣзжали изъ Бреславля, нѣкоторые изъ актеровъ смиренно уложили свои вещи въ фуру и вышли наканунѣ пѣшкомъ изъ городу, до первой станціи; тѣ, которые оставляли за собою очень большіе долги, пробрались даже до второй станціи. Но вступили они въ Магдебургъ гораздо важнѣе, и послѣдовали примѣру дамъ.

Дворъ находился въ то время въ Магдебургѣ; кромѣ того, въ городѣ было множество плѣнныхъ офицеровъ, что значительно увеличило наши сборы. Я скоро познакомился съ нѣкоторыми изъ этихъ офицеровъ, которые втянули меня въ общество нѣсколькихъ богатыхъ кутилъ, проводившихъ по цѣлымъ днямъ за картами, виномъ и пышными завтраками. Это былъ весьма удобный случай развить мою склонность къ удовольствіямъ и къ кутежной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ разстроить мое здоровье; что неминуемо и послѣдовало-бы, еслибъ, къ счастью, Шухъ нигдѣ долго не оставался. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ закрылъ свои представленія и отправился съ труппою въ Браушвейгъ, по приглашенію пантомимнаго директора Николини. Едва мы открыли свои представленія, какъ пришло извѣстіе, что одинъ изъ принцевъ крови былъ убитъ въ сраженіи. По принятому обычаю, театръ долженъ-бы въ такомъ случаѣ закрыться на нѣкоторое время; однако-же, по особенному снисхожденію двора, намъ было разрѣшено продолжать представленія, чтобы не прервать удовольствія множества иностранцевъ, съѣхавшихся на ярмарку. Актеру Мерхнеру поручено было возвѣстить это публикѣ. Онъ былъ не-мастеръ говорить, и окончилъ свою рѣчь самымъ забавнымъ образомъ. «Пользуясь этимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ, сказалъ онъ, труппа будетъ стараться исполненіемъ лучшихъ правильныхъ пьесъ и самыхъ забавныхъ фарсовъ, угодить всѣмъ почтеннымъ зрителямъ и умнымъ дуракамъ.» Ропотъ осужденія, которымъ публика отвѣчала на эту неумѣстную выходку, такъ смутилъ оратора, что онъ растерялся, и не зналъ, ни что говорить, ни что дѣлать, и вѣрно отпустилъ-бы еще какую нибудь глупость, еслибъ Шухъ не поспѣшилъ выдти на сцену арлекиномъ, и не выручилъ его остроумною шуткою. Затѣмъ началось представленіе объявленнымъ наканунѣ фарсомъ: «Жизнь и смерть арлекина.» Дѣла наши шли, какъ нельзя успѣшнѣе. По окончаніи

ярмарки, Николини отпустилъ труппу, щедро одарилъ ее, и Шухъ отправился съ нею обратно въ Магдебургъ.

—

ГЛАВА III.

Мерхнеръ за нѣсколько лѣтъ уже совсѣмъ отказался отъ театра, и завелъ въ Берлинѣ винокуренный заводъ. Онъ снова поступилъ на театръ только изъ дружбы къ Шуху и то на короткое время, за тѣмъ, чтобы содѣйствовать успѣху нѣкоторыхъ комедій, въ которыхъ онъ превосходно исполнялъ главныя роли. Но въ это время торговыя дѣла принудили его ѣхать въ Берлинъ. Другой актеръ, [исполнявшій также первыя роли, преимущественно любовниковъ, оставилъ театръ около того-же времени. Шухъ не зналъ, кѣмъ замѣнить этихъ двухъ артистовъ и принужденъ былъ отдать ихъ роли актерамъ, не имѣвшимъ никакихъ способностей къ драматическому искусству. Одному изъ нихъ назначалась роль Турмана, въ трагедіи «Лондонскій купецъ»; но онъ не рѣшился принять ее, зная, что я выучилъ эту роль, и многія другія просто для упражненія, онъ сказалъ о томъ директору, который тотчасъ призвалъ меня и спросилъ: «Знаешь ты роль Турмана?»—Знаю, господинъ Шухъ.—«И посмѣешь ее сыграть?» — Это самое пламенное мое желаніе. — «Хорошо; сыграй ее для опыта; да смотри, не ударь лицомъ въ грязь, — прибавилъ онъ своимъ обычнымъ насмѣшливымъ тономъ, — не то, будешь повѣшенъ, вмѣсто Барнвеля.

Я обѣщалъ постараться всѣми силами отличиться. Пьеса была сыграна и, противъ всякаго ожиданія, я удостоился единодушныхъ рукоплесканій. Шухъ былъ въ восторгѣ, что первый открылъ во мнѣ талантъ, ставилъ меня въ примѣръ всѣмъ молодымъ актерамъ и поручилъ мнѣ нѣсколько хорошихъ ролей, которыя я всѣ исполнилъ удачно. Особенно обратилъ я на себя общее вниманіе въ ролѣ слѣпаго мужа, въ комедіи Крюгера. Весь театръ аплодировалъ мнѣ съ неистовствомъ. Шухъ, въ радости, обнялъ меня и спросилъ: — «Сколько тебѣ идетъ жалованія въ недѣлю?» — Пять гульденовъ. — «Впредь будешь получать четыре талера; а будешь продолжать такъ же прилежно, получишь еще больше. Теперь ступай.» Шухъ не любилъ длинныхъ фразъ; я поблагодарилъ его въ немногихъ словахъ и удалился въ восторгѣ отъ такого быстраго повышенія въ званіи и жалованьи.

Я пріобрѣлъ также значительную бойкость и находчивость въ импровизаціи. Если случалось, что представленіе оканчивалось

слишкомъ рано, я долженъ былъ на скоро переодѣться и, по поднятіи занавѣса, выходить на сцену, не зная, что будутъ играть. Шухъ говорилъ мнѣ только: «Ври, что придетъ на умъ, про любовь, а тамъ узнаешь, что дальше.» Я смѣло открывалъ пьесу общими разсужденіями о любви, ея радостяхъ и горестяхъ, и тому подобными пошлостями. Затѣмъ являлся Шухъ, арлекиномъ, моимъ вѣрнымъ слугою и наперсникомъ, и я обращался къ нему за совѣтомъ; его отвѣтъ служилъ изложеніемъ, изъ котораго я уже зналъ весь ходъ пьесы.

Одна молодая актриса, очень недалекая въ импровизаціи, поставила меня однажды въ ужасное затрудненіе своею наивностью и неопытностью. Она представляла дѣвушку, къ которой сваталось нѣсколько женіховъ, и которая рѣшилась испытать ихъ, чтобы выбрать изъ нихъ достойнѣйшаго. Въ этомъ предположеніи, я началъ объяснять ей свою безконечную, невыразимую любовь, клясться въ вѣчной вѣрности, представлять свое отчаяніе, если не буду имѣть счастія получить ея руку, и прочая, и прочая; увѣрялъ наконецъ, что съ моей стороны устранены всѣ препятствія, и что моему счастью недоставало только ея согласія. Актриса, которая, согласно съ пьесою, должна-бы пококетничать, была, напротивъ, такъ тронута моимъ объясненіемъ, что забыла и роль и свой характеръ, и пьесу, и протянула мнѣ руку съ слѣдующими словами, которыя во всякое другое время были бы такъ утѣшительны: «Ахъ, милый Леандръ! я не могу вамъ болѣе противиться; примите эту руку, и съ нею самое нѣжное сердце!» Это были послѣднія слова ея роли, и она заучила ихъ на память. Комедія могла бы тутъ и кончиться, еслибъ было угодно зрителямъ; однако-же, чтобы снова завязать интригу, я подавилъ въ сердцѣ досаду на эту безпримѣрную наивность, изъявилъ чрезвычайную радость, что успѣлъ такъ скоро склонить сердце возлюбленной, но замѣтилъ, что предвижу еще сильныя препятствія со стороны ея родныхъ. Чтобы придать болѣе силы своему сомнѣнію, я придумалъ существованіе старухи тетки, упрямой и скупой, отъ которой зависѣло рѣшеніе нашей участи, и которую надо было еще склонить на наше желаніе. Я говорилъ, говорилъ, а моя красавица все молчала, и была точно на иголкахъ; мое краснорѣчіе, не смотря на свое обиліе, начинало уже истощаться, и пьеса, пожалуй, стала бы, еслибъ Коломбина, бывшая попаходчивѣе и поразговорчивѣе своей госпожи, не выручила меня, вызвавъ ее къ отцу.

Въ другой разъ та же актриса должна была въ одной пьесѣ сказать небольшой монологъ; вдругъ она стала въ тупикъ на са-

мой серединѣ, и всѣ усилія суфлера навести ее на путь, были тщетны. Шухъ, видя, что она не можетъ ни взадъ, ни впередъ, вышелъ изъ терпѣнія, и закричалъ ей изъ-за кулисъ: «Чортъ возьми, выдумай нѣсколько словъ, и выходи»! Несчастная, растерявшись, услышала эти слова, вообразила, что это въ ея роли и, наклонившись къ зрителямъ, сказала: «Выдумаю еще нѣсколько словъ, и выхожу». И затѣмъ вышла среди громкаго хохота всей залы.

—

ГЛАВА IV.

Шухъ опять оставилъ Магдебургъ въ то время, какъ публика всего усерднѣе посѣщала нашъ театръ и отправился черезъ Берлинъ въ Бреславль. Какъ обыкновенная дорога была опасна, по причинѣ частыхъ вторженій непріятеля, то мы должны были идти черезъ Польшу. Тогда повсюду былъ ужасный недостатокъ въ хлѣбѣ; извощикъ предупредилъ насъ, чтобы мы въ Берлинѣ запаслись на всю дорогу. Но актеры, народъ по бо́льшей части легкомысленный, не обратили вниманія на этотъ совѣтъ, пока не прибыли во Франкфуртъ на Одерѣ. Тутъ, узнавъ, что жители уже нѣсколько дней были безъ хлѣба, поняли мы, какъ разуменъ былъ совѣтъ извощика. Въ Кроссенѣ едва не выломали дверей въ домѣ булочника, который первый началъ опять продавать хлѣбъ. Я съ нѣсколькими актерами воспользовался этимъ случаемъ; мы закупили все, что намъ было нужно на дорогу до Бреславля, подвергаясь опасности быть раздавленными толпою, тѣснившейся у булочной.

Въ Польшѣ недостатокъ въ продовольствіи былъ еще ощутительнѣе; сами содержатели гостинницъ скупали у проѣзжихъ по двойной цѣнѣ весь хлѣбъ, какой они могли имъ уступить. Кой-гдѣ были еще въ продажѣ мясо и водка; но мы съ трудомъ могли добиться, чтобы продавали ихъ намъ; крестьяне считали насъ маркитантами, хотѣвшими обобрать у нихъ послѣдніе ихъ припасы, или пожалуй цыганами или разбойниками; они не могли себѣ представить, чтобъ въ такое бѣдственное время, актеры могли находить средство пропитанія.

Однажды мы пріѣхали уже поздно вечеромъ въ постоялому двору. Хозяинъ принялъ насъ за контрабандистовъ, и на отрѣзъ объявилъ извощику, что у него нѣтъ ни пищи для людей, ни корму для лошадей. Мы принуждены были ѣхать далѣе, не по-

кормивъ лошадей; хозяинъ, обрадованный тѣмъ, что такъ легко отдѣлался отъ подозрительныхъ гостей, увѣрилъ насъ, что въ полумилѣ, за лѣсомъ, будетъ другая большая и богатая гостинница, гдѣ мы всего найдемъ въ изобиліи, потому что тамъ сходятся три дороги, и потому содержатель всегда готовитъ запасы на большое число проѣзжихъ. Мы очень обрадовались этой радостной вѣсти и потребовали только проводника съ фонаремъ, чтобы показать намъ дорогу черезъ лѣсъ, потому что ночь была чрезвычайно темная. Послѣ долгихъ переговоровъ мы добились наконецъ проводника за большія деньги. Мы бодро проѣхали не полмили, а слишкомъ цѣлую милю, въ ожиданіи хорошаго ужина и спокойнаго ночлега. Однако-же желанная гостинница не показывалась; дорога становилась все хуже, лѣсъ глуше и темнѣе, и наконецъ мы увязли въ болотѣ. Насъ взяло нетерпѣніе; мы грозились проводнику избить его, какъ собаку; извощикъ, также начинавшій подозрѣвать обманъ, сошелъ съ козелъ, чтобы передать ему угрозу; но въ тоже мгновеніе фонарь потухъ, и проводникъ пропалъ. Кругомъ не видать ни зги, хоть глазъ выколи; намъ оставалось только покориться судьбѣ и терпѣливо ждать разсвѣта.

Когда разсвѣло достаточно, чтобы различать ближайшіе предметы, мы увидѣли, что нигдѣ не было и признаковъ дороги; напротивъ, кругомъ ужасныя болота и непроходимые кустарники. Нельзя было сомнѣваться, что проводникъ насъ обманулъ и съ умысломъ завелъ въ эту глушь. Послѣ долгихъ усилій, мы наконецъ вытащили изъ болота свою фуру, почти лежавшую на боку. Не смотря на изнуреніе некормленныхъ лошадей, мы должны были ѣхать назадъ, по слѣду собственной своей фуры, и такимъ образомъ выбрались на дорогу, пересѣкавшую лѣсъ; повернули по ней на удачу, и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали къ какой-то деревушкѣ, а изъ нея выѣхали на большую дорогу. На первомъ постояломъ дворѣ намъ сказали, что другая фура, съ нашими товарищами, проѣхала наканунѣ. Наконецъ мы достащились до Бреславля, пробывъ въ дорогѣ нѣсколько недѣль и вытерпѣвъ несказанныя мученія. Мы были такъ разбиты и такъ голодны, что не могли отдохнуть въ цѣлую недѣлю.

По прибытіи въ Бреславль, Шухъ опять спросилъ меня: «Сколько идетъ тебѣ жалованья въ недѣлю? — Четыре талера. — Впредь будешь получать пять талеровъ; продолжай трудиться. Теперь можешь убираться». — Кромѣ этой прибавки жалованья, на которую я не разсчитывалъ такъ скоро, представилось мнѣ еще другое средство заработывать порядочныя деньги. Бреславль былъ

до того времени очень плохо снабженъ учителями танцованія. Одинъ башмачный подмастерье, танцовавшій въ первой парѣ въ своей деревнѣ, слылъ первымъ учителемъ въ городѣ, а за нимъ слѣдовала толпа всякаго сброду, нигдѣ не учившагося и тудаже совавшагося преподавать это искусство. Съ нами пріѣхалъ новый нашъ балетмейстеръ, Мекуръ, отличный танцоръ и учитель бальныхъ танцевъ; царство невѣждъ тотчасъ пало; Мекуръ заступилъ ихъ мѣсто во всѣхъ домахъ и получалъ щедрое вознагражденіе за свои уроки. Скоро у него набралось столько учениковъ, что онъ принужденъ былъ отказываться отъ новыхъ предложеній; но, чтобы не открыть опять дороги своимъ неучамъ-предшественникамъ, онъ предложилъ мнѣ сдать мнѣ часть своихъ уроковъ, съ тѣмъ, чтобы я никогда не бралъ меньше трехъ червонцевъ за шестнадцать уроковъ. Предложеніе это было для меня, какъ нельзя болѣе, пріятно. Мекуръ далъ мнѣ надлежащія наставленія, рекомендовалъ меня во многіе дома, какъ отличнаго учителя; я нанялъ скрипача и сдѣлался танцмейстеромъ.

Кромѣ многихъ пріятныхъ и полезныхъ знакомствъ, напримѣръ, съ братьями Генрици, съ Тишлеромъ, Грабиномъ, Клугелемъ и другими, эти уроки доставили мнѣ значительный доходъ. Скоро я сталъ считать себя чуть не богачемъ, и былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибъ умѣлъ благоразумно пользоваться своимъ богатствомъ. Но видя себя въ довольствѣ, я мало-по-малу бросилъ строгую экономію, которую соблюдалъ до тѣхъ поръ. Нѣсколько кутилъ вовлекли меня опять въ свое общество; я началъ болѣе, чѣмъ когда-либо, вести разгульную жизнь, и нерѣдко просиживалъ цѣлыя ночи за виномъ и за картами. Кромѣ вреда, которой я причинялъ этимъ своему здоровью и карману, я подвергался иногда опасностямъ, которыя могли стоить мнѣ жизни.

Однажды возвратился я домой поздно ночью и, по обыкновенію, ложась въ постель, сталъ читать на сонъ грядущій. Я заснулъ надъ книгою, забывъ погасить свѣчу. Она опылла, упала на стулъ; платье, лежавшее на стулѣ, загорѣлось; потомъ и самый стулъ, полъ, занавѣсы, столъ, наконецъ кровать. Я проснулся, когда пламя стало уже приближаться къ моему лицу. Испуганный опасностью, отъ которой я спасся чудомъ, я бросился съ постели, пробѣжалъ сквозь пламя въ кухню, гдѣ къ счастью нашелъ два ушата воды. Я поспѣшно черпнулъ нѣсколько ковшей, и не безъ труда потушилъ пожаръ. Никто не узналъ моей непростительной неосторожности, кромѣ служанки, которой я долженъ былъ дорого заплатить, чтобы она молчала, и столярнаго

подмастерьи, который на мой счетъ исправилъ всѣ поврежденія, причиненныя огнемъ.

Этотъ случай произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Наступила весна, и я сталъ въ свободные часы скитаться по окрестнымъ деревнямъ. Однажды, въ воскресенье, я гулялъ за городомъ съ нѣсколькими пріятелями. Дошедши до рѣчки Олау, мы хотѣли переправиться на другую сторону, но перевощики были еще у обѣдни, а лодки были у другаго берега. Молоденькая дѣвушка, столь-же неразумная, какъ мы, прельстившись хорошею наградою, согласилась переѣхать съ того берега и посадить насъ на небольшой, ветхій паромъ. Черезъ нѣсколько минутъ она причалила, мы вскочили на паромъ, не размышляя о томъ, что онъ не могъ выдержать такого груза и отчалили. Только, когда мы удалились отъ берега, мы замѣтили, что паромъ началъ наполняться водою. Въ одинъ мигъ башмаки наши налились водою, а бѣлые шелковые чулки покрылись грязью. Мы бросились къ другому борту, гдѣ было суше, паромъ покачнулся на ту сторону; мы опять назадъ, и паромъ опять наклонился на эту сторону. Никому недостало ума догадаться, что чѣмъ болѣе мы будемъ бѣгать, тѣмъ болѣе паромъ будетъ качаться; мы продолжали перебѣгать съ одного краю на другой до-тѣхъ-поръ, пока паромъ не перевернулся, и вся честная компанія не очутилась въ водѣ. Къ счастью нашему нѣсколько рыбаковъ выходили въ это время изъ церкви; увидѣвъ несчастіе, они бросились въ лодки, подоспѣли къ намъ на помощь, и благополучно доставили всѣхъ на берегъ. Мы еще довольно долго должны были простоять тутъ, дрожа отъ холоду въ своемъ промокшемъ платьѣ, пока рыбаки журили насъ за безразсудство; наконецъ, нажурившись досыта, они склонились на наши просьбы, впустили насъ въ свои хижины и развели огонь, передъ которымъ мы отогрѣлись и высушились. Между-тѣмъ, какъ платье наше сохло, рыбаки дали намъ всѣ свои свободные кафтаны и даже платья своихъ женъ, такъ, что приключеніе окончилось презабавнымъ маскерадомъ. Это происшествіе и лихорадка, которая трепала меня довольно долго, произвели на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ пожаръ въ моей комнатѣ. Я сталъ серьезно размышлять о своемъ безразсудствѣ и его послѣдствіяхъ, и рѣшился совершенно измѣнить свой образъ жизни.

—

ГЛАВА V.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ Берлинъ, было получено радостное извѣстіе о заключеніи мира съ Россіею. Я взялся при этомъ случаѣ за перо и написалъ прологъ «Испытанная вѣрность», который былъ игранъ при торжествахъ по случаю мира, и имѣлъ огромный успѣхъ. Шухъ поднесъ одинъ экземпляръ королевѣ, находившейся въ то время въ Магдебургѣ, которая приняла его очень благосклонно.

Мы недолго пробыли въ Берлинѣ и отправились въ Данцигъ. Русскіе отряды тянулись еще по дорогамъ; но какъ миръ былъ уже объявленъ, то мы могли спокойно продолжать путь; никто насъ не тревожилъ. Пріѣхавъ въ Наугардъ, мы съ величайшимъ трудомъ добились лошадей. Почтовыя лошади были всѣ въ разгонѣ, а какъ это было во время уборки хлѣба, то обыватели не хотѣли давать своихъ лошадей ѣхавшимъ на перекладныхъ, какъ мы. Мы прождали трое сутокъ, пока, наконецъ, намъ привели пару лошадей и телѣгу, въ которую мы уложили, какъ могли, свои чемоданы и усадили дамъ. Мужчины должны были идти пѣшкомъ, въ видѣ конвоя.

Этотъ образъ путешествія былъ чрезвычайно утомителенъ для насъ, пѣшеходовъ, и скученъ для всѣхъ. Намъ предстояло добрыхъ четыре мили, а тощія лошаденки едва могли идти по полумили въ два часа, потому что на телѣгѣ было пять или шесть большихъ чемодановъ, и по крайней мѣрѣ столько-же дамъ, изъ которыхъ иныя стоили добраго чемодана. Дорогою одинъ изъ актеровъ вступилъ въ разговоръ съ нашимъ возничимъ, и спросилъ его, между прочимъ, чьи это были лошади.

— Наугардскаго палача, отвѣчалъ извозчикъ.

— Какъ! палача? вскричалъ актеръ.

— Какъ! палача? подхватили хоромъ всѣ дамы, сидѣвшія на телѣгѣ.

Извозчикъ (*съ досадою*). Ну да, палача! что-жъ изъ этого?

Актеръ. Лошади палача! и его-же телѣга? а ты, съ позволенія сказать, помощникъ палача?

Извозчикъ. Нѣтъ, сударь, я у него для полевыхъ работъ. Впрочемъ, если вамъ со мною ѣхать не пристало, такъ я отправлюсь домой, а вы извольте отправляться, какъ знаете.

Разговоръ становился все жарче и крупнѣе, и извощикъ, которому притомъ грузъ казался не по силамъ лошадямъ, хотѣлъ поворотить назадъ. Терять времени было некогда; нѣкоторые изъ

насъ вызвались быть посредниками, пожурили своего товарища, успокоили благоразумными представленіями дамъ, которыя кричали, что онѣ хотятъ сойдти съ телѣги и идти пѣшкомъ, и укротили гнѣвъ извозчика, обѣщавъ ему на водку и извинившись передъ нимъ отъ имени всего общества. Затѣмъ, путешествіе продолжалось спокойно до первой станціи; но тутъ на распросы актеровъ, открылось, что возница нашъ былъ дѣйствительно то, чѣмъ мы считали его сначала, и крики нашихъ барынь возобновились еще съ бо́льшею силою. Онѣ считали и себя и всю труппу обезчещенными тѣмъ, что проѣхались нѣсколько миль на телѣгѣ, принадлежавшей палачу и съ работникомъ палача. Нѣкоторые изъ ихъ мужей присоединились къ нимъ и скоро поднялся такой шумъ, что вся деревня сбѣжалась вокругъ насъ. Кто принялъ нашу сторону, кто сторону извозчика; поднялась страшная буря, въ которой вѣроятно порядкомъ досталось-бы бѣдному нашему возницѣ, хотя онъ не былъ виноватъ ни тѣломъ, ни душой. Къ счастью, на шумъ выбѣжалъ станціонный смотритель, отставной драгунскій капитанъ, перекричалъ всѣхъ и заставилъ всѣхъ молчать. Крестьяне повиновались; а когда актеры замолчали, изъ уваженія къ его деревянной ногѣ и ордену, онъ доказалъ имъ, что въ военное время, когда почтовыя лошади всѣ въ разгонѣ по казенной надобности, надо отложить предразсудки всторону и покориться необходимости; присоединяя, что этотъ-же работникъ и на этихъ-же лошадяхъ возилъ уже и вельможъ, по недостатку почтовыхъ лошадей, и что мы должны быть рады, что добыли какихъ нибудь лошадей.

— Если такъ, то разумѣется! отвѣчали благоразумнѣйшіе изъ труппы, помогая дамамъ сходить съ телѣги. Барыни наши скоро забыли свое горе за кофе, который приготовила намъ смотрительша; и вся исторія кончилась къ удовольствію обѣихъ сторонъ.

Въ мѣстечкѣ Жановѣ пришлось намъ не лучше. Почтовыхъ лошадей не было; послѣ долгихъ усилій, удалось намъ наконецъ, убѣжденіями и деньгами, уломать одного переплетчика перевести нашу поклажу на парѣ голодныхъ лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала ему, а другая его сосѣду. Не успѣли мы проѣхать одну милю, какъ телѣга завязла въ грязи, лошади стали, и повидимому твердо рѣшились простоять всю ночь. Къ счастью, мы передъ тѣмъ останавливались въ одной деревнѣ по близости, и угощали виномъ отрядъ казаковъ. Нѣкоторые изъ насъ пошли просить ихъ помощи, они пришли и великодушно вытащили насъ изъ грязи; за что мы ихъ напоили опять виномъ, а балетмейстеръ Мекуръ, бывшій въ Петербургѣ и знавшій нѣсколько словъ

по-русски, выпилъ за нхъ здравіе. На слѣдующихъ станціяхъ, нашли мы уже почтовыхъ лошадей, и наконецъ пріѣхали въ Данцигъ, гдѣ могли отдохнуть отъ трудностей пути.

—

ГЛАВА VI.

Уплата нѣкоторыхъ старыхъ долговъ въ Берлинѣ и путевыя издержки совершенно истощили мою скудную казну. Для пополненія ея я долженъ былъ снова приняться за уроки танцованія, которые доставили мнѣ порядочныя деньги. Хозяинъ мой, сѣдельный мастеръ Шейлеръ, добрый старикъ, замѣтивъ мое трудолюбіе, черту не очень обыкновенную въ нашемъ сословіи, пожелалъ познакомиться со мною короче, и мало по малу очень полюбилъ меня. Когда я пришелъ проститься съ нимъ, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Данцигѣ, эта вѣсть чрезвычайно огорчила его. Я просилъ его дать мнѣ счетъ, сколько я былъ ему долженъ за столъ. — «Какіе счеты! отвѣчалъ онъ; я не трактирщикъ; человѣкъ я одинокій, не имѣю ни жены, ни дѣтей, живу, слава Богу, въ довольствѣ; пристало-ли мнѣ брать деньги отъ молодаго человѣка, у котораго у самого нѣтъ лишнихъ, и которому они нужнѣе, чѣмъ мнѣ?»—Затѣмъ онъ вынулъ изъ шкафа кошелекъ, и отдалъ его мнѣ, говоря: — «Вотъ деньги, которыя я получилъ отъ васъ за квартиру; будьте счастливы; прощайте.» И добрый старикъ нѣжно обнялъ меня и поспѣшно вышелъ въ свою мастерскую, чтобы не показать, какъ горестно ему было разставаться со мною. Такъ-же великодушно поступилъ со мною одинъ богатый винопродавецъ, Шуберъ; онъ не только не хотѣлъ взять съ меня денегъ за вино, которое я забралъ у него во время своего пребыванія въ городѣ, но еще далъ мнѣ порядочный запасъ отличнѣйшаго вина на дорогу. Эти и нѣкоторыя подобныя черты совершенно изгладили изъ моего ума понятіе, которое я составилъ себѣ о жестокосердіи жителей Данцига въ то время, когда я принужденъ былъ жить подаяніемъ.

Русскій гарнизонъ въ Кенигсбергѣ и нѣкоторые жители пожелали имѣть зимою театръ и пригласили Шуха. Онъ отправился съ своею труппою, пробылъ въ Кенигсбергѣ нѣсколько мѣсяцевъ и собралъ хорошія деньги; но онъ тутъ-же лишился нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ актеровъ, которые ангажировались на петербургскій театръ и уѣхали, оставивъ его въ крайне затруднительномъ положеніи. Чтобы имѣть время вознаградить эту чувствительную потерю и пополнить труппу другими хорошими

актерами, онъ долженъ былъ прекратить представленія ранѣе, чѣмъ предполагалъ, и немедленно предпринять свою ежегодную поѣздку на зиму въ Бреславль. Мы и на этотъ разъ опять ѣхали черезъ Польшу; это путешествіе было, какъ нельзя болѣе, утомительно и скучно, по причинѣ скверныхъ постоялыхъ дворовъ въ деревняхъ и разбитыхъ дорогъ, которыя во многихъ мѣстахъ были рѣшительно непроходимы отъ глубокаго снѣгу; не разъ мы принуждены были сами вытаскивать свои кибитки изъ снѣжныхъ сугробовъ. Какъ мы, по большой части, ѣхали въ кибиткахъ, то въ хорошую погоду я обыкновенно совершалъ часть дороги пѣшкомъ, подлѣ кибитокъ, или даже уходилъ впередъ. Однажды я вышелъ изъ постоялаго дому нѣсколько прежде отправленія кибитокъ и, вступивъ въ лѣсъ, совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Дорога была хороша, и идя по большому тракту, я не могъ заблудиться; по этому я шелъ себѣ преспокойно, разсуждая, что если мои товарищи промедлятъ и не нагонятъ меня, то я подожду ихъ въ одной деревнѣ, гдѣ они должны были остановиться, чтобы позавтракать. Но спокойствіе мое было непродолжительно; черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ между деревьевъ цѣлую стаю волковъ, которые шли ко мнѣ и перешли черезъ дорогу въ полусотни шаговъ отъ меня. Къ счастью моему, они меня не замѣтили и были надъ вѣтромъ, такъ, что не могли меня почуять. Я поспѣшилъ спрятаться за дерево, чтобы они меня не видѣли. Когда они достаточно углубились въ лѣсъ, что мнѣ нечего было болѣе опасаться, я побѣжалъ со всѣхъ ногъ, дрожа отъ страха, навстрѣчу своей кибиткѣ, и черезъ полчаса встрѣтилъ ее. Опасность, который я подвергался, была гораздо больше, чѣмъ я думалъ; въ деревнѣ, когда я разсказалъ о своей стрѣчѣ, мнѣ сказали, что въ этомъ лѣсу пропало безъ вѣсти, и вѣроятно погибло уже нѣсколько человѣкъ, осмѣлившихся проходить черезъ лѣсъ одни, безъ конвоя; и что волки нерѣдко по ночамъ приходили стаями въ деревню и нападали на хлѣва.

Послѣ самаго непріятнаго, четырехъ-недѣльнаго путешествія, мы прибыли наконецъ въ Бреславль, гдѣ въ то время находился знаменитый канатный плясунъ Берге. Шухъ пригласилъ его съ труппою затѣмъ, чтобы забавлять публику своими фокусами, пока мы успѣли-бы вновь разучить нѣкоторыя капитальныя пьесы, разстроенныя удаленіемъ нашихъ измѣнниковъ. До того времени мы рѣшились давать, попеременно съ фокусами Берге, одни импровизированные фарсы. Какъ при этомъ положеніи нашихъ дѣлъ я долженъ былъ принять на себя почти всѣ главнѣйшія роли, и многія изъ нихъ исполнилъ съ большимъ успѣхомъ,—

публика-была въ то время не взыскательна, — то Шухъ вспомнилъ свое обѣщаніе увеличить мое жалованіе. Однажды онъ спросилъ меня съ обычнымъ своимъ лаконизномъ: — «Сколько идетъ тебѣ жалованія въ недѣлю?»—Пять талеровъ, отвѣчалъ я.—«Вотъ тебѣ семь, за то, что ты трудишься. Можешь идти.» Добрый чудакъ терпѣть не могъ долгихъ благодареній отъ тѣхъ, кому онъ дѣлалъ добро.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Бреславль, я болѣе, чѣмъ когда-либо, сталъ заниматься, въ свободные часы, чтеніемъ хорошихъ книгъ и искать развлеченія въ бесѣдѣ ученыхъ и артистовъ. Я завелъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Поэтъ Лессингъ чрезвычайно старался образовать изъ меня хорошаго актера, не щадилъ на то никакого труда; но убѣдившись, что во мнѣ было болѣе доброй воли, чѣмъ истиннаго таланта, онъ направилъ меня на поприще, къ которому я имѣлъ болѣе способности; на поприще драматической поэзіи, и первый далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ во время прибыванія нашего въ Бреславлѣ было возвращеніе Фридриха-Великаго, послѣ окончанія семи-лѣтней войны. Онъ вступилъ въ городъ 24 марта 1763 года, безъ всякаго великолѣпія, въ простой дорожной каретѣ, запряженной обывательскими лошадьми. Пріѣздъ его наполнилъ весь городъ радостью. Театръ праздновалъ это происшествіе новою пьесою съ прологомъ, сочиненною на этотъ случай, а жители великолѣпною иллюминацію.

—

ГЛАВА VII.

Пробывъ въ Бреславлѣ три мѣсяца, мы опять перекочевали въ Берлинъ. Тамъ мы пополнили остававшіеся еще пробѣлы въ нашей труппѣ нѣсколькими хорошими актерами. Представленія наши были чрезвычайно успѣшны. Публика обратила особенное вниманіе на мои успѣхи въ драматическомъ искусствѣ и не упускала случая изъявлять мнѣ свою признательность. Въ короткое время я былъ окруженъ множествомъ друзей, людей образованныхъ и почтенныхъ.

Въ числѣ ихъ былъ одинъ еврей, Гавріилъ Бендиксъ Гиршель, страстный любитель театра, не пропускавшій ни одного хорошаго спектакля. Однажды, послѣ представленія, онъ просилъ меня оказать ему особенную услугу. Зная его, какъ добраго и честна-

го человѣка, я тотчасъ изъявилъ желаніе служить ему, чѣмъ могу; онъ однако-же не довольствовался этимъ увѣреніемъ, и потребовалъ отъ меня торжественнаго обѣщанія, которое я ему и далъ. «Любезный другъ, сказалъ онъ, позволите-ли мнѣ сдѣлать вамъ небольшое замѣчаніе на вашу игру?» — Сдѣлайте одолженіе; вы меня очень обяжете, потому что я ничего такъ не желаю, какъ учиться и совершенствоваться.—«Вотъ что, продолжалъ онъ; вы очень прилично одѣваетесь въ игранной вами вчера роли, которая къ вамъ идетъ, какъ нельзя болѣе; не нравятся мнѣ только ваши пряжки; къ черному кафтану необходимы пряжки съ камнями.»—Конечно, отвѣчалъ я, но это вещь дорогая, и съ моимъ жалованіемъ.... —«Знаю, прервалъ онъ, и потому прошу васъ принять эти и надѣвать ихъ впредь каждый разъ, какъ будете играть эту роль, изъ дружбы ко мнѣ.» И онъ подалъ мнѣ пару прелестныхъ пряжекъ; какъ онѣ были очень цѣнны, то я не рѣшался принять ихъ, но онъ сказалъ: — «Вы не имѣете права отказываться, вы дали уже слово.» Съ этимъ онъ удалился, чтобы избавить меня отъ затрудненія изъявлять свою благодарность.

Другой примѣръ показалъ мнѣ, что въ этомъ народѣ столькоже благородныхъ и великодушныхъ людей, какъ и во всякомъ другомъ племени. При отъѣздѣ изъ Берлина, гдѣ мы пробыли два мѣсяца, я отпустилъ фуру, въ которой было мое мѣсто, и остался еще на полчаса въ городѣ, чтобы проститься съ своимъ другомъ, актеромъ-винокуромъ Мерхнеромъ. Я засталъ у него одного знакомаго мнѣ еврея, Веньямина Леви. Зашла рѣчь о моей поѣздкѣ въ Данцигъ, и я мимоходомъ жаловался Мерхнеру, что я былъ обманутъ на довольно значительную сумму однимъ пріятелемъ, котораго я ссудилъ этими деньгами и который отрекался отъ долгу, и что по этому случаю я долженъ былъ отправляться почти безъ денегъ. Мерхнеръ тотчасъ вызвался ссудить меня необходимою суммою, но я поблагодарилъ его, потому что я могъ доѣхать до Данцига съ тѣмъ, что имѣлъ. Когда я съ нимъ простился, и вышелъ, Леви нагналъ меня и подалъ мнѣ носовой платокъ, который я забылъ у Мерхнера; я поблагодарилъ его и побѣжалъ къ фурѣ, которая ждала меня за заставою. Сѣвъ въ фуру, я вынулъ изъ кармана платокъ, чтобы отереть потъ съ лица, и тутъ только замѣтилъ, что въ уголъ платка было завязано нѣсколько талеровъ. Мерхнеръ потомъ увѣрялъ меня, что не онъ положилъ эти деньги; слѣдовательно некому было это сдѣлать, кромѣ Леви. Сумма была небольшая, но самъ онъ былъ человѣкъ бѣдный, и не могъ ожидать отъ меня никакой пользы, особенно въ тогдашнемъ моемъ положеніи. Слѣдова-

тельно, онъ совершенно безкорыстно подѣлился со мною своимъ небольшимъ имуществомъ, изъ дружбы и участія. Какъ дорога была мнѣ эта услуга, оказанная такъ деликатно и такъ благородно!

Любовь къ театру еще усилилась въ Данцигѣ съ послѣдняго нашего пребыванія; вкусъ публики начиналъ примѣтно очищаться и образовываться. Наша труппа была пополнена и улучшена, противъ прежняго, пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ хорошихъ актеровъ; мы стали давать больше правильныхъ пьесъ, а публика поддержала наши усилія, и касса Шуха была всегда полна. Я въ это время былъ уже однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ труппы, исполнялъ свою должность съ неутомимою ревностью, такъ, что мнѣ некогда было предаваться шумнымъ удовольствіямъ; пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ отъ труда было для меня общество нѣсколькихъ молодыхъ людей, съ которыми я познакомился предшествовавшею зимою въ Кенигсбергскомъ университетѣ, и которыхъ я встрѣтилъ теперь въ ихъ родномъ городѣ. Часто ходилъ я также гулять по городу и по его прелестнымъ окрестностямъ. Такимъ образомъ, я привыкъ къ болѣе порядочному образу жизни, и уже съ негодованіемъ, съ отвращеніемъ и раскаяніемъ вспоминалъ о прошедшемъ, о томъ времени, когда страсти обуревали мою жизнь, когда я не зналъ истинныхъ удовольствій, не умѣлъ наслаждаться жизнью.

Однажды встрѣтилъ я двухъ дамъ въ черныхъ платьяхъ; любопытство побудило меня приблизиться къ нимъ, чтобы разсмотрѣть ихъ хорошенько. Одна изъ нихъ, помоложе, — ей было на лицо лѣтъ восемнадцать, была прехорошенькая брюнетка. Видъ ея пробудилъ къ любви мое сердце, я съ жадностью ловилъ каждый взглядъ, каждое движеніе прелестной незнакомки. Я пошелъ за нею въ самомъ близкомъ разстояніи, какое позволяло приличіе, и чѣмъ болѣе я на нее смотрѣлъ, тѣмъ она казалась мнѣ очаровательнѣе; однимъ словомъ, я не помнилъ себя отъ восторга. Я пытался подойти къ незнакомкамъ и заговорить съ ними, но онѣ отвернулись, съ видомъ испуга, и пошли скорѣе. Я тотчасъ почувствовалъ нескромность своего поступка и пошелъ за ними только издали, чтобы видѣть, по-крайней-мѣрѣ, въ какой домъ онѣ войдутъ. Къ сожалѣнію, при поворотѣ въ очень узкую улицу, съѣхалось нѣсколько экипажей; я долженъ былъ посторониться, и между тѣмъ, какъ я пробирался между ними, мои двѣ незнакомки исчезли. Я остановился, смотрѣлъ во всѣ стороны, но ихъ нигдѣ не было.

Къ довершенію моей печали, я долженъ былъ прекратить свои поиски, и идти по нѣкоторымъ спѣшнымъ дѣламъ. Но на слѣ-

дующій день, чуть свѣтъ, я былъ уже на этомъ мѣстѣ, обошелъ взадъ и впередъ эту и всѣ окольныя улицы, площади, гульбища, потомъ каждое воскресенье ходилъ по всѣмъ церквамъ; но всѣ мои старанія отыскать эту восхитительную дѣвушку, были напрасны. Между-тѣмъ, прошли три мѣсяца, назначенные для нашихъ представленій въ Данцигѣ, и Шухъ велѣлъ всей труппѣ готовиться къ отъѣзду въ Кенигсбергъ. Я поѣхалъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ, ибо я долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды отыскать существо, такъ сильно овладѣвшее моею душею.

—

ГЛАВА VIII.

Въ числѣ другихъ хорошихъ артистовъ, Шухъ ангажировалъ одного талантливаго молодаго человѣка, по имени Коха, на должность балетмейстера. Кохъ былъ сынъ одного литовскаго адвоката, учился въ Кенигсбергскомъ университетѣ, въ то время, какъ Акерманъ былъ въ этомъ городѣ съ своего труппою, и, увлекшись любовью къ театру, бросилъ юриспруденцію и посвятилъ себя драматическому искусству. Онъ очень мнѣ понравился, и мы скоро такъ подружились, что не имѣли другъ отъ друга никакихъ тайнъ. Я открылъ ему свою любовь къ данцигской незнакомкѣ, описалъ ему, со всѣмъ жаромъ любви, ея лицо, ея одежду, поступь, которые неизгладимо врѣзались въ моей памяти. Онъ казался пораженъ описаніемъ; впрочемъ, изъявилъ одно только дружеское участіе. Нѣсколько дней спустя, онъ пришелъ ко мнѣ и пригласилъ меня съ собою прогуляться.

Дорогою, разговоръ обратился на причины, побудившія его посвятить себя театру и на негодованіе его отца, когда онъ это узналъ. Это привело насъ нечувствительно къ исторіи его родныхъ; онъ сказалъ мнѣ, что у него были двѣ сестры, изъ которыхъ старшая была замужемъ за зажиточнымъ купцомъ, по имени Варніенъ; что она недавно пригласила къ себѣ меньшую сестру, воспитывавшуюся, по смерти родителей, въ Тильзитѣ, у своего дяди, пастора Рогге. Разговаривая такимъ образомъ, мы дошли до дома, въ которомъ жили его сестры. Старшая сидѣла у окна, и увидѣвъ брата, позвала его; онъ повелъ меня съ собою и представилъ ей, какъ лучшаго своего друга. Вскорѣ пришелъ хозяинъ, съ своимъ братомъ, отставнымъ офицеромъ, женившимся, по выходѣ изъ службы, на богатой вдовѣ и, по примѣру брата, занимавшимся теперь торговлею. Оба видали меня на театрѣ, до котораго они были большіе охотники, и разговоръ обратился

на драматическое искусство и на нашу труппу. Между тѣмъ подали кофе и госпожа Варніенъ велѣла позвать сестру. Она явилась; но кто представитъ себѣ мое изумленіе, мою радость, когда я увидѣлъ передъ собою свою данцигскую незнакомку! — «Боже! вскричалъ я, что я вижу?» — Мою меньшую сестру, сказалъ Кохъ.

Госпожа Варніенъ. Какъ я вижу, она вамъ уже знакома?

Я. Знакома; я одинъ разъ имѣлъ счастіе видѣть вашу сестрицу, одно мгновеніе, и не надѣялся увидѣть ее въ другой разъ, а теперь.... Боже, какая неожиданная радость!

Кохъ. Стало быть моя сестра, если я не ошибаюсь, та прекрасная незнакомка, которую вы видѣли въ Данцигѣ и въ кот....

Я. Она, точно она! могъ-ли я ожидать, что встрѣчу ее здѣсь!...

Тогда я обратился къ своей красавицѣ, объяснилъ ей въ несвязныхъ словахъ, какое впечатлѣніе она произвела на мое сердце при первой встрѣчѣ, въ какомъ отчаяніи я былъ, когда она скрылась, и прочая, и прочая.

Между тѣмъ Кохъ говорилъ вполголоса съ своими родными и объяснялъ имъ, вѣроятно, что значилъ мой восторгъ. Потомъ, чтобы дать мнѣ время оправиться отъ волненія, онъ свелъ разговоръ на посторонніе предметы. Шарлотта, — такъ называлась моя незнакомка, — говорила мало; когда она встрѣчала мой взоръ, не сходившій съ нея, она краснѣла и опускала глаза. Между тѣмъ наступала ночь. Кохъ напомнилъ мнѣ, что пора домой. Тяжело было мнѣ разстаться опять съ возлюбленною, но меня утѣшило приглашеніе на слѣдующій вечеръ. Какъ только я остался одинъ съ своимъ другомъ, я бросился въ его объятія и съ восторгомъ описывалъ ему свою радость, свое восхищеніе. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что узналъ сестру по моему описанію; одобрилъ мою любовь и обѣщалъ, какъ скоро увидитъ, что и Шарлотта неравнодушна ко мнѣ, постараться всѣми силами склонить своихъ родныхъ къ этому браку.

Я не намѣренъ наскучать читателю длинною исторіею моей любви и сватовства. Скажу только, что я имѣлъ счастіе получить отъ Шарлотты сознаніе во взаимной любви и согласіе ея родныхъ; съ тѣмъ условіемъ однако же, чтобы, во избѣжаніе толковъ, которые могло возбудить въ Кенигсбергѣ предубѣжденіе противъ моего сословія, свадьба наша была совершена не въ Кенигсбергѣ, а въ Бреславлѣ, куда Шухъ хотѣлъ отправиться съ труппою, и куда моя невѣста должна была пріѣхать съ братомъ. Къ великой моей радости, театръ закрылся ранѣе обыкновеннаго, потому что жители Бреславля ожидали насъ съ нетерпѣніемъ.

Шарлотта и я простились съ родными и друзьями безъ большой горести, потому что насъ обоихъ ожидало счастіе, а друзей мы должны были увидѣть непремѣнно черезъ годъ.

—

ГЛАВА IX.

На этотъ разъ мы поѣхали черезъ Данцигъ. Когда мы пріѣхали въ Пилау, вся гавань была покрыта льдомъ, такъ, что невозможно было переправиться на другую сторону. Вскорѣ поднялась страшная буря съ моря. Ледъ затерло у входа, льдины и волны поднялись въ гавани на страшную высоту, и представили чудесную картину съ мыса, на которомъ стояла наша гостинница. Буря эта причинила много вреда; безпрестанно выбрасывала на берегъ остатки разбитыхъ судовъ; съ одного только корабля, погибшаго передъ самой гаванью, успѣли спасти экипажъ, который помѣстился въ той же гостинницѣ, гдѣ мы жили.

Черезъ недѣлю буря утихла, и мы могли переправиться черезъ гавань, впрочемъ не безъ опасности быть затертыми между льдинами или унесенными льдомъ въ открытое море. Только поздно вечеромъ пристали мы къ противуположному берегу и тотчасъ потребовали почтовыя фуры, чтобы продолжать путь. Шухъ поѣхалъ впередъ, съ женою и Шарлоттою; за ними отправилась другая фура, а я поѣхалъ въ самой послѣдней. Мы должны были ѣхать берегомъ, потому что выше тянутся песчаныя горы, по которымъ нѣтъ никакого проѣзда. Ночь была чрезвычайно темная; черезъ полчаса послѣ нашего отъѣзда буря поднялась снова и еще съ большею яростью; волны ревѣли, воздымались какъ горы, разбивались о берегъ, а иногда доходили до нашихъ фуръ и обхватывали ихъ по ступицу колесъ. Чтобы защититься отъ холода, я закутался въ шинель, забился въ самый конецъ фуры, и такимъ образомъ проспалъ нѣсколько часовъ этой ужасной ночи. Около полуночи меня разбудилъ сильный толчекъ; я вскочилъ въ испугѣ, высунулъ голову изъ шубы; смотрю: фура пуста и почти лежитъ на боку.

— Кой чортъ! проворчалъ ямщикъ, взлѣзая въ фуру, и споткнувшись объ меня; кто тутъ еще? Не понимая, что это все значитъ, я спросилъ его, куда дѣвались мои товарищи. «Они пошли догонять другія фуры, отвѣчалъ ямщикъ, и вѣрно усѣлись уже въ нихъ, коли чортъ не занесъ въ это бѣшеное море.»

— Ушли? догонять фуры? что это все значитъ?

— А то значитъ, сударь, что волна оторвала переднее колесо,

и унесла его въ море ; да кажись, что и ось-то пошла къ чорту. Теперь мнѣ придется простоять съ фурою до утра. Какъ разсвѣтетъ, поѣду на станцію за другою фурою, чтобы перевести вещи ; или, пожалуй, другая фура къ тому времени вернется порожнякомъ.

Ужасная темнота, ярость бури и общій страхъ, не позволили вѣроятно моимъ спутникамъ, когда они выходили изъ фуры, замѣтить, что меня съ ними не было. Я остался, нечего сказать въ удивительно отрадномъ положеніи. Дрожа отъ холоду и страха, я не зналъ, на что рѣшиться, оставаться-ли тутъ и ждать утра, то-есть часовъ восемь, въ которые буря могла двадцать разъ снести меня съ фурою въ море, или пуститься пѣшкомъ въ догонку за другими фурами, что было не менѣе опасно. Наконецъ, я рѣшился на послѣднее, потому что ямщикъ увѣрилъ меня, что до станціи не оставалось и двухъ миль, и что если я поспѣшу, то могу еще ближе нагнать товарищей, которые отправились не задолго передъ тѣмъ. У него, мошенника, былъ свой умыселъ ; онъ разсуждалъ, что когда я уйду, ему лучше будетъ провести ночь въ закрытой фурѣ, чѣмъ на облучкѣ. Онъ такъ убѣждалъ меня, что я пустился въ путь, хотя не безъ страху. Буря въ эту минуту нѣсколько утихла, и я могъ нѣкоторое время идти по слѣдамъ фуръ ; но скоро буря опять усилилась, небо заволокло густыми тучами и пошла изморозь, отъ которой я промокъ до костей и всѣ члены мои окоченѣли. Единственными указателями моего пути были бѣлые гребни волнъ ; я на каждомъ шагу долженъ былъ опасаться упасть въ какую нибудь яму, или быть увлеченнымъ волнами, которыя все съ бо́льшею яростію захватывали берегъ. Для избѣжанія этой опасности, я хотѣлъ было взобраться на песчаныя горы, тянувшіяся вдоль дороги ; но крутые бока ихъ были покрыты гололедицею ; я скользилъ, падалъ почти на каждомъ шагу и жестоко изрѣзалъ себѣ лицо и руки. Я почти уже отчаявался въ возможности идти далѣе. Печально осматривался я во всѣ стороны, сколько позволяла мнѣ страшная темнота ; вездѣ угрожала мнѣ опасность ; я оставилъ фуру уже далеко за собою, и притомъ отъ нея была-бы плохая помощь. Надо было однако-же какъ нибудь выдти изъ этого труднаго положенія ; мнѣ оставалось только довѣриться опять влажной стихіи и идти на удачу берегомъ. Уже нѣсколько часовъ ходилъ я такимъ образомъ въ водѣ ; волны безпрестанно обхватывали мои ноги, выше колѣнъ, голова и тѣло промокли отъ дождя, который не переставалъ ни на мгновеніе. Страхъ мой становился все сильнѣе, поступь медленною и болѣе невѣрною. Нѣ-

сколько разъ я чуть не упалъ отъ стремительности волнъ. Наконецъ дождь пересталъ, тучи начали расходиться, я могъ различить на дорогѣ слѣдъ колесъ, а черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ передъ собою лѣсъ, въ которомъ находилась станція; дорога вела къ лѣсу и я съ радостью вступилъ въ него; но въ немъ было такъ темно, что я долженъ былъ на каждомъ шагу ощупывать дорогу руками, нѣсколько разъ ударялся головою объ деревья, и спотыкался на корни. Черезъ полчаса слишкомъ такой трудной ходьбы, увидѣлъ я наконецъ вдали огонекъ; можно себѣ представить мою радость! Я направилъ путь свой по этому путеводителю, и наконецъ дотащился до такъ пламенно желаннаго селенія, и вступилъ въ него въ то самое время, какъ силы мои начинали совсѣмъ отказываться. Тутъ я нашелъ всѣхъ своихъ товарищей въ станціонномъ домѣ; они очень безпокоились обо мнѣ и встрѣтили меня съ восторгомъ. Шарлотта, до тѣхъ поръ сидѣвшая въ ужасной горести, побѣжала мнѣ на встрѣчу, какъ только меня завидѣла, и я забылъ и перенесенныя страданія и опасность, величайшую изъ всѣхъ опасностей, какимъ я когда либо подвергался въ своей жизни.

Въ Данцигѣ мы раздѣлились на двѣ части. Шухъ, съ своимъ семействомъ, съ Шарлоттою и ея братомъ, поѣхалъ черезъ Померанію, на Франкфуртъ на-Одерѣ; остальная-же часть труппы поѣхала черезъ Польшу. Прискорбно было мнѣ разстаться съ невѣстою; но эти распоряженія были сдѣланы заранѣе, и перемѣнить ихъ было невозможно; я долженъ былъ покориться безъ ропоту, утѣшаясь мыслью, что скоро увижусь съ нею въ Бреславлѣ. Желанная минута наконецъ настала, послѣ труднаго четырехъ-недѣльнаго путешествія. Часть труппы, ѣхавшая черезъ Померанію, была уже въ Бреславлѣ; но директора съ нею не было; жестокая болѣзнь принудила его остаться во Франкфуртѣ.

Когда мы пріѣхали, Шарлотта уже училась танцовать, подъ руководствомъ своего брата. Я былъ очень благодаренъ ея учителю за его старанія; но такое трудное занятіе, къ которому она не была пріучена съ дѣтства, могло имѣть вредное вліяніе на ея здоровье; поэтому я рѣшился посвятить ее исключительно драмѣ. Послѣ необходимаго предварительнаго упражненія и испытавъ свои силы въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ роляхъ, она дебютировала наконецъ въ «Отцѣ Семейства», въ роли Софіи. Ея естественная и одушевленная игра заслужила ей общее одобреніе, и прочія актрисы начали смотрѣть на нее съ завистью. Друзья мои поздравляли меня съ такимъ милымъ и выгоднымъ пріобрѣтеніемъ, а Лессингъ, на другой день послѣ

представленія этой драмы, переведенной имъ, прислалъ дебютанткѣ кусокъ богатой матеріи для костюма къ роли Софіи. Это было чрезвычайно лестное выраженіе удовольствія и уваженія знаменитаго отца нѣмецкой драмы.

Мы получили наконецъ горестное извѣстіе о смерти Шуха, которой мы давно ждали. Публика была очень огорчена этою утратою, а актеры были неутѣшны ; они лишались въ немъ преданнаго друга и просвѣщеннаго руководителя. Шухъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ ; онъ былъ единственъ въ своемъ родѣ, и я сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь могъ превзойти его въ комизмѣ игры. Обладая врожденнымъ вкусомъ, который онъ еще развилъ образованіемъ, онъ никогда не впадалъ въ пошлый фарсъ, и всегда удостоивался одобренія самыхъ образованныхъ судей. Какъ человѣкъ, онъ снискалъ всеобщее уваженіе своею безукоризненною честностью, неисчерпаемою благотворительностью, трудолюбіемъ, ревностью въ исполненіи своихъ обязанностей и благоразумною бережливостью.

Старшій изъ его трехъ сыновей принялъ на себя управленіе труппы. Онъ вступилъ на это поприще въ самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ ; труппа состояла большею частью изъ артистовъ, доказавшихъ уже свои дарованія и любимыхъ публикою ; касса была полна ; а во всѣхъ городахъ, которые мы обыкновенно посѣщали, была многочисленная публика, для которой театръ сдѣлался такою-же необходимостью, какъ насущный хлѣбъ. Ему оставалось только идти благоразумно по проложенному пути, чтобы стяжать и славу и богатство, быть вполнѣ счастливымъ на своемъ поприщѣ. Прибытіе его братьевъ еще пополнило труппу. Второй братъ, видя, что буфы, ангажированные на случай нужды, не имѣли успѣха, самъ взялся за роли Арлекина, на которыя онъ имѣлъ замѣчательный талантъ, образовавшійся въ школѣ его отца. Онъ имѣлъ большой успѣхъ, и импровизированный фарсъ, упавшій послѣ того, какъ старикъ Шухъ не могъ являться на сценѣ, опять вошелъ въ моду.

Наконецъ наступилъ желанный день, долженствовавшій навсегда упрочить мое счастіе, подаривъ меня рукою моей милой Шарлотты. Лессингъ и нѣкоторые изъ моихъ друзей сопровождали насъ къ вѣнцу, искренно поздравляли и желали намъ счастія. Надо-ли говорить, съ какою гордостью, съ какимъ восхищеніемъ я видѣлъ себя мужемъ женщины прелестной, доброй, надѣленной талантами и нѣжно меня любившей. Скажу только, что этотъ радостный день былъ прекраснѣйшимъ днемъ въ моей жизни.

=

ЮМОРИСТИКА.

МУЗЫКА ВО ВСѢХЪ ЕЯ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ.

(Статья Вѣры и Натальи Погожевыхъ).

I.

О СЛОВѢ МУЗЫКА.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ опредѣленію, что̀ такое музыка, скажемъ, что давнишній споръ о происхожденіи слова *музыка*, еще донынѣ не рѣшенъ окончательно. Одни говорятъ, что это слово взято съ греческаго языка, другіе утверждаютъ — съ санскритскаго.

Но важно не слово, а самое дѣло. Приступимъ къ опредѣленію музыки. Аристотель утверждаетъ, что «музыка есть искусство выраженія, ключъ отъ котораго остался у боговъ.» — Вѣроятно онъ подразумѣвалъ скрипичный или басовой ключъ, потому-что старичекъ былъ каламбуристъ и любилъ поиграть словами.

По мнѣнію Руссо, «музыка — искусство соединять звуки такъ, чтобы они пріятно ласкали слухъ.»—Если-же пріятность составляетъ существенное свойство музыки, то чего-же добиваются нѣкоторые отчаянные пѣвцы и новомодные скрипачи, которые своимъ мяуканьемъ и фокусъ-покусами просто раздираютъ уши на части?

Весьма остроумно, но не совсѣмъ понятно, де-Монлозье называетъ музыку *языкомъ сердца*, а даръ слова — *языкомъ ума*. Мы полагаемъ, что умъ столько-же нуженъ композитору и музыканту, какъ и сердце писателю или оратору.

Но оставя фразеровъ въ покоѣ, перейдемъ прямо къ происхожденію этого искусства. Музыка современна міру. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, утверждаетъ аббатъ Фоглеръ. Онъ говоритъ: «Все вокругъ первыхъ людей звучало стройной музыкой, вѣтеръ въ тростникѣ, птицы на деревьяхъ, кузнечикъ въ полѣ, плескъ волнъ, журчанье ручья, — все сливалось въ одинъ стройный концертъ и невольно приглашало человѣка къ пѣнію.»

Изъ разсказовъ аббата Фоглера должно заключить, что снигири и чижики были первыми учителями пѣнія. И потому, вѣроятно, чтобъ заплатить имъ долгъ благодарности, птицеловы учатъ нынѣ молодыхъ птичекъ усладительнымъ мелодіямъ, напгрываемымъ органчиками: «Не шей ты мнѣ, матушка», «Во всей деревнѣ Катинька» и тому подобному. — Признательность есть добродѣтель прекрасныхъ душъ.

Но какъ-бы то ни было, а музыка идетъ рука объ руку съ исторіею человѣка. Въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта говорится о нѣкоемъ Ювалѣ, жившемъ во времена Авраама. Этотъ Ювалъ, былъ первый музыкантъ на кинарѣ и угобѣ, — двухъ инструментахъ его изобрѣтенія, похожихъ на скрипку и флейточку. Давидъ игралъ на арфѣ предъ ковчегомъ Завѣта. Въ царствованіе сына его Соломона, музыка чрезвычайно распространилась. — Изъ книги Спраха видно, что при освященіи Соломонова храма, оркестръ состоялъ изъ сорока тысячъ арфъ,—столькихъ-же золотыхъ кимвалъ, ста тысячъ серебряныхъ трубъ и тысячи пѣвцевъ. Вотъ это концертъ. Наши нынѣшніе концерты-монстры передъ нимъ дѣтскія игрушки.

Древніе греки придавали музыкѣ большое значеніе. Они не только разумѣли, подъ словомъ музыка, искусство выражать различныя впечатлѣнія посредствомъ разныхъ звуковъ, но также и поэзію, танцы, краснорѣчіе, философію, и вообще всѣ науки и искусства, которыя заключаютъ въ себѣ «Studia humanitatis» то-есть человѣческія знанія. Въ послѣдствіи эти науки и искусства раздѣлили и каждой отдѣльной части дали особенное названіе, потому что человѣческія способности не могли совмѣщать всѣхъ вмѣстѣ. Тогда и понятіе о словѣ музыка, получило особенное значеніе. До того времени, въ Аѳинахъ, тотъ былъ музыкантомъ, кто послѣ философскаго разсужденія могъ протанцовать затѣйливое па, а послѣ ораторской рѣчи, спѣть оду, и послѣ урока въ синтаксисѣ, сыграть на лирѣ. Это соединеніе способностей было особенною принадлежностью древности, потому-что у древнихъ одинъ и тотъ-же человѣкъ могъ быть жрецомъ, предводителемъ войскъ, архонтомъ, ораторомъ, философомъ, поэтомъ, адмираломъ и

флейтистомъ. Великій умъ долженъ былъ первенствовать во всемъ, и въ поэзіи и въ наукахъ, и въ военномъ искусствѣ и въ управленіи оркестромъ.

По чести, еслибъ не было людей, что называется на всѣ руки, которые все знаютъ, за все берутся, ни отъ чего не отступаютъ и, такъ сказать, *невозможное* дѣлаютъ возможнымъ, то, пожалуй, можно-бы подумать, что родъ человѣческій измельчился и ослабѣлъ духомъ.

Какъ произошли музыкальные инструменты? — Достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но разсказываютъ, что одинъ пастухъ замѣтилъ, какъ вѣтеръ издавалъ тихіе звуки, проскользая сквозь сухой, поломанный тростникъ. Изъ этого открытія произошла флейта, или вѣрнѣе—дудка и мало-по-малу всѣ прочіе духовые инструменты.

Меркурій, гуляя разъ отъ нечего дѣлать по берегу рѣки Нила, нашелъ на пескѣ мертвую черепаху. Мясистая часть ея отъ зноя африканскаго солнца такъ высохла, что остался одинъ черепъ и жилы, которыя между черепомъ вытянулись. Звуки, издаваемые этими жилами при прикосновеніи къ нимъ, подали Меркурію мысль придумать трехструнную лиру. Впослѣдствіи, онъ болѣе занялся изобрѣтеніемъ якорнаго каната и оснащиваніемъ кораблей, и совсѣмъ бросилъ музыку.

У древнихъ, можно сказать, все было положено на музыку. Они судили съ акомпаньеманомъ флейты; представляли трагедіи при двойномъ хорѣ флейтистовъ. Когда ораторъ готовился говорить рѣчи, флейтистъ всегда напгрывалъ ему тонъ. Величайшею почестью для консула Дуплія было то, что къ его дверямъ приставили музыканта, который при всякомъ его выходѣ, долженъ былъ играть на флейтѣ. Наконецъ, всѣ стратегическіе и историческіе писатели признаютъ, что римляне безъ флейты не въ состояніи были совершить тѣ дивные походы, которые еще до-сихъ-поръ возбуждаютъ въ насъ удивленіе; что безъ трубъ, они не могли бы маршировать по семи часовъ въ день и не были-бы въ состояніи по вечерамъ разбивать свои палатки, строить сторожевыя башни, дѣлать окопы, класть фашины и наконецъ завоевать весь свѣтъ. — Что сказать о Сципіонѣ, Помпеѣ, Цесарѣ? Они умѣли употреблять съ пользою то вліяніе, которое доставляли имъ вѣтряные или какъ мы выражаемся — *духовые* инструменты, и всегда оставались побѣдителями.

—

II.

МОГУЩЕСТВО МУЗЫКИ.

Кто не слыхалъ, какъ выхваляютъ обворожительную прелесть мелодическихъ аккордовъ? Прочтите одни восторги отъ Листа и Фрецциніи, такъ у васъ голова пойдетъ кругомъ. — Не только люди, но и животныя восхищаются мелодіею: чижикъ съ удовольствіемъ слушаетъ мелодіи, которыя ему наигрываютъ на органчикѣ; но это еще не служитъ доказательствомъ особеннаго музыкальнаго вкуса въ чижикѣ. Гончая собака болѣе разгорячается звуками охотничьяго рога, чѣмъ отъ побужденія арапника. Другія породы собаченокъ танцуютъ на улицахъ съ одинакимъ восторгомъ свою собачью польку подъ звуки оркестра, состоящаго изъ барабана и флейточки, или подъ шарманку, — и ничего не боятся, кромѣ хлыста. Лошаки въ горахъ Сіерры-Морены переносятъ терпѣливо голодъ и жажду, если погонщики развеселяютъ ихъ иногда брянчаніемъ на гитарѣ. Ужасныя гремучія змѣи обезоруживаются нѣжными звуками флейты. Этотъ опытъ достовѣренъ. Наконецъ всѣмъ извѣстно, что лошадь весело ржетъ и бьетъ копытомъ, когда слышитъ военную трубу; лошади даже изящно вытанцовываютъ замысловатыя *па*, подъ звуки полекъ г-на Кюзана, хотя и можно предположить, что наѣздницы подыгрываютъ шпорами и хлыстомъ pizzicato.

Знаменитый композиторъ Гретри, въ одномъ изъ своихъ разсужденій о музыкѣ, говоритъ объ огромной силѣ притяженія, которую она имѣетъ на пауковъ. Скрипка имѣетъ на нихъ почти такое-же дѣйствіе, какъ щетка, которою сметаютъ паутину.

Перейдемъ теперь къ твореніямъ другаго рода, неменѣе достойнымъ удивленія, которыя были вызваны къ жизни посредствомъ музыки. Развернемъ пергаменты древности. Амфіонъ строилъ прекраснѣйшіе дворцы, даже цѣлые города, единственно звуками своей лиры. Орфей по своей дудкѣ заставлялъ плясать деревья и камни; онъ восхищалъ простой пѣсней жителей подземнаго царства, а чтобъ сдѣлать адскую собаку Цербера смирнѣе ягненка, ему стоило только озадачить его одной трелью, и треглавый песъ начиналъ выть такое тріо, что своды тартара дрожали. Тиртей четырьмя тактами выигривалъ битвы.

Въ XVI столѣтіи извѣстный пѣвецъ Страделло исполнялъ въ церкви св. Іоанна Латранскаго ораторію; убійцы замышляли убить его въ тотъ день, но когда услышали его умилительные звуки, ихъ каменныя сердца наполнились благоговѣ-

піемъ; они забыли, что получили дорогую плату, чтобъ убить его, пришли къ нему въ домъ и упавъ на колѣна, подарили ему на память свои кинжалы. Вотъ каково было вліяніе музыки во времена давнопрошедшія.

Въ настоящее время музыка достигла высокой степени совершенства и еще высшей усовершенствованія. У насъ есть тысяча духовыхъ, струнныхъ и шумныхъ инструментовъ (не считая уже хлопушекъ, вѣпиковъ, трещетокъ, кастаньетокъ и свистковъ), и ежедневно изобрѣтаютъ новые. Мы имѣемъ ученѣйшихъ профессоровъ музыки, множество отличныхъ пѣвцовъ; музыкальныхъ младенцевъ, дѣвочекъ — скрипачей, и старичковъ — сопранистовъ; клавіатуру фортепьяно и скрипичный смычекъ, доступные для дѣтскихъ пальчиковъ; музыкальныя школы итальянскія, нѣмецкія и французскія; мы не только обогащены, но пресыщены образцовыми произведеніями, считаемъ великихъ композиторовъ дюжинами, а дюжинныхъ — сотнями. Но странно, что въ настоящее время, это усовершенствованное искусство не имѣетъ тысячной доли того могущества, какое оно имѣло прежде, когда еще было въ пеленкахъ. Кто предпринимаетъ теперь выстроить домъ, долженъ хвататься за карманы, а не за струны Амфіоновой лиры. Если нынѣ Церберъ на цѣпи захочетъ укусить насъ за икры, мы унимаемъ его дубинкой, вмѣсто трели «á la Фрецоллини». Тиртей четырьмя тактами поражалъ враговъ, но мы никогда не слыхали, чтобы большому оркестру на Минеральныхъ водахъ удалось хоть выгнать собакъ изъ Новой Деревни. Не для того, чтобы сомнѣваться въ достовѣрности разсказа о пѣвцѣ Страделлѣ, скажемъ однако, что всѣ наши модныя пѣвцы и пѣвицы, посѣщающіе Аппенинскія горы, Понтинскія болота и другіе любимые притоны итальянскихъ бандитовъ, охотнѣе довѣряютъ свою безопасность нѣсколькимъ дюжимъ драгунамъ, чѣмъ своему музыкальному таланту и надеждѣ умилостивить ихъ аріей изъ «Фра-Дьяволо», «Пирата», или «Цампы».

Прежде музыка имѣла силу укрощать самыхъ дикихъ звѣрей. Попробуйте теперь угомонить хоть неотвязчиваго кредитора аріей: «Злато мечтанье пустое!»

Въ нынѣшнее время всѣ образцовыя произведенія композитора пригодны только на то, чтобы передѣлывать изъ нихъ вальсы и польки, не смотря на то, что мы стараемся танцовать противъ такта.

—

III.

МУЗЫКА ВЪ РАЗНЫЕ ПЕРІОДЫ.

Алый горизонтъ, который сіялъ музыкантамъ въ золотой вѣкъ древней Греціи и Рима, — ужасно полиняль въ средніе вѣки, во времена миннезенгеровъ и трубадуровъ Въ XIII, и XIV столѣтіяхъ музыканты и пѣвцы были самые жалкіе бѣдняки-скитальцы, которые вмѣстѣ съ музыкой и поэзіей, этими двумя благородными искусствами, должны были ходить по раскаленымъ угольямъ, заниматься глотаніемъ огня и пляской на канатѣ. Они съ равнымъ искусствомъ разѣвали ротъ для пѣсенъ любви и для глотанія шпагъ, воспѣвали героевъ и корчили шутовъ, поднимались на музыкальную скалу и всходили на канатъ. Если удавалось этимъ фокусникамъ, съ помощію такихъ разнообразныхъ талантовъ, потѣшить нѣсколько минутъ какого-нибудь грубаго барона и его хмѣльныхъ гостей, — то они были отправляемы на кухню глодать остатки обѣда и, наѣвшись, ложились спать на сѣнникѣ. Кромѣ того, въ западно-католическихъ земляхъ музыканты были отлучаемы отъ церкви. Въ нѣкоторыхъ странахъ даже недовольствовались этимъ.

Въ Швеціи, напримѣръ, не задолго до царствованія Густава Вазы, существовалъ законъ, изгонявшій всѣхъ музыкантовъ изъ королевства, даже съ дозволеніемъ убивать ихъ. Это смертоубійство, какъ говоритъ Архенгольмъ, историкъ Густава-Вазы, сдѣлалось для народа забавой. Убійца долженъ былъ дать наслѣднику убитаго только пару новыхъ сапоговъ, новыя рукавицы и теленка. Но это жалкое вознагражденіе еще сопровождалось насмѣшкою, потому что наслѣдникъ долженъ былъ подвергнуться столь-же глупому, какъ и позорному испытанію, именно: хвостъ теленка намазывали саломъ, потомъ взводили его на холмъ, давали наслѣднику въ руки хвостъ, а убійца стегалъ теленка кнутомъ. Если наслѣдникъ имѣлъ силу удержать теленка за хвостъ, то теленокъ дѣлался его собственностію; въ противномъ случаѣ, онъ терялъ на него право и былъ еще вдобавокъ осмѣянъ присутствующими.

Какая разница въ нашъ вѣкъ! Музыканты всѣхъ странъ, возрастовъ и всякаго пола, наслаждаются блистательною и пріятною жизнію: — кушаютъ сладко, красуются въ бархатѣ и золотѣ, ѣздятъ на лежачихъ рессорахъ и считаютъ доходы сотнями тысячъ, не считая цвѣтовъ и подарковъ, которыми ихъ осыпаютъ.

Можно положительно сказать, что соловьи новѣйшаго времени витаютъ въ розовыхъ кустахъ.

Артисты нашего времени обладаютъ не только богатствомъ но и почестями. Когда они путешествуютъ, ихъ принимаютъ вездѣ съ торжествомъ. Народъ внѣ себя отъ восторга, сходитъ съ ума, отбиваетъ себѣ руки хлопаньемъ, носитъ ихъ на рукахъ, а иногда возитъ на своихъ плечахъ. Кто не слышалъ о тріумфахъ Каталани, Зонтагъ, Женни Линдъ, Альбони, и о восторгахъ, какія производили Паганини и Листъ на публику во всѣхъ столицахъ міра? Какъ дождь сыпались на нихъ букеты цвѣтовъ; за ихъ волосы, старые башмаки и перчатки, чуть не дрались. Кто не помнитъ, какъ мирному Листу, который умѣетъ только бить клавиши, въ Венгріи подносили даже почетную шпагу, въ знакъ удивленія его музыкальной храбрости, потому что когда онъ играетъ свои хроматическія гаммы, то кажется, что онъ играетъ за четверыхъ.

Мы ничего не смѣемъ возразить противъ этихъ изліяній удивленія и восторга, которыми осыпаютъ великихъ артистовъ нашего времени; тѣмъ болѣе, что мы сами всеусерднѣйшіе данники славы и таланта, но не можемъ удержаться, чтобъ не замѣтить одно странное обстоятельство:

Музыканты прежнихъ временъ, какъ они ни были презираемы, бѣдны и оборваны, хотя не имѣли роднаго мѣстечка, гдѣбъ могли преклонить свою усталую голову, однако и при черствомъ хлѣбѣ и кружкѣ воды были всегда веселы, забавны и воспѣвали любовь, вино и другіе пустяки съ изумительнымъ одушевленіемъ. Напротивъ, наши нынѣшніе музыканты, которые живутъ въ чертогахъ, держатъ лошадей, имѣютъ виллы, знаки отличія ходятъ по цвѣтамъ и спятъ на лаврахъ, стараются всегда принять на себя выраженіе печальное, мрачное, меланхолическое, какой-то типъ постоянной грусти и недовольства. Они вездѣ притворно печальны, пишутъ самыя раздирающія композиціи; бьютъ бѣдныя фортепьяна безъ пощады, мучаютъ скрипку на всѣ манеры, заставляя ее пѣть пѣтухомъ и мяучить кошкою, исполняютъ въ пепстовыхъ варьяціяхъ «dies iгае», и вѣроятно скоро переложатъ почныя размышленія Юнга въ *капричіо* для віолончеля. — Отчего же такой контрастъ въ прежнихъ и нынѣшнихъ музыкальныхъ геніяхъ? — Отъ пресыщенія.

—

IV.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ МОЗГА.

Правду сказалъ Лафонтенъ:

«Keiner ist zufrieden mit seinem Glücke,
Keiner unzufrieden mit seinem Geiste.»
«*Никто не доволенъ своимъ счастьемъ,*
Каждый доволенъ своимъ умомъ.»

Еслибъ этотъ добрый человѣкъ былъ еще живъ, то, безъ-сомнѣнія, прибавилъ-бы ко второй строкѣ своихъ стиховъ: «*и своею музыкою*»; потому-что въ самомъ дѣлѣ, едва-ли найдется человѣкъ, который бы не мечталъ, что обладаетъ какими-нибудь музыкальными способностями. Нынѣ каждый присвоиваетъ себѣ право смѣло судить о музыкѣ и свойство эстетически ее чувствовать, — и чѣмъ менѣе человѣкъ имѣетъ музыкальнаго такта, тѣмъ эти ложныя притязанія смѣлѣе, безвкуснѣе и смѣшнѣе. Музыкальное самолюбіе весьма раздражительно. Посмотрите, какъ иной бездарный пѣвецъ выжимаетъ изъ себя, становясь на цыпочки, высокую теноровую партію и бросаетъ сердитые взгляды на публику, если она не выражаетъ неистоваго восторга. Въ эту минуту онъ, кажется, поглотилъ-бы весь свѣтъ за одинъ пріемъ.

Если вы сойдетесь когда-нибудь съ диллетантомъ, вы можете упрекать его во всевозможныхъ неблаговидныхъ дѣлахъ, но не говорите, что у него нѣтъ музыкальнаго уха и что онъ не держитъ такта: это обида, которой онъ никогда не проститъ. Если онъ не удовольствуется высокомѣрнымъ презрѣніемъ, то будетъ искать ссоры или случая очернить васъ и отмстить самымъ положительнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, что гармонія часто бываетъ источникомъ величайшаго разлада. Сколько есть молодыхъ людей, которые, по своимъ прекраснымъ качествамъ, могли-бы быть украшеніемъ общества, — а живутъ только для того, чтобы мучить это общество, терзая его своимъ пѣніемъ, игрою на скрипкѣ или на кларнетѣ. Еслибъ они не забрали себѣ въ голову, что могутъ быть пѣвцами или терзателями внутренностей, то ихъ бы искали, уважали и хвалили; но сумасшествіе сдѣлало ихъ посмѣшищемъ ближнихъ и ужасомъ сосѣдей. Они приходятъ въ общество съ собраніемъ романсовъ въ карманѣ или съ инструментомъ въ ящикѣ, который возбуждаетъ въ присутствующихъ такое-же чувство, какъ и хирургическій футляръ. Въ домѣ, гдѣ они живутъ и гдѣ они съ утра до вечера пищатъ или пиликаютъ, слышны въ каждомъ эта-

жѣ разнаго рода проклятія, которыя даже и музыкантовъ, подающихъ большія надежды, обремѣняютъ анаѳемой. Самое мучительнѣйшее зло современнаго просвѣщенія, самое неизбѣжное страданіе нынѣшняго общества — диллетантъ, или иначе музыкантъ-любитель, геній-самородокъ, который отъ нечего-дѣлать выбралъ себѣ игрушкою искусство.

Нельзя опровергнуть, что это несчастіе можно-бы устранить,— (а что это подлинно несчастіе, въ этомъ мы сошлемся на всѣхъ, кто живетъ подъ бокомъ у доморощенной пѣвицы, кларнетиста или пьяницки-генія), еслибъ музыка изучаема была только тѣми, которые имѣютъ музыкальныя способности и притомъ по извѣстнымъ, даннымъ правиламъ. Для этого можно-бы призвать на помощь френологію, и ощупавъ молодую голову, узнать обладаетъ-ли мозгъ ея музыкальными органами. Для пользы человѣчества обратимъ на это вниманіе. Но если кто послѣ того, какъ ему ясно докажутъ, устройствомъ его мозга, неспособность его къ музыкѣ, вздумаетъ распѣвать аріи, колотить клавиши или пилить на скрипкѣ, тотъ не долженъ смѣть утверждать, что занимается музыкою по призванію. Тогда, по-крайней-мѣрѣ, всѣ будутъ знать, что онъ дѣлаетъ это изъ коварства, съ злобнымъ намѣреніемъ помучить своихъ ближнихъ, и онъ заслужитъ приличное названіе *мучителя-музыканта*.

Докторъ Галль справедливо утверждаетъ, что при изслѣдованіи музыкальнаго органа, надо быть очень осмотрительнымъ, чтобы не смѣшать настоящихъ музыкальныхъ геніевъ съ тѣми людьми, которые ничего не имѣютъ, кромѣ большой бѣглости, пріобрѣтенной долгимъ упражненіемъ на какомъ-нибудь инструментѣ. — Часто старались обращать вниманіе знаменитаго черепослова на многихъ особъ, преимущественно женщинъ, о которыхъ думали, что онѣ обладаютъ превосходными музыкальными органами; но онъ находилъ у нихъ на головѣ только однѣ шишки механики, т. е. одну способность исполненія. Впрочемъ, такихъ артистовъ узнать не трудно по свойству и манерѣ ихъ игры, показывающимъ, что у нихъ развитъ одинъ механизмъ въ пальцахъ и вовсе нѣтъ музыкальнаго смысла. Лица ихъ не выражаютъ ни внутренняго чувства, ни сладкаго самозабвенія, одушевляющихъ истиннаго музыканта. — «До-сихъ-поръ», говоритъ Галль, «я находилъ сильно обозначенные музыкальные органы только у тѣхъ музыкантовъ, которые были дѣйствительно велики по таланту. Когда наружный уголъ лба значительно расширяется къ наружному углу глаза, и принимаетъ выпуклую форму, и когда притомъ видно возвышеніе лобной кости непосредственно надъ угломъ

глаза, похожее на пирамиду, основаніе которой касается глаза, а вершина достигаетъ до половины лба, — то это доказываетъ, что голова эта чисто музыкальная. Иногда лбы музыкантовъ бываютъ до невѣроятности выпуклы». — Знаменитый живописецъ Тишбейнъ, ничего не зная объ изслѣдованіяхъ Галля, собственнымъ наблюденіемъ дошелъ до тѣхъ же результатовъ. Онъ именно утверждаетъ, что всѣ великіе музыканты одарены бычачьимъ лбомъ (Ochsenstirn).

Ну, господа, воображающіе себя урожденными музыкальными геніями, хватайтесь скорѣе за голову, берите зеркало: мы отъ души желаемъ, чтобы вы нашли у себя бычачій лобъ, разумѣется, безъ прочихъ принадлежностей.

V.

О пѣніи вообще. — пѣвцы и пѣвицы.

Мы уже говорили о томъ, что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, пѣніе современно роду человѣческому, хотя Жанъ-Жакъ Руссо и утверждаетъ противное. Между-прочимъ, достаточно одного случая, чтобы опровергнуть неосновательность мнѣнія этого софиста. Прежде, чѣмъ новорожденное дитя открываетъ глаза, не начинаетъ-ли оно пѣть? Конечно, не совсѣмъ пріятнымъ голосомъ, — но это ничего не значитъ, крикъ его все-таки имѣетъ музыкальность, особливо для родительскаго слуха.

Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, пѣніе выражало любовь, веселость, грусть, торжество и тому подобное. Если же оно не имѣло особеннаго значенія, такъ по-крайней-мѣрѣ выражало то, о чемъ многіе люди думаютъ. Иногда человѣкъ употребляетъ пѣніе, чтобъ скрыть расположеніе своего духа; такъ напримѣръ, вовсе не удивительно, если слышимъ, какъ трусъ воспѣваетъ громы битвъ и пушекъ, а упитанный толстякъ пищитъ въ меланхоліи нѣжнаго романса.

Каждая страна, образованная или дикая, имѣетъ свои военныя, плясовыя и застольныя пѣсни. Такъ разсказываютъ намъ путешественники, что карибы и другія дикія племена имѣютъ застольную пѣсню, которую поютъ, когда пожираютъ своихъ плѣнниковъ. Индійцы поютъ при всѣхъ своихъ обрядахъ. Кавказскія племена, сбираясь въ набѣгъ, поютъ военные гимны. Нашъ русскій народъ поетъ всегда и вездѣ — и въ горѣ, и навеселѣ, на свадьбѣ и за работою; у него есть пѣсни подблюдныя, плясовыя, хороводныя, свадебныя, самый вой плакальщицъ на похоронахъ — есть пѣсня, и нищенская мольба о подаяніи — то-

же пѣсня. Русскій народъ по преимуществу музыкаленъ, въ его мелодіяхъ много внутренняго выраженія.

Прежде люди рылись въ землѣ, чтобъ добыть золото, нынче есть способъ гораздо легче и вѣрнѣе набивать имъ карманы. Стоитъ только грудью добраться до высокаго С въ музыкальной гаммѣ. Это грудное С настоящій перуанскій рудникъ. Вѣроятно Ротшильдъ, еслибы захотѣлъ еще разъ начинать свое поприще, непремѣнно сдѣлался-бы теноромъ. Въ финансовыхъ соображеніяхъ существуетъ замѣчательный фактъ: чѣмъ больше въ городѣ строятъ домовъ, тѣмъ выше становится плата за квартиры и чѣмъ дешевле сукно, тѣмъ дороже обходится платье.— Тоже самое бываетъ и съ голосомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ учреждены музыкальныя школы, чтобъ приготовлять пѣвцовъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ весь свѣтъ поетъ, — за пѣніе платятъ безразсудно дорого. Самый посредственный голосъ обходится нынче отъ двѣнадцати до двадцати тысячъ рублей серебромъ, столько-же платятъ и за подержанный, обвѣтшалый. Сколько итальянскихъ и нѣмецкихъ соловьевъ и горлицъ прилетаютъ ежегодно на французскіе луга, усѣянные розами (впрочемъ не безъ шиповъ), и на англійскія и русскія нивы, поросшія золотымъ тростникомъ? А все ихъ еще мало, вездѣ ищутъ ихъ съ фонарями, платятъ маклерамъ, держатъ корреспондентовъ, разсылаютъ сыщиковъ, чтобъ только добыть этого товару. Впрочемъ, эти перелетныя птицы падки на приманку: стоитъ звякнуть золотомъ и онѣ слетаются стаями.

Тріумфы и овація для великаго пѣвца просто ни-почемъ—это его ежедневное развлеченіе. Стоитъ ему только раскрыть гортань, — и онъ торжествуетъ. Цѣлый міръ его отечество и что еще лучше, его касса. Поэтому нисколько не удивительно, что положенію пѣвца многіе завидуютъ и охотно пустились-бы на всѣ лады, чтобы только послѣ задавать такой-же тонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ директоры оперъ ищутъ пѣвцовъ и пѣвицъ по всѣмъ угламъ и закаулкамъ, страсть къ музыкѣ забралась даже въ мастерскія и въ курныя избы. Сколько мы видимъ бродягъ разнаго рода и пола, которые безъ умолку чирикаютъ и завываютъ подъ окнами, на дворахъ и на улицахъ, на станціяхъ, которые пустились въ музыкальныя похожденія, полагая, что ихъ настоящее призваніе не работать. Но между этими номадными пѣвцами и пѣвицами театральные импрессаріи иногда отыскиваютъ свои будущія знаменитости.

Положеніе пѣвца, котораго импрессаріо такъ печаянно нашелъ и котораго надо приготовить для сцены, въ самомъ дѣлѣ, очень соблазнительно, — особливо, если это теноръ.

Счастливый обладатель этого грознаго сокровища, тотчасъ же бываетъ окружаемъ учителями всѣхъ родовъ; его учатъ немножко по-французски, по-итальянски и по-нѣмецки, но очень много танцовать и фехтовать. Его посылаютъ каждый вечеръ въ театръ и въ публичныя мѣста, гдѣ собираются фешьонебли, иногда на чай къ великимъ драматическимъ пѣвцамъ, чтобъ медвѣдь сдѣлался нѣсколько ручнымъ и принялъ манеры, которыя употребляются на сценѣ и въ большомъ свѣтѣ. Ему выдается ежемѣсячно по тысячѣ франковъ во Франціи, по пятисотъ въ Германіи и по двѣсти въ Италіи, и если первый дебютъ его на сценѣ былъ удаченъ, онъ получаетъ ангажементъ отъ пятидесяти до ста тысячъ франковъ въ годъ. Это опредѣленная цѣна хорошему тенору, какъ у булочника булкѣ.

Люди, не посвященные въ закулисныя тайны, всегда любопытствуютъ узнать домашнюю жизнь великихъ артистовъ. Они обыкновенно предполагаютъ, что эти избранники ведутъ какую-то особую жизнь, полную странностей, причудъ и наслажденій, совершенно не похожую на жизнь остальныхъ смертныхъ.

Нынѣшніе артисты не составляютъ уже отдѣльнаго цѣха, не принадлежатъ къ сектѣ парієвъ среди художественнаго міра; господа Віардо, Женни Линдъ, Гризи, господа Тихачекъ, Рубини, Тамбурини, Маріо и прочіе, живутъ точно также, какъ и прочіе люди; можетъ-быть, лучше многихъ, но ужъ отнюдь не иначе. Они ѣздятъ съ визитами, гуляютъ, но вовсе не кутаются по маковку въ шубу, какъ думаютъ многіе, и не носятъ барометра на шляпѣ, для узнанія градусовъ тепла; равномѣрно не питаются муравьиными яйцами, но за то довольно пьютъ шампанскаго. Нынѣшній артистъ — добрый мужъ, хорошій гражданинъ. Первыя пѣвицы сдѣлались также примѣрными гражданками, и хотя не отказываются иногда отъ руки, сердца и имѣнія какого-нибудь графа или князя, но понуждѣ выходятъ замужъ и за фигурантовъ и контрабасистовъ, и живутъ по бо́льшей части счастливо, беззаботно и безбѣдно. Что же касается до хористовъ и хористокъ вообще, такъ они похожи на спаржу, которая только въ связкѣ имѣетъ достоинство. Хористовъ никогда не должно замѣчать въ отдѣльности и особенно не надо порознь слушать. Говорятъ, что въ Германіи всѣ хористы отличные музыканты; первые пѣвцы вышли, бо́льшею частію, изъ хоровъ; это очень лестно для Германіи, если только правда. Во Франціи, съ немногими исключеніями, хористы поютъ только по системѣ вдолбленія въ голову; дирижеръ хора принужденъ имъ наигрывать мотивы на скрипкѣ до-тѣхъ-поръ, пока они передразнятъ ее голосомъ; но все-таки хористы

имѣютъ свой репертуаръ, какъ и пѣвцы - солисты: онъ состоитъ изъ хоровъ тѣхъ оперъ, которыя въ особенномъ ходу. Хорошій хористъ долженъ знать наизустъ, по крайней мѣрѣ, отъ 40 до 60 оперъ. Какая память и сколько пиликаній на скрипкѣ нужны для этого! Правда, если память измѣнитъ хористу, это еще не бѣда: онъ разѣваетъ только ротъ и шевелитъ губами, какъ-будто поетъ, въ хорѣ такая продѣлка незамѣтна. Притомъ хористы имѣютъ своего особеннаго суфлера; эту должность занимаетъ регентъ, который стоитъ съ партитурой позади хора, въ кулисѣ, бьетъ тактъ и подаетъ знакъ, когда хоры должны начинать. Хористъ, который поетъ одинъ, производитъ такой-же эффектъ, какъ и одинъ солдатъ изъ цѣлой арміи. Оттого смѣлость хориста, который позволяетъ себѣ спѣть соло отъ 3 до 4 нотъ, и привѣтствуется всегда всеобщей веселостію.

Хористы всегда являются на сцену толпой или эшелонами, какъ солдаты, и ими всегда командуетъ старшій. Хористы очень скромны въ своихъ жестахъ; въ самыя патетическія минуты дѣйствія они ограничиваютъ свои движенія поднятіемъ правой или лѣвой руки, точно, какъ будто-бы ихъ дергали за проволоку. За то на мелкихъ провинціяльныхъ театрахъ, гдѣ драматическіе актеры должны пѣть и въ операхъ, хоры бываютъ иногда ужъ черезъ чуръ оживлены и нерѣдко украшаются такими забавными выходками, которыхъ самый замысловатый композиторъ не въ состояніи предвидѣть. Впрочемъ, хоръ въ нѣмецкихъ операхъ занимаетъ гораздо важнѣйшее мѣсто, нежели въ итальянскихъ и даже во французскихъ. За границей всѣ потребности хористовъ, отъ нижнихъ до верхнихъ, припасаются дирекціями; онѣ доставляютъ имъ башмаки, перчатки, воду съ патокой для питья и толченый кирпичъ вмѣсто румянъ.

Французскіе хористы получаютъ жалованья въ мѣсяцъ отъ 50 до 70 франковъ, на это не слишкомъ разгуляешься; оттого многіе изъ нихъ, чтобы увеличить итогъ доходовъ, при званіи своемъ рыцарей, придворныхъ кавалеровъ, роскошныхъ бандитовъ, очень миролюбиво принимаются за иглу или за шило и очень гармонически соединяютъ служеніе музыкѣ съ починкою стараго платья и сапоговъ.

Между-тѣмъ, имъ надо отдать справедливость; они вообще очень прилежные и порядочные люди, можетъ-быть, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ баспстовъ, которые иногда выпиваютъ больше, чѣмъ-бы слѣдовало, для густоты голоса.

Хористокъ парижскихъ надобно раздѣлить на два класса, хористокъ *для пѣнія* и хористокъ *для виду*. Въ большихъ опер-

ныхъ театрахъ дѣйствительно поющихъ хористокъ бываетъ обыкновенно около 15 или 20, отъ 35 до 50 лѣтъ; остальныя же просто миленькія личики, съ быстрыми глазками, въ кокетливыхъ костюмахъ швейцарокъ, итальянокъ и испанокъ; онѣ вставляются въ хоры собственно для ослѣпленія глазъ и для возбужденія особеннаго интереса. Онѣ, такъ сказать, волонтерки въ войскахъ театральныхъ амазонокъ, и должны сами себя кормить и одѣвать.

VI.

ПѢВЦЫ-АМАТЕРЫ.

Всѣ единогласно кричатъ, что Парижъ самый музыкальный городъ въ цѣломъ свѣтѣ. Не отрицая истинныхъ успѣховъ, которые сдѣлала музыка въ Парижѣ, скажемъ однако жъ, что въ этомъ большомъ городѣ царствуетъ болѣе музыкальная манія, чѣмъ музыкальный вкусъ. Тоже самое можно сказать и о многихъ иныхъ городахъ, имѣющихъ претензію именоваться *музыкальными*. Одинъ журналъ (la France musicale) недавно писалъ, что парижская музыка состоитъ въ брянчаніи кадрилей и полекъ во всѣхъ домахъ города, начиная съ подвала до чердака. У насъ музыкальность также проявляется въ шарманкахъ, наигрывающихъ «*Лучинушку*» или «*Во всей деревнѣ Катенька*» въ органахъ, въ музыкальныхъ труппахъ, снующихъ по домамъ съ трубами и арфами, да еще въ оркестрахъ, которые расплодились по всѣмъ окрестностямъ и дополнили свои инструменты трещотками, хлопушками, вѣниками и кастаньетками. У насъ музыка составляетъ предметъ моды, и почти всѣ печатаемыя ноты состоятъ изъ полекъ, галоповъ и кадрилей. — Въ обществахъ преимущественно занимается музыкою прекрасный полъ. Онъ усердно выколачиваетъ на клавишахъ Шопена и Герца, и распѣваетъ Доницетти и Варламова. Хотя многія дамы лучшаго тона не умѣютъ различить музыкальнаго тона и безжалостно поражаютъ васъ фальшивыми нотами, однако поклонники-кавалеры всегда восхищены исполненіемъ диллетантокъ-пѣвицъ. Музыка, къ несчастію, сдѣлалась во многихъ мѣстахъ принадлежностью моды, тщеславія и разсчета. Нѣжныя барышни учатся пѣть и играть, не потому, чтобы чувствовали призваніе или имѣли отличныя музыкальныя способности, но потому, что принято почитать музыку неизбѣжнымъ знакомъ хорошаго воспитанія, и что чрезъ посредство этого невиннаго удовольствія можно скорѣе и выгоднѣе надѣть чепчикъ. По этому надо согласиться съ Скрибомъ, который говоритъ, что музыку въ обще-

ствахъ и пѣніе диллетантокъ не должно почитать удовольствіемъ. Но за то это очень удобно для семейныхъ цѣлей. Молодая дѣвушка кокетливо задумчива. Молодой человѣкъ въ усикахъ, который бросаетъ на нее томные взгляды, спрашиваетъ о причинѣ задумчивости. Дѣвушка тотчасъ-же садится къ роялю и поетъ:

Кого-то нѣтъ, кого-то жаль,
Къ кому-то сердце мчится вдаль....

Молодой человѣкъ на этотъ романсъ отвѣчаетъ другимъ:

Въ твоихъ глазахъ мнѣ жизнь и радость!

Молодая дѣвушка, выслушавъ внимательно диллетанта, опять садится за рояль, и съ румянцемъ стыдливости, начинаетъ кавatину:

Съ моей души сомнѣнье спало,
Я разгадала вашъ намёкъ....

Молодой человѣкъ, расправя усики, на это поетъ цыганскую пѣсню:

Ты не повѣришь, ты не повѣришь,
Какъ ты мила!

И дѣло слажено; черезъ двѣ недѣли счастливые супруги поютъ уже дуэтъ:

Мы другъ друга вѣчно
Будемъ такъ любить,
Страстію сердечной
И дышать и жить!

Диллетантизмъ привелъ ихъ къ самой практической цѣли, и въ этомъ отношеніи мы его глубоко уважаемъ. Онъ избавляетъ людей отъ щекотливыхъ объясненій, которыя, какъ-бы краснорѣчиво ни были выражены всегда выходятъ немножко неловки, и при условіяхъ свѣта — довольно стѣснительны.

Но бѣда, когда диллетантизмъ переходитъ въ артистическое тщеславіе и людей безъ призванія и таланта — заставляетъ поражать всѣхъ въ обществѣ—фальшивыми нотами, писклявымъ щебетаніемъ или выколачиваніемъ Герца и Калькбреннера на клавишахъ. По бо́льшей части, въ этомъ виноваты не столько сами юные диллетанты, какъ ихъ маменьки и папеньки, которые, видя, что дочки довольно безошибочно выполняютъ кое-какія экзерциціи или большія пьесы, тотчасъ воображаютъ, что это музыкальные геніи, выводятъ ихъ на показъ, заставляютъ давать публичные концерты и такимъ образомъ съ юныхъ лѣтъ набиваютъ имъ голову пагубнымъ самолюбіемъ. Пріятельскія журнальныя статейки его еще болѣе разжигаютъ. Обыкновенно наши дѣ-

вушки, достигнувъ музыкальной цѣли, то-есть, выходя замужъ, бросаютъ музыку и принимаются за семейныя заботы. Не то бываетъ съ диллетантками-артистками: для нихъ хозяйство, дѣти, мужъ — не существуютъ, у нихъ одна цѣль — усовершенствованіе небывалыхъ способностей и развитіе воображаемаго генія. А между-тѣмъ, домъ ихъ идетъ верхъ дномъ. Но еще хуже и опаснѣе, когда это музыкальное тщеславіе переходитъ въ претензію на сочинительство. Диллетанты обыкновенно принимаются за сочиненіе музыки, безъ всякаго творческаго таланта и безъ предворительнаго изученія музыкальныхъ началъ и правилъ, то-есть, безъ знанія контрапункта и твореній великихъ композиторовъ. Начиная съ дюжинныхъ романсиковъ, они наконецъ доходятъ и до оперъ и до симфоній — и тутъ горе слушателямъ, которые осуждены хлопать ихъ галиматьѣ, горе пѣвцамъ и пѣвицамъ, которые обязаны выучить ее и потомъ въ добавокъ всегда несутъ упрекъ — въ неуспѣхѣ сочиненія. Диллетантъ-артистъ никогда не сознается въ своихъ погрѣшностяхъ, всю вину онъ обыкновенно сваливаетъ на исполнителей. И Боже сохрани, если критика вздумаетъ ему, даже самымъ скромнымъ образомъ, замѣтить его ошибки!

Отъ этихъ любителей и любительницъ музыки — нѣтъ житья въ городѣ и еще меньше на дачѣ. Со всѣхъ сторонъ васъ окружаютъ музыкальные геніи: на дачѣ справа съ утра до ночи поютъ вамъ съ ужаснымъ визгомъ «Сжалься!» изъ Роберта; слѣва — всю ночь барабанятъ польки Кажинскаго и кадрили Лядова, напротивъ чувствительный диллетантъ насвистываетъ на флейтѣ — тирольскій «Steh' nur auf», а надъ головой скрипучій віолончель напѣваетъ самымъ неуклюжимъ образомъ мелодію Шуберта. Изъ любви къ природѣ вы обязаны выносить самыя мучительныя пытки любви къ музыкѣ. Не говоримъ уже о дуэтахъ и домашнихъ квартетахъ: отъ нихъ просто приходится слечь въ постель, надвинуть колпакъ на уши и прикрыться одѣяломъ выше головы.

Говоря о любителяхъ, нельзя не упомянуть и о «дѣтяхъ — виртуозахъ», которыхъ кукольными способностями торгуетъ въ наше время спекуляція. Эти бѣдные птенцы — едва выйдутъ изъ пеленокъ, и ужъ становятся жертвами музыкальной промышленности. Ихъ, какъ канареекъ, научаютъ играть на скрыпкѣ, бренчать на фортепьянахъ — и потомъ какъ дивo показываютъ въ концертахъ, разумѣется за выгодную плату. На повѣрку выходитъ, что дѣвочки, которыя безъ того были-бы очень миленькими существами, становятся музыкальными чудовищами, а мальчики — дармоѣдами и пустыми людьми.

Въ Парижѣ тщеславіе пѣнія дошло даже и до простаго народа. Харчевня точно также хочетъ имѣть своихъ пѣвцовъ, какъ и модный салонъ. На овощныхъ и рыбныхъ рынкахъ поютъ оперныя аріи, водовозы упражняются въ фіоритурахъ; недостаетъ только, чтобы трубочисты сверху трубъ запѣли: «Призывную пѣсню» изъ «Вадима.» По-крайней-мѣрѣ у насъ, хотя за исключеніемъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ на праздничныхъ обѣдахъ играютъ полковые или доморощенные музыканты, столицы нынче избавлены отъ моды вставать изъ-за стола съ разбитой головой и разстроеннымъ пищевареніемъ отъ преизбытка музыки, когда 5 или 6 музыкантовъ составляютъ оркестръ, гдѣ кларнетъ и скрипка стараются выдерживать мелодію и тактъ, потому что остальные инструменты всегда на половину или на цѣлый тактъ отстаютъ или хромаютъ.

Для нѣкоторыхъ пѣвцовъ-диллетантовъ, которые имѣютъ привычку слишкомъ широко раскрывать ротъ, качаться изъ стороны въ сторону, становиться на цыпочки, придавливать голосъ, или перекрикивать, очень-бы пригодился римскій обычай — воздержанія. Онъ состоялъ въ томъ, что нарочно назначенный для этого человѣкъ, называемый *фонаскусъ*, подавалъ пѣвцамъ и ораторамъ извѣстные знаки, когда они черезъ чуръ кричали, кривлялись или производили непріятное впечатлѣніе своими звуками. Одинъ французскій писатель предлагаетъ, чтобы въ операхъ, концертахъ и въ Депутатскихъ Камерахъ, помѣщены были такіе фонаски; право, это нововведеніе заслужило-бы благодарность современнаго поколѣнія.

Есть еще родъ пѣвцовъ романсовъ или пѣсенъ, которые занимаются тѣмъ, что весь свой вѣкъ поютъ въ обществахъ, въ концертахъ и провинціяльныхъ городахъ, иногда даже въ костюмахъ, чтобъ произвести болѣе эфекта. Имъ, конечно, за это не платятъ, но за то ихъ хорошо кормятъ и поятъ. Люди эти ничѣмъ не заняты, живутъ весь вѣкъ припѣваючи и носятъ названіе просто — *пѣвцовъ*. Это выходитъ —

Птичка Божія не знаетъ,
Ни заботы, ни труда!

VIII.

ИНСТРУМЕНТЫ. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОРКЕСТРЪ.

Чтобы сдѣлаться членомъ оркестра въ Парижской Оперѣ, или въ капеллн главныхъ музыкальныхъ городовъ Германіи, надобно непремѣнно кончить курсъ въ Консерваторіи, или въ музыкальной школѣ.

Десять лѣтъ, ежедневно по 12 часовъ, надо посвятить упражненію на своемъ инструментѣ, чтобъ совершенно усвоить его себѣ и пріобрѣсти нѣкоторую художественность въ выполненіи. Не смотря на эти труды, музыкантамъ очень дурно платятъ; меньшая степень жалованья 600 франковъ, высшая отъ 1,500 до 2,000 франковъ. Однако пульпитръ въ оркестрѣ большихъ оперъ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, С. Петербургѣ, ибо и у насъ оркестръ оперы отличный, составляетъ завидный пьедесталъ, и обѣ лампы, по сторонамъ его, распространяютъ свѣтъ утренней зари на чающихъ теплаго мѣстечка. Такого музыканта ищутъ предпочтительно, какъ учителя музыки и онъ дорого беретъ за свои уроки. Самому директору оркестра, хотя его должность требуетъ особеннаго искусства, знанія, ловкости, и болѣе, чѣмъ обыкновенныхъ музыкальныхъ способностей, платятъ вообще меньше, чѣмъ посредственному пѣвцу. Но вотъ странность, которая, вѣрно, не всѣмъ извѣстна: самые, по видимому, ничтожные музыканты въ оркестрѣ, во Франціи и Германіи получаютъ самое значительное жалованье— это именно тѣ, что бьютъ въ литавры и барабаны. А что вы думаете: развѣ легко барабанить въ тактъ по ослиной кожѣ? Это искусство немаловажное и только заслуженный музыкантъ въ состояніи выполнять такую должность съ надлежащею точностью. Не трудно понять, что литавры и турецкій барабанъ требуютъ большой вѣрности. Къ тому-же, талантливый музыкантъ, посвящающій себя игрѣ на этихъ, хотя громкихъ, но неблагодарныхъ и пустыхъ инструментахъ, долженъ быть скроменъ; а скромность между артистами дорого цѣнится, потому что она чрезвычайная рѣдкость.

Давно уже идетъ слава, что господа музыканты любятъ попить и пожить въ раздольѣ; даже древніе римляне имѣли поговорку «musice vivere», что значитъ вести упоительную жизнь. Кто не знаетъ девиза «Cantores amant humores.» — Между тѣмъ надобно отдать честь музыкантамъ нашего времени: они ведутъ себя чрезвычайно трезво; хотя тамъ и сямъ попадаются маленькія исключенія, но опѣ ничтожны и преимущественно обнаруживаются у духовыхъ инструментовъ, игра на которыхъ, какъ извѣстно, производитъ жажду.

Замѣчено, что выборъ инструмента дѣйствуетъ и на характеръ человѣка, и на оборотъ, что характеръ человѣка часто опредѣляетъ выборъ инструмента. Поэтому очень рѣдко случается, чтобы фаготистъ много о себѣ думалъ, въ то время, какъ кларнетистъ склоненъ къ мечтательности. Альтистъ всегда миролюбиваго расположенія духа и другъ порядка, а контробасисты

всегда серьезны и брюзгливы. Скрыпачъ почти всегда носитъ усы, любитъ рисоваться и бурливаго нрава. Англійскій рожокъ — блѣденъ, худощавъ и влюбчивъ до невѣроятности. Флейтистъ — щеголь, имѣетъ живой нравъ и старается вездѣ себя выказать, — трубачъ и тромбонистъ носятъ шляпу на бекрень, пьютъ преимущественно пиво, всегда здоровы и разговорчивы.

Садовые и танцовальные оркестры составляются изъ музыкантовъ ремесленниковъ. Отъ первыхъ требуютъ какъ можно больше грому и эфектовъ, отъ вторыхъ — чтобъ они только были тверды въ тактѣ. Но садовые оркестры не довольствуются уже нынѣ простыми инструментами: они изобрѣтаютъ свои собственные и имѣютъ для нихъ особенныхъ композиторовъ, въ родѣ Кюзана, Гильмана, Лумби. Въ ихъ музыкѣ важную роль играютъ хлопанье бичевъ, дребезжаніе трещетокъ, стукотня кастаньетъ звонъ стакановъ.... и тому подобные снаряды. Гильманъ довелъ свой оркестръ даже еще до бо́льшаго совершенства — у него люди свищутъ по птичьему, подъ акомпаньеманъ оркестра — и музыкальная публика очень этимъ довольна. Бальные и театральные оркестры въ провинціяхъ составлены — или изъ бродящихъ по улицамъ и по дворамъ гудошниковъ и трубачей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ — «*тирольцевъ*» и «*богемцевъ*» или изъ дворовыхъ музыкантовъ помѣщиковъ-любителей. Въ нихъ всегда преобладаетъ одинъ инструментъ, труба или контрбасъ, который не покоряется власти никакого дирижера и иногда даже очень невѣжливо и некстати возвышаетъ свой голосъ надъ собратьями. Но юность пляшетъ подъ всякіе звуки, какъ бы они неправильны ни были. Ну, и — въ добрый часъ.

Что же касается до бродящихъ оркестровъ, то они обыкновенно образуются изъ забракованныхъ гобоевъ, не трезвыхъ кларнетовъ и скрипокъ, гонимыхъ несправедливостью людей и предательствомъ фальшивыхъ флейтъ. Всѣ эти инструменты имѣютъ склонность утоплять свои скорби въ крѣпительныхъ напиткахъ и доставляются намъ большими партіями изъ Италіи, Савои и Германіи. Они-же составляютъ музыкальное украшеніе всѣхъ представленій, даваемыхъ на ярмаркахъ и въ столицахъ — въ балаганахъ, о Святой и масляницѣ. Національность этихъ художниковъ очень сомнительна: они не умѣютъ говорить почти ни на одномъ языкѣ, за то выражаются довольно крикливо на любомъ инструментѣ. Въ царствѣ музыки они принадлежатъ къ породѣ — пресмыкающихся.

Говоря объ инструментахъ, мы забыли прибавить, что инструменты, извѣстные въ прежнія времена, теперь уже сдѣлались не-

достаточными для современныхъ композиторовъ; ежедневно изобрѣтаютъ новые и громъ оркестровъ возрастаетъ до невыносимой оглушительности. Мы укажемъ только на тѣ инструменты, которые изобрѣтены въ послѣднія двадцать лѣтъ: мелодіонъ, аполіонъ, апполоникономъ, мелофонъ, полиплектронъ, гармоникономъ, гармонифонъ, гармоникордъ, гармоника и физгармоника, акордеонъ, труба съ пистонами, офеклеиды и оркестронъ. — Надо имѣть способность, чтобъ только заучить всѣ эти греческія названія не греческихъ орудій, а кольми паче, чтобы выучиться играть на нихъ.

X.

О КОМПОЗИТОРАХЪ.

Вольтеръ съ удивленіемъ спросилъ однажды знаменитаго композитора Гретри: — «Вы музыкантъ и притомъ умны?»

Вопросъ Вольтера былъ грубъ, потому что музыкальная композиція требуетъ чрезвычайно много ума, еще болѣе тонкаго чувства и многосторонніхъ познаній. Во всѣ времена композиторы почитались очень остроумными людьми. Россини, между прочимъ, самъ съумѣлъ написать текстъ къ своему «Севильскому Цирюльнику»; а это не бездѣлица! Превосходный текстъ оперы Рихарда Вагнера «Кола Рієнзи», которая недавно въ Дрезденѣ была принята съ такимъ огромнымъ успѣхомъ, сочиненъ также самимъ композиторомъ. Но всѣ вообще композиторы, какъ люди, занимающіеся отвлеченнымъ искусствомъ, отличались и отличаются странностями, которыя близорукіе принимаютъ за глупость или фэнфаронство.

Мы извлекли изъ разныхъ твореній о музыкѣ слѣдующія особенности, подмѣченныя у разныхъ писателей музыки: онѣ очень любопытны:

Глукъ, чтобы возбудитъ свое воображеніе и совершенно перенестись въ Таврику, Спарту или въ царство тѣней, садился на зеленомъ лугу. Тамъ, на чистомъ воздухѣ, подъ солнечнымъ зноемъ, ставилъ онъ передъ собою фортепьяно и возлѣ него нѣсколько бутылокъ шампанскаго. — Такъ онъ сочинилъ обѣ свои »Ифигенія» «Орфея» и «Любовныя продѣлки Парпса».

Сарти—для сочиненія запирался въ большую, пустую комнату, тускло освѣщенную одною только закрытой лампою. Его музыкальныя идеи являлись къ нему въ глубокой ночной тишинѣ. Такъ сотворилъ онъ «Medonte» и чудесную пѣснь: «La dolce campagna».

Сальери, чтобъ вдохновиться, бѣгалъ по самымъ многолюднымъ

улицамъ; ѣлъ конфекты и имѣлъ всегда при себѣ карманную книжку, для записыванія счастливыхъ музыкальныхъ идей.

Чимароза любилъ, чтобъ вокругъ него все шумѣло и веселилось въ то время, когда онъ сочинялъ. Окруженный веселыми пріятелями, написалъ онъ свою оперу: «Il matrimonio segreto».

Паизьелло любилъ сочинять, лежа въ постели; такъ на огромной пуховой перинѣ родилась его «Molinaria» (Мельничиха).

Цингарелли долженъ былъ прежде прочитать тома два классической латыни, чтобы потомъ въ продолженіе четырехъ часовъ набросать цѣлый актъ своего «Пирра» или «Ромео и Юліи».

Анфосси, умершій въ молодости, неаполитанскій сочинитель музыки, который подавалъ прекраснѣйшія надежды, не могъ написать ни одной ноты, если не видѣлъ себя окруженнымъ жаренными каплунами, копченными сосисками и душистой ветчиной.

Знаменитый Гайднъ, чтобы возбудить въ себѣ творчество, прежде, чѣмъ садился за фортепьяно, причесывался и одѣвался въ парадное платье, точно, какъ будто хотѣлъ идти въ гости, на вечеръ, и непремѣнно надѣвалъ перстень, подаренный ему королемъ Фридрихомъ Великимъ. Неоднократно увѣрялъ онъ, что если позабудетъ надѣть этотъ перстень, ему не приходить въ голову ни одна музыкальная идея. Его творческое пламя гасло безъ этого яснаго доказательства удивленія великаго короля.

Гретри разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что вдохновлялъ себя чаемъ и лимонадомъ.

Россини не могъ терпѣть, чтобъ ему пѣли его сочиненія, когда въ честь его составляли праздники и серенады. Сверхъ того достойна замѣчанія легкость, съ которой Россини работалъ. Большая часть его образцовыхъ произведеній были, такъ сказать, импровизованы, среди шумныхъ удовольствій и веселій холостой жизни. «*Сорока воровка*» была сочинена въ двѣнадцать дней. Партитуру къ «*Вильгельму Теллю*», написалъ онъ въ Парижѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, въ квартирѣ, которая всегда была полна посѣтителей, среди пылкаго разговора, въ которомъ онъ не принималъ ни малѣйшаго участія. Россини, нечувствительный къ шуму общества, продолжалъ работать, даже и тогда, когда кто нибудь изъ его собесѣдниковъ пѣлъ, или предъ его окномъ играла шарманка.

Приступимъ теперь къ Мейерберу, генію мрачныхъ мелодій, мощнаго пѣнія, строгихъ и звучныхъ гармоній. Посмотрите на него, какъ онъ въ уединенномъ анбарѣ, удаленный отъ всякаго человѣческаго общества, запершись сидитъ за своимъ фортепьяно. Вѣтеръ воетъ въ стѣнныя скважины, дождь льетъ на крышу, даль-

ній громъ гремитъ: — всѣ устрашены, всѣ бѣгутъ. Одинъ только человѣкъ радуется этому возмущенію природы, этому раздору стихій: это Мейерберъ, у котораго, подъ этотъ грозный концертъ, растутъ грандіозныя идеи и котораго пальцы извлекаютъ изъ фортепьяно самыя чудныя фантазіи.

Дорогу, дорогу! Берегитесь, парижане! Давайте дорогу! Развѣ вы не видите, что всадникъ скачетъ во весь опоръ? Взгляните, какъ его лошадь послушна уздѣ и шпорамъ; какъ она пролетаетъ разстояніе! дайте-же дорогу этому пламенному наѣзднику, потому, что онъ вскачь сочиняетъ самые очаровательные мотивы. Да! это Оберъ, тотъ самый, который во всю прыть набросалъ «Фенеллу», «Фра-Дьяволо», «Невѣсту», «Черное домино», «Королевскіе брильянты». Лошадь Обера единственный конь, которому можно дать имя Пегаса, не впадая въ миѳологическія грезы.

Намъ разсказывали, какъ Оберъ сочинилъ одинъ изъ своихъ прекраснѣйшихъ хоровъ. Однажды скакалъ верхомъ человѣкъ, черезъ корзины икадки, по овощному и рыбному парижскому рынку. Невозможно описать ужаснаго визгу, который послѣдовалъ отъ этой аттаки; разносчики плодовъ, продавцы рыбы и овощей, торговки, распорядитель рынка, полицейскій служитель,— все вмѣстѣ кричало. Всадникъ былъ счастливъ въ кругу этой сумятицы. Это былъ Оберъ, который надѣлалъ шумъ, чтобъ найти мотивы рыночнаго хора для своей «Фенеллы».

Композиторъ «Postillon de Longjumeau» и другихъ прекрасныхъ комическихъ оперъ, Адольфъ Аданъ, пишетъ свои партитуры очень странымъ образомъ. Послѣ обѣда онъ ложится на канапе и до носа покрывается одѣяломъ изъ гагачьяго пуха (даже лѣтомъ), и кладетъ свои обѣ огромныя кошки, одну въ изголовье, другую въ ноги. Въ этомъ положеніи онъ пыхтитъ, какъ паровая машина, и находитъ свои выразительнѣйшія мелодіи.

II.

О НѢКОТОРЫХЪ НОВООТКРЫТЫХЪ РОДАХЪ МУЗЫКИ.

Музыкальныя нововводители растутъ нынѣ, какъ грибы; они презираютъ идти по тропинкѣ, которую протоптали Моцартъ, Гайднъ, Бетговенъ и другіе, а воображаютъ, что избраны для того, чтобы проложить гораздо лучшія дороги.

Вольтеръ сказалъ про Дюбо, сочинителя разсужденія «*О поэзіи, живописи и музыкѣ*»:— «Онъ очень мало умѣетъ цѣнить прелести поэзіи, прелестей живописи не смыслитъ нисколько, а о прелестяхъ музыки и понятія не имѣетъ.» Съ такими-же данными

какъ этотъ Дюбо, и многіе другіе дѣлаются преобразователями и нововводителями въ искусствахъ. А потому и не удивительно, что мы видимъ такъ мало ума и граціи въ ихъ произведеніяхъ.

Прежде всего изобрѣли эти умные люди, послѣ Азолли и множества другихъ музыкантовъ, подражательную музыку. Въ операѣ «*Армида*», которая дана была въ 1686 году, Люлли, смѣлый, какъ и всѣ геніальные изобрѣтатели, помѣстилъ двѣ флейты, изъ которыхъ каждая только играла четыре ноты въ акомпаньеманѣ хора паядъ. Услужливый «*Меркурій*» былъ въ восхищеніи отъ свѣтлаго пастушьяго звука этихъ восьми нотъ на двухъ флейтахъ. А что означали эти ноты? c, h, a, g (ut, si, la, sol); это должно было означать: зеленые, сочные, цвѣтущіе луга; a, g, f, e, (la, sol, fa, mi), ручеекъ, журчащій по бѣлымъ камышкамъ; c, h, a, g, f, (ut, si, la, sol, fa), стадо блеящихъ овецъ; a, g, f, e, (la, sol, fa, mi), идущій на мельницу оселъ; g, h, a, g, (sol, si, la, sol), скошеное сѣно и т. д. И вотъ подражательная музыка была изобрѣтена!

Многіе поспѣшили воспользоваться этимъ великимъ открытіемъ и даже распространили его. Такъ Наполеоновскій придворный компонистъ положилъ на музыку сраженіе при Маренго. Такъ составлена во Франціи, въ 1830 году, Fantaisie militaire sur la prise d'Alger pour le piano», въ которой компонистъ переходя изъ c dur въ g dur, желалъ выразить слѣдующія мысли: «Франція съ этихъ поръ будетъ счастлива, будетъ процвѣтать, наслаждаясь благословеніями мира и изобильнымъ плодородіемъ».—Мы ничуть не шутимъ, а невѣрующимъ предлагаемъ разсмотрѣть эту музыкальную пьесу.

Нынѣ публика такъ привыкла къ музыкальной живописи, что еслибы какая-нибудь оперная арія начиналась словами: «Чу, труба зоветъ на битву!» и не услышали-бы, по-крайней-мѣрѣ, полдюжины трубъ въ акомпаньеманѣ, то стали-бы упрекать музыкантовъ въ совершенномъ отсутствіи смысла. Германія точно также не совсѣмъ свободна отъ этой склонности къ музыкальнымъ картинамъ, что доказываетъ сова въ «Фрейшюцѣ» Вебера и наковальни въ операѣ «Алпидоръ»—Спонтини. Нѣмцы также имѣютъ свои вальсы, какъ напримѣръ «Schlitten galopp» (почтовый галлопъ), гдѣ во время музыки щелкаютъ кнутомъ и звонятъ колокольчиками, и Eisenbahn-Galopp (галлопъ желѣзной дороги), гдѣ слышевъ свистокъ и стукъ колесъ и пыхтѣніе паровоза, которое изображено ударами метлы по большому барабану. Мы слышали какъ въ одномъ значительномъ городѣ Германіи исполняли музыку при освященіи одного общественнаго дома, въ которой, между многими при постройкѣ случившимися событіями, было выражено нотами паденіе съ подмостокъ одного каменщика.

Музыкальные Колумбы могутъ еще много кое-чего открыть, а именно: выражать посредствомъ музыки ученый диспутъ; прерванное чрезъ туманъ телеграфическое извѣстіе; биржевое движеніе; математическую задачу. Это могло-бы быть еще успѣшнѣе, еслибъ не встрѣтилось небольшое неудобство, которое состоитъ въ томъ, что музыка, желая выразить все, наконецъ потеряетъ всякое выраженіе. Къ этимъ отступленіямъ музыки съ настоящаго пути надо еще прибавить другія ея нелѣпости, какъ то: ученую музыку, которую только могутъ понимать тѣ, кто, по-крайней-мѣрѣ, учился музыкѣ лѣтъ сорокъ пять; медицинскую музыку — которою хотятъ лечить гипохондриковъ и ума-лишенныхъ, наконецъ фейерверочную музыку съ пушечной пальбою, ружейными выстрѣлами и взрывомъ пороховыхъ ящиковъ.

Всѣ эти усовершенствованія и успѣхи искусства принадлежатъ нашему филантропическому вѣку!

XII.

МНИМЫЕ ЛЮБИТЕЛИ МУЗЫКИ И ЗНАТОКИ.

Чтобъ цѣнить музыку, какъ слѣдуетъ, надобно имѣть не только, какъ обыкновенно говорятъ, хорошее ухо, но и музыкальное чувство, которое не всѣмъ дается. Безъ этого драгоцѣннаго дара, никогда нельзя быть знатокомъ и еще менѣе музыкальнымъ критикомъ. Люди, которые находятъ глубокія, проникнутыя мыслями сочиненія Бетговена, Моцарта, Галеви — скучными, а Мейербера почитаютъ *барабанщикомъ*, между тѣмъ, какъ восхищаются романсиками и итальянскими вздорами и увлекаются мотивомъ

«Власть моя всего сильнѣй....»

никогда не должны браться за перо, чтобы писать объ музыкѣ. Сужденія ихъ о пѣвцахъ и музыкальныхъ авторахъ — смѣшны до нельзя, и преимущественно забавны, когда они хотятъ щеголять музыкальными терминами, которыхъ не понимаютъ и въ которыхъ дѣлаютъ безпрестанные промахи. Такъ мы помнимъ статью, въ которой этакой знатокъ описывалъ достоинства г-жа Зонтагъ и между прочими нелѣпостями написалъ, что «у нея голосъ необъятный, въ цѣлые *два такта!*» Онъ хотѣлъ вѣроятно сказать въ *двѣ октавы*. При такихъ сужденьяхъ невольно вспомнишь басню о *Хавроньѣ*, въ которой подобная критика прекрасно характеризована, или стихи Крылова:

Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно ученье,
И уши вашихъ не нѣжнѣй....

Не мѣшало-бы критикамъ иногда поостеречься и не выказывать такъ явно свои уши.

Вообще вкусъ, истинное чувство, глубокое музыкальное знаніе, очень рѣдко можно встрѣтить тамъ, гдѣ любимую музыку составляютъ кадрили и польки. Всевозможныя мелодіи, подъ которыя нельзя ни прыгать, ни подпѣвать, для многихъ тоже, что письмо съ семью печатями. Утверждаютъ, что кадрили Мюзара и вальсы Страуса образовали множество музыкантовъ. Можетъ быть, но какъ? Точно такъ, какъ образуютъ на мѣдныя деньги грамотѣевъ.

Къ сожалѣнію, очень часто въ концертныхъ залахъ, между тѣми, которыхъ называютъ избранниками музыколюбивой публики, замѣтно разсѣяніе, нетерпѣніе или скука. По изысканности туалета и прически, по дѣятельности лорнетовъ, можно однако-жъ догадаться, что главная цѣль многихъ изъ страстныхъ любителей и любительницъ музыки, состоитъ въ томъ, чтобъ себя показать и людей посмотрѣть. Впрочемъ, имъ надо отдать справедливость, когда скорое *tempo* даетъ знать что подходитъ конецъ, какой-нибудь пьесы, они умѣютъ привести себя въ восторгъ и вспоминаютъ, что обязаны аплодировать съ неистовымъ энтузіазмомъ. По истинѣ, надо сожалѣть объ артистахъ, которые осуждены играть и пѣть въ концертахъ и на вечерахъ, и трудно понять, какъ общій холодъ слушателей не сообщается и имъ и не приводитъ въ замерзаніе ихъ вдохновенія.

Должны-ли мы еще говорить о тѣхъ любителяхъ музыки, которые только для того посѣщаютъ музыкальныя общества, чтобъ безъ остановки бѣгать по залѣ, — дамамъ нашептывать разныя нѣжности и соединять съ аккордами Бетговена или Моцарта гармонію своихъ скрипучихъ сапоговъ? Есть много сортовъ диллетантовъ, — одни съ величайшею важностію увѣряютъ, что имъ невозможно безъ зрительной трубки наслаждаться музыкою въ оперѣ или въ концертѣ; другіе, старые страстные любители музыки, ни въ какой музыкѣ ни на волосъ не находятъ достоинства, кромѣ той, которая въ ихъ время была любима; потомъ молодые невѣжды, которые о каждомъ сочиненіи разсуждаютъ по своему вкусу; любители древности, которые питаютъ только единственное удивленіе къ артисту, имя котораго можно прочитать въ какой-нибудь старой хроникѣ, и которые, напримѣръ, будутъ васъ торжественно увѣрять, что на свѣтѣ былъ одинъ только истинно великій пѣвецъ, Труфинелли, который жилъ въ началѣ XV столѣтія; искатели воспоминаній, которые,

когда слышатъ арію сочиненія какого-нибудь новаго компониста, шепчутъ вамъ на ухо: «прекрасно, истинно прекрасно; но не-находите-ли вы, что эта мелодія имѣетъ большое сходство съ извѣстной кавитиной; какъ-бишь она начинается? Гмъ!» и онъ напѣваетъ какую-нибудь мелодію, которая ни малѣйшаго сходства не имѣетъ со слышанной. Наконецъ еще есть любители музыки, которые страстно любятъ одного только компониста, одну только оперу, одну только пьесу, и даже иногда одинъ только мотивъ или музыкальный пассажъ. Мы знали одного стараго, шестидесяти-лѣтняго любителя музыки, который въ продолженіе всей жизни ничего не пѣлъ и ничѣмъ истинно не восхищался, какъ только первыми тактами аріи: «Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела!» Вотъ еще случай. Извѣстный теноръ Маріо пѣлъ съ величайшимъ успѣхомъ въ «Робертѣ Девере», въ «Лукреціи», въ «Лучіи», въ «Пуританахъ.» Послѣ всѣхъ этихъ оперъ одинъ старый музыкантъ въ оркестрѣ спросилъ своего сосѣда и пріятеля: «Ну, что скажешь о Маріо?» — Да, другъ мой, на счетъ этого я еще ничего не могу сказать, потому что Маріо не спѣлъ еще «Для рыцарей моей отчизны», я дожидаюсь, а рыцарей моей отчизны.» Когда онъ споетъ «Для рыцарей моей отчизны» тогда мы увидимъ!» — N.B. «Для рыцарей моей отчизны», ничто иное, какъ пассажъ изъ трехъ тактовъ, въ одномъ изъ дуэтовъ «*Роберти*» Мейербера.

XIII.

КОНЦЕРТИСТЫ.

Можетъ-быть, вамъ неизвѣстно, любезный читатель, что римскій императоръ Неронъ былъ изобрѣтателемъ публичныхъ концертовъ. Свѣтонъ разсказываетъ, что Неронъ, мечтавшій, что онъ превосходный музыкантъ и отличный пѣвецъ, употреблялъ всевозможныя предосторожности, чтобъ сохранить свой голосъ. Для этого онъ ложился спать съ свинцовымъ листомъ на груди и притомъ всегда на спину, и ѣлъ очень много чесноку, потому что, въ древности, приписывали этому растенію благодѣтельныя свойства для голоса. Между-тѣмъ, восхищеніе Рима не утолило его жажды къ музыкальнымъ тріумфамъ, и потому онъ ѣздилъ по главнымъ городамъ Италіи и Греціи, вездѣ давалъ концерты и пожиналъ единогласныя похвалы.

Послѣ Нерона, мода на публичные концерты исчезла. Во Франціи играли только при дворѣ. По обычаю, освященному временемъ, артисты, являющіеся передъ вѣнчанными слушателями, получали золотую табакерку. Когда игралъ при французскомъ дворѣ

семилѣтній Моцартъ, то и ему, по обыкновенію, поднесли золотую табакерку.

Въ наше время, страсть давать концерты обратилась въ настоящую эпидемію. Легіонъ артистовъ, по-крайней-мѣрѣ по имени, мимоѣздомъ, собираетъ дань съ городовъ и даже селеній. Давать концерты съ успѣхомъ, сдѣлалось настоящей наукою. Афиши завлекаютъ публику, а концертистъ затверживаетъ дюжину пьесъ, чтобъ исполнить ихъ съ надлежащимъ успѣхомъ. Въ концертахъ большаго размѣра, кто неспособенъ сочинять самъ для себя, поручаетъ кому-нибудь писать пьесы именно для своихъ пальцевъ. При этомъ требуется, чтобы въ новомъ произведеніи было что-ни будь озадачивающее, необыкновенное, поразительное, неестественное. Потому играютъ или на одной струнѣ, или обратной стороной смычка, или выше кобылки, или галлопируютъ на фортепьяно, такъ-что за хаосомъ тоновъ, не слышишь ни одного отдѣльнаго тона.

Извѣстные современные молодые виртуозы воображаютъ, что не нужно имѣть таланта для того, чтобъ явиться передъ публикою, нуженъ только фракъ, сшитый по послѣдней модѣ, и оригинальная прическа. Въ день концерта, вмѣсто того, чтобъ затверживать свои пьесы, они занимаются своимъ туалетомъ, и задаютъ завтраки пріятелямъ, которые ихъ напередъ расхвалили въ газетахъ.

Путешествующій музыкантъ, во время Лудовика XV, по имени Пунто, объявилъ, что онъ будетъ играть на массивной, серебряной трубѣ. Но теперь, такимъ простымъ пуфомъ не довольствуются. Въ наше время, чтобъ заманить публику въ концертъ, надо быть позамысловатѣе. Опытные артисты должны ангажировать плясуновъ на канатѣ и балансеровъ, чтобъ привести въ волненіе человѣческое чувство. Надо до того дойти, чтобъ держать скрипку на головѣ, а не подъ подбородкомъ, и смычкомъ водить снизу. Піанистъ долженъ брать уроки у Раппо, и играть держа на каждомъ мизинцѣ по пудовику. Соло должно быть исполнено руками и ногами, въ четыре лапы, безъ балансернаго шеста, — вотъ тогда успѣхъ будетъ удивительный!

XIV.

ШАРМАНЩИКИ.

Шарманки, прозванныя Французами «Orgue de Barbarie», теперь повсюду проникли; и дѣйствительно, онѣ справедливо названы *варварскими*.

Говорятъ, что этотъ родъ органовъ былъ изобрѣтенъ при Наполеонѣ, въ началѣ Имперіи. Мы не сомнѣваемся, что это изобрѣте-

ніе есть одна изъ величайшихъ ошибокъ его царствованія. И въ самомъ дѣлѣ невозможно себѣ представить отвратительнѣйшую машину, предположивъ, что это музыкальный инструментъ. Трубы, большою частью, испорчены, валы почти всегда ослаблены и фальшивы, ручка наигрываетъ пьяно, когда должно быть *форте*, и на оборотъ. Прибавимъ къ этому еще вѣчное повтореніе однѣхъ и тѣхъ-же пьесъ.

Причиною однообразія пьесъ въ шарманкахъ бываетъ то, что органный мастеръ, подмѣтивъ, что какая-нибудь мелодія особенно нравится публикѣ, придѣлываетъ ее ко всѣмъ органамъ.

Превосходный хоръ охотниковъ, изъ *Фрейшюца*, былъ такъ часто пѣтъ всѣми музыкантами, шарманками и арфистками, что эта чудная мелодія наконецъ совершенно надоѣла. Одному нашему знакомому она такъ опротивѣла, что онъ давалъ деньги дворнику, чтобъ тотъ отгонялъ всѣхъ музыкантовъ изъ-подъ его окошекъ. Онъ отъ чистаго сердца радовался, что такъ удачно избавился отъ пиликанья, которое ему каждый разъ причиняло смертельную боль въ ушахъ. Вскорѣ послѣ того, дворника отпустили. Въ одно прекрасное утро, или лучше сказать, въ одно несчастное утро, когда пріятель нашъ, небрежно развалившись на софѣ, курилъ папироску и наслаждался пріятнымъ кейфомъ, вдругъ совершенно нечаянно, надъ самымъ ухомъ его, раздался охотничій хоръ. Нечаянность до того его поразила, что онъ почти лишился разсудка, схватилъ шляпу и бросился бѣжать; онъ бѣжалъ изъ своей квартиры, бѣжалъ изъ города, бѣжалъ изъ губерніи, бѣжалъ въ далекія страны, и мы думаемъ, что онъ бѣжитъ и до сихъ поръ.

Размноженіе публичныхъ оркестровъ, особенно садовыхъ, которые въ скоромъ времени выгонятъ совершенно нашихъ воздушныхъ пѣвчихъ птицъ; концерты виртуозовъ, семейная музыка, семплѣтніе геніи, скрипки и кларнеты, трубы съ клапанами, шарманщики и арфистки, которыя не даютъ иному спокойно выпить стаканъ чаю, отъ которыхъ нигдѣ нельзя скрыться, и которыя неизбѣжны, какъ наши вѣтры и туманы; всѣ эти музыкальныя терзанія могутъ еще многихъ людей, подобно нашему бѣдному другу, заставить бѣжать — сломя голову — но, куда? Вездѣ одно и то-же! Въ настоящее время и при настоящемъ направленіи, музыка—изъ наслажденія—обратилась въ мученіе. Она дѣйствуетъ эпидемически — и поражаетъ васъ неизлечимымъ недугомъ, полнымъ разочарованіемъ, ко всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ, ко всему, что хотя мало-мальски обнаруживаетъ претензію на музыкальность.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Странная свадьба, или незнаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Комедія въ стихахъ, въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. *М. И. Воскресенскаго.*

7-е Мая 1850 года, или первое гулянье послѣ зимняго сезона, въ Павловскѣ. Оригинальный водевиль въ 2 картинахъ, соч. *М. С. Владимірова* и *П. Г. Григорьева* 2.

За золотомъ въ Калифорнію, или Ярославцы въ Бременѣ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. актеровъ — *Толлерта* и *Григорьева* 2.

(Бенефисъ г. Григорьева 2.)

О комедіи «*Странная свадьба*» мы много распространяться не будемъ. Объ ней повсюду было такъ много разнородныхъ отзывовъ и толковъ, изъ которыхъ нѣкоторые проникнуты такою явною несправедливостію, что мы совѣтуетъ каждому, кто пожелаетъ добраться истины, прочесть ее въ № 5 «Пантеона», гдѣ она была вполнѣ напечатана, и вывести свое собственное заключеніе. Мы не принадлежимъ къ числу пессимистовъ, которые во всемъ, попадающемся имъ на глаза, хотятъ отыскать одни пятна, а истинно хорошаго не умѣютъ или не хотятъ разсмотрѣть. Еще менѣе желали бы мы походить на ловкихъ скорописцевъ, которые литературную спекуляцію и шарлатанизмъ доводятъ до высшей точки совершенства, и порицая все чужое, разливаются въ панегирикахъ своимъ собственнымъ издѣліямъ и работамъ своего околодка. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ подобный разсчетъ на недальновидность публики, можетъ быть вы-

годенъ и доходенъ, но во всякомъ случаѣ, мы всегда готовы отказаться отъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ средствами, не совсѣмъ согласными съ достоинствомъ литературнаго судьи и безпристрастіемъ добросовѣстнаго человѣка. Во всякомъ трудѣ литературномъ мы уважаемъ прежде всего самый трудъ, если видимъ въ немъ мысль и благородную цѣль, и оцѣняя намѣреніе автора, снисходительно смотримъ на неудачу, если выполненіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ цѣли.

Авторъ «Странной свадьбы» назвалъ пьесу свою комедіей, потому что изложеніе ея представляетъ много комическихъ сценъ и положеній, но въ сущности, по основной мысли и характерамъ главныхъ лицъ, она относится прямо къ области драмы. Онъ хотѣлъ показать, какъ добрый и умный человѣкъ, прекрасный семьянинъ и нѣжный отецъ, выходя изъ того круга общества, въ который поставила его судьба, и желая поражать всѣхъ суетнымъ блескомъ и роскошью, можетъ попасть въ сѣти подлой промышленности, на минуту забыться, увлечься страстію, и тѣмъ погубить себя и все свое семейство.

Для этого авторъ избралъ самую безумную страсть, страсть къ игрѣ. Онъ показалъ, какъ она, шагъ за шагомъ, разоряетъ банкира Фогеля; для поправленія дѣлъ — заставляетъ его прибѣгать къ позорнымъ связямъ и средствамъ, и даже, въ минуту конечной погибели, въ минуту, когда онъ очнулся отъ своею опьяненія, не позволяетъ ему высвободиться изъ сѣтей коварства. При этихъ обстоятельствахъ, которыми онъ обставилъ жизнь его, онъ придаетъ ему самую нѣжную любовь къ семейству. Собственная вина банкира приводитъ его къ тому, что онъ почти вынужденъ составить несчастіе любимой дочери, выдавъ ее насильно за нелюбимаго человѣка, чтобы только спасти ее отъ безславія. Всѣ эти тяжкія картины авторъ изглаживаетъ примирительными сценами послѣдняго акта, гдѣ показываетъ, что молодые супруги любятъ другъ друга и что для нихъ готовится жизнь, полная счастія и довольства.

Игра — одна изъ тѣхъ вопіющихъ язвъ общества, что нельзя не благодарить за доброе намѣреніе тѣхъ, кто старается представить ее во всей позорной наготѣ ея, или отдать на посмѣяніе. Въ этомъ отношеніи — по цѣли своей — комедія г. Воскресенскаго заслуживаетъ уже полное уваженіе. Въ художественномъ отношеніи, — какъ драматическое произведеніе, она имѣетъ и много недостатковъ, и много красотъ неотъемлемыхъ. Недостатки ея отчасти происходятъ отъ неопытности автора въ

дѣлѣ сценическомъ и отъ желанія сдѣлать картину мѣстности полнѣе, обставя ея разными побочными для драмы подробностями. Первые три акта не подвигаютъ дѣйствія впередъ ни на шагъ, они служатъ только изложеніемъ дѣла и рисуютъ характеры нѣкоторыхъ лицъ, вовсе не главныхъ въ драмѣ. Но многія подробности въ этихъ актахъ интересны, вѣрны и хорошо характеризуютъ московское житье-бытье. Настоящее развитіе драмы начинается съ четвертаго акта и кончается въ пятомъ, оттого въ первыхъ трехъ чувствуется значительный недостатокъ движенія, необходимаго элемента каждаго сценическаго произведенія. Это одни разговоры, часто очень остроумные, но въ цѣломъ утомительные для зрителя, который хочетъ какъ можно скорѣе быть посвященъ въ тайны происходящаго передъ нимъ дѣйствія и принимать въ немъ болѣе теплое участіе. Второй недостатокъ драмы — множество лицъ вводныхъ, непричастныхъ дѣйствію, выставленныхъ собственно или для колорита мѣстности, или для того, чтобы ихъ устами высказать какую-нибудь мысль, не относящуюся къ дѣйствію. Но за то эти погрѣшности въ комедіи г. Воскресенскаго выкупаются нѣкоторыми характерами, мастерски нарисованными, и сценами, полными силы, игривости и юмора. Къ первымъ надо отнести характеръ купца Бородкина и три главные характера женскихъ лицъ, жены Фогеля, Лизы и Зенаиды Васильевны. Двѣ сцены слугъ, и весь пятый актъ созданы и ведены прекрасно, въ Мольеровскомъ родѣ, и, при хорошемъ выполненіи, должны всегда производить эффектъ. Объ стихѣ, которымъ написана комедія, было чрезвычайно много самыхъ разнородныхъ толковъ: одни находили его прекраснымъ, другіе просто никуда не годнымъ. Не бросаясь въ крайности, мы скажемъ, что въ стихѣ г. Воскресенскаго видно довольно удачное подражаніе Грибоѣдову, котораго стихъ не отличается особенной звучностію и богатствомъ; но за то это стихъ самый разговорный и удобный для сценическаго произведенія. Можетъ быть, что онъ тяжелъ, но за то натураленъ и простъ и даетъ актеру полную свободу интонаціи. А что, можетъ-быть, въ тысячѣ слишкомъ стиховъ, есть неудачные и встрѣчаются небогатыя риомы и даже созвучія, вмѣсто риомъ, какъ замѣчено въ одномъ, очень претендательномъ журналѣ, такъ это недостатокъ, право, извинительный.

Во всякомъ случаѣ, на нашей сценѣ, гдѣ такъ мало появляется большихъ, серьозныхъ драматическихъ произведеній, комедія г. Воскресенскаго явленіе довольно пріятное и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Пьеса, по возможности, за отсутствіемъ многихъ первенствую-

щихъ артистовъ нашей сцены, была разыграна довольно удовлетворительно. Особеннаго вниманія заслуживаетъ самъ бенефиціантъ, въ ролѣ купца *Бородкина*, г-жа Жулева — въ ролѣ *Лизы*, которой придала много задумчивости и задушевнаго чувства, г. Марковецкій въ ролѣ шулера *Поль-Эспри*, г. Вороновъ — въ слугѣ *Игнатѣ*, и г-жа Славина — въ горничной *Пашѣ*. Послѣднія два лица были сыграны мастерски.

Остальныя двѣ пьесы бенефиса г. Григорьева, хотя и носятъ его имя съ компаніею на своихъ заглавіяхъ, однако въ нихъ не видно печати его оригинальнаго таланта. Ярославцы — живописецъ - помѣщикъ Счастьевъ, Зазубренный и Разстерянный — затѣяли ѣхать въ Калифорнію за золотомъ. Дорогою, въ Бременѣ, они, во-первыхъ, встрѣчаютъ также ярославца, половаго Матвѣя, который служитъ въ нѣмецкомъ трактирѣ въ своей русской рубашкѣ, а во-вторыхъ, находятъ чистѣйшее золото, подъ видомъ довольно глупой дочки также ярославскаго помѣщика Скорышева и сумасшедшей сестры его, Анфисы. Герои женятся на нихъ и сберегаютъ тѣмъ путевыя издержки въ Калифорнію. Вся пьеса, видимо, написана для заманчиваго афишечнаго названія: ЗА ЗОЛОТОМЪ! ВЪ КАЛИФОРНІЮ!! или ЯРОСЛАВЦЫ ВЪ БРЕМЕНѢ. Русская публика была-бы вдвое довольнѣе, еслибъ за ея серебро, ее совсѣмъ уволили отъ такого Калифорнскаго золота.

Вторая шутка: 7-е мая 1850 года, имѣетъ сюжетъ самый слабый, избитый, или лучше сказать не имѣетъ вовсе никакого сюжета, но она, по-крайней мѣрѣ, довольно смѣшна наивно - глупыми характерами мужика Андрея и кухарки Мароы, которыхъ уморительно-смѣшно представляютъ г. Григорьевъ 2 и г-жа Гусева.

—

МАГНЕТИЧЕСКІЕ ФАКТЫ ИЛИ ЖЕНЩИНА ЛУЧШІЙ МАГНЕТИЗЕРЪ. Фарсъ - водевиль, въ 2 дѣйствіяхъ. Сочиненіе актера г. *Рославскаго*.

ТОРЖЕСТВО ИСТИННОЙ ЛЮБВИ ИЛИ СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ. Интермедія - водевиль въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами, сочиненіе актера г. *Рославскаго*.

ХОТЬ ТРЕСНИ, А ЖЕНИСЬ! Комедія въ 1 дѣйствіи, *Мольера*, переводъ въ стихахъ *Д. Ленскаго*.

ГУСАРСКАЯ СТОЯНКА ИЛИ ЕЩЕ ПОДМОСКОВНЫЕ (Я) ПРОКАЗЫ. Оригинальная комедія — водевиль въ 1 дѣйствіи, сочиненіе автора «*Подмосковныхъ проказъ*.»

Опытъ искусства. Комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ. Сочиненіе *Судовщикова.*

(*Бенефисъ г. Рославскаго.*)

Если-бы я былъ бѣдный артистъ, съ дарованіемъ далеко не первостепеннымъ, не имѣющій ни литературныхъ связей, ни средствъ пріобрѣтать пьесы хорошихъ авторовъ, я поставилъ-бы себѣ за правило никогда не приглашать публику въ свой бенефисъ. Можетъ-быть это было-бы не совсѣмъ утѣшительно для моего кармана, за то очень успокоительно для моей совѣсти. Многимъ это покажется страннымъ, пожалуй, найдутся и такіе, которые скажутъ, что это просто глупо; что дѣлать, я разсуждаю вотъ какъ: Что такое бенефисъ? — Во-первыхъ, награда за мои успѣхи въ искусствѣ; во-вторыхъ, праздникъ, на которомъ я долженъ доставить удовольствіе моимъ гостямъ и показать усовершенствованіе моего таланта. Если-же успѣховъ этихъ на лицо не имѣется, а талантъ мой остался in statu quo, то-есть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ за годъ, за пять, за десять, за двадцать лѣтъ; если притомъ, когда-бы онъ даже развернулся и расцвѣлъ, мнѣ его показать не въ чемъ, за неимѣніемъ хорошихъ пьесъ и въ нихъ достойныхъ таланта ролей, то къ чему мнѣ бенефисъ? Набрать что-нибудь и даже, въ случаѣ неурожая на дюжинныя издѣлія, скропать самому какія-нибудь шутки—не мудрено, но вѣдь такія шутки позволительны въ тѣсномъ кружку пріятелей, въ невзыскательной, холостой бесѣдѣ, а не публично, не на аренѣ народнаго искусства, не въ «храмѣ, посвященномъ музамъ», какъ говорятъ поэты! Чѣмъ виновата публика, что я неимущь, когда она сбирается ко мнѣ для удовольствія и когда вдобавокъ я не могу утѣшить ее *даромъ*. Кто платитъ, тотъ требователенъ, а кто продаетъ, долженъ быть добросовѣстенъ. На этомъ основаніи, я никогда не согласился-бы даже давать въ свой бенефисъ свои собственныя произведенія, потому что ничего въ мірѣ нѣтъ столь соблазнительнаго и коварно-обманчиваго, какъ авторское самолюбіе. За что же я, обманутый тщеславіемъ, самымъ наивнымъ образомъ введу въ обманъ и тѣхъ, кто повѣритъ мнѣ на слово и съ полной надеждой на удовольствіе отдастъ мнѣ, кромѣ другаго-прочаго, свое время и свое вниманіе на цѣлый вечеръ! Нѣтъ! воля ваша, безъ самыхъ законныхъ, побудительныхъ причинъ, я ни за что не взялъ-бы бенефиса. Я слишкомъ гордъ, чтобы пользоваться общественнымъ пособіемъ, если не могу купить его общественною пользою.

Между-тѣмъ, многіе артисты вовсе не такъ разсуждаютъ, какъ

я; и, можетъ-быть, они по своему правы. У каждаго своя фантазія! Но, Богъ съ ними! Посмотримъ лучше на бенефисъ г. Рославскаго.

Знакомить васъ съ магнетизмомъ мнѣ не приходится. Вы вѣрно также, какъ и я, знаете Месмера наизустъ, также прослѣдили рядъ занимательныхъ брошюръ, появлявшихся въ Москвѣ и въ Петербургѣ *за* и *противъ* магнетизма, также убѣдились, что въ наукѣ о магнитной силѣ есть истины непреложныя, подтверждаемыя тысячью примѣрами въ природѣ и жизни человѣка, и что истины эти не совсѣмъ понятны человѣческому пытливому разуму потому только, что онѣ составляютъ тайны, премудро сокрытыя Провидѣніемъ отъ нашего дерзкаго любопытства. Но вы, вѣроятно, также, какъ и я, увѣрены что, чѣмъ темнѣе предметъ науки, тѣмъ онъ выгоднѣе для шарлатанства, которое обыкновенно удитъ рыбу въ каждой мутной водѣ. Несчастіе магнетизма, какъ науки, состоитъ именно въ томъ, что онъ прежде всего попалъ въ руки шарлатанства и до того изувѣченъ имъ, что никакъ не можетъ вырваться на настоящій путь. Съ бѣднымъ магнетизмомъ было тоже, что и съ комедію, которая изъ *комедіи*, вещи очень важной и серьозной, обратилась сперва въ *водевиль*, вещь легкую, а наконецъ изъ водевиля въ *фарсъ*. вещь рѣшительно пошлую. Въ настоящее время, однако-жъ, и магнетизмъ и комедія могли-бы оказать другъ другу обоюдную, огромную пользу: комедія могла-бы спасти магнетизмъ, а магнетизмъ въ свою очередь поддержать комедію. Комедіи слѣдовало-бы осмѣять шарлатановъ — месмеристовъ, которые дѣло науки обратили въ спекуляцію, недоучекъ и невѣждъ, которые, не находя въ себѣ никакихъ другихъ способностей, къ чему нибудь пригодныхъ, отыскиваютъ въ своемъ дюжинномъ организмѣ силы магнетическія; которые сомнамбулизмъ, болѣзненное состояніе тѣла и духа, употребляютъ какъ спектакль для досужей толпы и съ недальновиднаго легковѣрія собираютъ позорныя дани. Комедіи слѣдовало-бы также осмѣять этихъ сговорчивыхъ писакъ, которые, по убѣжденію слишкомъ явно вещественному, поддерживаютъ своими статьями этихъ вредныхъ промышленниковъ; всѣхъ этихъ господъ Дюма et consortes во всѣхъ странахъ міра, которые не стыдятся разсказывать самыя глупѣйшія магнетическія сказки и вводить въ заблужденіе людей умныхъ, подписывая подъ ними свое литературное или ученое имя. Вотъ что слѣдовало-бы осмѣять комедіи, и повѣрьте, магнетизмъ благодаренъ, онъ заставилъ-бы посмѣяться самой комедіи.

У господина Рославскаго, въ его «*Магнетическихъ фактахъ*»,

по видимому, и вертѣлась эта мысль въ головѣ, но, къ несчастію, онъ поймалъ ее не за тотъ конецъ. Онъ взялъ ее не со стороны комическаго ея элемента, но со стороны *фарса*, иначе сказать со стороны пустѣйшихъ пустяковъ. Онъ бьетъ зло, но только не по больному мѣсту. Онъ поражаетъ его не въ промышленникахъ магнетизма, а въ жалкихъ жертвахъ этихъ промышленниковъ: въ ослѣпленныхъ и обманутыхъ. Оттого, при весьма счастливой мысли, насмѣшка его неимѣетъ силы и не заключаетъ въ себѣ даже рѣзкой сатиры. Вотъ въ чемъ дѣло:

Нѣкто Манипулятовъ помѣшанъ на магнетизмѣ и пріискалъ себѣ компанію дураковъ, помѣщика Курнофеева, математика Худощавина, художника Толсторылова, *знахаря* (?) Кривошлыкина, гувернера Кисель и тому подобныхъ иныхъ, которые заражены тѣмъ-же помѣшательствомъ. Вмѣстѣ съ этими героями, онъ дѣлаетъ разные опыты, и за опытами забываетъ хозяйство, домъ, семью и даже хочетъ пожертвовать дочерью, выдавъ ее за глупца и пьяницу Курнофеева, въ силу того, что оный Курнофеевъ соглашается дозволить надъ собою манипуляцію. Жена Манипулятова, наскучивъ дурачествомъ мужа, подговариваетъ дворника Егора и кухарку Аксинью, чтобы они позволили себя магнетизировать и на вопросы барина отвѣчали то, что она имъ подскажетъ. Собираются пріятели Манипулятова, составляютъ засѣданіе, выбираютъ секретаря, который долженъ записывать *магнетическіе факты* и потѣха начинается. Егоръ и Аксинья, въ магнетическомъ снѣ, по подсказанному, какъ по писанному, обнаруживаютъ всѣ пороки и недостатки гостей. Манипулятовъ велитъ секретарю все это заносить въ протоколъ, гости обижаются и одинъ за другимъ ссорятся съ нимъ и бѣгутъ изъ дому. Наконецъ, садится сама жена Манипулятова, и въ мнимомъ магнетическомъ снѣ высказываетъ самую вѣрную и ѣдкую критику на дѣйствія своего мужа и слѣдовательно—на всю пьесу. Дѣйствительно, въ ней больше ясновидѣнія по этой части, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ лицахъ, причастныхъ этой пьесѣ.

Вторая пьеса г. Рославскаго называется «*Торжество истинной любви*». Сысой Дубининъ сорокъ лѣтъ влюбленъ въ Алену Новолипскую, которая Алена сорокъ лѣтъ ругаетъ его и доказываетъ словесно и фактически, что онъ пѣтый дуракъ, но Сысой этому не вѣритъ, и въ доказательство на ней женится, имѣя въ-виду добропорядочное ея имѣніице. Ужъ кто изъ нихъ правъ, рѣшить трудно. По нашему — оба правы. Въ концѣ Дубининъ (самъ авторъ и бенефиціантъ) поетъ куплетъ къ публикѣ, въ которомъ проситъ, чтобы она похлопала автору, но только

не такъ (показывая на щеку), а *вотъ такъ* (показыя, какъ апплодируютъ). Однако-жъ, на этотъ разъ, упрямая публика на послѣдній манеръ не похлопала.

Остальныя три пьесы бенефиса были возобновлены и, признаться, довольно-неудачно. Очень хорошій переводъ Ленскаго Мольеровой комедіи «Le mariage forçé», на этотъ разъ былъ разыгранъ болѣе, чѣмъ неудовлетворительно. Лучше всѣхъ былъ философъ Марфуріусъ, въ лицѣ г. Григорьева 2.

Опытъ искусства—не только старая, но и чрезвычайно устарѣлая пьеса. Эти вѣчныя сцены переодѣванья, въ которыхъ упражняются теперь такъ часто всѣ бездарные кропатели бенефисныхъ водевилей, до того всѣмъ прискучили, что на нихъ притворно смотрятъ даже тогда, когда героиня этихъ переодѣваній молоденькая, стройная, быстроглазая и кокетливая актриса. Представьте-же, чѣмъ они должны казаться, когда въ нихъ является актеръ-ветеранъ, уже утратившій гибкость таланта и юношескую оборотливость, необходимыя условія для подобныхъ продѣлокъ?

Что-же касается до «Гусарской стоянки», то признаемся откровенно, эта блѣдная пародія на «Свадьбу Фигаро» Бомарше, не нравилась намъ еще и въ то время, когда ее одушевляла миленькая и талантливая Асенкова, въ своемъ узенькомъ юнкерскомъ киттелѣ и рейтузахъ. Вообще, намъ какъ-то тяжко смотрѣть на пьесу, которой все содержаніе и остроуміе вертится вовсе не двусмысленно около одной, довольно-нескромной мысли. При настоящей обстановкѣ, пьеса эта потеряла еще процентовъ двадцать, тѣмъ болѣе, что живую, обаятельную Асенкову въ ней замѣнила г-жа Ѳедорова. Роль юнкера Лелева ей рѣшительно не удалась.

Въ этой пьесѣ однакожъ былъ превосходенъ г. Марковецкій, въ роли мужика: что за натура и простота! Этотъ молодой актеръ быстрыми шагами идетъ къ совершенству, и теперь уже въ комическихъ роляхъ, послѣ Мартынова, стоитъ на первомъ планѣ. Въ немъ мы замѣчаемъ два важныя достоинства, вѣрные предвѣстники успѣха: старательность и твердость въ роляхъ.

—

Докторское предписаніе или Мужъ и нахлѣбникъ. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланная съ французскаго.

Тетушка, или Она не такъ глупа. Комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. *Кн. А. А. Шаховскаго.*

Минеральныя воды. Водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго *Д. Т. Ленскаго.*

Бенефиціантъ. Водевиль въ 5 отдѣленіяхъ, передѣланный съ французскаго *Кн. А. А. Шаховскимъ.*

(*Бенефисъ помощника режиссера, г. Алекина.*)

Г. Алекинъ, театральное лицо, незамѣтное для публики, ибо она его никогда не видитъ на сценѣ, но между-тѣмъ лицо чрезвычайно полезное для сцены, по своей дѣятельности закулисной. Если судить по его афишкѣ, г. Алекинъ долженъ быть острякъ первой руки. Не могши составить себѣ бенефиса изъ новыхъ пьесъ и поневолѣ вынужденный поднять на ноги старый, но сочный репертуаръ талантливаго Кн. Шаховскаго, онъ возобновилъ, какъ капитальную пьесу спектакля, комедію «Бенефиціантъ». Тутъ кроется самая тонкая иронія. Въ этой пьесѣ изображено, въ лицѣ Суфлета, какъ трудно суфлеру или режиссеру составить себѣ бенефисное представленіе. Суфлетъ, бѣдный суфлеръ, кидается ко всѣмъ авторамъ, ни одинъ не хочетъ ему дать новой пьесы, ибо успѣхъ ихъ на сценѣ не отъ него зависитъ; выбравъ старыя, онъ не можетъ уломать главныхъ актеровъ принять въ нихъ участіе: одинъ хочетъ наслаждаться прогулками по дачамъ; другой находитъ себя слишкомъ геніальнымъ, чтобы занять не первую роль; третій ѣдетъ на охоту: ему некогда разучивать новыхъ пьесъ; у пѣвца вдругъ заболѣло горло передъ самымъ бенефисомъ; танцовщица ушибла ногу, потому что въ этотъ вечеръ ее зовутъ на пикникъ; у однихъ не достаетъ времени, у другихъ нотъ, у тѣхъ голоса, у этихъ здоровья — словомъ, бѣда со всѣхъ сторонъ. Бѣдный бенефиціантъ долженъ купаться въ этомъ омутѣ интригъ, долженъ кланяться, бѣгать, просить, самъ унижаться — чтобы только побороть всѣ окружающія его препятствія. Наконецъ, афиша составлена, спектакль объявленъ, билеты розданы — и тутъ еще муки и треволненія его не кончились: тотъ присылаетъ роль назадъ, говоря, что она нейдетъ къ нему, хотя за недѣлю ею восхищался; та вдругъ заболѣла — желаніемъ провести вечеръ на гуляньи; танцовщикъ не можетъ быть, его обязали подпиской не танцовать въ этотъ бенефисъ. Вотъ каково положеніе бѣдныхъ Суфлеровъ, то есть, всѣхъ бѣдныхъ бенефиціантовъ, не интригующихъ, за одно съ другими!

Все это происходитъ въ комедіи князя Шаховскаго.

«*Бенефиціантъ*» явился у насъ въ бенефисной обстановкѣ à la Суфлетъ. Роль *Зефиретты*, которую нѣкогда прославила знаменитая танцовщица Истомина, была выполнена г-жею Левкѣевою. Роль Каратыгина, перваго трагическаго актера занималъ г-нъ Славинъ; роль пѣвца *Дюбемоля*, въ которой восхищалъ ста-

рикъ Самойловъ — досталась на долю г-на Ширяева, одинъ только — И. И. Сосницкій — остался вѣрнымъ себѣ и не измѣняющему ему таланту, въ ролѣ каррикатурнаго лорда *Борса*, хотя это лицо, по нынѣшнему времени, ужъ черезъ чуръ утрировано.

Другая пьеса князя Шаховскаго «*Тетушка*» или «*Она не такъ глупа*», и теперь имѣла успѣхъ, какъ и всегда: умное никогда не старѣется и всегда смотрится съ удовольствіемъ. Какъ посравнить эту комедію съ модными произведеніями новѣйшей школы, *Странными ночами* и другими странностями, прославляемыми сподручными журналами, такъ все и мерещится заглавіе:

Она не такъ глупа.

«*Минеральныя Воды*» г-на Ленскаго, которыхъ главныя основныя части заключаются въ быстромъ, игривомъ дѣйствіи и остроумныхъ куплетахъ, и которыхъ полный пріемъ мы уже дали нашимъ читателямъ въ отдѣлѣ «Критики», не произвели особеннаго цѣлебнаго дѣйствія на скуку зрителей, во время представленія на нашей сценѣ. Быстраго, игриваго дѣйствія не оказалось а куплеты запропастились куда-то безъ вѣсти. Мы даже не поняли, для чего пьеса названа *водевилемъ*, когда въ ней вовсе не поютъ.

Что касается до новой пьесы бенефиса г-на Алекина «Докторское предписаніе», то, не знаемъ отчего, оттого-ли, что въ самой пьесѣ нѣтъ толку, или отъ нашей собственной безтолковости, но мы ее рѣшительно не поняли и пересказать не беремся. Знаемъ только, что г-жа Жулева играетъ въ ней въ мужскомъ платьѣ, которое, мимоходомъ сказать, ей очень къ лицу, а г-нъ Максимовъ играетъ мужа, какъ онъ вездѣ играетъ *мужей*, съ приличной неподвижностью и какой-то торжественной дикціей.

Ѳ. КОНИ.

=

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа, отъ $^{2}/_{14}$ іюля).

Всѣ здѣшніе театры, если вѣрить слухамъ и газетнымъ толкамъ, заготовляютъ цѣлыя сокровища къ осени. Это, конечно, очень пріятная надежда; однако-же не мѣшало бы, хотя небольшую частицу этой надежды, обратить въ дѣйствительность, удѣлить нѣчто отъ избытка осени лѣту, которое уже черезъ-чуръ скудно порядочными новыми пьесами. Дирекціи увѣряютъ, что лѣто глухое время, что дачная жизнь и загородныя увеселенія отвлекаютъ публику отъ театра. Положимъ, что оно отчасти справедливо, однако-же когда случится лѣтомъ, противъ обыкновенія, хорошая новая пьеса или чѣмъ-нибудь замѣчательное представленіе, театры биткомъ набиты; такъ, напримѣръ, бываетъ въ Большой Оперѣ каждый разъ, когда Альбони является въ операхъ «Пророкъ», или когда дается «Волшебный стрѣлокъ» Вебера; то-же было во всѣ представленія новой комедіи Понсара «Горацій и Лидія», и въ первыя представленія новыхъ пьесъ гг. Гозлана и Віенне, хотя послѣднія этого и не стоили. Слѣдовательно, публики остается въ Парижѣ еще достаточно. Не доказательство-ли это, что не оттого въ лѣтнее время дирекціи скупятся на хорошія пьесы, что мало публики, а скорѣе оттого мало публики, что рѣдки хорошія представленія? Въ-самомъ-дѣлѣ, если у директора есть хорошая пьеса, онъ почти никогда не пускаетъ ее лѣтомъ, а хранитъ до осени; въ лѣтніе-же мѣсяцы спускаетъ съ рукъ всякую залежалую дрянь; лучшіе артисты берутъ отпуски, и отправляются, кто по провинціямъ, кто за границу, предоставляя свои роли актерамъ второ-

степеннымъ. Удивительно-ли, что послѣ того большая часть публики предпочитаетъ подышать свѣжимъ воздухомъ за городомъ, чѣмъ идти на посредственное представленіе хорошей пьесы, или даже на плохую пьесу? Впрочемъ, тѣмъ хуже для дирекцій, если онѣ не умѣютъ этого разсчитать; наше дѣло только вносить въ свою правдивую лѣтопись то, чѣмъ господамъ директорамъ угодно насъ угостить, хорошее и посредственное, иногда даже плохое, разумѣется, если послѣднее не превышаетъ мѣру всякаго терпѣнія.

На театрѣ «Большой-Оперы» чередуются оперы «Пророкъ», «Гугеноты», «Волшебный стрѣлокъ» и «Стелла». Къ осени готовится новая опера Розенгайна «Ночной демонъ». Розенгайнъ еще мало извѣстенъ, какъ драматическій композиторъ. Года три тому назадъ, помнится намъ, онъ написалъ какую-то оперу для франкфуртскаго театра, и она имѣла большой успѣхъ. Но слава композитора изъ Германіи не скоро пробирается за границу; нерѣдко даже ограничивается тѣмъ городомъ, гдѣ играна его опера; тамъ каждый городъ имѣетъ своего композитора, не всегда съ талантомъ, конечно, и очень мало заботится о композиторахъ другихъ городовъ, а если позаимствуется недоморощенною оперою, такъ уже скорѣе у итальянцевъ, французовъ, и даже англичанъ. Такъ, напримѣръ, многіе-ли, даже въ Германіи, слышали оперы молодыхъ композиторовъ, явившіяся въ послѣдніе три, четыре года? Напримѣръ, Розенгайна, Гиллера, Фески (умершаго въ прошломъ году), Литольфа, Эссера, Фукса (также преждевременно похищеннаго смертью)? А всѣ они люди съ замѣчательными, самобытными талантами! То-ли дѣло поставить свое произведеніе въ Парижѣ? тотчасъ открыта дорога на всѣ театры, слава и богатство сыплются на композитора; мы слышали, напримѣръ, что предпослѣдняя опера г. Томà, «Каидъ», ставится уже на нѣкоторыхъ нѣмецкихъ театрахъ. Можно надѣяться, что и Розенгайна соотечественники его будутъ больше чествть, послѣ того, какъ парижскія газеты разнесутъ повсюду его имя; а онъ этого вполнѣ заслуживаетъ своимъ прекраснымъ талантомъ; онъ безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ представителей той новой школы нѣмецкой музыки, которая образовалась по Бетговену и Францу Шуберту.

Комическая Опера также не поставила въ этомъ мѣсяцѣ ничего новаго, но за то подарила публику стариною, которая лучше многихъ новинокъ. Это старинная, нѣсколько разъ уже съ успѣхомъ возобновлявшаяся опера Николо Изуара «Жаннò и Коленъ», либретто Этьенна. Свѣжая, наивная и разнообразная мелодія не

забвеннаго Николо всегда будетъ пріятнымъ подаркомъ публикѣ и источникомъ новыхъ сборовъ для театра.

Французскій Театръ поставилъ три новыя комедіи, всѣ три равно заманчивы по именамъ авторовъ, но очень неодинаковаго достоинства. Эти три пьесы слѣдующія: «Горацій и Лидія», комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, г. Понсара; «Мигрень», комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, г. Вьеннѣ; и «Хвостъ Алкивіадовой собаки», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Леона Гозлана. Какъ видите, тутъ идутъ объ руку всѣ главнѣйшія направленія французской драматургіи: классическое, романтическое, и сліяніе того и другаго.

Комедія «Горацій и Лидія», какъ кажется, одолжена своимъ существованіемъ другой комедіи, изъ римскаго быта, «Воробью Лезбіи», написанному въ прошломъ году господиномъ Бартѣ, для знаменитой Рашели, пожелавшей стяжать такую-же славу въ комедіи, какою она пользуется въ трагедіи. Успѣхъ перваго опыта побудилъ ее рѣшиться на второй, и г. Понсаръ взялся написать дружку къ «Воробью Лезбіи». Г. Бартѣ заимствовалъ свою комедію изъ элегій Катулла, г. Понсаръ прибѣгнулъ къ одамъ Горація, именно къ тѣмъ очаровательнымъ одамъ, которыя великій римскій поэтъ писалъ къ Лидіи. Интрига его комедіи очень проста; она вся происходитъ между Горацiемъ и Лидіею, и заключается въ любви, ревности, ссорѣ и ихъ примиреніи; но въ эту рамку вставлены весьма удачныя подражанія нѣкоторымъ изъ прекраснѣйшихъ одъ Горація, и весь разговоръ подернутъ тѣмъ обаятельнымъ, античнымъ колоритомъ, который г. Понсаръ умѣлъ такъ мастерски схватить и перенести въ свои римскія трагедіи: «Виргинію» и «Лукрецію.» Успѣхъ госпожи Рашель въ этой пьесѣ былъ такъ-же блистателенъ, какъ въ прошломъ году въ «Воробьѣ Лезбіи.» Къ сожалѣнію, она играла въ ней всего три раза, потому что пьеса поставлена передъ самымъ отъѣздомъ великой актрисы въ свой артистическій походъ. Нельзя не удивляться ея желѣзному здоровью; мы помнимъ, нѣсколько лѣтъ назадъ говорили о дѣвицѣ Рашели, какъ о существѣ нѣжномъ, слабомъ, которому всякое утомленіе, всякое сильное волненіе причиняло болѣзнь; нынче-же не проходитъ, кажется, двухъ недѣль, чтобы она, не смотря на справедливой ропотъ товарищей и публики, не побывала, то въ томъ, то въ другомъ концѣ Франціи для представленій. И въ этихъ поѣздкахъ вы ее не узнаете; всегда хворая въ Парижѣ, въ провинціи она прямо изъ театра на желѣзную дорогу, и на слѣдующій вечеръ опять играетъ въ другомъ городѣ; отсюда опять отправляется въ третій, и такъ далѣе; и все это ей ни почемъ!

*

Вы спросите, не должно-ли это вредить театру, который платитъ ей такое огромное жалованіе и такъ мало пользуется ея дарованіемъ? не вредитъ ли это даже ея таланту, истощая ея физическія силы, и отнимая у нея возможность серьезно заниматься изученіемъ ролей и искусства? Конечно, не безъ того; но она слишкомъ вѣрна своему племени, чтобы не принести и выгоды товарищей, и удовольствіе публики, и даже собственный свой талантъ въ жертву своимъ денежнымъ выгодамъ. Теперь она задумала совершить такую экспедицію въ большомъ видѣ; составила себѣ цѣлую труппу ихъ нѣкоторыхъ первостепенныхъ артистовъ разныхъ театровъ, и намѣрена побывать сначала въ Лондонѣ, гдѣ, говорятъ, она получитъ за одинъ мѣсяцъ, независимо отъ своей труппы, 120,000 франковъ, а потомъ объѣхать Бельгію и всю Германію, и возвратиться черезъ четыре мѣсяца въ Парижъ, хворать и отдыхать на лаврахъ. Въ продолженіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ Французскій Театръ «будетъ играть въ собственную свою пользу, а не для утдовлетворенія прихотей своей блуждающей кометы», какъ говоритъ острякъ Жюль Жаненъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ фельетоновъ.

Но возвратимся къ новымъ пьесамъ.

Публика съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала комедіи господина Вьеннѣ, члена Французской Академіи, ветерана и поборника классицизма, самаго заклятаго врага романтической школы. Во время войны классицизма и романтизма не проходило дня, чтобы въ томъ или другомъ журналѣ не являлось ѣдкой сатиры Вьеннѣ; молодая литература отвергала въ немъ всякое дарованіе, всякое достоинство; но по правилу, что бранятъ только то, что колетъ глазъ, когда вражда партій нѣсколько утихла, эта брань послужила только къ бо́льшей его славѣ, и въ немъ стали отыскивать достоинства, которыхъ въ немъ никогда не бывало. Вьеннѣ человѣкъ наблюдательный, чрезвычайно остроумный и колкій памфлетистъ, пишетъ гладко, правильно, изящно; но тутъ и все; это Жуи въ меньшихъ размѣрахъ; большаго значенія въ литературѣ онъ никогда не имѣлъ и не можетъ имѣть. Менѣе-же всего способенъ онъ къ драматической литературѣ; это доказываетъ его комедія. Вся она заключается въ гладкой, изящной болтовнѣ, которая вливается въ одно ухо, и выходитъ въ другое, не оставляя по себѣ почти никакого слѣда. Прослушавъ всю пьесу, вы спрашиваете себя: зачѣмъ сходились эти люди? какая надобность мадамъ д'Эрикуръ испытывать своего жениха, и нельзя-ли бы придумать, по-крайней мѣрѣ, средства похитрѣе притворной мигрени? Къ чему мосьё Дорланжъ кокетничаетъ съ одною, когда лю-

бить другую? изъ чего бьется мадамъ Дорфёль, отыскивая какихъ то тайнъ тамъ, гдѣ дѣло совсѣмъ ясно? однимъ словомъ, гдѣ тутъ комедія? Какъ ни ищите, ея нѣтъ; все въ пьесѣ длинно, топорно, скучно; лица живутъ и дѣйствуютъ въ 1850 году, а говорятъ, какъ за сорокъ лѣтъ. Публика только изъ уваженія къ маститому академику выслушала его произведеніе до конца; впрочемъ, не могла отъ времени до времени удержаться отъ краснорѣчиваго зѣвка.

Если господину Вьенне плохо удается классическая комедія, то не лучше везетъ господину Леону Гозлану въ мнимой романтической драмѣ и комедіи. Мы много разъ уже встрѣчали его на сценѣ, и вотъ первый разъ, что онъ можетъ похвалиться успѣхомъ, изъ чего однако-же не слѣдуетъ заключать, что «Хвостъ Алкивіадовой собаки» многимъ лучше прежнихъ его произведеній. Господинъ Гозланъ имѣетъ страсть закидывать читателей и зрителей парадоксами. Вся его комедія держится самыми нелѣпыми парадоксами, этимъ и объясняется ея успѣхъ; можно ли сердиться на автора, когда онъ васъ смѣшитъ? Герой его какой-то чудакъ, помѣшанный на анекдотѣ о хвостѣ Алкивіадовой собаки, которую онъ разсказываетъ, ни къ селу, ни къ городу, всякому встрѣчному и поперечному. Это человѣкъ, котораго, не зная его хорошенько, не пустишь въ домъ; куда онъ ни явится, вездѣ подниметъ кутерьму, вездѣ намутитъ, всѣхъ одурачитъ для того, чтобы имѣть случай разсказать вамъ въ триста-шестьдесятъ-девятый разъ анекдотъ объ Алкивіадовой собакѣ. Впрочемъ, онъ человѣкъ добрый, а какъ онъ къ тому-же уменъ, то поведетъ дѣло такъ, что вамъ-же будетъ польза изъ всѣхъ его проказъ. Вздумалось ему однажды пріѣхать въ Парижъ, къ своимъ двумъ племянникамъ, которые безъ него жили припѣваючи; одному, композитору, удалось добиться принятія первой его оперы; другому, адвокату, обѣщано хорошее мѣсто; сестру они выдаютъ за очень хорошаго молодаго человѣка, который ее любитъ, и котораго она любитъ сама. Дядя Марешаль все растроиваетъ своими проказами; и композитору отказъ, и адвокату отказъ, и свадьба не состоится, и денегъ не откуда взять, потому-что онъ, неизвѣстно для какой цѣли, распускаетъ слухъ, что онъ разоренъ въ конецъ; онъ заставляетъ всѣхъ дѣлать дурачества, послѣ которыхъ они должны сдѣлаться общимъ посмѣшищемъ, и все это единственно затѣмъ, чтобы разсказать свою вѣчную прибаутку; потомъ онъ самъ же устраиваетъ вновь все, что разстроилъ, даетъ деньги, миритъ племянницу съ ея женихомъ, возвращаетъ мѣсто племяннику-адвокату, а композитору милость директора, и наконецъ самъ женит-

ся на мадмоазель Флавіи, на которой онъ сватался лѣтъ десять назадъ; тогда свадьба разошлась, оттого, что онъ просилъ невѣсту явиться къ вѣнцу въ открытомъ платьѣ, чѣмъ она очень обидѣлась; теперь-же онъ добился своего, заставляя ее прогулятся въ открытомъ платьѣ по Елисейскимъ Полямъ. Пьеса господина Гозлана отъ начала до конца полна остроумія и оригинальности, — если можно назвать оригинальностью парадоксы; но къ чему все это сплетеніе нелѣпостей? оно забавно, смѣшно, это правда; но отъ человѣка съ талантомъ, какъ господинъ Гозланъ, можно требовать болѣе возвышеннаго понятія о сущности и цѣли комедіи. Его произведеніе уморительный фарсъ, но не комедія.

Историческій Театръ продолжаетъ свою великую задачу: перелагать въ драматическую рамку цѣлые романы, и преимущественно романы своего основателя, Александра Дюмà и К°. На этотъ разъ выборъ палъ на «Полину», одинъ изъ его старыхъ романовъ, изданный еще въ то время, когда онъ не нуждался для одного романа въ пятнадцати или двадцати томахъ; поэтому и драма, скроенная гг. Гранжѐ и Монтепеномъ, заключаетъ только десять картинъ. Впрочемъ, въ этихъ десяти картинахъ есть все, что нужно для эфектной драмы; милліонеръ проигрывающій свои десятки милліоновъ, охота на тигра и охота на кабана, убійства, разбои, ядъ, потаенные склепы, дуэли, и нивѣсть чего въ нихъ еще нѣтъ. Разсказывать содержаніе драмы, значило-бы сдѣлать общее оглавленіе романа; такъ ужъ лучше припомните романъ, который вы, вѣроятно, читали лѣтъ десять тому назадъ. Драма изъ него вышла самая головоломная.

Кстати, говорятъ, что Александръ Дюмà добивается опять званія директора Историческаго Театра; вотъ пойдутъ опять драмы въ трехъ дняхъ и сорока картинахъ!

Въ ожиданіи этой грозы, посмотримъ лучше комедійку, данную на томъ-же театрѣ, подъ названіемъ «Трехъ Ракановъ». Она заимствована изъ записокъ Таллемана-де-Рео, и принадлежитъ перу двухъ молодыхъ литераторовъ, гг. Армана Дюрандена и Ремона Деланда. Имя Ракана, знаменитаго отца французской идилліи, всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно; но не такъ извѣстно, можетъ-быть, имя дѣвицы Маріи Жарсъ-де-Гурнѐ, хотя она въ свое время называлась *французскою сиреною*, *десятою музою*, избрала своимъ отцомъ въ литературѣ Монтаня, и умерла на восемьдесятъ первомъ году отъ роду, оставивъ памятникомъ по себѣ «Пиндскій букетъ», «Совѣты», и множество другихъ литературныхъ произведеній. Дѣвица де-Гурнѐ никогда еще не видала своего знаменитаго собрата по искусству, и ждетъ—не дождется

того блаженнаго часа, въ который онъ обѣщалъ почтить ее своимъ посѣщеніемъ. Вотъ, наконецъ, является желанный гость, желанный и для тетки, которая считаетъ его за настоящаго Ракана, и для плутовки-племянницы, которая знаетъ, что это не Раканъ, а кавалеръ д'Ивронъ, ея возлюбленный. Можете себѣ представить, съ какимъ почетомъ его принимаютъ! Но едва онъ усѣлся, какъ является другой Раканъ. Раканъ 1-й, чтобы спасти себя, увѣряетъ дѣвицу Гурнѐ, что это поклонникъ ея престарѣлыхъ прелестей, принявшій его имя затѣмъ, чтобы открыть себѣ путь къ предмету своей любви. Такая роль не очень нравится банкиру Замету, который точно принялъ непринадлежащее ему званіе изъ любви, но не къ теткѣ, а къ хорошенькой племянницѣ. Наконецъ является третій Раканъ, настоящій, котораго принимаютъ, какъ слѣдуетъ принять не настоящаго; его обвиняютъ въ самозванствѣ, и гонятъ. Однако-же Раканъ третій, то-есть, настоящій, такъ ловко обдѣлываетъ свои дѣла, что Раканъ первый долженъ драться вмѣсто него на дуэли, Раканъ второй долженъ заплатить его долги; за тѣмъ онъ открывается, и выдаетъ хорошенькую племянницу за ея возлюбленнаго, Ракана перваго, а Раканъ второй остается съ носомъ.

На театрѣ Драматической Гимназіи въ цѣлый мѣсяцъ явилась только одна новая пьеска, «Pruneau de Tours», водевиль братьевъ Коньяръ. Казалось-бы, мосьё Прюно не о чемъ горевать; онъ молодъ, хорошъ собою, здоровъ, богатъ. Одна только бѣда; его фамилія — Прюнò, то-есть, въ русскомъ переводѣ *черносливъ;* и это-бы еще ничего, мало-ли фамилій гораздо похуже еще чернослива; но вотъ другая бѣда: онъ изъ Тура, а если вамъ угодно раскрыть географію, вы тамъ найдете, что Туръ прекрасный, многолюдный, торговый городъ, особенно славящійся шелковою тканью, которая по его имени называется гродетуромъ, и — чернослывомъ, который мало чѣмъ уступаетъ черносливу бордоскому. Называться чернослывомъ еще сносно, но быть чернослывомъ турскимъ, сознайтесь сами, это уже изъ рукъ вонъ какъ обидно. Человѣкъ, напримѣръ, влюбленъ въ хорошенькую вдодушку, графиню или боронессу, да хоть и безъ титла, но женщину, принадлежащую къ хорошему обществу, хочетъ объясниться ей въ любви, просить ее руки; надо, чтобы она знала, кто онъ, надо сказать свою фамилію; но кто рѣшится сказать: «Я чернослывъ турскій»! Право, есть отчего придти въ отчаяніе, есть отчего утопиться. Такъ вѣроятно и поступилъ-бы нашъ турскій чернослывъ, еслибъ ему не попался бумажникъ съ разными фамильными документами, паспортомъ и письмомъ умершаго Шавиньи. Нашъ Прюнò

въ восторгѣ; онъ можетъ безъ зазрѣнія совѣсти принять имя умершаго и смѣло объясниться въ любви своей графинѣ. Къ несчастію, настоящій Шавиньи не умеръ; и вотъ онъ пришелъ требовать возвращенія своего имени и документовъ; однако же, послѣ недолгихъ переговоровъ, охотно уступаетъ свои права и имя, съ тѣмъ, чтобы новый владѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и сопряженныя съ нимъ неудобства. Вслѣдствіе этого обмѣна мнимому Шавиньи нѣтъ отбою отъ кредиторовъ настоящаго, и онъ волею—неволею долженъ заплатить его долги. Мало того, онъ получаетъ вызовъ за вызовомъ за грѣхи своего имени, даже спина его должна выдержать градъ палочныхъ ударовъ. Между-тѣмъ счастіе осыпаетъ своими благодѣяніями настоящаго Шавиньи, подъ именемъ Прюнò; неизвѣстный дядя привозитъ ему невѣсту съ богатымъ приданымъ. Наконецъ Прюнò настоящій, узнаетъ, что его графиня или баронесса просто какая-то героиня Мабилевской залы, со стыдомъ и съ раскаяніемъ повергается къ ногамъ своей хорошенькой невѣсты; но уже поздно, она отдала сердце и руку Шавиньи.

Водевиль, какъ почти всѣ произведенія братьевъ Коньяровъ, отличается шутками и остротами не слишкомъ разборчиваго вкуса.

То-же должно сказать о новомъ водевилѣ театра Монтансье, «Вотъ такъ пинокъ!» господъ Жюля Кордье и Клервиля. Господа Кордье и Клервиль такъ пересолили его остротами и двусмысленностями, болѣе достойными балагана, чѣмъ порядочнаго театра, что мы не будемъ разсказывать его содержанія.

Пинки и побои всякаго рода, какъ видно, входятъ въ большую моду на парижскихъ театрахъ. Театръ Водевиля также угостилъ публику какимъ-то, «Капитаномъ» водевилемъ господъ Эма и Амедея Жалле, въ которомъ отецъ рыщетъ по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы возвратить по принадлежности полученный имъ пинокъ между тѣмъ, какъ дочка капитана рыщетъ по тѣмъ-же желѣзнымъ дорогамъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго жениха и отыскать жениха себѣ по сердцу. Капитанъ въ свою очередь рыщетъ въ погоню за дочерью; наконецъ возлюбленный мамзель Амеліи тоже рыщетъ, самъ не зная зачѣмъ. Всѣ эти сумасшедшіе сходятся въ одной гостинницѣ, и послѣ долгой и скучной кутерьмы, оказывается, что виновникъ пинка, такъ огорчившаго мосьё Гобильо, никто иной, какъ возлюбленный мамзель Амеліи, почему Гобильо прощаетъ ему, а капитанъ соглашается назвать его своимъ зятемъ.

Другая новая пьеска Театра Водевиля, «Старая невинность» водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Леона Гильяра, одна изъ тѣхъ небольшихъ пьесокъ, которыя составляютъ отрадное явленіе во всякое время, не только при совершенномъ недостаткѣ хорошихъ новостей, какъ теперь. Содержаніе его очень просто, интрига также, но въ немъ есть мысль. Метръ Инносанъ добрый, простодушный, честный старикъ, влюбленный въ свою хорошенькую воспитанницу; но это не любовь какого нибудь дона Бартоло, стараго опекуна, скупаго, жаднаго и сладострастнаго; нѣтъ, метръ Инносанъ хотя и старъ тѣломъ, но сердце его молодо; онъ посѣдѣлъ на книгахъ, жилъ умомъ, но не жилъ еще сердцемъ, которое въ первый разъ заговорило, когда Альберъ пришелъ просить у него руки прелестной Эвы. Сначала онъ объ этомъ слышать не хочетъ; но какъ онъ человѣкъ умный и благородный, то ему не трудно объяснить, что онъ не пара своей воспитанницѣ и онъ отдаетъ ея руку, довольствуясь тѣмъ, что она будетъ любить его, какъ отца. Этотъ хорошенькій водевиль, къ сожалѣнію, былъ сыгранъ довольно плохо, что рѣдкость на здѣшнихъ театрахъ, которые обыкновенно спасаютъ самыя жалкія пьесы согласіемъ, стройностью и одушевленіемъ исполненія.

Вы, вѣроятно, слыхали, что съ нѣкотораго времени весь Парижъ бѣжитъ любоваться на двухъ соперниковъ знаменитаго Томъ Пуса, на карлика и карлицу, именующихся принцемъ и и принцессою Колибри. Для любителей диковинокъ довольно любопытно взглянуть на нихъ, особенно когда они гуляютъ по Ботаническому саду съ Наварскимъ великаномъ Элейсеги. Они съ нимъ большіе пріятели и когда встрѣчаются, онъ обыкновенно ставитъ ихъ себѣ на ладони и прохаживается такимъ образомъ на потѣху гуляющимъ. Принцъ и принцесса Колибри еще меньше Томъ-Пуса (они имѣютъ не больше трехъ четвертей аршина росту), и страшные для него соперники; Томъ-Пусъ умѣлъ только носить Наполеоновскій костюмъ, складывать руки по-наполеоновски, цѣловать дамъ и пѣть одну пѣсенку. Принцъ Колибри также и его сестра ѣздятъ верхомъ на лилліпутскихъ лошадкахъ, танцуютъ польку, менуэтъ, гавотъ, стрѣляютъ, фехтуютъ и даже вздумали играть на театрѣ. Гг. Клервиль и Кармушъ скропли для нихъ водевиль, игранный на театрѣ Разнообразія, «Королевскія карлы,» который мы назвали бы лилліпутскимъ, еслибъ не вспомнили, что у карлъ, по общему мнѣнію, ума бездна, а въ водевилѣ его не отыскать и съ помощью микроскопа. Дѣло все въ томъ, что маркизъ, одураченный нѣкимъ мосьё Пуансине, дурачитъ его въ свою очередь. Онъ увѣряетъ почтеннаго мосье Пуансине, что

какая-то знатная особа влюблена въ него по уши и тотъ клянется на ней жениться; тоже дѣлаетъ онъ съ невѣстою его, увѣряя ее, что одинъ принцъ проситъ ея руки. Обоимъ назначены свиданія и, можете себѣ представить ихъ досаду, когда знатная особа оказывается придворною карлицею, а принцъ — принцемъ карлъ. Затѣмъ маркизъ женитъ своего дядюшку барона на невѣстѣ Пуансине, а принцъ и принцесса, протанцовавъ польку, садятся въ свою миніатюрную коляску и уѣзжаютъ со сцены. Что касается до драматическаго таланта карловъ, мы его не замѣтили въ нихъ ни на волосъ.

На Театрѣ Разнообразія даны еще три новыя пьесы: «Кавалеръ де-Сервиньи,» комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, господина Леона Леларжа, «Привидѣніе,» водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Вильнева и Лафарга, и «Бой-дѣвчонка» (la Gamine), водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Лаланда.

Первая довольно не дурна. Кавалеръ де-Сервиньи какое-то невидимое, неуловимое существо, которое сильно возбуждаетъ ревность одного полковника; и не мудрено: полковникъ старъ, а жена его очень молода, и съ удовольствіемъ слушаетъ похвалы, расточаемыя сочиненіямъ таинственнаго кавалера, съ любовію смотритъ его пьесы на театрѣ и ставитъ ихъ на почетное мѣсто въ своей библіотекѣ. Еще-бы не ревновать! Скоро однако-же объясняется, что кавалеръ лицо несуществующее, что это только псевдонимъ, подъ которымъ сама молодая полковница пускаетъ въ свѣтъ свои литературные труды. На радости полковникъ выгоняетъ ревность за дверь и вызывается, въ случаѣ нужды, самъ даже перебѣлять сочиненія своей супруги, чтобы она только не искала другаго сотрудника.

Водевиль господъ Вильнева и Лафарга нелѣпая путаница, въ которой все старо и истаскано. Вы видите ужинъ прошлаго вѣка, въ которомъ участвуютъ двѣ рѣзвыя актрисы Итальянскаго театра, танцоръ Вестрисъ, либретистъ Ансомъ, какой-то жирный маркизъ и любезный кавалеръ. Вдругъ является женихъ синьоры Бетильды, котораго всѣ считали умершимъ. Его принимаютъ за привидѣніе, всѣ гости разбѣгаются въ садъ, привидѣніе проводитъ цѣлую ночь на балконѣ, подъ дождемъ и наконецъ является предъ Бетильдой, прорвавшись сквозь собственный свой портретъ, объясняетъ какимъ-образомъ онъ живъ, когда всѣ его считаютъ умершимъ и женится на синьорѣ Батильдѣ. Замѣтимъ, что почти все это выкрадено у того самаго Ансома, котораго господинъ Вильневъ выводитъ на сцену.

«Бой-дѣвчонка,» кажется, заимствована въ главныхъ своихъ чертахъ изъ «Фадетты» госпожи Жоржъ-Сандъ. Это парижская Фадетта, дѣвчонка, надѣленная отъ природы и умомъ, и прекраснымъ сердцемъ, и благородною душою, и не дурнымъ личикомъ, но, благодаря дурному воспитанію, она самая нестерпимая дѣвчонка: вѣчно бѣгаетъ по улицамъ, дерется, проказитъ, дурачитъ весь околодокъ, всегда оборвана, всклочена; всѣ бѣгутъ отъ нея, какъ отъ чумы. Много лѣтъ тому назадъ, два ремесленника, Бланше и Лампаръ, подравшись на улицѣ, свалили лѣса, на которыхъ стоялъ маляръ; онъ умеръ вслѣдствіе ушиба, а виновники приняли его бѣдную сироту, Фифину, и вскормили ее. Но если они и прежде были драчуны, съ этого времени они стали еще вдвое драчливѣе, потому что они, по своему, ревнуютъ Фифину другъ къ другу; каждый хочетъ одинъ быть ея отцомъ и воспитателемъ; отсюда вѣчныя ссоры, брань, драки, а между тѣмъ дѣвчонка взросла въ этой школѣ, и сдѣлалась дѣвушкою невѣстою. Былъ-бы для нея и женихъ, но какой честный ремесленникъ рѣшится навязать себѣ на шею такую ягу-бабу? По этому Клодъ, скрѣпя сердце, отказывается и доказываетъ воспитателямъ, что они одни виноваты, если ихъ пріемышъ такъ избаловалась. Лампаръ и Бланше видятъ справедливость его упрековъ и клянутся исправится и перевоспитать Фифину. Но это уже трудъ безполезный; потому что Фифина подслушала объясненіе своего жениха и сама рѣшилась исправиться. Въ короткое время Фифина до того мѣняется, что ее узнать нельзя, и Клодъ съ восторгомъ предлагаетъ ей свою руку и небольшое богатство, которое онъ скопилъ трудомъ.

Пьеска очень миленькая и имѣла несравненно бо́льшій успѣхъ, чѣмъ комедія, передѣланная изъ романа госпожи Жоржъ Сандъ.

На театрѣ Folie dramatiques съ большимъ успѣхомъ возобновленъ «Робинсонъ Крузоэ,» старинная драма Гильбера-де-Пиксерекура, отца кровавой мелодрамы; впрочемъ по одному названію, можно уже угадать, что эта драма не принадлежитъ къ кровавымъ, напротивъ, въ ней есть какое-то простодушіе, какая-то наивность, которые производятъ особенно пріятное ощущеніе, послѣ напыщенныхъ, трескучихъ драмъ нашего времени. Не смотря на то, что ей уже за пятьдесятъ лѣтъ, нельзя смотрѣть на нее безъ особеннаго удовольствія.

АПОЛИНАРІЙ БОНАВЕНТУРА.

—

II. АНГЛІЯ.

(Письмо изъ Лондона, отъ $\frac{23\text{ іюня}}{5\text{ іюля}}$)

Одинъ англійскій писатель прошлаго вѣка, если не ошибаюсь, Стернъ, разсуждая о національной гордости своихъ соотечественниковъ, замѣтилъ, что англичанинъ никогда не позволитъ чужестранцу отозваться съ пренебреженіемъ объ англійскомъ писателѣ или художникѣ; но это не потому, чтобы онъ очень дорожилъ имъ, нѣтъ, а только потому, что на все англійское онъ смотритъ, какъ на свою собственность, свою-же собственность, точно также, какъ свою личность, онъ никогда не дастъ въ обиду; въ сущности-же онъ пренебрегаетъ и своею литературою, и своимъ искусствомъ, больше всякаго иностранца. Стоитъ взглянуть на лондонскіе театры въ настоящее время, чтобы убѣдиться, что это обвиненіе остроумнаго писателя, не пустой парадоксъ, что въ немъ есть порядочная частица истины. На первомъ планѣ видите вы два итальянскіе театра, на которыхъ даются балеты, оперы итальянскія, французскія, нѣмецкія, но не англійскія; на нихъ собраны знаменитые артисты всѣхъ народовъ, и только два или три англійскихъ имени, и тѣ устранены на третій планъ, хотя миссъ Гейзъ, напримѣръ, или мистръ Ривзъ могутъ съ успѣхомъ поспорить со многими пѣвицами и пѣвцами, которыхъ имена кончаются на завѣтныя буквы *и*, *о*, или *а*. Далѣе французскій театръ, на которомъ попеременно даются французскія комедіи, водевили и комическія оперы. Богатые лорды и купцы сорятъ деньгами на эти три театра. А посмотрите на несчастные театры, осужденные играть произведенія англійской литературы: пусто; и въ креслахъ, и въ ложахъ, и въ галлереяхъ — вездѣ пусто. Хорошее общество, если не можетъ достать мѣстъ въ Театрѣ Королевы, или не можетъ платить баснословныхъ цѣнъ, идетъ въ Ковентгарденскій Театръ, или во французскій; въ послѣдній, впрочемъ, не очень охотно, ибо это театръ высшей аристократіи; а народъ идетъ смотрѣть кулачные или пѣтушьи бои, или отправляется въ грошевые театры за заставу. Драмъ Джонсона, Марло, Флетчера, Массинджера, комедій Конгрива, Фарквара, Шеридана — никогда не увидите; даже Шекспировыхъ пьесъ даютъ только

пять или шесть и то изрѣдка, когда пріѣдетъ какой-нибудь знаменитый актеръ; въ такомъ-же пренебреженіи новые драматурги, Байронъ, Мечюринъ, Броунингъ, Тейлоръ, и прочіе. Всѣ эти театры пробавляются передѣлками и переводами дюжинныхъ французскихъ драмъ и водевилей, да отъ времени до времени возобновляютъ давно забытую пьесу Коцебу. Отвѣчаютъ обыкновенно, что англійская драматическая литература не производитъ ничего достойнаго вниманія, и что актеры плохи. На первое отвѣтъ простой; еслибъ современная драматическая литература не производила ничего достойнаго вниманія, то писатели шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка представляютъ довольно богатый кладъ для продовольствія не однихъ лондонскихъ театровъ, но и театровъ всей Европы; притомъ это чистая клевета на современную литературу: мы никогда не повѣримъ, чтобы «Сарданапалъ» или «Бертрамъ» Мечюрина, — «Филиппъ Артефельдъ—»Тейлора, и множество другихъ пьесъ Броунинга, Тальфорда, Марстона, Ноульза, не были также прекрасны на театрѣ, какъ и въ чтеніи. Если-же актеры плохи, кто виноватъ, какъ не публика? Развитіе талантовъ всегда идетъ объ руку съ уваженіемъ публики къ искусству. Въ странѣ, гдѣ были артисты, подобные Гаррику, Кемблю, Кину, Макреди, мистрисъ Сиддонсъ, всегда найдутся достойные ихъ пріемники; но чего можно требовать отъ актеровъ, которые, при всѣхъ своихъ стараніяхъ и успѣяхъ, должны играть передъ пустыми скамьями, и биться изъ насущнаго хлѣба? А такова участь лондонскихъ актеровъ; если они не умираютъ съ голоду, такъ это благодаря своимъ поѣздкамъ въ провинціяльные города, гдѣ ихъ принимаютъ нѣсколько лучше.

И такъ, вся драматическая жизнь Лондона сосредоточивается въ приведенныхъ трехъ театрахъ, — (пожалуй, еще въ Астлейскомъ циркѣ), — преимущественно-же въ двухъ итальянскихъ театрахъ, которые каждое лѣто возобновляютъ свою войну не на животъ, а на смерть.

Въ нынѣшнемъ году результатъ будетъ вѣроятно такой-же, какъ въ предыдущіе годы; побѣда останется за Театромъ Королевы и его искуснымъ директоромъ, Лумлеемъ. Нельзя сказать, чтобы сила того и другаго, по составу труппъ, были слишкомъ неравны. Если Лумлей собралъ вокругъ своихъ знаменъ г-жъ Зонтагъ, Фрецциллни, Гейзъ, Джіуліани (читай Жюліень, потому что итальянская форма придана французскому имени только для бо̀льшей важности), альтистокъ Пароди и Иду Бертранъ, теноровъ Кальцоляри, Гардони и Ривза, басовъ Лаблаша, Колетти и Белет-

ти, то Ковентгарденскій Театръ можетъ имъ противупоставить артистовъ не менѣе знаменитыхъ, сопрано: г-жъ Гризи, Кастелланъ, Персіяни, Ронкони; альтистокъ Верà и де-Меликъ; теноровъ Маріо и Массоля; баритоновъ и басовъ: Тамбурини, Ронкони, Цельгера, Формеса, Тамберлика. Но театръ Лумлея имѣетъ нѣкоторыя важныя преимущества: прошедшіе успѣхи, необыкновенную дѣятельность и смышленаго директора, бóльшее разнообразіе репертуара (потому что онъ обѣщаетъ оперы всѣхъ школъ: «Медею»—Майера, «Ифигенію въ Авлидѣ»—Глука, «Бургомистра» Лорцинга, «Эдинбургскую тюрьму»—Риччи, «Фауста»—Шпора, «Черный домино»—Обера, «Бурю»—Галеви; кромѣ пьесъ, дававшихся въ прошлые сезоны, между-тѣмъ, какъ труппа Ковентгарденскаго Театра, кромѣ обыкновеннаго итальянскаго репертуара, даетъ только «Роберта» и «Гугенотовъ»); наконецъ великолѣпные, Сарданапаловскіе праздники, которые Лумлей даетъ всей знати въ своей богатой виллѣ, и описаніе которыхъ, съ исчисленіемъ всѣхъ блюдъ, подаваемыхъ за обѣдомъ или за ужиномъ, занимаетъ по нѣскольку столбцовъ въ самыхъ огромныхъ газетахъ.

Лумлей далъ уже одно генеральное сраженіе, и нанесъ имъ сильное пораженіе своимъ противникамъ. Сраженіемъ этимъ была «Буря» — Галеви. Еще съ самаго начала распаденія итальянской труппы въ Лондонѣ, онъ обѣщалъ оперу, заимствованную изъ Шекспировой «Бури». Скрибу поручено было составить либретто, которое потомъ переведено на итальянскій языкъ. Сначала Лумлей предложилъ положить его на музыку покойному Мендельсону-Бартольди, который доказалъ уже своею музыкою къ «Сну въ Ивановскую ночь», какъ прекрасно умѣлъ сродняться съ фантазіею Шекспира и переводить ее на свой языкъ. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть не позволила великому художнику приступить къ этому труду. Послѣ того, Лумлей передалъ это порученіе Галеви, который его исполнилъ съ большимъ успѣхомъ.

Либретто составлено изъ Шекспировой драмы со всѣмъ мастерствомъ опытнаго либреттиста; но по моему, можно-бы держаться подлинника еще ближе. Не буду слишкомъ осуждать введенія эпизода похищенія Миранды Калибаномъ, посредствомъ волшебнаго вѣнка, даннаго ему вѣдьмою Сикораксою, потому что и Шекспиръ намекаетъ объ этомъ; у Шекспира это въ прошедшемъ, Скрибъ вздумалъ повторить это въ настоящемъ, ради эфектной сцены; тутъ еще нѣтъ большаго грѣха, хотя непріятно видѣть это чистое, почти неземное существо среди шумнаго и грубаго веселья Калибана и пьяныхъ матро-

совъ; малѣйшее соприкосновеніе съ этими низкими людьми должно оставить пятно на ея чистотѣ, свести ее съ ея фантастической высоты на степень обыкновенной, земной женщины. Не такъ-ли думалъ Шекспиръ, когда въ продолженіе цѣлой пьесы ни разу не свелъ ее съ этими лицами, и даже держалъ ее въ отдаленіи отъ Калибана? Но чего я никакъ не могу простить г. Скрибу, это то, что у него Миранда, по внушенію гнусной Сикораксы, хочетъ убить Фердинанда, чтобы отмстить за оскорбленіе, нанесенное отцомъ его ея отцу. Никакая мысль о крови и мести, не можетъ и не должна входить въ дѣвственную душу Миранды; она совершенно разрушила-бы ея характеръ, она раздавила-бы ея душу, разбила-бы ея сердце, какъ подобная-же мысль раздавила душу и разбила сердце Гамлета, которому она однако-же была сроднѣе, во-первыхъ, потому-что онъ мужчина, а во-вторыхъ, потому, что онъ взросъ среди общества и его страстей а не какъ она, на пустынномъ островѣ, подъ покровительствомъ нѣжнаго отца и добрыхъ духовъ, которые лелѣютъ ее, какъ свою царицу, не позволяя даже вѣтру слишкомъ сурово коснуться ея шелковыхъ кудрей. Не смотря на все мое уваженіе къ Скрибу, не могу однако-же не сказать, что въ этомъ случаѣ онъ не понялъ вполнѣ Шекспировой Миранды, или принесъ слишкомъ большую жертву желанію вставать драматическую сцену.

Нельзя также согласиться съ либреттистомъ въ необхо-, димости дать роль Аріеля танцовщицѣ. Конечно, это доставило намъ удовольствіе видѣть Карлотту Гризи въ новой роли, и въ роли прекрасной; но, признаться, я никогда не любилъ этой смѣси двухъ языковъ, когда одно лицо говоритъ пѣніемъ, а другое отвѣчаетъ ему мимикою. Аріель родной братъ Пука, а Веберъ показалъ въ своемъ »Оберонѣ,« что Пукъ нисколько не утрачиваетъ своей воздушности, своей фантастичности, являясь въ лицѣ пѣвца или пѣвицы, а не танцовщицы.

Музыка новой оперы достойна славы своего творца; но она требуетъ болѣе глубокаго изученія отъ того, кто захочетъ дать объ ней подробный отчетъ. По этому я отложу разборъ ея до будущаго письма. Теперь скажу только, что особенный эффектъ произвело на слушателей мастерское употребленіе, во всѣхъ сценахъ, гдѣ является Аріель, старинныхъ мелодій, сочиненныхъ къ Шекспировой драмѣ знаменитыми англійскими композиторами семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣка, Пурселемъ и Арномъ.

Чтобы дать понятіе о прекрасномъ исполненіи, достаточно сказать, что роль Миранды занимала г-жа Зонтагъ, роль Калибана

— Лаблашъ, Проспера — Колетти. Въ роли Фердинанда дебютировалъ молодой теноръ Букарде, обладающій превосходнымъ и чрезвычайно сильнымъ, но не довольно обработаннымъ голосомъ.

Постановка — верхъ великолѣпія, какъ и вообще во всемъ, что Лумлей ставитъ на своемъ театрѣ.

В. Б — нъ.

=

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗІИ.

(*Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.*)

—

Исповѣданіе абхазскихъ горцевъ: язычество, христіанство, магометанство. — *Разсказъ*: Ночной секретъ. — Служака Назарычъ. — Лекція его по части популярной астрономіи. — Хищники. — Плѣнъ. — Мулла-Абдулъ. — Находчивость русскаго солдата.

—

Трудно было-бы назвать исповѣданіе абхазскихъ горцевъ, составляющее основу ихъ религіозныхъ понятій. Но, впрочемъ, странная смѣсь ихъ вѣрованій объясняется сама собою при первомъ взглядѣ на тѣ перевороты и измѣненія, которые постоянно испытывали абхазы. Они, можно сказать, не затрудняясь сказать истину — ни христіане, ни магометане и ни язычники. Абазехъ-язычникъ, какъ суевѣръ и невѣжда; христіанинъ по множеству христіанскихъ догматовъ, имъ исполняемыхъ; магометанинъ — не больше, какъ изъ видовъ. Язычество и идолопоклонство горцевъ выказываются въ обожаніи ими нѣкоторыхъ деревъ, скалъ, рощей и лѣсовъ, называемыхъ *анас-каранымъ* (заповѣдными). Кромѣ того миѳологія горцевъ еще и въ настоящее время, не смотря на тучныхъ магометанскихъ проповѣдниковъ, откормленныхъ обхазскими баранами, богата нѣсколькими именами боговъ, между которыми они раздѣлили огонь, воду, скотъ, оружіе и прочее. Если наѣзднику понадобится спалить саклю сосѣда, изъ видовъ какой нибудь маленькой мести, — то онъ, высѣкая искры изъ своего

кремня, призываетъ на помощь *Тлепса* (богъ огня), обѣщая ему принести на жертву барана, котораго завтра-же украдетъ у перваго своего пріятеля, — и разумѣется, сдержитъ клятву. Странствуя,—горецъ имѣетъ обыкновеніе у каждаго встрѣчнаго ручья, или на краю пропасти оставлять дань *Зекушхи* (богу путешественниковъ). Дань эта заключается въ объѣдкахъ отъ походной трапезы горца, или въ изношенныхъ чирикахъ, отъ ветхости спрыгнувшихъ съ ногъ наѣздника. Точно такими почестями и приношеніями пользуются : *Шибли* — богъ грома, *Мезитха* — богъ лѣсовъ ; *Сеозересъ* — богъ воды, *Зитзитха* — богъ огня и другіе. Всѣмъ имъ еще и понынѣ посвящаются для праздника извѣстные въ году дни, сопровождаемые приличнымъ торжествомъ и чрезвычайно затѣйливыми обрядами. Но все это не доказываетъ язычества горцевъ Абхазіи, и если они отправляютъ праздники въ честь названныхъ нами боговъ, то рѣшительно можно сказать изъ одного только предлога попировать и попраздновать ; а самое неуваженіе горцевъ къ имени своихъ патроновъ и эти дешевыя жертвы, имъ посвящаемыя, совершенно оправдываютъ наше мнѣніе. Что-же касается до христіанства, то оно гораздо сильнѣе въ горахъ, нежели магометанство и язычество.

Въ отдаленные вѣка первой проповѣди во имя Христа въ Азіи, Кавказъ, какъ извѣстно, не остался чуждымъ этому религіозному перевороту и свѣтъ истинной православной вѣры особенно воссіялъ въ горахъ Абхазіи и Абазіи. Наклонность къ добру, къ братской любви, которою вообще отличаются Абазехи, была всегда главнымъ двигателемъ при распространеніи между ними христіанства. И не смотря потомъ на нашествіе Татаръ, на власть крымскихъ хановъ, укоренившихся на Кубани, на безумные и фанатическіе разсказы посланцевъ Шихъ Мансура — и наконецъ на толпу турецкихъ и персидскихъ муллъ, разсѣявшихся теперь въ горахъ — даже на самое, по видимому, наружное принятіе магаметанства, говоримъ утвердительно, между горцами Абхазіи не уничтожатся первыя начала истиннаго исповѣданія, которыя проявляются въ ихъ жизни, обрядахъ, обычаяхъ. Все это доказывается : уваженіемъ и благоговѣніемъ, которыя питаютъ горцы, какъ мы уже говорили, къ изображенію креста, къ развалинамъ церквей и храмовъ, къ имени нѣкоторыхъ святыхъ, чтимыхъ православною Церковію и особенно къ имени Богоматери. Горцы Абхазіи всѣ безъ исключенія, какъ и нѣкоторые изъ черкесскихъ племенъ, празднуютъ одновременно съ христіанскою Церковью день воплощенія Спасителя — называемый у нихъ *днемъ явленія Бога*; среду и пятницу называютъ они боль-

шимъ и малымъ постомъ, воскресенье Божьимъ днемъ.... Все это, какъ нельзя болѣе — наводитъ на ту мысль, что первый голосъ, раздавшійся въ горахъ Абхазіи во имя Креста Животворящаго, снова можетъ привлечь къ себѣ тысячи послѣдователей христіанства.

Если горцы и слушаютъ терпѣливо и безпрекословно сподвижниковъ корана,—то рѣшительно, какъ мы сказали—изъ видовъ. Обольщаемые плотскими чарами обѣщаннаго Магометова рая и безчисленнымъ множествомъ поцѣлуевъ хурій — они вѣрютъ въ этотъ рай, тѣмъ болѣе, что по характеру и земной жизни горцевъ — рай этотъ отверстъ для каждаго изъ нихъ на томъ основаніи, что мечъ и пламя войны вводитъ въ эдемъ всякаго правовѣрнаго. Горцы изъ поученій и корана Магометова выбрали и выбираютъ для себя только то, что льститъ имъ, а на все остальное отвѣчаютъ проповѣдникамъ: — вздоръ — это не такъ! Имъ говорятъ, что пить вино грѣхъ, ѣсть свинину — еще грѣшнѣе; они отвѣчаютъ въ такомъ случаѣ тѣмъ, что тотчасъ-же подлѣ сакли муллы открываютъ духанъ: коптятъ въ немъ свинину и пьютъ запрещенное. Въ свою очередь невѣжество, даже безграмотность и ничѣмъ неоддержанный фанатизмъ муллъ — часто забывающихъ въ своихъ поученіяхъ пророка и только напоминающихъ о ненависти къ гяурамъ, сбиваютъ съ толку и говоруна и слушателей, не приводя ни тѣхъ, ни другихъ къ настоящему результату. Между другими племенами Кавказа есть хотя какія нибудь секты магометанства, — здѣсь есть только одни муллы, часто возвращающіеся на родину поклонниками Шибли.

Въ первыя дни своего прибытія, выходцы не выпускаютъ изъ рукъ корана, часто держа его вверхъ ногами; послѣ, спустя нѣсколько времени, книга мудрости тратится на пыжи и патроны и мулла ни слова о Магометѣ и имамахъ.... онъ только подзываетъ мнимыхъ новообращенныхъ въ наѣздъ на гяуровъ, выговоривъ всегда въ случаѣ удачи лучшую часть пріобрѣтенія себѣ.

Вотъ довольно интересный анекдотъ, доказывающій, какъ нельзя лучше невѣжество мусульманскихъ муллъ, выходцевъ у абазеховъ.

—

182* года, въ первыхъ числахъ октября, шесть человѣкъ рядовыхъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ, высланные въ ночной секретъ изъ лагеря, расположились въ глубокомъ оврагѣ, скрытомъ можжевеловыми кустами. — Ночь была темная, сырая и холодная. Вѣтеръ, шумя въ окрестныхъ рощахъ и отряхая съ густаго сам-

шита крупныя капли падавшаго дождя, стопалъ, какъ раненый звѣрь, перекликаясь съ печальнымъ воемъ шакаловъ и совъ. Въ такую ночь не дремлетъ врагъ и, пользуясь непогодою, онъ съ осторожностію тигра крадется къ русскому лагерю.... Солдаты знали это и потому настороживъ слухъ и зоркій глазъ, выжидали недруговъ. Но полночь прошла благополучно.... Ни одинъ подозрительвый шорохъ въ окрестныхъ кустахъ или въ полѣ не обратилъ на себя вниманія служакъ и уже нѣкоторые изъ нихъ, наскучивъ молчаніемъ, рѣшились зѣвнуть и даже крякнуть, вызывая этимъ другъ друга на слово. Обычный сигналъ къ началу бесѣды былъ понятъ всѣми и одинъ изъ старыхъ служакъ рѣшился развязать языкъ....

— Ну! стало быть и черкесу не въ моготу эта погодка, замѣтилъ онъ въ полголоса.

— А что? откликнулся другой.

— Да вѣрно тоже, собачьи дѣти, попрятались куда нибудь.... Эй ты, Мироновъ! продолжалъ онъ, толкнувъ подъ бокъ дремавшаго товарища.

— Ась? откликнулся рекрутъ, замотавъ головою и хватаясь за ружье.

— То-то ась! Не спи, витебскій мѣшокъ съ трухою....

— Да я не сплю, дядюшка Назарычъ.... Такъ только, согрѣшилъ, вздремнулось ... Вотъ словно, прости Господи, глаза медомъ кто вымазалъ: такъ и слипаются.

— Охъ ты горе-богатырь, баба-солдатъ.... продолжалъ Назарычъ. Впшь ты — вздремнулось!... И думаетъ, что правъ.... Протереть бы тебѣ глаза-то.... Вѣдь братъ, быть въ секретѣ не то, что на панскомъ огородѣ воронъ пугать: тамъ огурецъ проспишь, а здѣсь голову.... На-ко, вотъ я тебя поподчую нашенскимъ, богатырскимъ самъ-краше-зеленчакомъ крупичатымъ.... Всякій сонъ и навожденіе носомъ выпругнутъ.... Изволь. — Съ этими словами Назарычъ опустилъ черствую руку за коротенькое голенище своего сапога, вытащилъ оттуда берестовую тавлинку и щелкнувъ по ея ремянному хвостику, примолвилъ: На, ребята, обызъяниваи старика.... И солдаты мигомъ обызъянили Назарыча, между тѣмъ, какъ онъ все еще, почти раздосадованный слабостію рекрута, доказывалъ ему, что спать въ секретѣ не то, что спать въ панскомъ огородѣ.

— Грѣхъ попуталъ, дядюшка Назарычъ, отвѣчалъ рекрутъ на резовъ стараго солдата.... Задумался, да и вздремнулъ....

— Задумался?... О чемъ-бы это? Чай о посидѣлкахъ, о тепломъ гумнѣ, о дебѣлой бабѣ въ синемъ сарафанѣ, въ пестромъ повойникѣ?

Ой ты, витебскій!... При этомъ Назарычъ снова ударилъ по хвостику своей тавлинки и снова погрозилъ новобранцу.

— И.... что ты, дядюшка Назарычъ, отвѣчалъ послѣдній; нешто, наши витебскія бабы слаще сусла.... Богъ ихъ люби, время-ли о нихъ думать?... Нѣтъ, не о томъ меня, признательно сказать, взяло раздумье, а вишь ты, разсказалъ мнѣ сегодня деньщикъ нашего поручика такую штуку, что вотъ и теперь въ толкъ не возьму.

— Что-жъ бы это такое?

— Вишь ты, дѣло-то какого резону.... говоритъ, что будто бы у его барина есть какая-то книга, которая привезена изъ Одесты, и въ ней написано, что вотъ дескать 22 числа, этого мѣсяца — это стало быть придется въ субботу, — ровно въ 11 часовъ вечера будетъ лунное затмѣніе....

— Что ты, пустая голова, міръ-то православный морочишь? замѣтилъ унтеръ-офицеръ, въ то время, какъ Назарычъ, покручивая сѣдой усъ самодовольно улыбался.

— Ей ей, Ефимъ Панкратьичъ.... такъ-таки крупнѣйшими буквами и написано, продолжалъ разсказчикъ.... Ну, а коли написано, такъ стало быть правда...,. Вѣдь книгу-то енаральство и всякое камандерство читаетъ, тутъ врать не позволено....

— Справедливо, проворчалъ Назарычь, все еще закручивая свой усъ.

— И ты, старый, поешь туже пѣсню? замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Ту, Ефимъ Понкратьичъ, ту самую, повѣрь солдатскому слову, что это дѣло мнѣ знакомо малую толику.... Гм.... Мы кое-что въ эвтомъ смыслимъ.... Недалеко сказать, лѣтъ пятокъ тому назадъ, продолжалъ Назарычъ, стояли мы подъ Кіевомъ.... Эхъ ма!... сторонушка, что твой рай земной.... Горелка дешевая, шинкарки ласковыя, свинина жирная, словомъ важная была стоянка въ Малороссіи! Да не въ томъ рѣчь, не въ стоянкѣ дѣло.... Дѣло-то въ томъ, что поступилъ къ намъ тогда въ полкъ новобранецъ.... малый то былъ изъ ученыхъ, да знать не полюбилось свое житье, задумалъ, голова, въ военную, ну и пошелъ охотою подъ красную.... Охъ, былъ тертый калачъ, царство ему небесное; бывало подъ веселую руку, до зари съ нимъ прокалякаешь.... Ужъ чего-то онъ не зналъ.... Всякую подноготную — по сказанному — какъ по писанному.... Бывало, какъ заведетъ какую ни на есть гисторію, такъ просто небо съ овчинку покажется.... Ладно.... Разъ какъ-то время-то подошло тоже къ лунному затмѣнію. Рябята наши провѣдали объ этомъ въ городѣ; ну, вѣстимо и пристали къ новобранцу: разскажи да разтолкуй, что это за притча такая.... Ма-

лый былъ сговорчивый.... Полкварты вишневки и языкъ развязанъ — и пошла писать. Новобранецъ разсказалъ намъ, такъ какъ вотъ я вамъ теперь разсказываю.... Вишь ты, есть такая звѣздочетная наука Астромонія.... и кто знаетъ эту науку, такъ онъ тебѣ всякое облачко выворотитъ и разскажетъ въ немъ всякую паутину, если только тамъ есть пауки.... Онъ тебѣ съ просонья всякую звѣзду назоветъ и укажетъ, словомъ, только что пальцемъ въ небо не уткнетъ. Ну, и звѣзды-то по ихнему называются планидами. — Планиды есть разные.... Такъ, примѣрно сказать, есть, какъ говорятъ астромоны, поясъ Хоритона, Мадера, Ненадо.... тутъ понятно, что ученый Назарычъ переиначилъ названія и поясъ Оріона назвалъ поясомъ Харитона, а Венеру и Паладу — Мадерою и Ненадо.... Есть всяческіе, добавилъ онъ.... Большаго медвѣдя, я даже самъ знаю....

— Такъ, подхватилъ одинъ изъ слушателей, стало быть у медвѣдя есть и медвѣдица — а у обоихъ ихъ и медвѣжата?...

Назарычъ обидѣлся. — Молода, братъ, сказалъ онъ... Вишь ты, нынче всякая скважина зубы скалить поважена.... Туда-же ухмыляется, лапатникъ....

— Вотъ, ты ужъ и осерчалъ, дядюшка.... — Не осерчалъ, племянникъ, а не учливо.... всякой сверчекъ — знай свой шестокъ.... Коли старшіе говорятъ — такъ младшій ни гу-гу! — уши должны быть на лапіи, а языкъ въ замкѣ....

— Эхъ, полно Назарычъ, брось его неумытаго.... Досказывай! подхватили нѣсколько голосовъ.

Ладно, ладно — отвѣчалъ сговорчивый старикъ. И то сказать, продолжалъ онъ — не всякую строку въ лыко.... Ну, такъ на чемъ бишь я остановился?

— На медвѣдѣ, на большомъ медвѣдѣ! повторили всѣ.

— Исторія-то больно длинна, Назарычъ, перебилъ унтеръ офицеръ; всѣхъ звѣздъ не перечтешь, товарищъ, ужъ лучше прямо-прямехонько начинай съ луны....

— И то ладно.... Съ луны, такъ съ луны, или лучше сказать съ лунаго затмѣнія, отвѣчалъ усатый астрономъ.

Солдаты смолкли. Назарычъ продолжалъ: Вотъ какъ это, братцы, дѣлается: земля наша тоже планида, и какъ всѣ другія планиды ходитъ около солнца....

— Морочишь, братъ Назарычъ.... Ей-ей! морочишь! заговорили слушатели.

— Экіе какіе недовѣрки! Да вѣдь я не свои слова вамъ говорю... За что купилъ, за то и продалъ.... Мнѣ, или вамъ какая надобность до того, ходитъ ли земля или нѣтъ.... лишь-бы намъ

ходить только по ней, да росла бы на ней капуста да рожъ, иди она себѣ куда знаешь, все уйдетъ съ нами, а не безъ насъ.... Ну, такъ вотъ земля ходитъ около солнца, а около земли маленько поотставши катится луна, а ну, и вотъ, примѣрно сказать.... еслибы въ темную ночь у зазженнаго костра всталъ я, а позади меня шаговъ на пять или на десять Мироновъ. Костеръ-то бы означалъ солнце, я землю, а Мироновъ луну.... Вставши такимъ образомъ, мы и пошли-бы около огня.... который освѣщалъ-бы насъ обоихъ.... Вѣстимо и пришлось-бы такъ, на нашемъ походѣ, что я всталъ бы между костромъ и Мироновымъ.... Тогда.... ну.... головы!... Что тогда?

— Тогда-бы, дядюшка, отвѣчалъ Мироновъ, я чай и самъ то бы ты не видалъ меня, заслонивъ собою....

— Ага!... попалъ!... почти вскричалъ Назарычъ.... Ну— вотъ такъ точно и луна затмѣвается, добавилъ онъ.... И снова хвостикъ тавлинки задрожалъ подъ щелчкомъ астронома....

— Тс!... Смирно! раздался шопотъ унтеръ-офицера.... Притаись и изготовься, добавилъ онъ.... Врагъ близко!

Въ самомъ дѣлѣ только инстинктъ кавказскаго служаки, только зоркій глазъ Назарыча и его капральнаго могъ замѣтить близкое присутствіе врага.

Вѣтеръ и непогода давно смолкли, и только отдаленный крикъ совы нарушалъ безмолвіе ночи, въ то время, какъ въ непроницаемой тмѣ ея—тамъ и сямъ—по обѣимъ сторонамъ поля, у опушки рощи, сверкали мелкія искры, какъ-бы сыпавшіяся съ кремня.... Солдаты поняли обычный телеграфъ хищниковъ и, затаивъ дыханіе, съ взведенными курками ружей, выползли на закраину оврага, стараясь по мелькавшимъ искрамъ угадать мѣсто, куда сбираются горцы.... Искры быстро сближались, рѣдѣли и наконецъ изчезли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отряда....

— Ихъ много, шепнулъ Назарычъ.

— Не въ счетѣ дѣло, отвѣчалъ также шопотомъ унтеръ-офицеръ ... Живо, рябята, строй каре.... врагъ въ пяти шагахъ отъ насъ.... Сдѣлаемъ тревогу.... Подымемъ лагеръ — и разбойники не уйдутъ отъ нашихъ штыковъ....

Маленкій отрядъ русскихъ — свернувшись въ каре — по слову *маршъ*, быстро двинулся впередъ; но въ эту минуту старый Назарычъ, почти дрожавшій отъ желанія поколотить недруговъ, споткнулся, упалъ — и курокъ ружья его брякнулъ, зарокотавъ выстрѣломъ.... Въ то-же самое мгновеніе рой пуль свинцовымъ дождемъ прыснулъ въ отступавшій отрядъ.... Дѣло завязалось....

тревога распространилась по лагерю — и сотня казаковъ съ гикомъ, помчалась на выручку товарищей.

Назарычъ, проклиная свою оплошность, еще не успѣлъ опомниться отъ ушиба, какъ чья-то шашка полоснула его въ плечо — и за тѣмъ арканъ съ визгомъ упалъ на шею старика....

— Гай-да.... Гихъ! И быстрѣе вихря горецъ помчалъ плѣнника, изрѣдка оглядываясь на мѣсто, гдѣ молнія выстрѣловъ рѣзала мракъ ночи, откуда неслись по пятамъ его вопли, стоны и проклятія, гибнувшихъ подъ прикладами и штыками, горцевъ.

Утренній туманъ спускался на горы и скалы, — закрывая дымчатою завѣсою мрачныя ущелья Абазіи — и легкій вѣтерокъ, шелестя камышемъ, быстро погналъ легкую струю *Кучибса*, въ то время, какъ на берегу ея хищникъ сдержалъ измученнаго скакуна и ослабилъ арканъ, спутавшій плѣнника. Не смотря на истекшую изъ раны кровь и сотню ушибовъ, которые были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ полувоздушнаго путешествія Назарыча, онъ не потерялъ ни силы ни бодрости. Почувствовавъ отсутствіе веревки на своей шеѣ и плечахъ — старикъ вздохнулъ свободно и уставилъ равнодушный взглядъ на своего побѣдителя, который — зачерпнувъ, между тѣмъ, полную кабардинку воды, заботливо обмывалъ раны стараго солдата и перевязывалъ ихъ лоскутьями собственной черкески. Участіе врага тронуло честнаго Назырыча, онъ даже ласково взглянулъ на горца, готовый, изъ особенной признательности, отдать ему свои послѣднія два полуабаза, какъ вещь теперь для него не нужную.... Но прибытіе новаго лица помѣшало Назарычу исполнять свое намѣреніе.

Незнакомецъ былъ видный, плечистый мужчина, съ окладистою, черною бородою, въ бѣлой чалмѣ и буркѣ, изъ подъ которой выглядывалъ конецъ криваго турецкаго ятагана.

— А.... гяуръ! вскричалъ онъ, замахнувшись широкою плетью на Назарыча.... Но горецъ предупредилъ ударъ и вышибъ плеть изъ рукъ турка....

— Оставь, Мулла-Абдулъ, сказалъ онъ, прищелкнувъ по ручкѣ своего кинжала, что мое, то не твое. .. Хочешь ударить ясыря, такъ спроси прежде у хозяина, можно-ли его бить?...

— Ясыря?... Презрѣнную собаку.... Аллахъ, Аллахъ!... Да запылаетъ языкъ твой, какъ уголь на мангалѣ — если это ты говоришь мнѣ — просвѣтителю твоего разума, посланнику имамовъ и пророка.... Не бить гяура?... Развѣ ты забылъ, что говоритъ пророкъ?... И Мулла-Абдулъ запустилъ руку за пазуху, готовый вытащить оттуда коранъ....

— Не безпокойся, Абдулъ, насмѣшливо отвѣчалъ горецъ... Знаю....

Пророкъ забылъ добавить, что посланникъ его, бѣглый турецкій солдатъ — Мулла-Абдулъ — плутъ и обманщикъ....

Назарычъ отвѣчалъ громкимъ и одобрительнымъ хохотомъ на выходку горца. Прослуживъ около двѣнадцати лѣтъ на береговой линіи, старикъ хорошо зналъ и понималъ языкъ абазеховъ.

Дерзость горца и наивный хохотъ плѣнника — совершенно уничтожили Абдула. Задыхаясь отъ злобы, онъ нѣсколько разъ брался за эфесъ своего ятагана — и каждый разъ встрѣчалъ пистолетное дуло горца, уставленное вершкомъ ниже чалмы.

— Только сдѣлай хоть одинъ шагъ впередъ, вскричалъ горецъ, и клянусь кровью всѣхъ дѣтей моихъ — я тебѣ вставлю свинцовый глазъ въ переносье.... Глупые, безсмысленные бараны, мои храбрые одноаульцы, слушающіе твою безсовѣстную ложь, продолжалъ горецъ....

— Асланъ!... Асланъ!... шепталъ уничтоженный мулла.... Во имя пророка....

— Во имя пророка давно-бы пора было отправить тебя въ джехеннемъ, язва горъ нашихъ.... Не ты-ли вооружилъ насъ на русскихъ — обѣщая рай и здѣсь и за Эль-Сыратомъ.... Что-же? — Гдѣ онъ? Не на пеплѣ-ли саклей нашихъ, которые сожгли русскіе, отмщая намъ за набѣгъ; не на трупахъ-ли женъ, дѣтей и братій нашихъ?... Не ты-ли и нынче подозвалъ лучшихъ наѣздниковъ ударить на русскій отрядъ и наведя насъ на засаду, первый убѣжалъ съ поля, на которомъ положилъ всѣхъ джигитовъ.... Вонъ.... гляди!... при этомъ Асланъ указалъ на горсть возвращавшихся съ битвы горцевъ.... Много-ли ихъ?...

— Шайтанъ! шепталъ мулла, этотъ разбойникъ вооружитъ на меня всѣхъ и они вѣрно растащутъ меня по клочьямъ.... Абдулъ оглянулся на толпу печальныхъ горцевъ и, опасаясь за цѣлость своей шкуры, вспрыгнулъ на коня и пустился въ бродъ чрезъ Кучибсу....

— Жену и коня отдалъ-бы за жизнь этого обманщика, сказалъ Асланъ, посадивъ Назарыча на сѣдло и взявъ за поводъ свою лошадь.

Прошло три дня неволи Назарыча. Бѣдный старикъ солдатъ, измученный болью раскрывшихся ранъ и тоскою по родинѣ—лежалъ на войлокѣ въ душной саклѣ Аслана. — Послѣдній, въ какомъ-то раздумьи побрасывалъ сухой хворостъ на пылающій очагъ, — вываривая изъ цѣлебныхъ травъ питье для своего плѣнника.

— Скоро.... скоро, русскій, закроются твои раны.... Будешь здо-

ровъ, какъ я, сказалъ наконецъ горецъ, опускаясь на войлокъ подлѣ Назарыча.... Не бойся, добавилъ онъ, продамъ въ славныя руки....

Печальною улыбкою отвѣчалъ плѣнникъ на ласку хищника — и глаза его остановились неподвижно на рѣшетчатомъ окнѣ сакли, сквозь которое виднѣлись черныя скалы, поросшія гигантскими соснами.... Но вдругъ взоръ этотъ блеснулъ какимъ-то восторгомъ. Назарычъ быстро приподнялся—и взявъ горца за руку : Асланъ!... сказалъ онъ, за что ты ненавидишь Муллу-Абдула?...

— За что?... За то, что онъ обманщикъ, за то, что онъ смѣется въ глаза моимъ братьямъ!

— Ну.... а отпустилъ-ли бы ты меня къ моимъ, еслибъ я нашелъ средство доказать твоимъ одноаульцамъ, что турокъ —начало всѣхъ вашихъ бѣдъ и золъ?...

— Пхе! Отпустилъ-ли бы?... Самъ-бы въ кобалу къ тебѣ пошелъ; отвѣчалъ Асланъ....

— Такъ поклянись, Асланъ, дать мнѣ свободу и чрезъ день съ закатомъ солнца настанетъ часъ гибели или изгнанія Муллы-Абдула....

— Клянусь! прошепталъ нерѣшительно горецъ, уставивъ вопрошающій взглядъ на плѣнника....

— Я вижу, ты мнѣ плохо вѣришь, Асланъ, продолжалъ Назарычъ — но день не вѣкъ—подожди и увѣришься.... Я русскій солдатъ, а не мулла, и повѣрь, не кину слова на вѣтеръ, что сказано, то будетъ сдѣлано. Вспомни, Асланъ, то время, когда вы молились кресту, и не слушали заповѣдей пророка.... Счастья-то было у васъ побольше, чѣмъ теперь, неудачь поменьше.... Теперь чай и кукуруза-то плохо родится....

— Правда, правда, шепталъ Асланъ.

— То-то и есть.... Богъ-то вѣдь все видитъ.... Доброму—добро, злому — зло....

— Говорилъ я, русскій, — всѣмъ говорилъ это же самое.... Не слушаютъ, — не хотятъ слушать....

— Не хотятъ.... Ну, такъ вотъ образумятся твои одноаульцы, дай срокъ, Асланъ.... Я имъ укажу всю правду — и лжи Абдула обнаружу.

— Пхе!... и сбудется?...

— Черезъ день.

—

Сакля Муллы Абдула — стояла на концѣ аула, который начинался съ подошвы скалы и тянулся вверхъ по ея уступамъ. —

Съ закатомъ солнца, правовѣрный, кончивъ дневный кейфъ возлежанія на крышѣ своего гнѣзда, имѣлъ обыкновеніе садиться на его порогѣ и въ цвѣтистыхъ, восточныхъ выраженіяхъ поучать собиравшихся около него горцевъ, часто разсказывая такіе подвиги изъ земной жизни Магомета, отъ которыхъ-бы отказалось всякое самолюбіе.... Черезъ день послѣ сцены, происходившей въ саклѣ Аслана, турокъ, по обыкновенію, прочитавъ стихъ изъ корана — началъ свою поучительную бесѣду....

— Стой, погоди, мулла Абдулъ, перебилъ его одинъ изъ слушателей; о томъ, какъ Магометъ осѣдлалъ облако, ты разскажешь намъ послѣ, а теперь — не забудь дать намъ отвѣтъ.... Почему, какъ говоришь, виноваты мы въ неудачѣ послѣдняго наѣзда, а не ты, который насъ вызвалъ на бѣду?

— Вы.... вы, дѣти моего сердца, болѣзнь души моей.... Вы виноваты, отвѣчалъ хитрый турокъ и уста его обрисовала вкрадчивая и каварная улыбка.

— Какъ мы?... почему?... раздалось нѣсколько вопросовъ.

— Я говорилъ вамъ, заблудшіе братья моихъ братій, продолжалъ тѣмъ-же спокойнымъ тономъ Мулла-Абдулъ.... Вы, во-первыхъ, отправляясь въ наѣздъ — не совершили вечерняго намаза.... Во-вторыхъ.... во-вторыхъ, повторилъ Абдулъ, не находя другой вины и примѣтно заминаясь.... Ну, да и одного довольно, заключилъ онъ....

— Нѣтъ, мало! громко сказалъ Назарычъ, стоявшій въ толпѣ слушателей, рядомъ съ Асланомъ.

— Кто говоритъ?... кто? вскричалъ Мулла-Абдулъ.

— Я!... и Назарычъ выступилъ впередъ. Я говорю, что Мулла-Абдулъ плутъ и обманщикъ....

— Гяуръ!... воскликнулъ турокъ, въ то время, какъ горцы въ недоумѣніи смотрѣли на дерзкаго плѣнника....

— Растерзайте его, разорвите! крикчалъ Мулла-Абдулъ....

— Бросьте его со скалы, говорилъ Назарычъ ободряемый Асланомъ. — Недовольно ли съ васъ, храбрые джигиты, продолжалъ Назарычъ, этихъ бѣдъ и золъ, которыя принесъ къ вамъ Абдулъ съ собою?... Вспомните тѣ дни, когда вашъ аулъ былъ красою всѣхъ горныхъ ауловъ?... И кто накликалъ бѣду на него?... Охъ! Мулла-Абдулъ, — не другъ, а кровный врагъ вашъ!...

— Лжетъ онъ! лжетъ! почти простоналъ Мулла-Абдулъ, бросаясь на Назарыча.... Это шпіонъ.... Клянусь вамъ, шпіонъ.... Я его знаю!... Призываю луну въ свидѣтели, что говорю правду и никогда васъ необманывалъ.

Послѣднихъ словъ было довольно для совершенной гибели плѣнника.

Съ крикомъ: Гяуръ — пагасечины! (Гяуръ — шпіонъ!) Горцы, какъ разъяренныя тигры, бросились на Назарыча и полсотни кинжаловъ блеснуло надъ головой его.

— Стойте!... остановитесь, правовѣрные! вскричалъ Абдулъ-Мулла, едва скрывая на лицѣ своемъ радость, полную отвратительной жестокости и коварства. — Зачѣмъ прадѣдовскую сталь пачкать въ крови этого невѣрнаго.... Лучше, право лучше, если мы его изжаримъ шайтану на шашлыкъ....

— Такъ сжечь.... сжечь его!... заревѣла толпа.... Огня! Огня!... И въ нѣсколько мгновеній изверги натащили цѣлый костеръ хворосту....

Назарычъ опустился на колѣна — и, прошептавъ короткую, но теплую молитву, вдругъ быстро вскочилъ:

— Смотрите! вскричалъ онъ. Онъ говоритъ, что никогда не обманывалъ васъ и теперь говоритъ правду; онъ въ свидѣтели призываетъ луну.... Но пророкъ его изобличаетъ — луна закрыла отъ васъ свой ликъ, въ доказательство его лжи.

Въ это мгновеніе въ самомъ дѣлѣ черное пятно образовалось на восточной сторонѣ луны.... Въ нѣмомъ цѣпенѣющемъ ужасѣ толпа отхлынула отъ плѣнника, поронявъ на землю кинжалы.... Испугъ заковалъ всѣ уста, оледенилъ всѣ члены.... Мулла-Абдулъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и первый со стономъ покатился на землю.... Между тѣмъ луна темнѣла все болѣе и болѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росъ и ужасъ горцевъ.... Глухой стонъ и ропотъ мужчинъ, смѣшанный съ воплемъ и плачемъ женщинъ и дѣтей, огласилъ воздухъ, и какъ-будто-бы по общему призыву все населеніе аула бросилось къ Назарычу....

— Молись, молись за насъ, русскій! кричали женщины. Молись, Богъ твой справедливъ! повторяли мужчины.

— Богъ милосердъ, прошепталъ наконецъ Назарычъ.... Молитесь Ему и милость Его всегда на васъ....

Громкій крикъ радости и восторга былъ отвѣтомъ на слова плѣнника, указавшаго въ это мгновеніе на прояснявшуюся луну. И вслѣдъ за тѣмъ толпа ринулась на Муллу-Абдула....

— Въ огонь обманщика!... Въ огонь!... Въ пламя!... Въ джехиннемъ! ревѣли неистовые....

На другой день, до всхода солнца, лихой и находчивый Назарычъ отправился съ Асланомъ въ Сухумъ. Горецъ сдержалъ клятву.

—

ЗНАМЕНИТЫЙ ГЕРМАНСКІЙ СКУЛЬПТОРЪ ШВАНТАЛЕРЪ.

Уже въ прошломъ столѣтіи Клопштокъ, своими древне-германскими и скандинавскими одами и драмами, пытался обратить вниманіе соотечественниковъ на родную исторію, которую они совершенно забывали, увлекаясь своими философскими и общечеловѣческими мечтаніями. Но для осуществленія желанія поэта нужно было порабощеніе Германіи Наполеономъ. Всѣ взоры устремились къ германской старинѣ, всѣ усилія обратились на возрожденіе нѣмецкой народности. Подъ вліяніемъ этой общей мысли одинъ молодой принцъ, занявшій впослѣдствіи Баварскій престолъ, отправляясь въ 1806 году, по приглашенію Наполеона, въ польскую армію, останавливался въ Берлинѣ, чтобы сообщить историку Мюллеру свое намѣреніе воздвигнуть величественный памятникъ въ честь всѣхъ доблестныхъ мужей, прославившихъ Германію; нѣсколько времени спустя, скульпторъ Шадовъ уже дѣлалъ, по заказу его, бюсты Клопштока, Канта, Галлера и Іоганна Мюллера. Этотъ германскій Пантеонъ, названный Валгаллою, по имени скандинавскаго рая героевъ, находится близъ Регенсбурга, на холмѣ, омываемомъ Дунаемъ; онъ составляетъ огромное зданіе, дорической архитектуры, напоминающее своею наружностью Партенонъ, построенное изъ зальцбургскаго бѣлаго мрамора, съ мраморными-желѣзницами. Сооруженіе его началось только въ 1830 году и возложено на даровитаго архитектора Кленце. За нѣсколько уже лѣтъ были заказаны Вагнеру модели барельефовъ для фриза, изображающихъ первобытную исторію Германіи, а Рауху шесть крылатыхъ изображеній побѣды. Но самыя значительныя скульптурныя работы, и вообще распоряженіе всею орнаментальною частью, были поручены Шванталеру, главному представителю нѣмецкой скульптуры настоящаго столѣтія, котораго смерть похитила у германскаго искусства 14 ноября 1848 года, на 47 году жизни.

Лудвигъ Шванталеръ родился 26 августа 1802 года, въ Ридѣ, городкѣ Нижне-Инской провинціи, въ Баваріи. Отецъ его былъ тирольскій скульпторъ; даръ ваянія былъ, такъ сказать, наслѣдственъ въ ихъ родѣ, ибо многіе изъ предковъ Шванталера съ успѣхомъ занимались этимъ искусствомъ. Однако-жъ молодой Лудвигъ Шванталеръ былъ первоначально назначенъ въ ученое званіе и ревностно занимался науками, въ особенности филологіею и греческими древностями. Только по смерти отца онъ посвятилъ

себя искусству; сначала онъ занялся баталическою живописью, но скоро бросилъ ее и перешелъ къ ваянію. Мюнхенская Академія была тогда въ управленіи Лангера, человѣка необыкновенно дѣятельнаго, но педанта, который не понялъ способностей своего ученика и видя, что онъ не оставлялъ занятій науками, совѣтовалъ его матери дать ему другое назначеніе, потому что, говорилъ онъ, ему никогда не быть художникомъ. Не смотря на то, Шванталеръ пробылъ въ Мюнхенской Академіи до 1826 года, и потомъ отправился въ Италію, работать подъ руководствомъ Торвальдсена, а въ 1827 году завелъ свою собственную мастерскую въ Мюнхенѣ.

Первая значительная работа, порученная ему, былъ серебряный столовый приборъ (surtout de table), слишкомъ въ сто футовъ длины, долженствовавшій изображать какой нибудь сюжетъ, въ которомъ представлялось-бы множество лошадей въ различныхъ положеніяхъ. Шванталеръ выбралъ шествіе боговъ и ихъ свиты на Олимпъ, въ чертоги Зевеса. Это произведеніе дало первое понятіе о могуществѣ таланта молодаго скульптора; къ сожалѣнію оно никогда не было кончено, потому что король Максимиліанъ I, заказавшій его, умеръ, а его преемникъ обратилъ все свое вниманіе на другія произведенія искусства, для которыхъ потребовалась вся дѣятельность Шванталера. Ему поручено изваять миѳъ о Бахусѣ для фриза во дворцѣ герцога Макса. Затѣмъ другой фризъ для королевскаго дворца, изображающій олимпійскія игры; потомъ миѳъ о Венерѣ; наконецъ рисунки къ Орфеевымъ Аргонавтамъ, къ Гезіоду, къ Софоклу, къ Эсхилу. Потомъ поручено ему было украсить шесть залъ въ новомъ зданіи для праздниковъ, рисунками изъ Одиссеи. Особенно любопытно сравнить эти рисунки съ рисунками Флаксмана; у Шванталера болѣе движенія, болѣе жизни, но нѣтъ той чистоты и строгости линій, которая придаетъ произведеніямъ Флаксмана такой античный характеръ, что кажется будто они сняты съ древнихъ вазъ.

До этого времени Шванталеръ болѣе являлъ свой талантъ, какъ рисовальщикъ, а не какъ скульпторъ; наконецъ ему поручено сдѣлать для тронной залы двѣнадцать колосальныхъ статуй герцоговъ Виттельсбахскаго дома. Эти статуи, кромѣ того, что онѣ показали его съ настоящей точки зрѣнія, какъ скульптора, вывели его въ то-же время, вмѣстѣ съ фризомъ, изображающимъ крестовые походы, для залы Барбароссы, на родное поприще его фантазіи, поприще романтизма. Еще ребенкомъ любилъ онъ читать рыцарскія книги, а юношею окружалъ себя оружіемъ, домашнею утварью и скульптурными произведеніями среднихъ вѣ-

ковъ, наконецъ, когда талантъ и трудъ осыпали его богатствомъ, онъ осуществилъ одно изъ своихъ дѣтскихъ мечтаній, построивъ себѣ, на Изорѣ, очаровательный замокъ Риттербургъ, въ готическомъ вкусѣ. Если онъ создалъ прекрасныя произведенія, почерпнутыя изъ древней греческой миѳологіи, то неподражаемъ только въ романтическихъ; въ статуяхъ Виттельбахскихъ герцоговъ и рисункахъ изъ Нибелунговъ, для дворца кронпринца Макса. Таже любовь къ средневѣковому романтизму проявляется въ самыхъ знаменитыхъ его произведеніяхъ, въ фронтонѣ Валгаллы и въ статуѣ Баваріи. Эти два созданія, самыя значительныя по размѣрамъ, въ тоже время всѣхъ естественнѣе показываютъ направленіе Шванталерова таланта.

Самое воспитаніе его дѣтства и юношества, съ одной стороны занятія классическими древностями, съ другой любовь къ остаткамъ среднихъ вѣковъ, должны были произвести въ немъ сліяніе двухъ направленій, античнаго и романтическаго. Кромѣ того, всѣ формы искусства были равно собираемы въ Мюнхенѣ, этихъ германскихъ Аѳинахъ. Нѣмецкая фантазія, столь сильная и живая въ произведеніяхъ Альберта Дюрера, не смотря на усилія сблизиться съ классическимъ направленіемъ Италіи, утратила свою прежнюю энергію, и, за недостаткомъ оригинальнаго творчества, художники искали вдохновенія въ мастерахъ первыхъ вѣковъ, болѣе сродныхъ строгости, даже суровости своего воображенія. Между тѣмъ какъ живописцы шли по этому пути, скульптура, возвратившись въ произведеніяхъ Торвальдсена къ болѣе простой и строгой линіи, вступила въ союзъ съ направленіемъ древняго искусства. Эгинскіе марморы, собранные въ Мюнхенѣ, открыли путь новымъ воззрѣніямъ на греческое искусство первыхъ вѣковъ. Въ фигурахъ фронтона Пангелленіона, принадлежащихъ частью къ эпохѣ до Фидія, частію къ послѣдующему періоду, представляютъ несомнѣнный характеръ древности, и по простотѣ и истинѣ положеній, изученіе ихъ столь-же важно, какъ изученіе болѣе величественныхъ, болѣе оконченныхъ барельефовъ Парѳенона. Эти остатки эгинскихъ памятниковъ, безспорно, имѣли большое вліяніе на художниковъ, и особенно на Шванталера. Его фронтонъ Валгаллы, изображающій побѣду Германа надъ Римлянами, безпорно лучшее его произведеніе, и ясно представляетъ сліяніе этихъ двухъ представленій.

Германъ занимаетъ средину фронтона; онъ больше всѣхъ остальныхъ фигуръ, и имѣетъ десять футовъ въ вышину. Онъ почти нагъ; на плечѣ его плащъ, драпированный болѣе живописно, чѣмъ вѣрно; на рукахъ запястья, въ родѣ тѣхъ, которыя отрываются

въ могилахъ древнихъ германскихъ вождей; лѣвою ногою онъ попираетъ связку римскихъ орловъ, и кажется съ презрѣніемъ смотритъ на римлянъ, которые стоятъ передъ нимъ съ видомъ глубокаго унынія. За нимъ три воина, вооруженные щитами, сѣкирами и мечами. Первый сикамбръ Мало, въ шлемѣ, имѣющемъ видъ волчьей головы, вождь, извѣстный пораженіемъ Августова полководца Лоллія. Второй Каттумеръ, котораго голова и шлемъ напоминаютъ Улисса. Третій, — дядя Германовой жены, Зигмеръ, вождь херусковъ. Этотъ герой, бывшій жрецъ Юпитера, увѣнчалъ голову дубовыми листьями, въ надеждѣ на вѣрную побѣду. За воинами видѣнъ бардъ, съ лирою въ рукахъ, призывающій Водона; далѣе, какъ тѣнь среди тростниковъ, сидитъ женщина, держащая въ рукѣ жертвенный ножъ. Въ самомъ углу, престарѣлый Зигмаръ, отецъ Германа, умираетъ надъ хоругвями, которыя онъ завоевалъ у Римлянъ; женщина стоитъ передъ нимъ на колѣнахъ, поддерживаетъ его и предсказываетъ ему блаженство Валгаллы. Эта женщина Туснельда, дочь измѣнника Зегеста, которой суждено было впослѣдствіи украшать тріумфъ Германика. Другая половина фронтона занята Римлянами. Первый, идущій къ Герману, тріарій, одинъ изъ тѣхъ ветерановъ, которые составляли запасное войско и вступали въ сраженіе только когда побѣда клонилась на сторону врага. За нимъ легко вооруженный воинъ, потерявъ всякую надежду на побѣду, старается только прикрывать отступленіе войска и защищать Вара, который вонзаетъ себѣ въ грудь мечъ. Остальное пространство занято умирающими или бѣгущими; одинъ прячетъ въ травѣ свою добычу, другой зарываетъ орла; вѣроятно орла третьяго легіона, о которомъ разсказываютъ, что онъ не былъ взятъ непріятелемъ, но пропалъ безъ вѣсти. Въ этомъ огромномъ фронтонѣ, имѣющемъ въ длину девяносто шесть футовъ, — пятнадцать фигуръ; онъ сдѣланъ изъ бѣлаго и очень плотнаго мармара, выломаннаго изъ Шландерскихъ ломокъ близъ Мерана, въ Виншгау. Задній фронтонъ Валгаллы, также можно отчасти назвать произведеніемъ Шванталера, который сдѣлалъ въ немъ значительныя перемѣны. Онъ изображаетъ всѣ нѣмецкіе народы, возвращающіе, миромъ 1815 года, земли отнятыя у нихъ Франціею. Средняя фигура изображаетъ Германію; она оставлена совершенно въ томъ видѣ, какъ сдѣлалъ ее Раухъ.

Въ одно время съ Валгаллою, король баварскій рѣшился воздвигнуть другой памятникъ, въ честь собственно своего отечества. Баварская Валгалла находится на Зендлингскомъ холмѣ, близъ Мюнхена. Бѣлый мраморъ, изъ котораго она построена, рѣзко

отдѣляется на зеленомъ фонѣ дубоваго лѣса. Зданіе образуетъ огромный квадратъ, съ одной стороны открытый, обведенный внутри дорическимъ портикомъ, подъ которымъ поставлены статуи знаменитѣйшихъ мужей Баваріи. Среди двора стоитъ колоссальная аллегорическая фигура, изображающая Баварію. Это, послѣ битвы Германа, самое значительное произведеніе Шванталера. Баварія стоитъ; грудь ея вполовину закрыта звѣриною шкурою; лѣвая рука поднята и держитъ вѣнецъ побѣды, другая рука прижимаетъ мечъ. У ногъ ея левъ, символъ силы и мужества. Шванталеръ думалъ первоначально изобразить ее въ шлемѣ, какъ Пафинская Паллада; но потомъ разсудилъ надѣть ей на голову дубовый вѣнокъ, и поднять на маковку, въ видѣ діадимы, волны ея густыхъ волосъ. Эту статую, до открытія которой Шванталеръ не дожилъ, предназначалось отлить изъ бронзы. Она имѣетъ пятьдесятъ четыре фута въ вышину, а съ пьедесталомъ болѣе восьмидесяти футовъ. Одна лѣпка модели заняла пять лѣтъ времени; надлежало построить башню въ сто двадцать футовъ вышины и устроить въ ней особаго рода лѣса, съ помощью которыхъ помощники скульптора вились около статуи, какъ ласточки, откалывая или прибавляя огромныя глыбы глины, которыя издали были почти непримѣтны. Послѣ каждой поправки художникъ отходилъ на четверть мили, чтобы судить объ общемъ эфектѣ; и продолжалъ эту трудную работу въ своей деревянной башнѣ, не смотря ни на какую погоду. Для отливки фигура была раздѣлена на пятнадцать частей. Внутри ея будетъ круглая лѣстница, какъ въ статуѣ Карло Борромео, на берегахъ Лаго-Маджіоре.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ трудовъ, Шванталеръ оставилъ еще множество другихъ, вполнѣ достойныхъ его великаго дарованія: памятники въ честь Моцарту, Жанъ-Полю, маркграфу Фридриху Байрейтскому, Лудвигу Гессенскому, Карлу Фридриху Баденскому, Крейтмайру; изображенія Спасителя и апостоловъ Петра и Павла для церкви св. Лудвига, въ Мюнхенѣ; статуи живописцевъ, въ боковыхъ залахъ Пинакотеки, покровителей скульптуры въ Глиптотекѣ; драматическихъ писателей въ Мюнхенскомъ Театрѣ; фронтонъ въ зданіи для художественныхъ выставокъ, изображающій новую жизнь искусства, подъ покровительствомъ Баваріи. Послѣднимъ трудомъ его было собраніе чешскихъ героевъ и героинь, оставшееся неоконченнымъ. Статуя Любуши обѣщала нѣчто въ вышей степени замѣчательное!

Шванталеръ, какъ и Торвальдсенъ, превосходнѣе въ рельефной скульптурѣ, нежели въ статуйной. Рельефная скульптура, какъ болѣе сжатое и менѣе сложное сочетаніе линій, гораздо сроднѣе и

тѣмъ художникамъ, которые ищутъ въ пластикѣ скорѣе выраженія, чѣмъ высокой красоты формъ. Любовь къ формѣ, есть даръ, посланный небомъ Греціи и Италіи, а не Германіи.

—

МОЛОДОСТЬ КЕМБЛЯ.

(РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННИКА, 1783.)

Я страстный охотникъ до всякаго рода забавъ и въ какомъ-бы то ни было обществѣ, если только онѣ представляютъ случай, безъ лишняго труда, убивать время. Умъ всегда плѣнялъ меня, даже когда, являлся въ рубищѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ, я гулялъ по Сейнтъ Джемзскому парку въ то время, когда большая часть гуляющихъ расходятся, чтобы отправляться обѣдать. Оставалось только нѣсколько человѣкъ, по лицамъ которыхъ можно было догадаться, что они скорѣе желали забыть голодъ, чѣмъ придавать себѣ аппетиту прогулкою и вольнымъ воздухомъ. Я сѣлъ на конецъ одной лавки, другой конецъ которой былъ занятъ человѣкомъ въ самомъ жалкомъ нарядѣ. Довольно долго издавали мы поочередно глухіе «гмъ! гмъ!», откашливались, чертили палками какіе-то круги, квадраты и углы на пескѣ; словомъ, прошли всѣ обыкновенныя церемоніи, къ которымъ прибѣгаютъ два человѣка, которымъ очень хочется вступить въ разговоръ, но которые другъ друга не знаютъ, и все выжидаютъ, не скажетъ-ли сосѣдъ первое слово. Видя, однако-же, что мой оборванный сосѣдъ еще застѣнчивѣе меня, я рѣшился начать самъ.

— Извините мою смѣлость, сэръ, сказалъ я, возвысивъ голосъ; мнѣ кажется, что я имѣлъ уже удовольствіе васъ гдѣ то видѣть; ваше лицо мнѣ кажется какъ-то знакомымъ.

— Очень не мудренно, сэръ, отвѣчалъ сосѣдъ; мое лицо знакомо весьма многимъ, и даже памятно, если вѣрить моимъ друзьямъ; моя наружность, въ большей части городовъ Англіи, также извѣстна всѣмъ и каждому, какъ видъ верблюда или крокодила. Вы сами съ этимъ согласитесь, сэръ, когда узнаете, что я впродолженіе шестнадцати лѣтъ состоялъ въ званіи барабанщика и шута при кочующей кукольной комедіи. Съ послѣднимъ своимъ хозяиномъ, синіоромъ Бартоломео, я разошелся; онъ продалъ свой

куклы одному торговцу толкучаго рынка, который сшилъ изъ нихъ подушки подъ булавки, а я — какъ видите, — умираю съ голоду въ Сейнтъ-Джемскомъ паркѣ. Поэтому я нахожу, — прошу извиненія, если вы не раздѣляете моей мысли, — что гораздо благоразумнѣе было-бы намъ, то есть, кукламъ, синьору Бартоломео и вашему покорнѣйшему слугѣ, не расходиться.

— Мнѣ весьма прискорбно, сэръ, сказалъ я, видѣть человѣка такой пріятной наружности, въ такомъ бѣдственномъ положеніи.

— О, сэръ, перебилъ онъ, моя пріятная наружность совершенно къ вашимъ услугамъ; сверхъ того, увѣряю васъ, что хотя я и не могу похвастать, что могу ѣсть каждый разъ, какъ бой часовъ зоветъ мой желудокъ къ обѣду, однако же, вы не много найдете людей веселѣе меня. Еслибъ судьба послала мнѣ двадцать тысячъ фунтовъ годоваго доходу, я былъ-бы, можетъ быть, еще веселѣе; впрочемъ, сказать это утвердительно не могу. Про то лучше знаетъ судьба, которая не даетъ мнѣ даже одного пенса. Когда у меня случится въ карманѣ полшиллинга я никогда не отказываю себѣ въ удовольствіи ихъ издержать; когда-же нѣтъ, я никогда не отказываюсь отъ предложенія человѣка довольно богатаго и великодушнаго, заплатить за мой обѣдъ. Кстати, сэръ, чтобы вы сказали на счетъ кружки добраго пива, мѣрки въ три, и порціи ростбифа? Если вы угостите меня сегодня, я долгомъ сочту угостить васъ въ свою очередь, когда въ другой разъ встрѣчу васъ въ паркѣ, и карманъ мой будетъ потуже набитъ, чѣмъ въ настоящее время мой желудокъ.

Такъ какъ меня никогда не пугаетъ небольшая издержка, если я могу этимъ угодить пріятному собесѣднику, то мы, не теряя времени, отправились въ ближайшую таверну, и черезъ пять минутъ передъ нами стояли большой кусокъ дымящагося ростбифа и кружка пива въ три мѣрки. Невозможно разсказать, сколько этотъ отрадный видъ придалъ огня и живости уму моего новаго знакомаго.

— Этотъ обѣдъ, сэръ, сказалъ онъ, совершенно мнѣ по вкусу, по тремъ причинамъ: во-первыхъ потому, что я большой охотникъ до ростбифа; во-вторыхъ потому, что у меня въ эту минуту такой аппетитъ, что гастрономъ заплатилъ-бы за него на вѣсъ золота; и наконецъ въ-третьихъ, потому что онъ мнѣ ничего не стоитъ, а по моему, самое вкусное блюдо то, за которое съ меня не берутъ денегъ.

Таково было мнѣніе моего гостя объ обѣдѣ, мнѣніе, которое онъ не только высказывалъ на словахъ, но и подтверждалъ на дѣлѣ своимъ аппетитомъ. Когда обѣдъ былъ съѣденъ, онъ замѣтилъ,

что ростбифъ былъ жестоковатъ. — «Однако-жъ, прибавилъ онъ, пока я ѣлъ, я этого не замѣчалъ; онъ мнѣ казался самымъ нѣжнымъ и сочнымъ филеемъ. О благословенная бѣдность! ты одна знакомишь человѣка съ блаженствомъ быть голоднымъ! Мы, бѣдняки, сэръ, мы настоящіе баловни природы; богатымъ она злая мачиха. Ничто ихъ не радуетъ; вырѣжьте имъ лучшую часть изъ отборнаго быка, она покажется имъ безвкусною и жесткою, какъ щепка; приправьте ее самымъ пряным соусомъ, онъ не возбудитъ ихъ аппетита. Для бѣднаго-же человѣка природа на каждомъ шагу представляетъ лакомство. Портеръ по шести пенсовъ мѣрка для него лучше шампанскаго; а поставьте мѣрку двѣнадцати-пенсоваго портеру, такъ что вашъ токай! Намъ, намъ однимъ даны всѣ наслажденія желудка! Нѣтъ у насъ ни земель, ни домовъ, но богатство наше всегда съ нами. Затопи наводненіе половину земель всего Корнваллиса, мнѣ какое горе? у меня тамъ нѣтъ ни клочка! Начнутъ-ли фонды упадать на биржѣ, я не стану оттого сокращать своихъ расходовъ, потому что если я иной разъ поставлю послѣдній грошъ ребромъ, такъ ужъ вѣрно не въ биржевыхъ спекуляціяхъ.

Неисчерпаемое остроуміе моего лакомки и его чрезвычайная бѣдность сильно подстрекали мое любопытство; мнѣ казалось, что въ жизни такого человѣка должно быть много любопытнаго, много оригинальнаго и забавнаго. Я попросилъ его разсказать мнѣ свою исторію.

— Разсказать вамъ мою исторію? вскричалъ онъ; да это для меня величайшая радость, послѣ кружки пива. Только будемъ пить, чтобы разгонять сонъ; а чтобы пить, не мѣшало бы велѣть подать другую кружку, потому что эта опорожненная для меня, послѣ ростбифа, незаманчива. Таже кружка, которую вы поставите, прибавилъ онъ, лукаво взглянувъ на меня, обѣщаетъ вашему покорному слугѣ, послѣ сытной пищи, столько-же удовольствія, сколько вамъ доставитъ моя исторія.

Я велѣлъ подать еще кружку такихъ-же почтенныхъ размѣровъ. Онъ началъ:

— Прежде всего, сэръ, я долженъ объяснить вамъ, что я происхожу изъ очень хорошей фамиліи. Предки мои даже порядкомъ нашумѣли на бѣломъ свѣтѣ; моя мать кричала по улицамъ: «Устрицы свѣжія, крупныя устрицы!» а отецъ былъ барабанщикъ. Говорили мнѣ также, но утвердительно сказать не могу, что былъ въ семьѣ моей и трубачъ. Много-ли укажете мнѣ людей, которые

могли-бы похвалиться тѣмъ, что предки ихъ надѣлали столько шуму? Впрочемъ это ихъ дѣло, а не мое.

Тутъ разсказчикъ взялъ кружку, налилъ себѣ большой стаканъ пива, и выпилъ его однимъ глоткомъ.

«Такъ какъ я былъ единственный сынъ, продолжалъ онъ, то отецъ мой захотѣлъ посвятить меня своему благородному ремеслу, и съ дѣтства училъ меня выбивать дроби на барабанѣ. Онъ крѣпко надѣялся, покойникъ, что я не посрамлю своихъ предковъ, и выйду въ люди этимъ искусствомъ. Надо вамъ сказать, что отецъ мой былъ барабанщикомъ при кукольной комедіи. И такъ, единственнымъ занятіемъ моихъ юныхъ лѣтъ было бить зазывъ, и толковать почтеннымъ ротозѣямъ про чудесные таланты Пульчинеллы. Однако-же, какъ ни старался отецъ мой научить меня своему искусству, я долженъ сознаться, къ стыду своему, что оказался преплохимъ ученикомъ; у меня не было музыкальнаго слуху ни на грошъ. Такимъ образомъ, когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, наступило время позаботиться о средствахъ пропитанія.

Однажды вечеромъ, шагахъ въ пяти стахъ отъ селенія, въ которое я намѣревался зайти, увидѣлъ я человѣка, — судью, какъ узналъ я послѣ, — завязшаго и едва не задохшагося въ плистомъ рвѣ, въ который сбросила его лошадь. Онъ тщетно старался выкарабкаться изъ грязи и звалъ на помощь; въ моемъ положеніи помочь человѣку было истиннымъ счастіемъ. Я вытащилъ его изо рва, впрочемъ, не безъ труда. Онъ поблагодарилъ меня и хотѣлъ идти; но я послѣдовалъ за нимъ до самаго дому; надо вамъ сказать, я люблю, чтобы люди благодарили за оказанную имъ услугу не среди поля, а у себя на дому. Судья распросилъ меня, кто я, откуда, надежный ли, вѣрный-ли человѣкъ? Я отвѣчалъ на всѣ вопросы такимъ образомъ, что онъ остался вполнѣ доволенъ, а я еще болѣе. (За ваше драгоцѣнное здоровье, сэръ. И стаканъ былъ наполненъ и опорожненъ). — Ужъ насказалъ я ему, сэръ, про свои заслуги: и воздерженъ-то я, и благоразуменъ, и скроменъ, и трудолюбивъ, и честенъ.... Однимъ словомъ, расписалъ себя такъ, что онъ тутъ-же взялъ меня къ себѣ въ услуженіе. Тутъ я пробылъ всего два мѣсяца; мы не сходились въ склонностяхъ и характерахъ. Я былъ голоденъ, а онъ скупъ и отмѣривалъ мнѣ каждый кусокъ хлѣба. Замѣтьте, къ тому-же, что единственная женщина въ домѣ была злая баба. Они, казалось, вдвоемъ стакнулись уморить меня съ голоду, а я благородно рѣшился не дать совершиться такому дурному замыслу, чтобъ не сказать, такому преступленію. Все съѣдомое, что ни попадалось мнѣ на глаза, тотчасъ исче-

зало въ безднѣ моего желудка. Я исправлялъ эту службу такъ усердно, что хозяевамъ показалась она слишкомъ накладною, и въ одно прекрасное утро они мнѣ отказали, заплативъ мнѣ три шиллинга жалованія за два мѣсяца службы.

«Между тѣмъ, какъ хозяинъ дѣлалъ разсчетъ, я собрался въ путь. Я пошелъ проститься съ хозяевами и получить свои деньги. За тѣмъ я взвалилъ мѣшокъ на спину, взялъ въ руки палку, и со слезами на глазахъ разстался съ своимъ благодѣтелемъ.

«Проскитавшись нѣсколько дней, я наткнулся, — угадайте, на кого? — на кочующую труппу актеровъ. Какъ только я завидѣлъ ихъ издали, сердце мое забилось, и полетѣло къ нимъ. У актеровъ, для перевозки всей ихъ клади, была только одна несчастная кляченка, да и та пала отъ изнуренія; а какъ уже смеркалось, то они сами впряглись въ телѣжку, чтобы дотащиться до города, виднѣвшагося въ нѣкоторомъ разстояніи. Они почти совсѣмъ уже выбились изъ силъ; я предложилъ имъ свои услуги, которыя они приняли очень охотно, и дорогою я такъ имъ полюбился, что они взяли меня въ услуженіе. Для меня это житье было земнымъ раемъ. Посудите сами, сэръ: мои господа пѣли, плясали, пили, ѣли, и все это разомъ. Мнѣ показалось, что тутъ только началъ я жить, а до тѣхъ поръ только прозябалъ. Я сталъ веселъ какъ щегленокъ, помиралъ со смѣху при каждой ихъ остротѣ. Мы взаимно другъ друга уважали, и моя наружность, какъ вы ее извольте видѣть, сэръ, казалась имъ преуморительною.

«Вотъ такъ, сэръ, пріѣхали мы къ ночи въ Тертенденъ и заняли огромную, но за то единственную комнату въ гостинницѣ подъ вывѣскою «Борзой.» Мы хотѣли тутъ сыграть «Ромео и Юлію», съ погребальнымъ шествіемъ, сценою въ могильномъ склепѣ, въ саду, и прочая. Афишка гласила, что роль Ромео будетъ исполнять артистъ Дрюрлейнскаго театра, а роля Юліи молодая дебютантка съ необыкновеннымъ талантомъ. Что касается до меня, моею должностью было снимать со свѣчъ. Дѣло шло, какъ нельзя лучше. Артисты у насъ были отличнѣйшіе, но ни у одного не было костюма. Что жъ такое? не въ первый разъ было имъ пособлять такому горю; на Ромео былъ красный кафтанъ на голубомъ подбоѣ; его выворотили, и вотъ былъ отличный кафтанъ для Меркуціо, голубой на красномъ подбоѣ. Длинный кусокъ газу послужилъ Юліи и платьемъ и мантіею; ступка съ пестомъ, занятая у сосѣда аптекаря, послужила колоколомъ; трактирщикъ со всѣмъ своимъ семействомъ, одѣвшись въ бѣлыя простыни, образовали погребальное шествіе.

Такимъ образомъ, только три лица были одѣты, какъ слѣдовало по ихъ ролямъ: мамка Юліи, трусъ аптекарь, и я.

«Представленіе возбудило всеобщій восторгъ. Публика была въ восхищеніи отъ необыкновенныхъ талантовъ актеровъ. За то, должно отдать намъ справедливость, мы употребили всѣ средства, необходимыя кочующей труппѣ для стяжанія успѣха; вычурные жесты, оглушительные вопли и завываніе, и прочая и прочая. Ибо говорить и дѣйствовать на театрѣ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ въ обыкновенной жизни, значило-бы добровольно уморить себя съ голоду, потому что не того ждутъ и желаютъ приходящіе смотрѣть на представленіе. Естественная рѣчь на театрѣ то-же, что сладенькое винцо, которое пройдетъ вамъ по небу такъ, что вы почти не услышите; крикъ-же и ломанія производятъ дѣйствіе уксусу, который вамъ выжжетъ языкъ и горло, такъ, что когда вы его пьете, вы чувствуете по-крайней мѣрѣ, что пьете не воду. Слѣдовательно, и въ городахъ и въ селеніяхъ должно ломаться, хлопать себя по карманамъ, сводить бровь съ бровью, кричать до того, что охрипнешь, однимъ словомъ, сколько возможно походить на бѣснующагося.

«Какъ это первое представленіе доставило намъ огромную славу и не мало денегъ, то очень естественно, что я постарался приписать себѣ нѣкоторую часть успѣха. Я только снималъ со свѣчъ, это правда; но скажите мнѣ, сдѣлайте милость, что будетъ проку въ наилучшей пьесѣ, если она будетъ разыграна безъ свѣчъ, или при нагорѣлыхъ свѣчахъ? Мы продолжали такимъ образомъ недѣли двѣ, и каждый разъ публика ломилась въ театръ. Наканунѣ отъѣзда, мы возвѣстили лучшую пьесу своего репертуара, и назначили двойныя цѣны. Но, о горе! а для меня источникъ почестей и денегъ! нашъ первый артистъ заболѣлъ.— «Вотъ нашелъ время заболѣть, говорили мои товарищи; еще заболѣлъ-бы чѣмъ другимъ! а то заболѣлъ горячкою, болѣзнью продолжительною и расходною!» — Такъ разсуждала труппа; а я только слушалъ и думалъ про себя: вотъ-то я васъ всѣхъ озадачу. Улучивъ благопріятную минуту, я великодушно вызвался заступить мѣсто больнаго. Положеніе наше было отчаянное; не когда было много разсуждать о томъ, слѣдовало-ли принять предложеніе, и вотъ я завалился на мѣшокъ отрубей, въ одной рукѣ роль, въ другой кружка пива. — Еще разъ, сэръ, за ваше драгоцѣнное здоровье.— Я твердо выучилъ роль, которую долженъ былъ сыграть на слѣдующій день, и нашелъ, что роль была выучена съ удивительною скоростью. Съ этой минуты я простился съ прежнимъ своимъ ремесломъ, съ искусствомъ снимать со свѣчъ. «При-

рода, думалъ я, безъ сомнѣнія предназначила меня къ болѣе высокому искусству; надо повиноваться ея призванію». На репетиціи товарищи мои не могли опомниться отъ изумленія, увидѣвъ чудесную перемѣну, которая совершилась во мнѣ въ одинъ день. «Не безпокойтесь, твердилъ я имъ, не безпокойтесь; пусть больной нашъ выздоравливаетъ помаленьку; слишкомъ скорое выздоровленіе не надежно. Я исполню его роль къ великому удовольствію публики, и съ такою-же пользою для общества. Товарищъ нашъ хоть умирай, когда хочетъ; я берусь устроить дѣло такъ, что никто не замѣтитъ его смерти». И въ подтвержденіе своихъ словъ, я сказалъ роль, становясь въ величественныя позиціи, возвышая надлежащимъ образомъ голосъ. Они были въ восхищеніи и аплодировали мнѣ изо всѣхъ силъ.

«На слѣдующій день на афишкѣ было объявлено, что въ новой пьесѣ явится знаменитый артистъ, и всѣ первыя мѣста были мигомъ разобраны. Однако-же, передъ тѣмъ, какъ выступить на сцену, я разсудилъ, что если мое имя содѣйствуетъ къ наполненію кассы, то я, по справедливости, долженъ быть допущенъ къ раздѣлу сбора. — «Господа, сказалъ я товарищамъ, я не хочу присвоивать себѣ права предлагать вамъ условія, кромѣ развѣ въ такихъ дѣлахъ, которыя касаются собственно меня; иначе это было-бы съ моей стороны непростительною неблагодарностью. Вы были такъ милостивы, что напечатали мое имя на афишкѣ, и я не счелъ долгомъ этому противиться. Теперь, когда дѣла идутъ успѣшно, и даже должны стать безъ меня, я докажу вамъ свою благодарность тѣмъ, что попрошу васъ дать мнѣ долю въ барышахъ. Эта доля должна быть равна долѣ перваго изъ васъ. Иначе, клянусь вамъ, я не буду въ состояніи сыграть своей роли, и примусь опять за щипцы, и буду снимать со свѣчъ, какъ было до нынѣшняго дня». Предложеніе, сколько я могъ замѣтить, было очень не по-сердцу моимъ товарищамъ; однако-же отвергнуть его было невозможно. Они согласились, и я въ тотъ-же вечеръ явился въ роли Баязета. Гордый и гнѣвный лобъ мой былъ осѣненъ синимъ чулкомъ, набитымъ и надѣтымъ мнѣ на голову въ видѣ чалмы; въ рукахъ моихъ звенѣла цѣпь отъ вертела. Сама природа развѣ не предназначала меня къ театру, давъ мнѣ высокій ростъ и сильный голосъ? За то, при первомъ-же моемъ выходѣ, меня встрѣтилъ оглушительный залпъ рукоплесканій. Я провелъ торжествующій, улыбающійся взоръ по всему театру, отвѣсилъ обычные три поклона, и началъ. Какъ роль моя требовала особенной энергіи, то я придалъ себѣ силы и смѣлости тремя рюмками водки. — Сэръ, кружка скоро опорожнится, замѣтилъ тутъ

разскащикъ, поваливъ кружку, для доказательства, на бокъ. — «Клянусь, успѣхъ мой былъ самый блистательный, невѣроятный. Тамерланъ былъ передо мною просто мальчишкой; онъ такъ кричалъ, что едва не надорвалъ себѣ грудь, а я еще перекричалъ его. Притомъ, я имѣлъ передъ нимъ преимущество жестовъ и положеній. Напримѣръ, я по бо́льшей части стоялъ сложивъ руки на груди, какъ водится на Дрюрлепскомъ театрѣ; это всегда производитъ прекраснѣйшій эфектъ. Короче, сэръ, я скажу вамъ въ двухъ словахъ, что эта кружка, что̀ стоитъ передъ нами, осушилась-бы прежде, чѣмъ я успѣлъ-бы исчислить половину всѣхъ талантовъ, которые публика нашла во мнѣ. Послѣ спектакля, все лучшее общество города, мужчины и дамы, пришли поздравлять меня: одинъ дивился моему голосу, другой моимъ позамъ и движеніямъ. — «Помяните мое слово, вскричала супруга баронета, онъ будетъ первымъ актеромъ въ Европѣ; я вамъ говорю, а вы знаете, что я въ этомъ знаю толкъ!»

«Первыя похвалы насъ радуютъ, потому-что мы принимаемъ ихъ, какъ милость. Но если онѣ повторятся, то на слѣдующія мы смотримъ уже, какъ на должную дань нашимъ заслугамъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы благодарить судей за доброе расположеніе, я внутренно поклонялся себѣ. Публика изъявила желаніе видѣть пьесу еще разъ. Мы повиновались, и успѣхъ мой былъ еще вдесятеро блистательнѣе перваго.

«Наконецъ, мы простились съ добрымъ и образованнымъ городомъ Тентерденомъ и отправились въ ближайшій городъ, гдѣ въ это время назначены были скачки. О, Тентерденъ! со слезами на глазахъ разстался я съ твоими стѣнами, поприщемъ моей славы! Всѣ твои жители, мужчины и дамы, великіе знатоки драматическаго искусства! — Они заслуживаютъ, сэръ, чтобы мы выпили за ихъ здоровье! Еще по стакану, сэръ!

«И такъ, мы выѣхали изъ Тентердена; и какое различіе, сэръ, между моимъ въѣздомъ и выѣздомъ! Въѣхалъ я простымъ мальчикомъ, годнымъ только на то, чтобы снимать со свѣчъ, а выѣхалъ великимъ человѣкомъ! Такъ все идетъ на свѣтѣ, сэръ!

«Многое могъ-бы я еще поразсказать вамъ о превратностяхъ судьбы; но боюсь своими размышленіями навести сплинъ и на васъ и на себя. Потому, я думаю, лучше объ нихъ умолчать. Согласны?

— Согласенъ на все, что вамъ угодно, отвѣчалъ я.

«Когда мы пріѣхали на мѣсто назначенія, скачки уже кончились. Велика была наша досада! Однако-же мы великодушно рѣшились взять съ жителей двойную дань деньгами и рукоплеска-

піями, должную всюду таланту. Я опять сыгралъ главныя роли нашего репертуара, и съ такимъ-же успѣхомъ, какъ въ Тентердепѣ. И сказать вамъ откровенно, я точно убѣжденъ, что могъ-бы сдѣлаться первымъ актеромъ въ мірѣ, еслибъ талантъ мой получилъ надлежащее развитіе. Но наступилъ лютый морозъ и захватилъ въ распуколькѣ прекрасный цвѣтокъ, обѣщавшій развернуться такъ пышно, и я палъ съ своей высоты въ тѣсные ряды обыкновеннаго человѣчества. Я игралъ роль сэра Генри Фронтсоважа; дамы были отъ меня безъ ума. Одно уже, какъ я вынималъ изъ кармана табакерку, возбуждало неистовые крики и рукоплесканія; а когда я махалъ тростью, страшно становилось за публику, такъ она бѣсновалась!

«Къ несчастію моему, была въ городѣ одна дама, которая нѣкогда провела семь мѣсяцевъ въ Лондонѣ, для окончанія своего воспитанія въ модномъ пансіонѣ. На этомъ основаніи она имѣла огромныя притязанія на просвѣщенный вкусъ, и судъ ея былъ закономъ во всѣхъ обществахъ.

«На бѣду мою, между первымъ и вторымъ представленіями говорили ей обо мнѣ, о моемъ талантѣ — талантѣ, котораго она еще не видала, не оцѣнила. Это было моею гибелью. Какъ ни хвалили великаго актера, она не хотѣла о немъ и слышать. — «Можно-ли чего ожидать отъ кочующаго комедіанта, говорила она, пожимая плечами, кромѣ отвратительныхъ фарсовъ и фиглярства?» И за тѣмъ она отпускала нѣсколько словъ о Гаррикѣ, вывезенныхъ изъ Лондона, и слушатели приходили въ восторгъ отъ ея голоса, отъ выраженія ея лица, отъ искусства, съ которымъ она представляла великаго трагика. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ее уломали ѣхать въ театръ, и друзья мои подъ рукою предупредили меня о присутствіи грознаго судьи на слѣдующемъ представленіи. Это меня нисколько не испугало. Я смѣло вышелъ на сцену, въ роли сэра Генри, держа одну руку въ карманѣ брюкъ, другую за жилетомъ, точь въ точь, какъ на Дрюриленскомъ театрѣ. Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть на меня, знаменитаго актера, зала не сводила глазъ съ оракула, пробывшаго нѣкогда семь мѣсяцевъ въ Лондонѣ. Всѣ ждали отъ нея приговора, который долженъ былъ, по ихъ мнѣнію и по моему, навсегда утвердить меня въ званіи великаго человѣка, великаго артиста, или низринуть меня опять на скромную степень статиста или ламповщика. Я ловко вынулъ изъ кармана табакерку, величественно открылъ ее; но дама даже не улыбнулась, сидѣла, какъ камень, а за нею и вся зала. Я сломалъ свою трость объ спину ольдермана Лафрода; всѣ лица по-

дернулись мракомъ, глядя на суровое, неподвижное лицо оракула; если бъ не вздохъ отъ времени до времени, или не пожатіе плечъ, даму можно-бы принять за безжизненную куклу. Я вздумалъ захохотать самъ, что-бы заставить публику хоть улыбнуться! все напрасно; ни одинъ мускулъ не пошевельнулся ни въ одномъ лицѣ. Я почувствовалъ, что дѣло идетъ плохо. Игра моя стала принужденна; смѣхъ мой сталъ похожъ на гримасы человѣка, который не знаетъ, куда дѣваться отъ мучительной зубной боли; моя поддѣльная веселость только высказывала страданія моей души. Что долго разсказывать! дама, пробывшая семь мѣсяцевъ въ Лондонѣ, пріѣхала въ театръ съ тѣмъ, чтобы осудить меня и проскучать до смерти. И я былъ осужденъ безвозвратно, а она проскучала до смерти. Слава моя рушилась; я теперь, какъ вы видите: актеръ безъ мѣста, безъ театра и безъ публики! — Исторія моя кончена, сэръ, и очень кстати, потому что въ кружкѣ выпито до послѣдней капли.»

— Нѣтъ, не кончена! вскричалъ я, схвативъ руку этого человѣка, въ которомъ я несомнѣнно видѣлъ всѣ признаки необыкновеннаго таланта.

Я представилъ его одному знакомому мнѣ директору. Нѣсколько дней спустя онъ дебютировалъ въ драмѣ Шекспира, и скоро изъ бѣднаго фигляра вышелъ знаменитый Джонъ Филиппъ Кембль, первый актеръ Англіи, а можетъ быть и всего образованнаго міра въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

—

ПРИВИДѢНІЕ.

Разсказъ актрисы Клерона.

(Отрывокъ изъ ея записокъ).

Въ 1743 году, молодость и успѣхи на театрахъ Оперы и Комедіи, окружили меня цѣлымъ легіономъ почитателей моего таланта. Нѣкто С***, сынъ бретанскаго негоціанта, лѣтъ тридцати, ведурной лицомъ, статный мужчина, писавшій стихи остроумно и легко, искалъ моей руки. Разговоръ и обращеніе его обличали прекрасное воспитаніе, привычку къ хорошему обществу; а его скромность и робость, которыя не допускали его изъясняться иначе, какъ услугами и взорами, побудили меня отличить его отъ всѣхъ прочихъ. Долго высматривала я его въ нашихъ фойе, на-

конецъ, позволила ему являться къ себѣ въ домъ и показывала ему всегда особенное вниманіе и расположеніе. Видя, что я свободна и предупредительна къ нему, онъ вооружился терпѣніемъ, въ надеждѣ, что со временемъ во мнѣ проснется чувство болѣе нѣжное.... Почему знать?... Можетъ-быть, оно бы такъ и кончилось — но, отвѣчая откровенно на всѣ вопросы, внушаемые мнѣ разсудкомъ и любопытствомъ, я находила, что онъ самъ вредилъ себѣ безпрестанно въ моемъ сердцѣ. Происходя изъ низкаго званія, онъ стыдился своего происхожденія, старался скрыть его, и для этого, обративъ свое имѣніе въ деньги, пріѣхалъ проживать ихъ въ Парижѣ по дворянски. Это мнѣ не нравилось. Стыдиться самого себя, кажется мнѣ, значитъ оправдывать презрѣніе другихъ. Нравъ у него былъ грустный, дикій. Всѣ желанія его ограничивались только тѣмъ, чтобъ видѣть меня безпрестанно и своей услужливостію заставить меня оставить сцену. Разумѣется, это еще больше не понравилось мнѣ. Съ тѣхъ-поръ, я поняла необходимость окончательно разрушить его отрадную надежду и замѣнить ежедневныя дружескія свиданія одними формеными, свѣтскими визитами-изрѣдка. Моя перемѣна причинила ему тяжкую болѣзнь, во время которой я всячески ухаживала за нимъ. Но постоянные отказы въ моей взаимности растравляли рану его сердца. Къ несчастію, зять его, котораго онъ уполномочилъ собирать и пересылать къ нему доходы, вздумалъ воспользоваться порученными ему суммами для собственныхъ спекуляцій. Предпріятія его лопнули и бѣдный С*** былъ поставленъ въ такое крайнее положеніе, что принужденъ былъ принимать отъ меня посильныя денежныя пособія на пищу и лекарства, во время болѣзни. Это еще больше раздирало его душу.

Наконецъ, онъ поправилъ свое состояніе, но уже не могъ поправить здоровья. Думая оказать ему услугу, если удалю его отъ себя, я рѣшилась не принимать ни его личныхъ визитовъ, ни писемъ.

Прошло два года съ половиною отъ нашего знакомства до его кончины. При послѣднемъ издыханіи, онъ прислалъ, чтобы я пришла къ нему — проститься: гости помѣшали мнѣ ѣхать къ нему. Онъ умеръ, окруженный только прислугою, да одной старой родственницею, единственной собесѣдницей его съ давнихъ поръ. Въ то время онъ жилъ на валу, близъ улицы Шоссе-д'Антенъ, гдѣ тогда начинали строиться: я жила въ улицѣ Бюссй, близъ Сенъ-Жерменскаго аббатства. Со мной жила моя мать. Однажды вечеромъ былъ у меня гости: интендантъ королевскихъ удовольствій (intendant des menus-plaisirs), въ которомъ я

безпрестанно имѣла нужду по сношеніямъ моимъ съ дворомъ и съ королевскими актерами; добрякъ Пиплѐ, и одинъ изъ моихъ товарищей, Розелй, молодой человѣкъ благовоспитанный, умный и даровитый. Тогдашніе вечера, при всей ихъ простотѣ, бывали веселѣе, чѣмъ самые блестящіе праздники нынѣшняго времени. Я только что пропѣла нѣсколько хорошенькихъ романсовъ, отъ которыхъ мои гости были въ восторгѣ, какъ вдругъ вслѣдъ за одиннадцатымъ ударомъ часовъ послѣдовалъ самый пронзительный вопль. Печальная модуляція его и продолжительность удивили всѣхъ; я почувствовала дурноту и около четверти часа пробыла безъ памяти.

Блѣдность и дрожь, еще не прошедшія у меня, и слезы, которыя текли противъ воли, наконецъ мои просьбы, чтобы гости просидѣли со мною часть ночи, доказывали, что я не понимала, откуда взялся вопль. Мы много толковали объ немъ и рѣшились поставить караульныхъ на улицѣ, чтобы узнать, если онъ повторится, что за причина его и кто его виновникъ.

Всѣ наши люди, мои знакомые, сосѣди, даже полиція, слышали тотъ-же самый вопль, и онъ повторялся ежедневно, всегда въ одинъ и тотъ-же часъ, подъ самыми моими окнами и, казалось, вылеталъ изъ пустоты воздуха. Я не могла сомнѣваться, что вопль раздавался не для кого другаго, какъ для меня. Я рѣдко ужинала въ гостяхъ; но когда ужинала, не слышала ничего. Нѣсколько разъ, однако-жъ, случалось, что когда я спрашивала у матери, у людей, не было-ли вопля, и шла съ ними въ спальню, онъ вдругъ раздавался посреди насъ. Однажды я ужинала у президента Б**. Послѣ ужина, президентъ захотѣлъ самъ проводить меня домой, чтобъ увѣриться, что я доѣхала благополучно. Когда онъ прощался со мною у моего крыльца, вопль раздался между нимъ и мною. Подобно цѣлому Парижу, онъ зналъ объ этихъ случаяхъ и его посадили въ карету едва живаго.

Въ другой разъ, я попросила товарища моего, Розелй, съѣздить со мною въ улицу Сенгъ-Оноре, выбрать матерій и навѣстить мадмоазель де-Сенъ-При, которая жила близъ Сенъ-Денискихъ Воротъ. Единственнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ, во время этой поѣздки, былъ мой мертвецъ (какъ его называли). Мое приключеніе поражало молодаго человѣка, умнаго, но не вѣрившаго въ предразсудки. Онъ приставалъ, чтобы я вызвала привидѣніе, обѣщая повѣрить, если привидѣніе откликнется. Не знаю, по слабости или по смѣлости, я исполнила его желаніе: вопль раздался три раза, ужасный по рѣзкости и по быстротѣ. Когда мы пріѣхали къ подъ-

ѣзду моей пріятельницы, понадобились пособія всего дома, чтобы вынуть насъ изъ кареты, гдѣ мы оба лежали безъ чувствъ.

Послѣ этого случая, нѣсколько мѣсяцевъ я ничего не слыхала. Я думала, что отдѣлалась навсегда отъ мучительнаго духа, но ошиблась.

Всѣ актеры собраны были въ Версаль, по случаю бракосочетанія дофина. Намъ слѣдовало провести тамъ три дня. О нѣсколькихъ квартирахъ забыли. У мадамъ Гранваль не было квартиры. Мы съ ней напрасно ждали, чтобъ ей пріискали комнату. Въ три часа утра я предложила раздѣлить съ нею комнату съ двумя постелями, которую отвели мнѣ въ аллеѣ Сенъ-Клу. Она приняла мое предложеніе. Я уступила ей меньшую постель; она улеглась, и я легла въ свою. Пока горничная раздѣвалась, чтобы лечь рядомъ со мною, я сказала ей: Теперь мы на краю свѣта; погода на дворѣ ужасная; авось *вопль* не найдетъ насъ здѣсь.... Вдругъ онъ раздался! Мадамъ Гранваль показалось, что въ комнатѣ цѣлый адъ: она бѣгала, въ одной сорочкѣ, съ верху въ низъ по дому, гдѣ никто не могъ сомкнуть глазъ во всю остальную ночь. По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ вопль слышался въ послѣдній разъ.

Недѣлю спустя, когда я бесѣдовала съ моими обыкновенными гостями, вслѣдъ за боемъ одиннадцати часовъ послѣдовалъ ружейный выстрѣлъ въ одно изъ моихъ оконъ. Всѣ мы слышали выстрѣлъ; всѣ видѣли огонь; окно не потерпѣло ни малѣйшаго вреда. Всѣ думали, что кто-нибудь хотѣлъ убить меня, но не попалъ; что надлежало взять мѣры предосторожности на будущее время. Интендантъ поскакалъ къ господину де-Марвилю, тогдашнему начальнику полиціи и его пріятелю. Немедленно были обысканы всѣ противоположные домы. Не нашли никого. Въ слѣдующіе дни, у всѣхъ домовъ стояли полицейскіе служители; весь мой домъ былъ обысканъ; улица наполнена шпіонами; но, сколько ни хлопотали, выстрѣлъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ былъ слышанъ, видѣнъ, раздаваясь всегда въ одинъ и тотъ-же часъ, въ одно и тоже стекло окна, и никто не могъ разглядѣть, откуда онъ вылеталъ. Приключеніе это внесено въ полицейскіе списки.

Привыкнувъ къ моему мертвецу, который казался мнѣ довольно добрымъ, потому-что ограничивался пустыми продѣлками; не обращая вниманія на часы и чувствуя духоту въ комнатѣ, я растворила завѣтное окно, и мы съ интендантомъ оперлись на балконъ. Бьетъ одиннадцать часовъ; выстрѣлъ раздается и повергаетъ обоихъ насъ посреди комнаты. Пришедши въ память и чувствуя, что мы не ранены, мы поглядѣли другъ на друга, и со-

знались одинъ другому, что получили по жесточайшей пощечинѣ, онъ въ лѣвую, я въ правую щеку. Мы расхохотались, какъ полуумные. На другой день ничего не было. На третій день мадмоазель Дюменилъ пригласила меня на вечеринку, которую она давала въ своемъ домѣ у Бѣлой Заставы. Въ одиннадцать часовъ я съ горничной сѣла въ наемную карету. Луна свѣтила во всемъ блескѣ. Мы ѣхали по бульварамъ, которые тогда начинали обстраиваться. Мы разсматривали работы, которыя тамъ производились, какъ вдругъ горничная сказала мнѣ: «Ахъ, сударыня! Вѣдь здѣсь, кажется, умеръ г. С**?» — Судя потому, какъ мнѣ разсказывали, должно быть здѣсь, въ одномъ изъ этихъ двухъ домовъ, отвѣчала я, указывая на нихъ пальцемъ. Въ тотъ-же мигъ изъ одного дома вылетѣлъ тотъ самый выстрѣлъ, который преслѣдовалъ меня, и пролетѣлъ сквозь нашу карету. Кучеръ, думая, что на насъ напали воры, пріударилъ по лошадямъ; мы пріѣхали въ гости, едва переводя духъ. Признаюсь, меня пронялъ ужасъ, котораго я долго не могла забыть. За то, это былъ послѣдній выстрѣлъ.

Выстрѣлы замѣнялись хлопаньемъ въ ладоши, съ извѣстнымъ размѣромъ и удвоеніями. Звукъ этотъ, къ которому пріучила меня благосклонность публики, долго не обращалъ моего вниманія; друзья замѣтили его за меня. Мы караулили, говорили они: въ одиннадцать часовъ хлопаютъ въ ладоши почти у самыхъ вашихъ дверей. Мы слышимъ, но не видимъ никого: безъ сомнѣнія, это продолженіе проказъ вашего мертвеца. Но какъ эти аплодисманы не заключали ничего страшнаго, то я и не помню, сколько времени они продолжались. Точно также не обращала я вниманія на мелодическіе звуки, которые слышались послѣ, какъ-будто какой-то неземной голосъ напѣвалъ благородную и трогательную арію. Голосъ начинался у площадки Бюсси и оканчивался у моего крыльца. Точно также и его подстерегали, слышали, но не видали ничего. Наконецъ, съ небольшимъ черезъ два года съ половиною, все прекратилось.

Домъ, гдѣ я жила, былъ очень шуменъ отъ сосѣдства рынка и отъ множества жильцевъ. Мнѣ нужно было побольше спокойствія для моихъ занятій и для здоровья, уже сильно разстроеннаго. Я стала немножко богаче прежняго и захотѣла жить получше. Мнѣ говорили, что продается домикъ въ улицѣ Марѣ, за тысячу двѣсти ливровъ. Въ этомъ домикѣ, сказывали мнѣ, сорокъ лѣтъ жилъ Расинъ со всѣмъ своимъ семействомъ; здѣсь онъ сочинялъ свои безсмертныя творенія и здѣсь-же умеръ. Потомъ трогательная Лекуврёръ занимала этотъ домикъ, убрала его, и умер-

ла въ немъ. Однѣхъ стѣнъ этого дома, подумала я, достаточно, чтобы дать мнѣ постигнуть величіе автора и возвысить меня до таланта актрисы. Въ этомъ домѣ и я должна жить и умереть! Домъ продали мнѣ, а на прежній вывѣсили ерлыкъ.

Въ числѣ желавшихъ нанять, приходило много любопытныхъ. Публика никогда не видала меня внѣ театра; ей хотѣлось посмотрѣть на меня безъ вѣнца и безъ театральной оболочки, безъ подпоры Корнеля, Расина и Вольтера, въ простомъ домашнемъ быту, въ положеніи обыкновенной женщины. Я очень мала ростомъ, а публика воображала, что я футовъ шести. У себя, я была самой собою; къ искусству прибѣгала только на театрѣ. Я боялась, что когда увидятъ меня вблизи, изъ моего маленькаго роста убавятъ вдвое противъ того, что обыкновенно прибавляли къ нему. Я уже знала, что кто изъ насъ пересталъ быть поразителенъ въ глазахъ людей, тому нельзя и ждать уваженія отъ нихъ. Къ счастію, мои соотечественники не умѣли размышлять, и мнѣ пришлось не разъ слышать собственными ушами, какъ многіе утверждали, будто я выростала съ каждымъ днемъ.

Но возвратимся къ моему разсказу.

Разъ мнѣ пришли сказать, что какая-то пожилая дама желаетъ видѣть мою квартиру и проситъ позволенія войти. Въ моихъ правилахъ было всегда изъявлять старости всевозможное почтеніе; я поспѣшила встрѣтить даму. Чувство, котораго я не могла одолѣть, заставило меня долго осматривать ее съ ногъ до головы. Это волненіе усилилось, когда я примѣтила, что она чувствуетъ и дѣлаетъ тоже самое. Я пригласила ее сѣсть; она сѣла; обѣимъ намъ это было не обходимо. Молчаніе наше продолжалось, но глаза наши неоставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что намъ хотѣлось заговорить. Она знала, кто я; я не знала, кто она; она почувствовала, что ей надлежало прервать молчаніе; и вотъ нашъ разговоръ:

— Давно, сударыня, мнѣ чрезвычайно хотѣлось познакомиться съ вами. Въ спектакляхъ я не бываю, не знаю никого изъ тѣхъ, кого вы принимаете въ домъ, а письменно объясняться я не хотѣла, боясь, что письмо поселитъ въ васъ сомнѣнія на счетъ моихъ намѣреній и побудитъ васъ къ отказу. Ерлыкъ о передачѣ вашей квартиры доставляетъ мнѣ наконецъ пріятный случай свиданія съ вами. Признаюсь, мнѣ нужна не квартира; я не такъ богата, чтобы взять ее. А все-таки попрошу васъ показать мнѣ ее: мѣста, гдѣ вы живете, для меня интересны. Ваши таланты пользуются славою, которая не позволяетъ мнѣ сомнѣваться въ вашемъ умѣ; вижу, что мнѣ говорили правду о вашей наружно-

сти: желательно знать, такъ-же-ли вѣрно описаніе мѣстъ.... А мнѣ это необходимо, чтобы шагъ за шагомъ слѣдить за моимъ несчастнымъ другомъ въ его надеждахъ и отчаяніи....

— Мнѣ кажется, сударыня, безпокойство, въ которомъ вы видите меня, и которое возрастаетъ отъ каждаго вашего слова, извиняетъ меня. Мой характеръ не позволяетъ мнѣ быть ничьей игрушкою. Позвольте узнать что вамъ угодно, или извините....

— Вы правы! — Я была лучшимъ другомъ г-на С**; со мной одной онъ видался въ послѣдній годъ своей жизни; мы съ нимъ изочли всѣ дни и часы этого года, говоря объ васъ, представляя васъ то добрымъ геніемъ, то злымъ. Я все уговаривала его стараться позабыть васъ; онъ все увѣрялъ, что не перестанетъ любить васъ, и за гробомъ.... Взоры ваши, которые, я вижу, наполняются слезами, позволяютъ мнѣ спросить, за что вы сдѣлали его такъ несчастнымъ, и какимъ образомъ, съ вашей честной и чувствительной душою, могли вы отказать ему въ утѣшеніи поговорить съ вами, въ послѣднюю минуту жизни?...

— Люди не властны надъ сердцемъ. Г. С** имѣлъ прекрасныя качества; но характеръ его, угрюмый, дикій, заставилъ меня бояться и его общества, и его любви и дружбы. Чтобы сдѣлать его счастливымъ, мнѣ надо было отречься отъ всѣхъ сношеній съ людьми, даже отъ моего таланта. Я была бѣдна и горда; я хотѣла быть всѣмъ обязанной только себѣ самой. Дружба, которую онъ внушалъ мнѣ, побуждала меня употреблять всѣ усилія поселить въ немъ чувствованія болѣе спокойныя и болѣе справедливыя. Но я не успѣла и убѣдилась, что его упорство происходило не столько отъ избытка страсти, сколько отъ крутости характера и приняла твердое рѣшеніе разстаться съ нимъ совершенно. Я отказалась видѣться съ нимъ въ послѣднія его минуты оттого, что это зрѣлище растерзало-бы мнѣ душу. Вотъ, сударыня, причины моего поведенія: смѣю надѣяться, что оно не заслуживаетъ порицанія.

— Осуждать васъ было-бы, конечно, несправедливо! Мы обязаны пожертвованіями нашимъ клятвамъ, нашимъ родителямъ, благодѣтелямъ; а въ этомъ послѣднемъ отношеніи, я знаю, что не вы были обязаны признательностью. Увѣряю васъ, что душа его была проникнута вашими одолженіями; но имъ руководило его положеніе и страсть; а ваши послѣдніе отказы ускорили его послѣднія минуты. Онъ считалъ каждый мигъ, когда въ половинѣ одинадцатаго лакей пришелъ съ отвѣтомъ, что вы рѣшительно не будете. Помолчавъ съ минуту, онъ схватилъ меня за руку, въ такомъ припадкѣ отчаянія, что я испугалась: «*Жестокая!*...

она этимъ ничего не выиграетъ; я и послѣ смерти не дамъ ей покоя столько-же времени, сколько не давалъ при жизни!... Я было хотѣла успокоить его; онъ уже не дышалъ!...

Нечего говорить, какое дѣйствіе произвели на меня эти послѣднія слова. Аналогія ихъ со всѣми моими призраками проникла меня ужасомъ. Мнѣ пришло въ голову, что всѣ силы преисподней соединятся, чтобы терзать мою несчастную жизнь; но время и укрѣпившійся разсудокъ возвратили спокойствіе моимъ чувствамъ.

Нѣсколько оглядокъ на самое себя, мысль, что я не стала ни хуже, ни лучше отъ всего необычайнаго, что случилось со мною, заставили меня все приписать случаю.

—

Приводя разсказъ сценической знаменитости прошлаго вѣка, разсказъ, характеризующій цѣлую сторону этой суевѣрной эпохи, мы стараемся держаться строгой вѣрности въ выраженіяхъ и колоритѣ подлинника. Необыкновенный случай, котораго героинею была сама разскащица, описанъ у Гёте въ сочиненіи его: «Gespräche der deutschen Ausgewanderten». Гёте собралъ въ своей статьѣ нѣсколько подобныхъ странныхъ случаевъ, и пробовалъ объяснить ихъ по возможности. Странно, что такіе люди, какъ Гёте, принуждены были употреблять всѣ усилія, чтобы уничтожить нелѣпости, выдуманныя вѣтренной и болтливой актрисой, и болѣе смѣшныя, чѣмъ правдоподобныя. Въ настоящее время, когда понятія очистились отъ суевѣрія, намъ подобные разсказы кажутся совершенной сказкою.

=

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald iſt es dieß, bald iſt es das;
Bald iſt es nichts, bald iſt es was.

ПАТОЧНЫЙ ГОРОДЪ. — Одинъ англійскій путешественникъ разсказываетъ, что предмѣстіе Гаванны, называемое Регла и составляющее отдѣльный городокъ, правильнѣе было бы назвать *паточнымъ городомъ*. Городокъ этотъ составляетъ центральный пунктъ всей торговли мелисомъ и сахарной патокой. «Я видѣлъ огромные резервуары», пишетъ онъ: «куда выливаютъ патоку, когда она получается съ сахарныхъ плантацій. Въ Кубѣ это произведеніе рѣшительно не имѣетъ никакой цѣны, такъ, что даже не окупаетъ провоза. Патоку употребляютъ тамъ, по бо́льшей части, для удобренія полей. Въ Реглѣ я видѣлъ у самой проѣзжей дороги цѣлые пруды патоки; всякій можетъ черпать себѣ, сколько хочетъ, но бочки сто́ятъ дороже самой жидкости. Мелисъ и патока, которые доставляются изъ нутри острова въ Реглу для заграничной торговли, обыкновенно привозятся туда въ боченкахъ, штофовъ въ двадцать каждый. Ихъ нагружаютъ на муловъ, такъ, что съ каждой стороны мула висятъ по три боченка. Плантаціи, лежащія по берегамъ, разумѣется, пересылаютъ свои бочки въ Гаванну моремъ. Прежде вывозилось чрезвычайно много патоки въ Соединенные Штаты, гдѣ изъ нея гнали водку, но съ-тѣхъ-поръ, какъ тамъ размножились общества воздержанія и трезвости, потребность болѣе чѣмъ на половину уменьшилась.» Значитъ не въ

однѣхъ сказкахъ текутъ рѣки изъ сыты между кисельными берегами: есть край гдѣ сказка становится истиной!

—

КИТАЙСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И КИТАЙСКІЙ ЭГОИЗМЪ. — Извѣстный германскій ученый Гюцлафъ, который нѣсколько десятковъ лѣтъ прожилъ въ Китаѣ, недавно возвратился въ отечество и теперь, въ главнѣйшихъ городахъ Германіи, занимаетъ публику чтеніями: о жизни и правахъ китайцевъ. Сообщаемъ здѣсь отрывокъ изъ одной его лекціи: «Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны, говоритъ онъ, которая могла-бы похвалиться такою тѣснотою населенія, какъ Китай. Самыя населеннѣйшія государства Европы, какъ напримѣръ, Голландія, Бельгія, Англія, въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ Китая. Тамъ городъ тѣснится къ городу, деревня рядомъ съ деревней, и самое малѣйшее пространство переполнено народомъ. За то здѣсь человѣкъ дѣйствительно первое звѣно творенія, главная дѣйствующая сила: все остальное животное царство передъ нимъ исчезаетъ. Всѣ труды и работы, которыя у насъ совершаются животными или машинами, тамъ взвалены на человѣка и онъ, въ полномъ значеніи слова, становится вьючною лошадью. Разумѣется, что при такой тѣснотѣ населенія, подобное положеніе развиваетъ въ человѣкѣ необычайную дѣятельность духа и крѣпость тѣлесную. Преимущественно это видно изъ обработыванія земли въ Китаѣ. Каждый клочекъ почвы употребленъ здѣсь въ дѣло, изъ него стараются извлечъ какъ можно больше пользы. Жатву снимаютъ три, четыре и даже пять разъ — и это здѣсь вовсе не рѣдкость, часто съ одного конца поля еще собираютъ жатву, какъ ужъ другой конецъ снова вспахиваютъ и засѣваютъ. Вся страна похожа на одинъ огромный огородъ. Это трудолюбіе всего народонаселенія, отъ котораго все царство кажется грамаднымъ муравейникомъ, составляетъ главную черту китайскаго характера, черту, изъ которой истекаютъ всѣ остальныя ихъ свойства, какъ-то: проницательность, лукавство, хитрость, быстрый практическій умъ и проявляющееся во всемъ направленіе ко всему полезному. Между этими свойствами главную роль въ китайцѣ играютъ его самолюбіе и холодный эгоизмъ, доведенные до крайней точки, такъ, что переходятъ даже въ жестокость и вопіющее безчеловѣчіе. Китаецъ живетъ и трудится только для самаго себя; никогда не подыметъ онъ руку на помощь страждущему ближнему; съ величайшимъ хладнокровіемъ будетъ онъ смотрѣть, когда сотни людей умираютъ съ голоду и

ни одному не подастъ черстваго куска, еще менѣе приметъ его подъ свою кровлю. Онъ даже, напротивъ, такую помощь счелъ бы дѣломъ вреднымъ и противозаконнымъ, и даже сосѣду не проститъ *слабодушія*, какъ онъ называетъ состраданіе, еслибъ тотъ, движимый человѣческимъ чувствомъ, вздумалъ помочь бѣдняку. Замѣчательно, что въ Китаѣ есть общества, которыя исключительно занимаются погребеніемъ несчастныхъ, умирающихъ голодною смертію, но нигдѣ нѣтъ сострадательной руки, которая-бы кускомъ хлѣба спасла умирающаго отъ погибели. Вслѣдствіе этого несчастливцы идутъ на встрѣчу смерти съ какою-то фаталистическою твердостію и рѣшимостію; вы не услышите отъ нихъ ни жалобъ, ни ропота! Съ другой стороны эта почти безчеловѣчная жестокость смягчается тѣмъ, что китаецъ всю силу своей любви обращаетъ на близкихъ къ себѣ, на свою семью, родныхъ и на весь свой родъ. Любовь эта обнаруживается въ привязанности родителей къ дѣтямъ и безусловной покорности и уваженіи дѣтей къ родителямъ. Послѣднее доходитъ до обожанія, не знаетъ границъ и готово на всѣ возможныя жертвы. На каждомъ шагу можно встрѣтить самые поразительные и трогательные примѣры такой дѣтской любви. Мнѣ самому удалось видѣть бѣдняка работника, который поставилъ себѣ закономъ каждый день приносить престарѣлой своей матери по монетѣ, равняющейся на наши деньги тремъ зильбергрошамъ (около девяти копѣекъ серебромъ). Если онъ не заработывалъ въ день больше этой суммы, то самъ, не смотря напастощеніе силъ, голодалъ цѣлыя сутки, но деньги аккуратно приносилъ старухѣ. Разъ я нашелъ его на дорогѣ, истекающаго кровью. Я подошелъ, чтобы подать ему помощь, но онъ, показывая мнѣ огромный ножъ, которымъ пропоролъ себѣ внутренности, оттолкнулъ мою руку и сказалъ: «Дай мнѣ умереть, добрый человѣкъ, я вчера и нынче не досталъ работы, не могу исполнить сыновней клятвы — и лучше умру, чѣмъ преступить ее.» Съ большимъ трудомъ могъ я уговорить его принять отъ меня нѣсколько монетъ и тѣмъ спасти ему жизнь.»

—

ПОЛЬКА СО ВЗРЫВОМЪ. — Богатый стразбургскій купецъ недавно праздновалъ свадьбу своей дочери. Молодые, любившіе другъ друга уже нѣсколько лѣтъ, воротились изъ церкви, ихъ встрѣтили радостные родители. Толпа молодыхъ людей и разряженныхъ дѣвушекъ окружили ихъ съ букетами и поздравленіями. Шампан-

ское запѣнилось и закипѣло, а вслѣдъ за тѣмъ раздалась веселая музыка и молодежъ пестрой вереницей запорхала по роскошнымъ заламъ въ рѣзвой полькѣ. Между тѣмъ старикъ отецъ поспѣшилъ на кухню, чтобы отдать еще нѣкоторыя приказанія повару на счетъ готовившагося ужина. Проходя корридоромъ, онъ встрѣтилъ служанку, которая несла въ рукахъ сальную свѣчку безъ подсвѣчника. Онъ сдѣлалъ ей выговоръ за это неопрятство, она извинялась поспѣшностію, и онъ, не обращая дальнѣйшаго вниманія, отправился по своему дѣлу. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, старикъ купецъ хотѣлъ уже идти назадъ, какъ вдругъ увидѣлъ входящую служанку съ двумя корзинками вина, которыя она несла изъ погреба. «А гдѣ-же свѣчка?» спросилъ купецъ. — Да я ее оставила на погребѣ; отвѣчала служанка. — «Какъ на погребѣ?» — А какъ-же мнѣ было ее нести, когда у меня обѣ руки полны. — «Но вѣдь она безъ подсвѣчника?» — Не безпокойтесь: я воткнула ее въ боченокъ съ чернымъ пескомъ, что стоитъ въ углу. — Въ эту минуту купецъ вспомнилъ, что наканунѣ въ погребъ были поставлены двадцать бочонковъ пороху, и что одинъ изъ нихъ еще утромъ былъ откупоренъ прикащикомъ, который изъ него доставалъ пробу. Какъ безумный бросился онъ въ погребъ, почти кубаремъ скатывается онъ съ лѣстницы, колѣнки его подгибаются, дыханіе захватываетъ, всѣ члены дрожатъ: ему казалось, что смерть уже поглотила его и всѣхъ близкихъ его сердцу. Въ углу погреба, подъ самой той залою, гдѣ молодые и съ ними весь цвѣтъ города порхали въ веселой полькѣ, видитъ онъ, по самые края полный порохомъ, боченокъ, крышка съ него валяется въ углу, а посреднѣ въ порохъ воткнута свѣчка, которая на половину уже оплыла и густой, раскаленный нагаръ при малѣйшемъ движеніи готовъ свалиться съ свѣтильни. Старикъ окаменѣлъ. Музыка и хохотъ надъ его головою обдаютъ его холоднымъ потомъ. Онъ не смѣетъ пошевельнуться, боясь, что отъ движенія воздуха нагаръ сейчасъ отвалится. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ этомъ оцѣпѣненіи, не спуская глазъ съ свѣчки.... Но вотъ ему кажется, что свѣчка зашаталась, падаетъ.... почти въ безпамятности кидается онъ къ ней, схватываетъ пламя обѣими руками и крѣпко сжимаетъ его въ горстяхъ. Страшная боль отъ обжога руки приводитъ его въ чувство.... онъ видитъ, что все вокругъ него темно, нигдѣ нѣтъ искры.... дрожа, спѣшитъ онъ къ лѣстницѣ, ощупью взбирается по ней, летитъ въ залу — и при первомъ шагѣ въ нее кричитъ: «Дѣти! прытче, веселѣй! это я васъ всѣхъ взорвалъ на воздухъ! а, каковъ фейерверкъ!» Съ этимъ словомъ онъ падаетъ въ конвульсіяхъ на землю. Всѣ

кинулись къ нему; наскоро подана нужная помощь, но несчастный лишился ума. Теперь онъ переведенъ въ домъ ума-лишенныхъ, но врачи сомнѣваются, чтобы онъ дожилъ до исцѣленія. — Вотъ драма изъ дѣйствительной жизни, какой вѣрно не скоро придумаетъ даже изобрѣтательный Дюма.

—

ПОРТРЕТЪ ЛУНЫ И ЛУННЫЕ ДАГЕРРОТИПЫ.—До-сихъ-поръ намъ было извѣстно, что посредствомъ солнечнаго свѣта можно снимать Дагерровымъ аппаратомъ изображенія со всѣхъ видимыхъ предметовъ. Сѣвероамериканскій физикъ Гумфри, въ Нью-Іоркѣ, недавно дѣлалъ опыты дагерротипомъ при лунномъ свѣтѣ и притомъ надъ самой луною. Въ послѣднемъ засѣданіи Кембриджской ученой Академіи (въ Американскихъ штатахъ) занимались разсматриваніемъ представленныхъ имъ рисунковъ. Первый изъ нихъ былъ снятъ въ двѣ минуты. Но время это было слишкомъ продолжительно, потому-что въ этотъ промежутокъ положеніе земли, въ отношеніи къ лунѣ, такъ перемѣнилось, что она изобразилась въ овальной формѣ. Второй рисунокъ снятъ въ одну минуту, но и тутъ луна все еще вышла продолговатою. Въ третьемъ рисункѣ этого недостатка не замѣтно, онъ былъ снятъ въ 30 секундъ. На всѣхъ этихъ рисункахъ внѣшнія формы луны и ея поверхности какъ-то сплываются, и не довольно ясны. Но на четвертомъ рисункѣ, снятомъ въ три секунды, всѣ очертанія вышли ясно и опредѣлительно; фигура луны явилась совершенно круглою и вся поверхность ея такъ отчетливо отпечаталась, что если ее разсматривать въ микроскопъ, то она кажется рѣшительно такою, какъ астрономы видятъ ее въ зрительную трубу. Пятый снимокъ сдѣланъ въ полсекунды, но вышелъ довольно слабый. Всѣ эти рисунки сняты въ ночь на первое сентября, прошлаго года, за два часа до наступленія полнолунія. Они доказываютъ, что лунные лучи дѣйствуютъ по тѣмъ-же химическимъ законамъ, какъ и солнечный свѣтъ. Вѣроятно, опытъ этотъ подастъ поводъ и другимъ ученымъ заняться подробнѣе новымъ открытіемъ и можетъ быть приведетъ къ весьма важнымъ выводамъ и наблюденіямъ надъ лупою. Если поговорка справедлива, что нѣтъ ничего новаго подъ лупою, то, вѣроятно, выдумка Гумфри откроетъ намъ много новаго въ самой лунѣ.

—

ВАЖНОЕ ОТКРЫТІЕ ПО ЧАСТИ НЕСГАРАЕМОСТИ. — Профессоръ химіи, въ Лавалѣ, г. Комъ (Come), представилъ парижской Академіи Наукъ весьма важное открытіе, которое доставляетъ человѣку средство безвредно обходиться съ растопленными и раскаленными металлами. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, онъ публично дѣлалъ свои опыты, которые произвели всеобщее изумленіе. Сперва Комъ опустилъ сухую руку въ растопленное олово, потомъ намочилъ ее водою и снова опустилъ. Въ послѣднемъ случаѣ, говоритъ онъ, можно даже мѣшать металлъ рукою.

Секретъ г. Кома состоитъ вотъ въ чемъ:

Онъ обмакиваетъ руку сперва въ алкоголь, или эѳиръ, а потомъ уже въ воду. При этомъ замѣчено, что по мѣрѣ испаренія воды, жаръ становится менѣе ощутительнымъ. Если же руку намочить сѣрной кислотою и опустить въ растопленное олово, то почувствуешь, вмѣсто жара, холодъ. Употребляя тотъ-же способъ, Комъ бралъ въ руки раскаленное желѣзо, гнулъ и ломалъ его, и плескалъ руками растопленное желѣзо въ горнѣ. Физикамъ предоставляется пояснить это странное явленіе, которое, вѣроятно, было уже за тридцать лѣтъ предъ симъ извѣстно итальянцу Рожеру, прославившемуся во всей Европѣ подъ именемъ *несгараемаго*, но унесшему тайну съ собою въ могилу.

—

«БУРЯ» ШЕКСПИРА ПОДЪ ПЕРОМЪ СКРИБА И ГАЛЕВИ. — Іюня 9-го представлена наконецъ на лондонскомъ Королевскомъ театрѣ въ первый разъ давно ожиданная лирическая опера «Буря», либретто для которой написано Скрибомъ, а музыка Галеви. Само-собой разумѣется, что твореніе, для котораго первый либреттистъ въ мірѣ передѣлалъ одно изъ самыхъ поэтическихъ вдохновеній Шекспира, а второй по генію композиторъ современности написалъ музыку, и въ которой представителями главныхъ ролей являются Зонтагъ (*Миранда*), Карлотта Гризи (*Аріэль*) и Лаблашъ (*Калибанъ*) — должно было имѣть громадный успѣхъ. Но успѣхъ этотъ превзошелъ всѣ ожиданія. По окончаніи оперы Скрибъ и Галеви были три раза вызваны. Послѣ нихъ публика потребовала капельмейстера Бальфа, управлявшаго оркестромъ, и наконецъ Лумлея, этого образцоваго директора театра, который не боится никакихъ громадныхъ предпріятій и во всемъ успѣваетъ на-славу.

Судя по отзывамъ англійскихъ журналовъ и въ особенности по критикѣ газеты *Теймсъ*, которая отличается своимъ безпристра-

стіемъ въ дѣлѣ искусства; эта опера гораздо выше, по созданію и выполненію, чѣмъ всѣ прежнія творенія Галеви, даже выше его «*Жидовки*», образцоваго, во всѣхъ отношеніяхъ, музыкальнаго сочиненія. Скрибъ написалъ свое либретто на французскомъ языкѣ, но какъ на королевскомъ лондонскомъ театрѣ даются только итальянскія оперы, то текстъ Скриба былъ переведенъ на итальянскій языкъ, и довольно удачно. Текстъ этотъ первоначально назначался для Мендельсона Бартольди, но ранняя смерть не позволила знаменитому композитору воспользоваться имъ. Галеви, достойный преемникъ Мендельсона, менѣе привязанъ къ германскимъ музыкальнымъ знаменитостямъ, и, какъ оригинальный драматическій композиторъ, избѣжалъ воспоминаній «Сна въ Иванову ночь» и Веберова «Оберона». Онъ является въ новой своей операѣ самостоятельнымъ, свѣжимъ и оригинальнымъ творцемъ. Скрибъ въ общихъ чертахъ строго слѣдовалъ канвѣ Шекспировой драмы, но въ частностяхъ сдѣлалъ много перемѣнъ и нововведеній. Изъ пяти актовъ у него вышло только три. Первая сцена драмы и разсказъ Аріэля передѣланы имъ въ прологъ, отъ котораго опера и получаетъ названіе «*Бури*». Аріэль у него сдѣлался лицомъ мимическимъ и исполненіе этой роли поручено первой танцовщицѣ. За то Калибанъ, для музыкальнаго контраста, выступаетъ гораздо выпуклѣе въ операѣ, чѣмъ въ драмѣ. Его мать Сикоракса, которая заключила Просперо въ скалу, показываетъ Калибану три волшебные цвѣтка, изъ которыхъ каждый имѣетъ свойство исполнить желаніе своего обладателя. Калибанъ отыскиваетъ эти цвѣтки, и по первому желанію Миранды, обращаетъ Аріэля въ дерево, вторымъ усыпляетъ Миранду и похищаетъ ее; но попадаетъ съ нею къ пьянствующимъ матросамъ, гдѣ напивается и потому не можетъ высказать третьяго своего желанія. Миранда просыпается, схватываетъ третій волшебный цвѣтокъ, бѣжитъ отъ пьяной ватаги и, чтобы остановить ихъ преслѣдованія, привораживаетъ ихъ къ мѣсту. Эта вакханалія, преоригинально выраженная музыкою и составляющая самое блестящее мѣсто оперы, заключаетъ второй актъ. Но и въ третьемъ актѣ Скрибъ порядочно передѣлалъ Шекспира. Вся пьеса оканчивается картиною, слишкомъ живо напоминающею развязку обыкновенныхъ волшебныхъ водевилей. Приплывающій корабль принимаетъ примирившихся принцевъ и при кликахъ общаго восторга и счастія, отчаливаетъ съ ними въ Италію.

Вмѣсто увертюры, Галеви написалъ къ этой операѣ только небольшую интродукцію. Счастливѣе всего у композитора вылилась

партія Калибана. Но за то эта партія и была выполнена Лаблашемъ, пѣвцомъ, неимѣющемъ двойника. Въ партіи Миранды, при богатой вокализаціи, композиторъ умѣлъ сохранить очаровательную наивность: тотчасъ видно, что весь характеръ создавался для Зонтагъ. Знаменитая пѣвица была въ ней совершенно въ своей тарелкѣ, и вслѣдствіе того очаровательна. Надо думать, что эта новая опера, представляющая обширное поприще не для однихъ пѣвцовъ, но и для балета, для машинистовъ и декораторовъ, — скоро появится на всѣхъ европейскихъ театрахъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, вездѣ произведетъ такой-же поразительный эфектъ.

МЫСЛИ И ИЗРѢЧЕНІЯ.

— Одна изъ прекраснѣйшихъ особенностей высокихъ душъ состоитъ въ томъ, что имъ недоступна мысль о человѣческой низости.

*

— Въ такъ называемые трудные моменты жизни, когда человѣку представляется борьба съ клеветой, наглостію и завистію, мужество приходитъ скорѣе всего; трудно только удержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ.

*

— На свѣтѣ труднѣе всего: сохранить тайну и употребить досугъ свой съ пользою.

*

— Напасть на безоружнаго также постыдно, какъ и говорить дурное о человѣкѣ, который не можетъ защититься.

*

— Болѣе всего нужно опасаться: зависти друзей и презрѣнія враговъ.

*

— О счастіи человѣка можно заключить только въ послѣднюю минуту его жизни.

*

— Надежды умныхъ людей осуществляются — иногда, надежды глупцовъ — никогда; ибо онѣ всегда превышаютъ ихъ собственныя силы.

*

— Важнѣйшая и необходимѣйшая изъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы дурные примѣры сдѣлать незаразительными.

*

— Великодушный человѣкъ легко забываетъ сдѣланное имъ добро; но то, которое получилъ отъ другихъ, постоянно сохраняетъ въ памяти.

*

— Діогенъ часто протягивалъ руку къ статуямъ, прося милостыни, затѣмъ, чтобы, какъ говорилъ онъ, пріучиться къ отказамъ.

*

— Вѣрить тому, что безсильный врагъ неопасенъ, тоже, что вѣрить будто искра не можетъ произвести пожара.

*

— Для человѣка труднѣе всего: перенести несправедливость и сознаться въ своихъ недостаткахъ; легче всего: сдѣлать несправедливость и увидѣть спицу въ глазѣ ближняго.

*

На тридцатомъ году не считаютъ лѣтъ, на шестидесятомъ считаютъ дни.

*

Два печальныя чувствованія составляютъ наше счастіе: воспоминаніе о лишеніяхъ въ прошедшемъ и боязнь потерь въ будущемъ.

*

Древній философъ Біасъ говорилъ: «Быть судьею между двухъ друзей, значитъ нажить врага; а быть судьею между двухъ враговъ, значитъ пріобрѣсти друга».

*

Плиній младшій говоритъ: «Надо творить дѣла, достойныя быть написанными, и писать вещи, достойныя быть прочитанными».

БАЛАГУРЪ.

МОСКОВСКІЙ КУПЧИКЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Куплеты изъ новаго водевиля:)

«ВСЯКІЙ ШУТЪ ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ.»

Питеръ дивная столица
Я осмѣлюсь доложить:
Распотѣшить мастерица
И карманъ растормошить.

—

Здѣсь, что шагъ, то удивленье!
Всюду марморъ да гранитъ; —
И ужъ точно просвѣщенье —
Все на газѣ обстоитъ.

Все такъ чисто и вальяжно....
Всюду этакой бонтонъ....
И устроено такъ важно —
На нѣмецкій все фасонъ.

—

Какъ кандитерскія знатно,
Здѣсь разубраны ей, ей!
И у каждой аккуратно
Двое есть зубныхъ врачей!
Надъ сластями, шеколадомъ,
Порти зубы — ни почемъ!!
Тутъ вамъ вырвутъ, вставятъ рядомъ —
Все за рубликъ серебромъ,

—

А ужъ сколько заведеній,
Въ захолустьяхъ даже всѣхъ,
Для душевныхъ развлеченій
И желудочныхъ утѣхъ!
Здѣсь на дачахъ загляденье
И Воксалы и кафе,
Рестораны — объяденье —
Просто — то-есть — *тутъ-а-фе*!

—

Такъ васъ вѣжливо обступятъ,
Требуй, знай себѣ — небось!
Правда въ тридорога слупятъ,
Но за то ужъ все — хоть брось.
Порціи поменьше горстки,
Бутерброты подъ стекломъ,
Водку подаютъ въ наперсткѣ, —
Утонченности во всёмъ.

—

Рыба сигъ, лосось и штокфишъ,
Все расчитано на вкусъ:
Что желудка не испортишь,
Ужъ за это поручусь.

—

А на счетъ скажу Пассажа,
Есть-ли въ мірѣ гдѣ такой?
Преогромный, въ три этажа,
И представьте, — весь пустой.
Хоть торговля тамъ въ изъянѣ,
Плохо сводится итогъ,

Да за то поютъ цыгане:
«Ужъ какъ вьетъ вьтерокъ!»

—

Все въ размѣрахъ здѣсь гигантскихъ,
Отъ палатъ до фонарей....
И, окромя *«итальянскихъ»*,
Не бываетъ здѣсь ночей.
Чтобъ потѣшить слухъ и взоры
Польки дуютъ на трубахъ,
Огнедышащія горы
Вамъ построятъ на *Водахъ*.

—

Сколько разныхъ есть сокровищъ!
Видишь диво каждый часъ:
Здѣсь — въ Кунсткамерѣ — чудовищъ,
У Цыганъ венгерскій плясъ.
А послушать Лизу, Грушу,
Какъ распустятъ голосокъ —
Потрясаютъ просто душу,
Растрясаютъ кошелекъ!

—

Что за дамы! Какъ порхаютъ!
Легче, кажется, пера....
А шары-то какъ спускаютъ...,
Надувать здѣсь мастера!
Да, ужъ надобно сознаться,
Что отыщется не вдругъ
Въ цѣломъ свѣтѣ можетъ статься —
Городокъ, какъ Петербургъ!

Ѳ. КОНИ.

—

АНЕКДОТЫ ОБЪ РОССИНИ.

DI TANTI PALPITI.

Кто не знаетъ арію Di tanti palpiti, одной изъ прекрасныхъ арій Россини? но никому, даже записнымъ диллетаментамъ, не извѣстно ея происхожденіе.

Удивительныя вещи дѣлаются на свѣтѣ, вотъ, напримѣръ, этимъ замѣчательнымъ мѣстомъ оперы «Танкредъ» — мы одолжены капризу и требованіямъ самолюбивой примадонны.

Дня за два до представленія «Танкреда», Малапотта, первостепенная пѣвица, выполнявшая главную роль, объявила вдругъ, что не будетъ пѣть каватины, написанной для ея выхода на сцену, если не сочинятъ другой.

Россини возвратился домой въ отчаяніи. Усталость и безсонница совершенно разстроили его; гдѣ тутъ думать о сочиненіи?... Но законъ необходимости великъ!... Маэстро садится за фортепьяно и въ полчаса создаетъ арію, прославленную во всей Европѣ.

Въ Италіи произведеніе это зовутъ Aria del rizi, по нашему «Рисовой аріей», и не мѣшаетъ разсказать, отчего получила она такое съѣдобное прозвище.

Всѣ обѣды, отъ пышнаго стола богача до скромнаго полдника простаго поселянина, начинаются, въ Ломбардіи, рисомъ, приготовленнымъ по особенному національному способу.

Варить это кушанье надо съ большой осторожностью и обыкновенно готовящій всегда освѣдомляется о времени обѣда, чтобы подать его съ пылу. Недоварить или переварить блюдо рисъ считается преступленіемъ.

Когда Россини вошелъ, съ требованіемъ Малапотты на сердцѣ, кухарка, по обычаю, спросила у него: «Прикажете класть рисъ?» Bisagna mettere i rizi?

Машинально кивнувъ въ знакъ согласія, маэстро занялся отыскиваніемъ идеи, и прежде, чѣмъ готовъ былъ рисъ, онъ нашелъ знаменитое Di tanti palpiti.

—

ТАБАКЕРКА ЛАБЛАША и ДВѢНАДЦАТЬ РОМАНСОВЪ РОССИНИ.

1830 г. въ прекрасный осенній вечеръ Россини и Лаблашъ встрѣтились неожиданно на бульварѣ въ Вѣнѣ. Первый готовъ былъ уѣхать въ Неаполь, послѣдній не больше, какъ два дни пріѣхалъ въ столицу Австріи.

— Добрый вечеръ, маэстро, сказалъ пѣвецъ, привѣтливо улыбаясь композитору. Что вы дѣлали въ этомъ музыкальномъ магазинѣ, изъ котораго сейчасъ вышли?...

— Не спрашивай, другъ мой, не спрашивай.... Такъ мнѣ надоѣлъ неотвязный издатель моихъ произведеній, что я неворочусь къ нему, кажется, за всю дивную коллекцію твоихъ таба-

керокъ.... А, кстати, поздравляю тебя еще съ пріобрѣтеніемъ одной....

— Благодарю.... Но знаете-ли, что я едва не лишился ея, прежде, чѣмъ завладѣлъ ею.... И все потому только, что плохо исполнилъ предписанный рецептъ въ кашля.

— Это какъ?... Кашель, рецептъ и табакерка. — Странное сочетаніе!... Раскажи, я слушаю.... Вотъ скамья.... вечеръ превосходный : сядемъ.

— Въ первый день моего пріѣзда сюда, началъ Лаблашъ, во дворцѣ былъ назначенъ концеръ. Я долженъ былъ въ немъ участвовать.... и вообразите — въ ту минуту, какъ я подошелъ къ пьяно, вдругъ закашлялъ такъ жестоко — что на глазахъ навернулись слезы, а грудь сдавило до того, что я не могъ произнести ни одного слова. Въ эту минуту его величество король Неаполитанскій, оказывающій мнѣ милостивое вниманіе, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и отвелъ въ сторону.

— Хочешь-ли выличиться? спрашивалъ онъ.

— Очень, — государь.

— Я знаю вѣрное средство отъ кашля....

— Спасите меня, ваше величество!

— Слушай - же.

— Я весь вниманіе.

— Возьми большую, черную рѣдьку. Знаешь-ли ты, что такое рѣдька?

— Знаю, государь.... Рѣдка.... словомъ, черная, большая, знаю.... государь....

— Разрѣжь ее на тоненькіе ломтики..... Потомъ пересыпь ихъ толченымъ сахаромъ и оставъ на часъ или на два — пока рѣдька сдастъ сокъ....

— Прекрасно, государь....

— Сдѣлавъ пріемъ этого соку, ты можешъ лечь спать и утромъ повторить тоже самое.

— И потомъ?...

— Потомъ.... да — все тутъ! курсъ леченія полный.

— Покорно благодарю, ваше величество!

— Понялъ-ли ты?

— Совершенно, государь.... Рѣдька съ сахаромъ....

— Ну, такъ позаботься о себѣ.... до свиданія.

Вчера я пѣлъ на театрѣ въ «Тайномъ бракѣ». Никогда я не чувствовалъ только силы голоса и никогда публика не принимала меня съ такимъ восторгомъ. Король подалъ знакъ къ апплодисману и въ антрактѣ позвалъ меня къ себѣ въ ложу.

— Ну, что я тебѣ говорилъ, вскричалъ онъ; доволенъ-ли моимъ наставленіемъ?

Совершенно государь, отвѣчалъ я, краснѣя. — Мысль, что я обманываю его величество, пробудила во мнѣ совѣсть. Надо сказать, что, приготовляясь къ оперѣ, я забылъ о рецептѣ.

— Ага! сказалъ весело король. Какъ-же ты приготовилъ лекарство.... Посмотримъ.

— Но.... государь.... Сперьва я купилъ.... рѣдьку....

— Хорошо.... Потомъ?...

— Изрѣзалъ ломтиками....

— Очень хорошо. — Далѣе.

— Далѣе.... Положилъ въ нее.... перцу, соли, масла, уксусу.... и съѣлъ, какъ саладъ....

— Шутъ! сказалъ король, засмѣявшись. Ты заслуживаешь, чтобы я не отдавалъ тебѣ табакерки, которую для тебя назначилъ....

— О, государь!

— Возми ея, непослушный больной — и старайся впредь не пренебрегать докторскими совѣтами....

Россини сказалъ пѣвцу: Ну, другъ мой, разсказъ твой заставилъ на время забыть дьявольскую назойливость моего издателя, которою онъ мучилъ меня добрыхъ два часа. Вообрази.... Присталъ, дай ему дюжину романсовъ, онъ платитъ по тысячѣ франковъ за каждый и беретъ ихъ, не читая.... Да гдѣ-жъ я ихъ возьму ему сейчасъ....

— Да, это невозможно, отвѣчалъ Лаблашъ.... Они гуляютъ по цѣлой Европѣ....

— Какъ по цѣлой Европѣ?...

— Разумѣется.... одни въ Германіи, другіе въ Англіи, третьи въ Италіи.... да, словомъ вездѣ.... Невозможно собрать ихъ!

Маэстро самодовольно улыбнулся. — Да, невозможно! повторилъ онъ.

— Для Россини — все возможно! несмѣло прошепталъ кто-то. И мужчина лѣтъ тридцати, дурно одѣтый, съ блѣднымъ и исхудалымъ лицомъ — почтительно поклонился друзьямъ.

— А!... Это ты, негодяй.... и опять въ этомъ жалкомъ видѣ! вскричалъ Россини, узнавъ въ незнакомцѣ одного изъ неаполитанскихъ пѣвцовъ.

— О, маэстро.... сжальтесь надо мною.... Я безъ копѣйки денегъ — и немогу возвратится въ Италію.... Помогите!

— Какъ негодный.... а твой голосъ?

— Пропалъ, безвозвратно пропалъ....

— Такъ и есть.... Вотъ результатъ твоей безнравственной жизни.... теперь ты знаешь, дружище, чтобы пѣть, надо быть трезвымъ. Однако посмотримъ, сколько тебѣ надо, чтобы возвратится на родину?

— Много, очень много, синьоръ.

— Однако....

— Пятьсотъ франковъ.

— Фу, ты пропасть.... Со мною нѣтъ столько.... Но погоди.... Знаешь-ли ты какіе нибудь изъ моихъ романсовъ?...

— До дюжины — маэстро....

— Браво! вскричалъ маэстро.... Ты будешь въ Италіи!... Идемте, друзья. И Россини увлекъ Лаблаша и незнакомца въ музыкальный магазинъ....

Романсы были пропѣты и записаны.

На другой день незнакомый пѣвецъ, отправясь на родину, встрѣтилъ двухъ, трехъ соотечественниковъ въ делижансѣ и разсказалъ имъ о своемъ счастіи, умолчавъ однако объ имени своего благодѣтеля.

— Но, кто-же этотъ добрый человѣкъ? спросилъ одинъ изъ болонцевъ....

— Этого я немогу сказать вамъ, отвѣчалъ разскащикъ: — Господинъ Россини — запретилъ мнѣ объявлять его имя.

—

ИНДѢЙКА СЪ ТРУФЛЯМИ.

Кто-то обѣщалъ угостить Россини индѣйкою, нашпигованною трюфлями. Композиторъ напрасно ждалъ приглашенія.... нѣтъ, какъ нѣтъ. Поймавъ на улицѣ невѣрнаго амфитріона, онъ напомнилъ ему обѣщаніе. «Ахъ, простите, любезнѣйшій, трюфли никуда не годятся въ нынѣшнемъ году.» — «Вздоръ! отвѣчалъ маэстро, невѣрьте! это индѣйки нарочно выдумали, чтобъ не быть шпигованными.»

—

— Кюттлэръ, записной скряга, сказалъ однажды расточительному Букингэму: —На что вы жалуетесь, графъ, живите по моему! — «Жить по вашему, кавалеръ Кюттлэръ, вскричалъ Бу-

кингэмъ; я еще успѣю, когда въ карманѣ у меня засвиститъ вѣтеръ!»

—

Баронъ, знаменитый французскій актеръ, вступилъ на театръ въ 1680 году, оставилъ его въ 1691, и опять послѣ двадцати-девятилѣтней частной жизни, возвратился на сцену въ 1720. Талантъ его, казалось, развился во время этого отдыха и онъ продолжалъ пользоваться рукоплесканіями публики. Третьяго сентября 1729, выполняя главную роль въ трагедію «*Венцеславъ*» и произнося въ послѣдней сценѣ слова:

«Къ могилѣ близокъ я.... въ ней скоро я засну!...» онъ не могъ продолжать, удушье захватило ему грудь. Баронъ умеръ слѣдующаго 22 декабря, на 77 году.

—

Въ предмѣстьѣ Вѣны жила бѣдная, но счастливая и трудолюбивая чета. Мужъ служилъ рядовымъ въ Вѣнской милиціи, а жена стирала бѣлье. Богъ благословилъ ихъ дѣтьми, — двумя миленькими дѣвочками. Когда мужъ уходилъ на службу, жена часто брала корзину, сажала туда малютокъ и на спинѣ относила ихъ въ городскую школу. Младшая, одаренная природною привлекательностію, вскорѣ выказала большую способность къ танцованью. Въ ней не пренебрегли этой наклонностью, постарались развить её частными уроками и черезъ нѣсколько времени она вступила въ балетъ, въ театрѣ Ан-деръ-Винъ. Здѣсь она изумила всѣхъ своими талантами. Позже передъ ней открылось блистательное поприще. Окруженная удивленіемъ и презниками въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, она наконецъ посѣтила сѣверную Пальмиру и древнюю Москву. Имя ея — *Фанни Эльслеръ*!

—

Послѣ роскошнаго пиршества, молодой Киръ удивлялся, что старикъ Астіагъ сталъ пошатываться изъ стороны въ сторону. Астіагъ спросилъ у него: «Развѣ этого никогда не случается съ твоимъ отцемъ»? — Никогда! отвѣчалъ Киръ. — «А, что бываетъ съ нимъ, когда онъ напьется?» — Ему не хочется пить! возразилъ ребенокъ.

—

Знаменитый докторъ Лорри, извѣстный своими знаніями, опытностью и сочиненіями, часто говаривалъ, не смотря на свои успѣхи въ медицинѣ: «Никогда я не похвастою, что вылечилъ больнаго! Нѣтъ — я только позаботился о немъ, а болѣзнь прошла сама собою!»

—

— Извѣстный игривостію воображенія хвастунъ разсказывалъ въ одномъ обществѣ самую неправдоподобную исторію, будто-бы случившуюся съ нимъ самимъ.

— Что вы объ этомъ думаете? спросилъ онъ въ заключеніе разсказа одну даму.

— Я думаю, отвѣчала она, что вслѣдъ затѣмъ раздалось пѣніе пѣтуха, — и вы проснулись.

—

— Двѣ дамы, ѣхавшіе въ Москву, на сдаточныхъ, остановились на постояломъ дворѣ для перемѣны лошадей. Замѣтивъ, что на козлы сѣлъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одна изъ путешественницъ приказала ему сойти и требовала, чтобъ имъ дали взрослаго ямщика. — Помилуйте, сударыня, говорилъ хозяинъ лошадей, чего же вы сумлѣваетесь? Васька хоть и молодъ, а свое дѣло знаетъ. — «Лихо прокачу, сударыня.» — Не надо, не надо. — «Да я съ вами вѣдь уже ѣзжалъ.» — Куда? — «А помните прошедшей осенью; еще, недоѣзжая до этой деревни я опрокинулъ васъ въ оврагъ?»

—

— Скупой написалъ письмо и приказалъ кухаркѣ немедленно отнести его на почту. Въ это время шелъ проливной дождь; кухарка, не имѣвшая ни малѣйшаго желанія промокнуть, предложила сосѣдскому мальчишкѣ гривну за то, чтобы онъ сходилъ вмѣсто ея на почту. Услыша изъ своей комнаты предложеніе кухарки, скупецъ не выдержалъ, любостяжаніе въ немъ заговорило и онъ закричалъ: — «Маланья! давай сюда гривну; я самъ сбѣгаю на почту!»

—

Плохой поэтъ, прочитавъ въ обществѣ два акта своей новой пяти-актной трагедіи, спросилъ слушателей, какіе стихи имъ больше всѣхъ нравятся? — «Тѣ, которыхъ мы еще не слыхали».

—

Одному вельможѣ, искавшему секретаря, рекомендовали молодаго человѣка и въ похвалу его говорили, что онъ всего Карамзина наизустъ знаетъ. — «Такъ онъ мнѣ не нуженъ!» отвѣчалъ вельможа. — Отчего-же? — «У меня весь Карамзинъ есть печатный».

—

Итальянскій арлекинъ Доминикъ, комикъ съ необыкновеннымъ талантомъ, былъ очень любимъ Людовикомъ XIV. Находясь разъ за королевскимъ ужиномъ, Доминикъ съ особенной жадностью смотрѣлъ на золотое блюдо, на которомъ лежала пара рябчиковъ. Король, замѣтивъ это, сказалъ камерлакею: Отдать это блюдо Доминику! — «И рябчиковъ тоже, ваше величество?» — спросилъ находчивый арлекинъ. — И рябчиковъ тоже! отвѣчалъ король, смѣясь.

—

Одинъ извѣстный драматургъ очень терпѣлъ отъ сварливости своей жены, старой актрисы, и при всякой ея вспышкѣ вооружался молчаніемъ. Одинъ изъ пріятелей, пріѣхавъ къ нему въ гости и бывъ свидѣтелемъ подобной сцены, сказалъ ему: — Однако, любезный другъ, ты, кажется, порядкомъ боишься своей жены! — «Нѣтъ, братецъ, отвѣчалъ драматургъ, я не ея боюсь, а шуму».

—

Персидскій царь прислалъ къ калифу Мустафѣ своего врача, который славился искусствомъ своимъ на всемъ Востокѣ. Врачъ, прибывъ ко двору новаго властителя, началъ распрашивать, какую тамъ ведутъ жизнь. — «Обыкновенную, отвѣчалъ ему одинъ изъ приближенныхъ къ калифу: мы ѣдимъ, когда голодны и притомъ столько, сколько нужно для удовлетворенія голода». — Право? отвѣчалъ медикъ, такъ прощайте: мнѣ здѣсь дѣлать нечего!

—

Одинъ ученый выписалъ себѣ изъ Лондона превосходный барометръ и дѣлалъ посредствомъ его метеорологическія наблюденія. Разъ зашелъ къ нему пріятель, нечаянно зацѣпилъ барометръ и сронилъ его со стѣны. «Ого! видно быть большому дождю, сказалъ ученый: такъ низкомой барометръ еще никогда не падалъ».

—

— Скажите, пожалуйста, спрашивалъ путешественникъ лондонскаго носильщика, какъ-бы мнѣ поближе попасть въ Ньюгетъ (лондонская тюрьма)? — «А вотъ какъ, отвѣчалъ носильщикъ, поверните направо, тутъ есть лавка золотыхъ дѣлъ мастера, разбейте окно, унесите серебряную вазу, и черезъ четверть часа вы будете въ Ньюгетѣ».

—

Во время страшной бури на Невѣ, въ 1840 году, многіе преувеличивали число погибшихъ. «Помилуйте, сказалъ одинъ господинъ, это совершенный вздоръ, я знаю, по достовѣрнымъ свѣденіямъ, что потонулъ одинъ только актеръ Самойловъ, да и тотъ на третій день всплылъ!»

—

Пріятель уговаривалъ своего сосѣда-пріятеля, страстнаго охотника до виста, бросить игру и представлялъ ему все ея вредное вліяніе. «Во первыхъ это потеря денегъ, потеря здоровья, и главное страшная потеря времени!» — Да, это правда, отвѣчалъ пріятель: дѣйствительно времени пропадаетъ чрезвычайно много во время тасовки.

—

Въ небольшомъ французскомъ городкѣ, родители забыли занести своего ребенка въ метрическія книги. Мальчику было три года. Они отнесли его къ меру, прося записать о его рожденіи въ книгу. Меръ, слѣдуя обычной формѣ, записалъ: «такого-то года, мѣсяца и числа, у-такихъ-то, состоящихъ въ законномъ бракѣ, родился трехлѣтній сынъ, названный Жаномъ».

—

Баринъ, раздѣвшись и отпуская слугу, сказалъ ему: слушай братецъ, завтра въ шесть часовъ ты приди и разбуди меня. Только, смотри, не проспи. — «Будьте покойны, отвѣчалъ лакей: вы только извольте позвонить — и я тотчасъ же явлюсь».

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

РАДЪ НЕ РАДЪ, А ДѢЛАТЬ НЕЧЕГО!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Дмитрія Ленскаго.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Княгиня Пустельгина.
Княжна Зизи, 25-ти лѣтъ, } ея племянницы.
Княжна Мими, 16-ти лѣтъ, }
Катя, любимица княгини, воспитанная вмѣстѣ съ княжною Зизи.
Графъ Лидинъ.
Баронъ Кроликовъ.
Слуга.

—

Дѣйствіе подъ Москвою, въ Сокольникахъ, на дачѣ у Княгини.

Со вкусомъ убранная комната. На-право дамскій рабочій столикъ; налѣво рояль. Въ серединѣ стеклянная дверь и два окна на Яузу. По сторонамъ двери въ другія комнаты.

I.

КНЯЖНЫ ЗИЗИ, МИМИ, И КАТЯ. Зизи за роялью, Мими и Катя за рукодѣльемъ.

ЗИЗИ (*поетъ*).

«Любовь, постоянство и вѣрность....»

Мими. Фальшиво. (*Поетъ*). «И вѣрность....»

Зизи. Неправда: «И вѣрность....»

Мими. Тутъ діэзъ.

Зизи. Нѣтъ, бемоль.

Мими. Анъ діэзъ!

Зизи. Анъ бемоль!

Мими. Пусть Като разсудитъ!

Зизи. Пожалуй!

Катя. Признаюсь, это довольно трудно рѣшить, и я думаю даже, что тутъ діэзъ и бемоль вмѣстѣ: бемоль нѣжнѣе, а діэзъ выразительнѣе.... и то и другое идетъ.

Мими. Хорошо-же ты знаешь музыку!

Катя. Да не дурно, если доведу васъ до согласія. А притомъ, ваше сіятельство, любовь, постоянство и вѣрность такъ рѣдко вмѣстѣ сходятся, что тутъ, право, никакіе діэзы и бемоли не помогутъ!

Зизи. Ахъ! правда твоя, Като.

Мими. Стало быть, Като, ты въ любви ужъ ни чему не вѣришь?

Катя. Извините: вѣрю хорошей погодѣ, когда свѣтитъ солнышко — и дурной, когда дождь идетъ. Любовь тоже солнышко.... только кругомъ все тучки бродятъ.

Зизи. Совершенно справедливо, и лучше вовсе не любить.

Катя. Позвольте, ваше сіятельство, я этого не говорю.... оно довольно пріятное времяпровожденіе между ужиномъ и обѣдомъ.

Мими. Вотъ какъ разсуждаютъ тѣ, у кого въ сердцѣ ничего нѣтъ!

Катя. О! о! ваше сіятельство!... а у васъ развѣ есть что-нибудь?

Зизи. Забавный вопросъ! да неужели ты, Катя, не замѣтила, что она смертельно влюблена въ нашего сосѣда, графа Лидина?

Мими. Ужъ и смертельно!... это слишкомъ зло сказано!... Конечно, я нахожу его умнымъ, любезнымъ.... Но еще не думаю по немъ умирать. Впрочемъ, занимайтесь вы лучше своими кавалерами — и оставьте въ покоѣ другихъ. Разумѣется, вашимъ гордымъ, неприступнымъ обращеніемъ вы всѣхъ отъ себя разогна-

ли: Красицкій, Нулинъ, Радугинъ, Перстневъ.... всѣ, всѣ давнымъ-давно ужъ расклапялись съ вами, — и вотъ что васъ бѣситъ!

Зизи (*вставая*). Ужъ не думаете ли вы, что я не нашла-бы себѣ сотни обожателей, еслибъ, подобно вамъ, отпускала томные глазки каждому встрѣчному?

Мими (*вставая*). Вы забываетесь!...

Катя (*тоже*). Ваше сіятельство!

ЗИЗИ.

Дѣвочка въ шестнадцать лѣтъ
Бѣгаетъ за женихами!

МИМИ.

Въ двадцать пять вамъ счастья нѣтъ:
Женихи бракуютъ вами!

ЗИЗИ.

Insolente!

МИМИ.

Mauvaise!

КАТЯ.

Княжны!...

ЗИЗИ.

Смѣть сказать мнѣ!

МИМИ.

Смѣть забыться!...

КАТЯ.

Обѣ такъ раздражены,
Что готовы хоть вцѣпиться!...

(*Взглянувъ на лѣво*). Ахъ! Княгиня.... слава Богу!...

—

II.

ПРЕЖНІЯ и КНЯГИНЯ.

Княгиня. Что такое? опять ссора!...

Катя (*встороиу*). Чуть не драка!

Зизи. Вообразите, ma tante: Мими.... } (*Вмѣстѣ.*

Мими. Представьте, ma tante: Зизи.... }

Княгиня. Перестаньте. Я знаю: Мими вспыльчива.

Зизи (*съ самодовольствіемъ*). А! видите?...

Мими. Однако-жъ, позвольте....

Княгиня. Эхъ! полно, душа моя!... у меня и безъ того мигрень такой, что мочи нѣтъ!... Оставьте меня одну, пожалуйста.... Дайте сперва, я васъ поцѣлую.... вотъ такъ.... прекрасно... по-

дите-же: танцмейстеръ васъ дожидается.... А ты, Катя, останься. (*Княжны, продолжая ссориться, расходятся въ разныя стороны: Зизи налѣво, Мими направо*).

—

III.

КНЯГИНЯ и КАТЯ.

Княгиня (*садясь*). Катя! племянницы совсѣмъ мнѣ голову вскружили.

Катя. Очень вѣрю, ваше сіятельство.

Княгиня. Мнѣ-бы хотѣлось замужъ ихъ выдать.

Катя. И прекрасно сдѣлаете.

Княгиня. Да женихи-то нынче, Богъ съ ними, всѣ попромотались, все норовятъ жить на женины деньги.... да и тѣ, того гляди, на карту поставятъ!... А Зизи пора: княжнѣ двадцать четыре года.

Катя. Двадцать пять, ваше сіятельство.

Княгиня. Двадцать четыре.

Катя. Не смѣю съ вами спорить.

Княгиня. Мими пятнадцать, кажется?

Катя. Шестнадцать.

Княгиня. Нѣтъ, пятнадцать.

Катя. Вы лучше знать изволите.

Княгиня. Одна давно невѣста, а другая слишкомъ молода.

Катя. Одной можно лѣтъ поубавить, а другой сейчасъ-же найти партію, если вамъ угодно.

Княгиня. Прежде надо выдать старшую.

Катя. Я знаю одного, который въ младшую влюбленъ.

Княгиня. Ну что-жъ! пусть его женится на старшей.

Катя. Но вѣдь это большая разница, ваше сіятельство!

Княгиня. Почему-же? Развѣ онѣ не одинаково воспитаны?

Катя. Конечно, ваше сіятельство.... я объ этомъ и не подумала.

Княгиня. Такъ у тебя есть на примѣтѣ, говоришь ты, Катя?

Катя. Есть, ваше сіятельство.

Княгиня. Кто-же это?

Катя. Прекрасный молодой человѣкъ.

Княгиня. Хорошей фамиліи, разумѣется?

Катя. То же сіятельный.... графъ.

Княгиня. И ты полагаешь, что онъ не женится на Зизи?

Катя. Но если онъ влюбленъ въ меньшую княжну!...

Княгиня. Твои слова меня просто въ тупикъ ставятъ!... Я ужъ не знаю, что мнѣ и дѣлать!... онъ влюбленъ въ меньшую.... Это удивительно, непостижимо!... кажется гораздо бы приличнѣе въ старшую влюбиться: зачѣмъ-же именно въ меньшую?...

Катя. Не всѣ такъ разсудительны, какъ вы, ваше сіятельство.

Княгиня. Вотъ то-то и есть, Катя!... ты дѣвушка умная, образованная: я хочу съ тобою посовѣтоваться.

—

IV.

ПРЕЖНІЯ и ЛИДИНЪ.

Слуга (*докладывая*). Его сіятельство, графъ Викторъ Ивановичъ Лидинъ.

Катя. Вотъ онъ и самъ на лицо!

Княгиня. Неужели!...

Лидинъ (*входя*). Мое почтеніе, княгиня.

Княгиня. А! здраствуйте, графъ!... очень рада!... Благодарю васъ за груши....

Лидинъ. О! помилуйте!...

Княгиня. Прекрасныя груши!...

Лидинъ. Это такая бездѣлица....

Княгиня. Я давно такихъ не ѣдала....

Лидинъ. Оставимте это, пожалуйста!... Я пришелъ, княгиня, съ вами поговорить....

Княгиня. Угодно вамъ сѣсть?

Лидинъ. Нѣтъ, я не усталъ.... у меня есть одно очень серьезное дѣло....

Княгиня. Почему-же вы не хотите садиться?

Лидинъ. Если вы этого непремѣнно требуете.... (*садится*). Я имѣю къ вамъ просьбу....

Княгиня. Графъ! у меня двѣ племянницы....

Лидинъ. Вотъ именно объ одной то изъ нихъ я и хотѣлъ поговорить.... о княжнѣ....

Княгиня. Зизи? не правда-ли?... прелестная дѣвица, графъ! Родню хвалить хоть и не ловко, а надобно сказать — красавица! высокій ростъ, голубые глаза, греческій профиль, марморныя плечи — и маленькая ножка!... при всемъ томъ добра, умна, отличная музыкантша и разноязычница!... Триста душъ въ Тамбовской губерніи и двѣсти десять въ Рязанской: даютъ до тридцати тысячъ дохода....

Лидинъ. Право, княгиня, я не знаю, какъ вамъ объяснить....

Княгиня. До чего вамъ она нравится?... Ну что-жъ! съ Богомъ — и по рукамъ! Вы оба достойны другъ-друга. Когда прикажете назначить помолвку?

Лидинъ. Позвольте, княгиня.... вы не совсѣмъ меня поняли.... Конечно, я совершенно съ вами согласенъ, что княжна Зинаида Ивановна способна составить счастіе всякаго благороднаго человѣка.... Но мое сердце принадлежитъ уже другой.... п....

Княгиня (*вставая*). Такъ чего-жъ вы отъ меня хотите?

Лидинъ. Чего я хочу?...

Княгиня. Да.

Лидинъ. Я съ вами буду говорить безъ околичностей. Я прошу у васъ руки другой вашей племянницы, княжны Марьи Ивановны.

Княгиня. Признаюсь вамъ, графъ, грушн ваши превосходны, а поступки.... очень странны.

Лидинъ. Почему-же, если смѣю спросить, княгиня?

Княгиня. Мими, графъ, младшая сестра, а у насъ изстари ведется.... Ахъ Господи! да съ чего вы вздумали, что я согласшусь?...

Я скорѣе, графъ, умру!...
Гдѣ-же это вы видали,
Чтобы младшую сестру
Прежде старшей выдавали?...

Лидинъ. И! полноте!... я увѣренъ, что вы не захотите погубить счастіе княжны Марьи Ивановны, которая, смѣю надѣяться, ко мнѣ очень расположена.

Княгиня. Какъ! вы полагаете, что она васъ любитъ?

Лидинъ. По-крайней-мѣрѣ такъ мнѣ кажется.

Княгиня. Прошу покорно! какое забвеніе приличій!... И я ничего объ этомъ не знаю!... Что-жъ, послѣ этого — тетка я, или нѣтъ?... Катя! ты тоже ничего не слыхала?

Катя. Ничего, ваше сіятельство!

Княгиня. Охъ, молодежь, молодежь! все вѣтеръ въ головѣ!... Однажды навсегда, графъ: угодно вамъ жениться на Зизи?

Лидинъ. Я уже имѣлъ честь замѣтить вамъ, княгиня...

Княгиня. Довольно. Оставимъ это.... вы мои нервы разстроиваете. Что-же касается до младшей, до Мими,—вамъ не называть ее своею: это дѣло кончено. Впрочемъ, предложеніе ваше для меня очень лестно, и я надѣюсь, вы останетесь у насъ обѣдать —

не такъ-ли?... А между-тѣмъ до свиданія! Извините: у меня ужасный мигрень.... (*Уходитъ направо*).

—

V.

ЛИДИНЪ и КАТЯ.

Катя (*взглянувъ на остолбенѣвшаго Лидина, начинаетъ хохотать*). Что, ваше сіятельство?... ха! ха! ха!...

Лидинъ. Чортъ возьми! Вотъ старая ду....

Катя (*вставая*). Тсъ! тише!... Услышитъ она васъ — все ваше сватовство пропало!

Лидинъ. А развѣ оно безъ того не пропало?

Катя. Для влюбленнаго вы слишкомъ скоро предаетесь отчаянію.

Лидинъ. Такъ ты думаешь, Като, что есть еще средство?

Катя. Съ умомъ и доброй волей всегда найдется. Скажите-ка мнѣ, графъ: вы серьезно влюблены въ молодую княжну?

Лидинъ. Ахъ, Като!... еслибъ ты знала....

Катя. Знаю, знаю!... я наизустъ выучила всѣ варьяціи этой пѣсни!... А что-бы вамъ однако-жъ влюбиться въ старшую!... сейчасъ-бы пиркомъ-да и за свадебку!

Лидинъ. Ну вотъ! не хочешь-ли ужъ и ты вывести меня изъ терпѣнія?...

Катя. Нѣтъ, мнѣ жалко васъ; хотя по-настоящему я и должна-бы на васъ разсердиться.

Лидинъ. Это за что?

Катя. Какъ за что! Вы изволите влюбиться, а я ни съ той, ни съ другой стороны ничего не знаю!... Не могу-ли и я въ свою очередь сказать, какъ княгиня: какое забвеніе приличій! Что жъ, послѣ этого — повѣренная я, или нѣтъ?... Если вы, влюбленный, будете забывать свою обязанность — мнѣ во всемъ признаваться, я буду забывать свою — вамъ помогать.

Лидинъ. Ну, не сердись, милая Като, я виноватъ, прости меня! И въ знакъ дружбы, позволь надѣть на твой прекрасный пальчикъ этотъ перстенекъ: мнѣ онъ очень малъ, а тебѣ будетъ въ самую пору. (*Надѣваетъ ей на руку брильянтовое кольцо*).

Катя. О! вы увидите, графъ, какъ отъ этого перстня сейчасъ блеснетъ у меня счастливая мысль!... Напримѣръ.... скажите: нѣтъ-ли у васъ доброхотнаго пріятеля?

Лидинъ. А что?

Катя. Да то, что мы старшую-то за него-бы отдали, а вамъ-бы это очистило дорогу.

Лидинъ И въ самомъ дѣлѣ! превосходная выдумка!... Давайже пріискивать!... Да вотъ — чего лучше?... Князь Вертушкинъ.... человѣкъ лѣтъ подъ-сорокъ.... съ хорошимъ состояніемъ.... не дуренъ собою.... Ахъ! чортъ возьми!...

Катя. Что такое?

Лидинъ. Я и забылъ, что онъ женатъ!

Катя. Да....

Лидинъ. Еще поищемъ!...

Катя (*взглянувъ въ окно*). Графъ!

Лидинъ. Что?

Катя. Взгляните сюда.

Лидинъ. Ну?

Катя. Кажется, тамъ, по другой сторонѣ Яузы идетъ вашъ короткій знакомый: вы не одинъ разъ съ нимъ вмѣстѣ у насъ бывали.

Лидинъ. Да!... да!... это онъ, Кроликовъ!

Катя. У него прекрасная тросточка.

Лидинъ. Ты все разсмотришь!

Катя. Онъ не женатъ?

Лидинъ. Нѣтъ.

Катя. Уменъ?

Лидинъ. Такъ себѣ!...

Катя. Имѣетъ состояніе и хорошей фамиліи?

Лидинъ. Триста душъ не заложенныхъ и баронъ.

Катя. Его-то намъ и надобно.

Лидинъ. Какъ?

Катя. Онъ влюбленъ въ княжну Зизи.

Лидинъ. Помилуй! и не думалъ!

Катя. Влюбленъ, или влюбится. Графъ! женимте его во что-бы то ни стало!

Лидинъ. А вотъ онъ черезъ мостикъ, какъ нарочно за тѣмъ сюда и идетъ, несчастный! (*Отходитъ къ авансценѣ.*)

Катя (*также*). Почему-жъ несчастный? Княжна Зизи хоть кому невѣста!

Лидинъ. О! конечно.... но мой баронъ немножко....

Катя. Простоватъ, хотите вы сказать?

Лидинъ. Ты угадала.

Катя. Ничего! На всякаго мудреца бываетъ довольно простоты, говоритъ пословица. Но, тише!... вотъ и онъ.

—

VI.

ПРЕЖНІЕ и КРОЛИКОВЪ.

Лидинъ. Здравствуй, баронъ!

Кроликовъ. А, графъ! здорово!

Лидинъ. Ты къ княгинѣ?

Кроликовъ. Именно.... и прошу мадмоазель Като доложить обо мнѣ.

Катя. Съ величайшимъ удовольствіемъ, г-нъ баронъ.... (*Таинственно.*) А скоро это?

Кроликовъ. Что скоро?

Катя. Ну, вотъ!... полноте скрываться!...

ЛИДИНЪ.

Да, скоро это?

КРОЛИКОВЪ.

Скоро? Что?...

КАТЯ.

Вы сами знаете, конечно!

ЛИДИНЪ.

Баронъ, ты скрытенъ, какъ никто!

КАТЯ.

Скажите - жъ намъ чистосердечно!

КРОЛИКОВЪ.

Да что - жъ сказать-то наконецъ?

ЛИДИНЪ.

Нельзя - же все ходить въ личинѣ!

КРОЛИКОВЪ.

Въ какой личинѣ?...

КАТЯ.

О хитрецъ!...

Я доложу о васъ княгинѣ. (*Хочетъ уйти*).

КРОЛИКОВЪ (*удерживая ее.*)

Нѣтъ, нѣтъ, постой, скажи, Като:
Въ чемъ я хитрецъ? что это значитъ?
Къ чему скрываться мнѣ? на что?
И кто - же здѣсь кого дурачитъ?...

КАТЯ.

Къ чему вамъ спрашивать Като,
Въ чемъ вы хитрецъ? что это значитъ?
Вы лучше знаете про то,
Кто здѣсь изъ насъ кого дурачитъ!

ЛИДИНЪ.

Изволитъ спрашивать Като,
Въ чемъ онъ хитритъ? что это значитъ?...
Баронъ нашъ скрытенъ, какъ никто —
И очень много насъ дурачитъ!

Вмѣстѣ.

Катя. Графу-то ужъ, кажется, вы смѣло можете признаться!

Кроликовъ. Да въ чемъ?

Лидинъ. Мы друзья давнишніе.

Кроликовъ. Знаю.... да въ чемъ дѣло-то?

Катя. Какъ вы ни притворяйтесь — лицо вамъ измѣняетъ!

Кроликовъ. Лицо?

Лидинъ. И дѣйствительно! у него на лицѣ написано....

Кроликовъ. Что написано?...

Катя. Что, просто, вы влюблены!

Кроликовъ. Влюбленъ!... Я влюбленъ?...

Катя. Да ужъ не прикидывайтесь, баронъ: насъ не проведете! Посмотритесь въ зеркало, какъ вы похудѣли! Всѣмъ это извѣстно; всѣ только и говорятъ о вашей страсти: такъ ужъ тутъ поздно запираться!

Лидинъ. Иначе ты рискуешь потерять себя въ общемъ мнѣніи.

Кроликовъ. Да что я, во снѣ что-ли все это слышу, или ужъ и въ самомъ дѣлѣ влюбился, самъ того не зная?

Катя. Такъ перестаньте-же таиться!

Лидинъ. Скажи всю правду!

Катя. Вы, знать, по батюшкѣ пошли!...

Лидинъ. Покойникъ любилъ приволокнуться!

Катя. Яблочко не далеко отъ яблонки пало!...

Лидинъ. Ты вѣдь тоже малой-то не промахъ — и пальца въ ротъ тебѣ не клади!... А?...

Кроликовъ. Грѣшный человѣкъ!

Лидинъ. Такъ мы, стало быть, *здѣсь* ухаживаемъ?

Кроликовъ. А! здѣсь?...

Катя. Къ чему-же отпѣкиваться?... или можетъ-статься у васъ, баронъ, есть какія-нибудь непозволительныя намѣренія?... въ такомъ случаѣ я принуждена буду разсказать все княгинѣ.... и тогда....

Лидинъ. И тогда ужъ, разумѣется, ты сюда ни ногою!

Катя. Или ужъ вы съ графомъ будете имѣть дѣло!

Лидинъ. Или ужъ ты будешь имѣть дѣло со мною!

Кроликовъ. Ахъ, чортъ возьми!

Катя. Но бѣдная княжна будетъ-ли оттого счастливѣе?

Лидинъ. Самъ посуди: ты навсегда ее лишилъ сердечнаго спокойствія!

Катя. Вѣдь она любитъ васъ!...

Лидинъ. А ты хочешь употребить во зло ея расположеніе!...

Катя. И даже намѣреваетесь ее покинуть!...

Лидинъ. О! нѣтъ! нѣтъ! Этому не бывать! я знаю лучше благородное сердце моего друга!... (*Обнимая Кроликова*). Онъ не способенъ поругаться надъ честію уважаемаго семейства: я отвѣчаю за барона!

Кроликовъ. Но послушай, графъ: такъ я стало-быть точно.... то-есть, не шутя влюбленъ?

Лидинъ. Еще бы!

Кроликовъ. И любимъ взаимно?

Катя. Разумѣется!

Кроликовъ. Удивительное дѣло! не даромъ-же у меня было какое-то предчувствіе. — Marie! chère Marie!...

Лидинъ. Что?

Катя. Какъ-съ?...

Кроликовъ (*повторяя тѣмъ-же тономъ*). Marie! chère Marie!...

Лидинъ. Да нѣтъ! тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о Маріи!...

Катя. А о другой княжнѣ, Зенаидѣ

Кроликовъ. А! Зенаидѣ!... Такъ зачѣмъ-же, чортъ возьми, вы мнѣ прежде не сказали? Вѣдь я этакъ, просто, на дурака похожъ!.. ну, да все равно!... Zenaide! chère Zenaide!...

Лидинъ. Бѣдный баронъ! сколько страданій ты перенесъ, я думаю!

Кроликовъ. О! ни мало.... я тебя увѣряю.

Катя. Не увѣряйте: отъ женщинъ ничего не скроете, и княжна еще давича мнѣ о васъ говорила.

Кроликовъ. Она говоритъ обо мнѣ?

Катя. Съ утра до вечера! только и разговору, что о васъ! Иногда даже сама съ собою о васъ разсуждаетъ, точно помѣшанная. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть — щиплетъ маргаритки и говоритъ: «любитъ!... не любитъ!...» да вѣдь съ какою нѣжною задумчивостію! съ какимъ чувствомъ!... Если выходитъ такъ, что цвѣточикъ скажетъ «любитъ», княжна весь день чуть не прыгаетъ отъ радости; если-жъ «нѣтъ» — запрется въ свою комнату и плачетъ горькими слезами!... Ну, словомъ, баронъ, вы такой счастливчикъ, что ни въ сказкахъ разсказать, ни перомъ написать!

Кроликовъ. То-есть: я и не воображалъ!...

Лидинъ. А когда ѣдешь ты мимо ея окна верхомъ, на гнѣдомъ твоемъ скакунѣ....

Кроликовъ. Я его продалъ — и съ барышомъ.

Лидинъ. Славный конь!

Кроликовъ. Да, но рысь безпокойная....

Лидинъ. Вотъ именно, когда ты, бывало, рысью-то мимо ея

пропесешься, она все такъ и слѣдитъ за тобою до-тѣхъ-поръ, покуда ты совсѣмъ изъ глазъ пропадешь.

Кроликовъ. Бѣдняжка!

Катя. Впрочемъ, довольно богатая бѣдняжка!...

Лидинъ. Тысячъ тридцать годоваго дохода!

Кроликовъ. Не бездѣлица! Это хоть кому на-руку!...

Лидинъ. Такъ по-рукамъ — и дѣло кончено!

Кроликовъ. Нѣтъ, погоди, графъ: прежде дай мнѣ съ нею видѣться. Конечно, мы любимъ другъ друга.... однако-жъ....

Катя. Совершенно справедливо! надо подумать сначала.... вѣдь жениться не то, что.... (*Тихо Лидину.*) Уведите его на полчаса!

Лидинъ. Пройдемся покуда на Яузу: мы тамъ, баронъ, погоримъ и погуляемъ.

Кроликовъ. Съ удовольствіемъ.

Катя. Вы, просто, Донъ-Жуанъ, господинъ баронъ!

Кроликовъ (*съ притворною скромностію*). О! полно, пожалуйста!...

Лидинъ. Да! онъ мастерски свою роль играетъ!.... то-есть, что называется — иголки не подточишь!... Разбойникъ, баронъ!..

Кроликовъ (*по прежнему.*) Ха! ха! куда намъ! (*Подъ руку съ графомъ уходитъ въ среднія двери.*)

—

VII.

Катя, потомъ княжна Зизи.

Катя. Этотъ баронъ точно сдобное: что хочешь изъ него дѣлай. Такъ-ли легко справимся мы съ княжной Зизи? вотъ вопросъ! Правду сказать, она ужъ много посбавила спѣси, которая отдаляла отъ нея жениховъ, и наконецъ догадалась, что цѣлый вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть не очень весело. Впрочемъ, почему-жъ-бы ей и не выдти за барона? онъ богатъ и не совсѣмъ дуренъ собою.... (*Указывая на голову.*) Здѣсь, конечно, немножко недостаетъ: ну да что-жъ за бѣда! Это не есть еще первое условіе супружескаго счастія: умный-то мужъ того и гляди самъ какъ-разъ къ рукамъ приберетъ! (*Уходя.*) Съ чего-бы, напримѣръ, начать!...

Зизи (*входя съ лѣвой стороны*) Като!

Катя. Ахъ! Я и не видала васъ, ваше сіятельство!

Зизи. Кажется, какѣ-будто ты сейчасъ здѣсь съ кѣмъ-то разговаривала?

Катя. Точно такъ, ваше сіятельство. Графъ Лидинъ здѣсь былъ....

Зизи. А!... да!...

Катя. И съ нимъ баронъ Кроликовъ, прекрасный мужчина, въ которомъ одинъ только недостатокъ....

Зизи. Какой?

Катя. Влюбленъ въ васъ до безумія! онъ души въ васъ не слышитъ!

Зизи. А развѣ я этого не стою?

Катя. О! помилуйте!... Я думала, что вы терпѣть не можете влюбленныхъ.

Зизи. Но между ними есть разница, Като! Напримѣръ, я съ чувствомъ полной признательности готова отвѣчать сердцу, которое меня любитъ и можетъ составить мое счастіе.

Катя. О! я увѣрена, что въ баронѣ вы-бы не обманулись: честный, благородный, — превосходный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ!

Зизи. Я съ тобою согласна, Като, и твой отзывъ о баронѣ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе.

Катя. А ужъ какой онъ храбрецъ, ваше сіятельство! настоящій левъ! Знаете-ли, что онъ дрался за васъ?

Зизи. Неужели!...

Катя.

За васъ недавно стрѣлялся
Съ какимъ-то онъ франтомъ въ усахъ,
Который о васъ отзывался
Не въ очень учтивыхъ словахъ.

Зизи.

Ахъ, Боже мой! это ужасно!
Като, ты пугаешь меня!
Онъ раненъ?

Катя.

Слегка.... не опасно....
(*Всторону*). Отъ рыси гнѣдаго коня!

Зизи. Неужели? какъ это мило! Точно въ романѣ: я чувствую, что ужъ сама начинаю его любить! Даже хоть потому только, чтобъ взбѣсить мою меньшую сестру, которая увѣряетъ, что будто-бы я для любви устарѣла!

Катя. Какой вздоръ, помилуйте! Напротивъ, вы въ самой лучшей порѣ, — и двадцати-трехъ-лѣтнія дѣвицы ужъ вполнѣ разцвѣтшія розы; а другія еще не имѣютъ этой красоты и запаха.

Зизи. Ты мнѣ льстишь, Като: мнѣ двадцать пять ужъ минуло.

Катя. Да что-жъ въ томъ, когда на видъ вамъ этого не показываетъ? Впрочемъ два года больше, или меньше — рѣшительно все равно, не надобно только ихъ считать: вотъ и все. Обратимся къ барону.... Такъ вы не прочь за него выйти?

Зизи. Ахъ, Като! вѣдь это не шутка, и надобно хорошенько объ этомъ подумать!

Катя. И вамъ не жаль будетъ довести его до отчаянія, ваше сіятельство? Ну, если онъ умретъ!...

Зизи (*улыбаясь*). Не бойся!

Катя. Не говорите этого! несчастный не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ — и дышетъ только вами. Онъ, просто, погибъ, если вы ему откажете!

—

VIII.

ПРЕЖНІЯ и КНЯЖНА МИМИ.

Мими (*изъ среднихъ дверей и хохочетъ*). Ха! ха! ха!... какой смѣшной рыболовъ!

Зизи. Кто это?...

Мими. Баронъ Кроликовъ! ха! ха! ха!

Катя (*всторону*). Ну! все вверхъ дномъ!...

Зизи. Онъ рыбу ловитъ!...

Мими. Удочкой.... и ничего не можетъ поймать!.. а говоритъ, что это его занимаетъ!...

Катя (*всторону*). Проклятый языкъ!...

Зизи (*тихо Като*). Като! для страстнаго любовника....

Катя (*тихо Зизи*). Дайте-же ему вздохнуть! вѣдь нельзя-же!...

Мими. Сестрица! замѣтили вы носъ у барона?... презанимательный носъ!... Крючокъ за него зацѣпился — и я думала, что баронъ самъ себя вмѣсто рыбы вытащитъ!...

Зизи. Признаюсь вамъ, Мими: ваши шутки вовсе неумѣстны....

Мими. Вотъ прекрасно!

Катя (*тихо Мими*). Замолчите, ради Бога! Я послѣ вамъ скажу, для чего!

Мими (*вполголоса*). Но....

Катя (*тихо*). Тсъ!...

—

IX.

ПРЕЖНІЯ, ЛИДИНЪ и КРОЛИКОВЪ (изъ среднихъ дверей. Кроликовъ почесываетъ носъ; Мими не можетъ удержаться отъ смѣха).

Лидинъ. Княжны! Я, и мой другъ, поставили себѣ за долгъ придти засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Зизи. Благодаримъ, господа, за удовольствіе, которое вы доставляете намъ своимъ вниманіемъ.

Лидинъ (*тихо Кроликову*). Да полно-же тебѣ носъ-то чесать!...

(*Мими помираетъ со смѣху, и постепенно всѣ начинаютъ хохотать: сперва Катя, потомъ Лидинъ, а самъ Кроликовъ, не понимая отчего, тоже хохочетъ, почесывая носъ. — Одна Зизи бросаетъ грозные взгляды на всѣхъ окружающихъ*).

Зизи. Позвольте узнать причину такого громкаго смѣха?

Катя. Извольте спросить у княжны, ваше сіятельство!

Мими. Спросите у графа!

Лидинъ. Спросите у барона!

Кроликовъ (*продолжая смѣяться*). Я.... право.... и самъ не знаю!

Катя (*которая между-тѣмъ перешла къ Зизи, тихо*). Любовь совсѣмъ его съ толку сбила: онъ совершенно растерялся!

Лидинъ (*тихо Кроликову*). Она даже взглянуть на тебя не смѣетъ: видишь, какъ влюблена!...

Мими. Графъ! потрудитесь, помогите мнѣ размотать этотъ шелкъ!

Лидинъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ!

(*Катя между Зизи и Кроликовымъ, которые стоятъ и не говорятъ ни слова. Зизи играетъ уборкой своего платья, Кроликовъ тросточкой. — Катя топаетъ ногою отъ нетерпѣнія. — Мими и Лидинъ, разматывая шелкъ у рабочаго столика, потихоньку между собою разговариваютъ*).

Катя. Любите вы музыку, баронъ?

Кроликовъ. Очень.

Катя. Княжна превосходная пьянистка.

Кроликовъ (*слегка кивнулъ головою*). А!...

Катя. Можетъ статься, вамъ было-бы пріятно, если-бъ княжна вамъ что нибудь сыграла?

Кроликовъ. О! да!...

Катя. Такъ попросите ее!

Кроликовъ (*смѣшавшись*). Княжна!...

Зизи. Очень рада! (*Идетъ къ роялю*).

Катя (*всторону*). По-крайней-мѣрѣ она не застѣнчива.

Зизи. Неугодно-ли вамъ будетъ перевертывать страницы?

Кроликовъ. Ахъ! извольте. (*Сидится за нею.*)

Катя (*всторону*). Какъ они любятъ другъ-друга!

(*Катя садится къ рабочему столику и принимается за канву. Зизи начинаетъ сонату. Кроликовъ бьетъ ногою тактъ*).

Мими. Графъ!

Лидинъ. Что прикажете?

Мими. Развѣ баронъ влюбленъ въ мою сестру?

Лидинъ. Мы его увѣрили, что онъ отъ нея съ ума сходитъ!

Мими. Нѣтъ?

Лидинъ. Право!

Мими. Для чего-же?

Лидинъ. Чтобъ его на ней женить.

Мими. Но съ какимъ намѣреніемъ?

Лидинъ. Княгиня, ваша тетушка, не прежде, какъ выдавши вашу сестрицу....

Мими. Согласится на нашу свадьбу?

Лидинъ. Именно.

Мими. О! да это очень мило придумано!

Лидинъ. Любовь хоть кого уму научитъ!

Мими. Такъ вы меня любите?...

Лидинъ (*сложивъ руки*). Ахъ, княжна!...

Мими. Ну вотъ, вы теперь весь мой шелкъ перепутали!... Не шевелите руками!

Катя. Если-бъ лѣвое-то крыло такъ-дѣйствовало, какъ правое!

Зизи (*все продолжая играть*). Не бейте тактъ, пожалуйста; вы мнѣ мѣшаете.

Кроликовъ. Извините!

Зизи. Переверните страницу.

Кроликовъ. Ахъ, да!... (*Подпѣвая вполголоса*). Тра-ла-ла-ла-тра-де-ри-да!...

Зизи. Не пойте, баронъ, сдѣлайте милость! (*Кроликовъ умолкаетъ и скрестивши руки, опускаетъ голову*).

Катя (*всторону*). Кажется, тамъ дѣло не ладится....

Мими (*Лидину*). Послушайте.... влюбленный вашъ что-то не веселъ!...

Лидинъ. Да и сестрица ваша тоже.... дурное предвѣщаніе.

Мими. Сестра всегда скучаетъ.

Лидинъ. И баронъ также.

Мими. Стало они подъ пару другъ-другу.

Лидинъ. Скучать вдвоемъ — это должно быть препитересно!

Катя (*Замѣтивъ, что Кроликовъ заснулъ*). Хмъ! хмъ! хмъ!! прошу покорно: онъ заснулъ! Съ нимъ, ей-ей, пропадешь!

Зизи (*играя*). Переверните страницу. (*Кроликовъ все спитъ*).

Катя. Ахъ ты, Господи! Она увидитъ!

Зизи. Баронъ! развѣ вы не слышите? Переверните страницу!... (*Катя роняетъ столикъ съ рукодѣльемъ. Кроликовъ вскакиваетъ съ просонья — и всѣ встаютъ*).

Катя. Ай! ай!

Кроликовъ (*встревоженный, къ Зизи*). Чудесно! превосходно! вы играете отлично! вы совершенно меня разстрогали!

Зизи. Вы слишкомъ снисходительны, баронъ. — Это ты, Като, столикъ уронила?

Катя. Я, ваше сіятельство! извините!

Мими. Какая неловкая!

Катя (*тихо къ Мими*). А я еще для васъ-же тружусь!...

—

ПРЕЖНІЕ и КНЯГИНЯ.

Княгиня (*съ правой стороны*). А! графъ! — Здравствуйте, баронъ! Какой стукъ вы здѣсь подняли!

Кроликовъ. Княжна Зинаида Ивановна на роялѣ играла.

Катя (*всторону*). Вотъ оболтусъ-то!...

Княгиня. Не правда-ли, что Зизи хорошо играетъ?

Кроликовъ. Удивительно, княгиня! сколько души.... даже въ пальцахъ, если смѣю такъ выразиться!

Катя (*тихо къ Зизи*). Видите, какъ онъ васъ любитъ!

Зизи. Ты думаешь?

Лидинъ (*всторону*). Пойдемъ на приступъ, если надобно!... (*Вполголоса, княгинѣ.*) Княгиня!

Княгиня. Что вамъ угодно?

Лидинъ. Баронъ желаетъ съ вами говорить.

Кроликовъ. Я?...

Лидинъ. Ну да, разумѣется! Но только онъ при княжнахъ робѣетъ.

Княгиня. Зизи! Мими!

Зизи и Мими. Ma tante!...

Княгиня. Уйдите отсюда.

Катя (*тихо къ Зизи*). Видите: сватается!

Зизи (*также, Кати*). Не дальняго онъ ума, Като!

Катя (*также*). Можетъ быть; но за то человѣкъ солидный.

Княгиня (*племянницамъ*). Что же вы!

Зизи. Мы идемъ, ma tante.

(*Разскланиваются и уходятъ съ Катей направо. Лидинъ и Кроликовъ ихъ провожаютъ до дверей*).

Кроликовъ (*встороиу*). Кой чортъ я стану говорить съ княгиней?...

—

II.

княгиня, лидинъ и кроликовъ.

Лидинъ (*тихо Кроликову*). Ну, полно-же, мой другъ! удержись отъ излишняго волненія — и начинай!

Кроликовъ (*также ему*). Что?

Лидинъ (*также*). Начинай!

Кроликовъ (*также*). Да что начинать?

Лидинъ (*также*). Начинай свататься!

Кроликовъ (*также*). Но, позволь: я еще не рѣшился.... вотъ прекрасно!

Княгиня (*пройдя кругомъ комнаты*). Ну, баронъ! я васъ слушаю.

Кроликовъ. Княгиня!..

Княгиня. Не сѣсть-ли намъ?

Кроликовъ. Благодарю, княгиня. Мнѣ два слова только....

Княгиня. Говорите.

Кроликовъ (*встороиу*). Не знаю, что сказать....

Лидинъ (*тихо*). Это отъ волненія.

Кроликовъ (*также*). Совсѣмъ нѣтъ.

Лидинъ (*также*). Ну, ужъ такъ! — Смѣлѣй.... (*Суфлируя.*) Княгиня....

Кроликовъ (*вслухъ*). Княгиня....

Лидинъ (*тихо*). У васъ двѣ прелестныя племянницы....

Кроликовъ (*вслухъ*). У васъ двѣ прелестныя племянницы....

Лидинъ (*тихо*). Одна обворожаетъ.... первою юностью....

Кроликовъ (*вслухъ*). Одна обворожаетъ.... первою юностью....

Лидинъ (*тихо*). Другая — умомъ и дарованіями....

Кроликовъ (*вслухъ*). Другая.... умомъ и дарованіями.

Лидинъ (*тихо*). И я прошу у васъ руку....

Кроликовъ (*вслухъ*). И я прошу у васъ руку....

Лидинъ (*тихо*). Княжны Зинаиды Ивановны.

Кроликовъ (*всторону*). Нѣтъ, баста! (*вслухъ*). И я прошу у васъ руку, чтобъ пройтиться съ вами по Яузѣ.

Лидинъ (*всторону*). Животное!...

Княгиня. Баронъ! у васъ въ идеяхъ нѣтъ послѣдовательности.

Лидинъ (*переходя въ середину*). Вы ему извините, княгиня.... онъ сконфузился....

Кроликовъ (*тихо*). Полно!

Лидинъ. Уваженіе....

Кроликовъ (*такжe*). Замолчи!

Лидинъ. Робость....

Кроликовъ (*такжe*). Перестань!

Лидинъ. Не позволяютъ ему высказать....

Кроликовъ (*переходя въ середину*). Это правда, княгиня: я оробѣлъ. Но въ самомъ-то дѣлѣ вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ просить....

Лидинъ (*всторону*). Наконецъ!...

Кроликовъ. Вы знаете, я большой охотникъ до овощей....

Лидинъ (*тихо*). Это что?

Кроликовъ (*такжe*). Не мѣшай! (*Вслухъ.*) Въ жизнь мою не видалъ я такихъ артишоковъ, какъ у васъ въ парникахъ! Еслибъ вы сдѣлали мнѣ одолженіе....

Княгиня. Съ большимъ удовольствіемъ, баронъ, и сей-часъ-же прикажу садовнику... (*Хочетъ идти.*)

Кроликовъ. Душевно вамъ благодаренъ!..

Лидинъ (*всторону*). Этакой болванъ!...

Княгиня (*возвращаясь*). Однако-жъ между тѣмъ, баронъ, вы у насъ отобѣдаете? и вы графъ также? не правда-ли? — Прекрасно! — Ваши артишоки вамъ приготовятъ. (*Уходитъ въ правую сторону.*)

—

XII.

КРОЛИКОВЪ, ЛИДИНЪ.

Кроликовъ. Послушай, графъ, объясни ты мнѣ, пожалуйста: почему это тебѣ хочется непремѣнно меня женить?

Лидинъ. Почему? почему?... очень просто почему.... вѣдь ты влюбленъ? признайся!

Кроликовъ. Ну, да!

Лидинъ. Такъ для чего-же откладывать въ долгій ящикъ, когда ты однимъ словомъ можешь сдѣлать свое и ея счастіе!... А! стало быть ты хочешь обольстить бѣдную княжну?...

Кроликовъ. Вотъ вздоръ какой!

Лидинъ. Да не надѣйся: я.... я тебѣ не позволю!

Кроликовъ. Когда и кого я обольщалъ?... Я и не думалъ быть Ловеласомъ, а хочу жениться, какъ слѣдуетъ и добрымъ порядкомъ, то-есть, хочу сначала посовѣтоваться.

Лидинъ. Ну, такъ ты не знаешь, что такое любовь: княжна съ досады выйдетъ за другаго!

Кроликовъ. Ты думаешь?

Лидинъ. Разумѣется!

Кроликовъ. Быть не можетъ! Говорятъ, она ужъ многихъ ни съ чѣмъ назадъ отправила — и, признаюсь, это то меня и останавливаетъ.

Лидинъ. Не вѣрь, братецъ: это все пустыя сплетни — и больше ничего. Во всей подлунной не найдешь другой такой дѣвушки. — И въ доказательство: я самъ пойду сейчасъ на ней свататься! (*Идетъ.*)

Кроликовъ. Лидинъ! Лидинъ! постой!... Ты просто какой-то взбалмошный!

Лидинъ. Такъ мало дорожить невѣстою, которая при тридцати тысячахъ дохода, еще такая превосходная музыкантша!...

Кроликовъ. Что правда, то правда!...

Лидинъ. Которая еще въ полномъ блескѣ красоты и молодости!...

Кроликовъ. Конечно....

Лидинъ. И влюблена въ тебя, въ Кроликова, безъ ума!...

Кроликовъ. Это ужасно!...

Лидинъ. Извѣстно ужасно!.... и потому, чтобъ отмстить за нее — я на ней женюсь! (*Идетъ.*)

Кроликовъ. Графъ! пожалуйста!...

Лидинъ. Ужъ тебѣ не найти подобной! (*Идетъ.*)

Кроликовъ. На одну минуту!...

Лидинъ. Глаза, ростъ, талія, форм.... нѣтъ, самъ на ней женюсь!...

Кроликовъ. Дѣйствительно.... глаза, ростъ, талія.... не женись, сдѣлай милость!

Лидинъ. Такъ ты женишься?

Кроликовъ. Одно слово....

Лидинъ. Конечно. И слушать не хочу! Княжна Зизи будетъ

моей женою — это какъ дважды два! Я самъ ее люблю, и сначала изъ дружбы къ тебѣ я не рѣшался у тебя ее отбивать, а теперь ужъ на себя пѣняй — и простись съ ней!

Кроликовъ (*бѣжитъ за нимъ*). Лидинъ! Лидинъ!... постой!... я женюсь, женюсь!

Лидинъ (*уходя направо*). Ужъ поздно!

—

XIII.

Кроликовъ (*одинъ*). Поздно!... Ахъ, я несчастный! Чрезъ свою глупость лишаюсь я красавицы, жены и тридцати-тысячнаго дохода!... Нѣтъ, я не уступлю графу!... Ревность открыла мнѣ глаза — только теперь я вижу, до чего я княжну обожаю!... Она же меня любитъ взаимно — и чтобъ я позволилъ этому графчику!... Нѣтъ, чортъ возьми, ни за что на свѣтѣ!... О! я такъ взбѣшенъ, что желалъ-бы сейчасъ хоть съ кѣмъ нибудь подраться!...

—

XIV.

КРОЛИКОВЪ и КАТЯ.

Катя. Что съ вами, господинъ Баронъ?

Кроликовъ. Что со мной?...

Катя. Вы, какъ ракъ, раскраснѣлись!

Кроликовъ. Я обожаю княжну — и она должна быть моею!

Катя. Угодно вамъ стаканъ воды съ сахаромъ?

Кроликовъ. Насмѣшка, что-ли это?

Катя. Отнюдь нѣтъ, помилуйте! Вы серьезно меня испугали!... Пожалуйте-ка мнѣ вашу руку!

Кроликовъ. Зачѣмъ?

Катя (*пощупавъ пульсъ*). У васъ лихорадка!

Кроликовъ. Горячка!... Проклятый графъ!

Катя. Ужъ не лечь-ли вамъ въ постелю?

Кроликовъ. Въ могилу лягу, а ужъ женюсь на ней!

Катя (*всторону*). А! понимаю!... (*вслухъ*) Ахъ, баронъ! я право опасаюсь....

Кроликовъ. Чего?... чтобъ она не вышла за графа?

Катя. (*всторону*). Самъ подсказываетъ!... (*Вслухъ.*) Именно!

Кроликовъ. Пропалъ я, злополучный!... Като, добрая, милая

Като, сжалься надо мною! спаси меня! Я, ей-ей, умру, если княжны лишуся!...

Катя (*всторону*). О! о! какой пожаръ! кто это его поджогъ?...

Кроликовъ. Като!... Графъ иногда присылаетъ княжнѣ букеты?

Катя. Случается.

Кроликовъ. И пишетъ стихи?

Катя (*печально*). Очень нерѣдко!

Кроликовъ. Ну, такъ и я стихи ей сочиню и пошлю въ большомъ букетѣ! Онъ вѣрно этого и не воображаетъ.

Катя. Я думаю.

Кроликовъ. Сейчасъ-же примусь за работу. (*Вынимаетъ записную книжку и карандашъ.*)

Катя. И прекрасно! зачѣмъ откладывать!

Кроликовъ (*подумавъ.*) Като!

Катя. Что прикажете?

Кроликовъ. Умѣешь ты стихи писать?

Катя. Кто-жъ нынче ихъ не пишетъ!

Кроликовъ. Помоги мнѣ, пожалуйста! Трудно начать съ непривычки.... Что-бы такое ей отпустить?... Мадригалъ, что-ли?

Катя (*смѣясь*). Что угодно.... У всякаго барона своя фантазія.

Кроликовъ. Вѣдь этакая злодѣйка!... хвачу мадригалъ!

Катя. Мадригалъ, такъ мадригалъ.

Кроликовъ. Четыре стиха довольно?...

Катя. Даже и двухъ достаточно.

Кроликовъ (*почесывая лобъ*). Чортъ возьми!... Рифмы-то я еще-бы какъ-нибудь подобралъ... да вотъ мысли-то не найду!...

Катя. Чего-же лучше? начните съ ея красоты!

Кроликовъ. Именно!... напримѣръ.... гмъ!...

«Прелестнѣйшая Зинаида,

Катя. Отлично!

Кроликовъ. Какъ-бы тутъ вставить рифму «Киприда?»

Катя.

«Вы лучше, чѣмъ сама Киприда.»

Кроликовъ. Мерсі, Като! чудесно!.. Вотъ ужъ и два стиха!

«Прелестнѣйшая Зинаида!
«Вы лучше, чѣмъ сама Киприда!»

Ну а дальше-то что?

Катя. Ну, теперь въ любви признавайтесь.

Кроликовъ. Да!... такъ!... (*пишетъ*).

«И я смертельно въ васъ влюбленъ!»

Ну, а потомъ?

Катя. А потомъ и кончайте съ разу:

«Вашъ нѣжный Кроликовъ, баронъ.»

Кроликовъ (*въ восторгѣ*). Браво! брависсимо!... C'est à se mettre à genoux! Като! дай я тебя разцѣлую!... (*хочетъ ее обнять*).

Катя (*отступая*). Нѣтъ, ужъ зачѣмъ-же! Moderez vos transports, monsieur le baron!

Кроликовъ (*вписавъ послѣдній стихъ, съ наслажденіемъ перечитываетъ, скандуя на распѣвъ*).

«Прелестнѣйшая Зинаида,
Вы лучше, чѣмъ сама Киприда,
И я смертельно въ васъ влюбленъ!
Вашъ нѣжный Кроликовъ, баронъ.»

Sublime!... Теперь вложи эти стихи поискуснѣе въ большой букетъ.... (*Отдираетъ листочикъ и отдаетъ ей.*) Отнеси его княжнѣ.... и графъ погибъ!

Катя. Безъ возврата!... Но вотъ идетъ сама княжна.... Смотрите жъ, будьте краснорѣчивы и увлекательны! До свиданія, баронъ! (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

XV.

Кроликовъ и княжна Зизи, (входя съ правой стороны, идетъ къ среднимъ дверямъ).

Кроликовъ (*самъ съ собою*). Употребимъ всю ловкость и смѣлость!... (*Вслухъ.*) Княжна!

Зизи. Ахъ! это вы, баронъ!... (*Всторону.*) Ужъ не хочетъ-ли наконецъ признаться?

Кроликовъ. Княжна! простите мнѣ давишнюю робость, которой я побѣдить не въ состояніи даже и теперь, когда ужъ мнѣ позволено надѣяться.... по-крайней мѣрѣ, Като мнѣ говорила.... Но не есть-ли это лучшее доказательство безпредѣльнаго моего къ вамъ уваженія? Подъ маскою равнодушія таилъ я къ вамъ всегда самыя пламенныя чувства.... Мое сердце, жизнь моя вамъ принадлежатъ!... Княжна! я васъ люблю!...

Зизи. Баронъ! мнѣ очень лестно слышать отъ васъ такое признаніе....

Кроликовъ. О! вы дѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ смерт-

ныхъ! Не найду словъ благодарить васъ за предпочтеніе, которое вы мнѣ оказываете предъ графомъ Лидинымъ!

Зизи. Предъ графомъ Лидинымъ?

Кроликовъ. Я вполнѣ цѣню....

Зизи. Но вы ошибаетесь, баронъ: графъ влюбленъ совсѣмъ не въ меня, а въ сестру мою.

Кроликовъ. Точно-ли вы въ этомъ увѣрены?

Зизи. Какъ нельзя лучше.

Кроликовъ. Довольно странно!... Вотъ сейчасъ лишь графъ мнѣ сказалъ.... Но впрочемъ, что до этого! Вы меня любите — и я больше знать ничего не хочу! Какъ чувствительно мнѣ было слышать, что даже и въ мое отсутствіе вы мною занимались и, ощипывая маргаритки, нѣжно повторяли сами съ собою: «любитъ.... не любитъ....» Послѣ этого чья судьба завиднѣе моей!...

Зизи. Что такое вы говорите?...

Кроликовъ. А когда мимо вашихъ оконъ я проѣзжалъ на гнѣдомъ скакунѣ, вы всякій разъ провожали меня своими прелестными взорами!...

Зизи. Гнѣдой скакунъ?...

Кроликовъ. Я его продалъ.

Зизи. Удивляюсь, баронъ!... Я никогда не видала васъ на гнѣдомъ скакунѣ — и сроду не щипала маргаритокъ!... Впрочемъ, если съ моей стороны доказательствъ любви не доставало, за то, по-крайней-мѣрѣ, съ вашей ихъ было довольно: вы, говорятъ, потеряли сонъ и аппетитъ.

Кроликовъ. Аппетитъ?

Зизи. И это еще не все. Вы за меня имѣли дуэль и были ранены.

Кроликовъ. Раненъ!...

Зизи.

Вы были мнѣ всегда защита:
Я это чувствовать должна.

Кроликовъ (*встороиу*).

Лишенье сна и апетита...
Дуэль.... и раны.... Вотъ-те на!...
(*Вслухъ*). Да кто-же это въ самомъ дѣлѣ
Вамъ насказалъ чудесъ такихъ?
Я сроду не имѣлъ дуэли —
И ѣмъ и сплю за четверыхъ!

Зизи. Какъ!... такъ стало-быть надъ нами смѣялись?

Кроликовъ. Я полагаю такъ.

Зизи. Вы и не думали въ меня влюбляться?

Кроликовъ (*съ любезностію*). Это рѣшительно отъ васъ княжна, зависитъ.... Впрочемъ, начало сдѣлано, и если вамъ угодно....

Зизи. Мнѣ ничего не угодно.

Кроликовъ (*раскланиваясь*). Какъ вамъ угодно.

—

XIV.

ПРЕЖНІЕ и КНЯЖНА МИМИ.

Мими. Баронъ! баронъ! Като мнѣ сказала, что будто вы женитесь на моей сестрѣ.... Правда-ли это? Ахъ, какое счастіе!... тогда я выйду за графа!

Зизи. Вы, сударыня, очень глупы!... (*Уходитъ. Мими въ удивленіи смотритъ на Кроликова.*)

Кроликовъ. Княжна!... Имѣю честь вамъ кланяться. (*Уходитъ.*)

—

XVII.

КНЯЖНА МИМИ, потомъ **ЛИДИНЪ**.

Мими. Что это значитъ? Такъ они разошлись!... А я-было такъ обрадовалась!... Ужасно быть меньшою сестрою, когда старшая хочетъ умереть въ дѣвушкахъ!

Лидинъ (*входя*). Все идетъ, какъ нельзя лучше!

Мими. Какъ нельзя хуже!

Лидинъ. Какъ такъ?

Мими. Я сейчасъ видѣла барона и сестру: сестра меня разругала, а баронъ со мною раскланялся. Они разстались — и ни слова другъ-другу не сказали.... Кончено, графъ, нашей свадьбѣ не бывать!

Лидинъ. Не бывать?... ну, мы еще это увидимъ!... и безъ нихъ можно обойтись!

Мими. Что вы говорите?...

Лидинъ. Разумѣется. Я васъ увезу: вотъ и все тутъ!

Мими. Графъ! вы меня пугаете....

Лидинъ. Не бойтесь: я готовъ умереть за васъ! (*Обнимаетъ ее.*)

—

XVIII.

ПРЕЖНІЕ, КНЯГИНЯ.

Княгиня. Что я вижу!...

Мими (*вырываясь отъ Лидина*). Ай!... тетенька!...

Лидинъ (*всторону*). Тѣмъ лучше!...

Княгиня. Мою племянницу обнимаетъ молодой мужчина!... Позвольте, графъ, узнать: кто вамъ далъ право?...

Лидинъ. Любовь, княгиня. Княжна меня любитъ....

Княгиня. Довольно, сударь! Вы должны мнѣ дать удовлетвореніе — и жениться на ея сестрѣ!

Лидинъ. Что такое съ?

Мими. Да какое жъ тутъ удовлетвореніе, ma tante?

Княгиня. Молчите!

Лидинъ (*всторону*). Вотъ упрямая-то!...

—

XIX.

ПРЕЖНІЕ, КНЯЖНА ЗИЗИ и КРОЛИКОВЪ. (Входятъ съ разныхъ сторонъ.)

Зизи. Ma tante!...

Кроликовъ. Княгиня!...

Зизи.

Хочу въ деревню я у васъ проситься:
Мнѣ скученъ свѣтъ, — я отъ него бѣгу.

Кроликовъ.

А я пришелъ предъ вами извиниться,
Что я у васъ обѣдать не могу.

Зизи.

Позвольте мнѣ, не будьте такъ жестоки:
Я съ просьбой къ вамъ, ma tante, въ послѣдній разъ!

Кроликовъ.

Позвольте взять съ собою артишоки,
Которые я выпросилъ у васъ.

Княгиня. Зизи.... баронъ.... право, я не пойму ни слова!... Въ деревню.... артишоки.... Вы, ей ей, меня съ ума сведете!...

—

XX.

ПРЕЖНІЕ и КАТЯ (съ большимъ букетомъ въ рукѣ).

Катя (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Ахъ!...

Княгиня (*обернувшись*). Что тамъ еще?...

Кроликовъ (*всторону*). Мой букетъ!...

Княгиня. Что это тебѣ, Катенька, вздумалось дарить меня цвѣтами? Развѣ я сегодня имянинница? А впрочемъ подай. Благодарю, мой другъ.

Катя. Извините, ваше сіятельство.... этотъ букетъ....

Кроликовъ (*дѣлая Катѣ знаки*). Гмъ! гмъ! гмъ!

Княгиня. Вы простудились, баронъ?...

Кроликовъ. Такъ.... немножко....

Княгиня (*Катѣ*). Ну! этотъ букетъ?...

Катя. Господинъ баронъ поручилъ мнѣ отдать его княжнѣ Зинаидѣ Ивановнѣ.

Зизи. Мнѣ?

Кроликовъ (*всторону*). Я попался.

Княгиня. А!... покажи-ка, покажи!... Записка!...

Зизи. Записка!...

Лидинъ (*всторону*). Мы спасены!... (*Катя переходитъ на лѣвую сторону сцены.*)

Княгиня. Что тутъ написано?... (*Открывъ записку.*) Стихи!...

Всѣ. Стихи!...

Кроликовъ (*всторону*). Провалъ побери Лидина!

Княгиня (*читаетъ*).

«Прелестнѣйшая Зинаида!
Вы лучше, чѣмъ сама Киприда,
И я смертельно въ васъ влюбленъ! —
Вашъ нѣжный Кроликовъ, баронъ.»

Лидинъ. Браво! мастерски!...

Княгиня. Баронъ!

Кроликовъ (*всторону*). Провалъ побери Лидина!

Княгиня. Что это значитъ?...

Кроликовъ (*всторону*). Радъ, не радъ — а дѣлать нечего!... (*Вслухъ.*) Это значитъ, княгиня, что я страстно люблю княжну Зинаиду Ивановну, и честь имѣю просить у васъ ея руки....

Княгиня. Мнѣ очень лестно, баронъ, ваше предложеніе; но рука Зизи уже обѣщана мною графу. Женитесь на Мими, если вамъ угодно — и дѣло кончено.

Кроликовъ. Какъ!...

Мими. На мнѣ!...

Зизи. Мнѣ быть женою графа?...

Лидинъ. Позвольте....

Мими. Баронъ въ меня не влюбленъ?

Кроликовъ. Я не влюбленъ.

Лидинъ, Кроликовъ, Зизи и Мими (*вмѣстѣ*). Мы не влюблены.

Княгиня. Послушайте, друзья мои: женитесь себѣ на комъ хотите.... я отступаюсь!

Катя (*всторону*). Вавилонское смѣшеніе!

(*Мими переходитъ къ Лидину, а Лидинъ заставляетъ Кроликова перейти къ Зизи.*)

Лидинъ. Мы сейчасъ-же все уладимъ, какъ нельзя лучше, княгиня: баронъ женится на княжнѣ Зинаидѣ Ивановнѣ, а я на княжнѣ Marie.

Княгиня. Ну! всѣ-ли довольны?

Лидинъ. Нужно-ли спрашивать! (*Указывая на Кроликова и на княжну Зизи.*) Посмотрите: они обожаютъ другъ-друга!

Зизи. Вы, графъ, не ошиблись.... (*Тихо Кроликову.*) Да что-жъ вы, сударь, молчите!...

Кроликовъ (*цѣлуя у ней руку*). О! конечно! мы обожаемъ другъ-друга.... (*Всторону.*) Ахъ, проклятый Лидинъ!...

Княгиня. Ну! пошли вамъ Богъ любовь и согласіе!... Пойдемте-жъ обѣдать!

Кроликовъ. Обѣдать?

Катя. Столъ накрытъ.

Кроликовъ. Мнѣ ѣсть совсѣмъ не хочется.

Лидинъ. Влюбленнымъ до-того-ли!...

Княгиня. Все-равно: одной любовью сытъ не будешь.

Катя. Что правда, то правда, ваше сіятельство! Любовь любовью, а покушать не мѣшаетъ!

Княгиня. Allons donc, mes enfants!...

(*Идутъ: княгиня впереди; Лидинъ и Мими, Кроликовъ и Зизи за нею, попарно.*)

Кроликовъ (*уходя, всторону*). Провалъ побери этого Лидина!

Катя (*вслѣдъ ему, улыбаясь*). Радъ не радъ, а дѣлать нечего!...

(*Занавѣсъ опускается.*)

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуарѣ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получитъ въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 27 Іюля, 1850 года. Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

въ типографіи К. Крайя.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*